ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук., проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции, издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2020

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. Июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Антонова Е. В. НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ М. ГОРЬКОГО И А. ПЛАТОНОВА 5

Баранов С. Ю. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОТДЕЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ВИД ИЗДАНИЯ 9

Буйич М. В. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ) 13

Долженков П. Н ОБЛОМОВ И ШТОЛЬЦ: РОССИЯ И ЗАПАД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» 16

Дьяконова Е. А. СЛОВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И «ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ» 21

Житенев А. А. ПОЭТОЛОГИЯ ЕВГЕНИИ СУСЛОВОЙ 25

Казеева Е. А. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА В. Т. ЩУКИНА «КРАСНЫЕ ПЛАЩИ»: «ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ» КСЕНОФОНТА АФИНСКОГО 30

Кислова Д. М., Чарыкова О. Н. ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ СРАВНЕНИЙ В ИДИОСТИЛЕ РОК-БАРДА А. ЛИТВИНОВА 35

Кукатова О. А. АКТАНТЫ РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В КОНСТРУКЦИИ С ИНФИНИТИВОМ 38

Марков А. В. ЭРМИТАЖНЫЙ СЛОЖНЫЙ ЭКФРАСИС РОАЛЬДА МАНДЕЛЬШТАМА: ТЕНЬ «КАТИЛИНЫ» БЛОКА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ СТИХОТВОРЕНИЙ 40

Никонова Т. А. «ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ» РОМАН 1930-Х ГОДОВ В ПОИСКАХ «НОВОЙ» ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ 44

Попова Е. А., Знаменщиков А. М. ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ А. П. ЧЕХОВА-ПУБЛИЦИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ОСТРОВ САХАЛИН» И «ИЗ СИБИРИ») 49

Пузикова М. С. АРХЕТИП АНГЛИЙСКОГО РЕНЕССАНСА: УОЛТЕР РЭЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЯХ КОНЦА 1830-Х ГГ. 52

Радь Э. А. Н. ГОГОЛЬ И М. ЦВЕТАЕВА: СТРАТЕГИЯ ДИАЛОГА В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ» 55

Розенфельд М. Я., Свиридова Н. Ю. МАРКЕМЫ VS ЧАСТОТНЫЕ СЛОВА: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В АВТОРСКОМ ЛЕКСИКОНЕ 60

Саломатина М. С. ТЕРМИН «НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ КАЧЕСТВО ТОВАРА» В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 65

Стернина М. А. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА 67

Сюе Чэнь «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И. С. ШМЕЛЕВА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАРТИНЫ БЫТИЯ 70

Хосровян К. С. СЕМАНТИКА СЛОВА ХРАМ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ) 74

Чуриков С. А. ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ А. В. КОЛЬЦОВА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА ... 78

ЖУРНАЛИСТИКА

Быков Д. В. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ АМЕРИКАНСКИХ НОВОСТНЫХ СЛУЖБ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ 82

Калашников С. С. ПРОБЛЕМА ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ 87

Качанов Д. Г. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ 89

Коноплев Д. Э. МЕДИАЭФФЕКТ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ В СМИ: ОПЫТ ПУБЛИКАЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ 93

Кузнецова Н. Е. ПРОБЛЕМА ПОСТАНОВОЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ «ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ» НА ПЕРВОМ КАНАЛЕ) 98

Ляпина А. В. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ПРЕССА ПРИРОДЫ И ОХОТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ 101

Маслов А. С. К ВОПРОСУ О РОЛИ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ЖУРНАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СМИ 107

Мельник Г. С., Барлыбаева С. Х., Альжанова А. Б. МЕДИАОБРАЗ РОССИИ В КАЗАХСТАНСКИХ СМИ 110

Познин В. Ф. ЭКРАННАЯ ДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ЭСТЕТИКА И ЭТИКА 117

Тарханова Е. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОРТРЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ 126

Тулупов В. В., Тюрина Е. В. МЕТОД, СТИЛЬ, ЖАНР И НАДЖАНРОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ 130

Турпалов Л. А. КОНТРОЛЬ НАД МЕСТНОЙ ПРЕССОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1917–1938 ГГ.) 135

Хорольский В. В. К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ НАУЧНО-ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА 140

Хунбо Юй. РЕКЛАМНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 144

Цуканов Е. А. ПУБЛИЧНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК АКТОРНО-СЕТЕВАЯ СБОРКА И МЕДИАЦИЯ 149

Чан Тхи Тху Хыонг. «ФЕЙКОВАЯ ЖИЗНЬ» И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА 154

Шум О. Ю., Бойко В. В. ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КНИГОИЗДАНИЯ 156

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 160

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2020. № 3. July – September

CONTENTS

PHILOLOGY

Antonova E. V. UNKNOWN ESSAY BY ANDREY PLATONOV: ON THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN M. GORKY AND A. PLATONOV 5

Baranov S. Y. THE ENCYCLOPEDIA OF A PARTICULAR WORK AS A TYPE OF PUBLICATION 9

Buyich M. V. THEMATIC GROUPS OF LEXIC UNITS USED TO CREATE A NEGATIVE IMAGE OF A POLITICIAN (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND AMERICAN PRINT MEDIA) 13

Dolzhenkov P. N. OBLOMOV AND STOLZ: RUSSIA AND THE WEST IN I. A. GONCHAROV'S NOVEL "OBLOMOV" 16

Dyakonova E. A. WORD IN NATIVE SPEAKER'S LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND "PSYCHOLINGUISTIC COUNTRY STUDIES" 21

Zhitenev A. A. THE POETOLOGY OF EEVGENIA SUSLOVA 25

Kazeeva E. A. ANCIENT SOURCES OF V. T. SHCHUKIN'S NOVEL "RED CLOAKS": "LACEDAEMONIAN POLITIA" BY XENOPHON OF ATHENS 30

Kislova D. M. , Charykova O. N. IMAGINARY PARADIGMS OF COMPARISONS IN THE IDIOSTYLE OF ROCK-BARD A. LITVINOV 35

Kukatova O. A. ACTORS OF RUSSIAN EMOTIVE VERBS IN CONSTRUCTIONЯS WITH INFINITIVE 38

Markov A. V. THE HERMITAGE COMPLEX EKPHRASIS OF ROALD MANDELSTAM: SHADOW OF BLOK'S CATILINA AND ISSUES OF DATING 40

Nikonova T. A. "PRODUCTION" NOVEL OF THE 1930S IN SEARCH OF "NEW" ARTISTRY 44

Popova E. A., Znamentshikov A. M. THE LANGUAGE PORTRAIT OF A.P. CHEKHOV-PUBLISIST (ON THE MATERIAL OF HIS WORKS «SAKHALIN ISLAND» AND «FROM SIBERIA») 49

Puzikova M. S. ARCHETYPE OF THE ENGLISH RENAISSANCE: WALTER RALEIGH IN DOMESTIC PUBLICATIONS OF THE LATE 1830S. 52

Rad E. A. N. GOGOL AND M. TSVETAEVA: DIALOGUE STRATEGY IN THE "BIG TIME" 55

Rosenfeld M. Ya., Sviridova N. Yu. MARKEMS VS FREQUENCY WORDS : TO THE PROBLEM OF SEARCHING KEYWORDS IN THE AUTHOR'S LEXICON 60

Salomatina M. S. THE TERM "IMPROPER QUALITY OF GOODS" IN THE TEXTS OF MODERN RUSSIAN LEGISLATION 65

Sternina M. A. QUANTITATIVE METHODS IN THE DESCRIPTION OF THE WORD SEMANTICS 67

Xue Chen. "THE SUN OF THE DEAD" BY I. S. SHMELEV: SPATIAL SYMBOLS OF THE PICTURE 70

Khosrovyan K. S. SEMANTICS OF THE WORD TEMPLE IN THE LANGUAGE AND TEXT (BASED ON RUSSIAN ORTHODOX SERMONS) 74

Churikov S. A. QUOTES FROM POEMS BY A. V. KOLTSOV IN RUSSIAN PROSE OF THE XIX CENTURY 78

JOURNALISM

Bykov D. V. FEATURES OF THE WORK OF AMERICAN NEWS SERVICES IN EMERGENCY SITUATIONS 82

Kalashnikov S. S. THE PROBLEM OF STATE FUNDING PRIVATE REGIONAL MEDIA 87

Kachanov D. G. NARRATIVE FUNCTIONS OF DIFFERENT ELEMENTS IN MULTIMEDIA JOURNALISTIC PROJECT 85

Konoplev D. E. FAKE NEWS EFFECT IN THE MEDIA: ECONOMIC PUBLICATIONS' EXPERIENCE 93

Kuznetsova N. E. THE PROBLEM OF STAGING IN RUSSIAN POLITICAL TALK SHOWS (ON THE EXAMPLE OF THE TV PROGRAM «TIME WILL TELL» ON FIRST CHANNEL) 98

Lyapina A. V. SPECIALIZED PRESS OF NATURE AND HUNTING OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.: PREREQUISITES AND CONDITIONS OF OCCURRENCE 101

Maslov A. S. ON THE ROLE OF SELF-REGULATING JOURNALISTIC ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL MEDIA POLICY 107

Melnik G. S., Barlybayeva S. K., Alzhanova A. B. MEDIA-IMAGE OF RUSSIA IN KAZAKHSTAN MEDIA 110

Poznin V. F. SCREEN DOCUMENTARIES: AESTHETICS AND ETHICS 117

Tarkhanova E. V. TRANSFORMATION OF THE ENTREPRENEUR'S PORTRAIT IN BUSINESS PUBLICATIONS 126

Tulupov V. V., Tyurina E. V. METHOD, STYLE, GENRE AND SUPRA- GENRE FORMATIONS IN JOURNALISM 130

Turpalov L. A. CONTROL OVER THE LOCAL PRESS AS A TOOL FOR STRENGTHENING POWER IN THE NORTH CAUCASUS (1917–1938) 135

Khorolsky V. V. ON THE QUESTION OF THE POETICS OF A SCIENCE JOURNALISTIC TEXT 140

Hongbo Yu Hongbo Yu. ADVERTISING TECHNICAL DISCOURSE IN SYMBOLIC ASPECT 144

Tsukanov E. A. PUBLIC POLITICAL SPEECH AS AN ACTOR-NETWORK ASSEMBLY AND MEDIATION 149

Shum O. Y., Boyko V. V. FROM THE HISTORY OF CRIMEAN REGIONAL BOOK PUBLISHING 154

Hongbo Yu. ADVERTISING TECHNICAL DISCOURSE IN SEMIOTIC ASPECT 156

SUBMISSION GUIDELINES 160

УДК 821.161.1

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ М. ГОРЬКОГО И А. ПЛАТОНОВА

Е. В. Антонова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 12 августа 2020 г.

Аннотация*: статья посвящена малоизвестному очерку А. П. Платонова «Советская Маруся», машинопись которого сохранилась в личном архиве А. М. Горького. Впервые публикуется полный текст очерка с передачей, методом динамической транскрипции, сторонней правки (главным образом, А. М. Горького), внесенной в авторский текст.*
Ключевые слова*: А. П. Платонов, А. М. Горький, динамическая транскрипция, экскаватор «Марион».*

Abstract*: the article is devoted to a little-known essay by A. P. Platonov «Soviet Marusya», the typescript of which has been preserved in the personal archive of A. M. Gorky. The full text of the essay is published for the first time, with the reproduction, using the method of dynamic transcription, of third-party edits (mainly by A. M. Gorky).*
Keywords: *A. P. Platonov, A. M. Gorky, dynamic transcription, the shovel «Marion».*

После того как летом 1926 г. Андрей Платонов вместе с семьей переехал из Воронежа в Москву, он, конечно же, впоследствии неоднократно приезжал в Воронеж, однако точных документальных свидетельств об этих его визитах не имеется. В Воронеже у Платонова оставались мать (скончалась в 1928 или 1929 г.), отец, младшие братья и сестра, некоторые бывшие сослуживцы… Кроме того, на Тихой Сосне продолжал свою работу по очистке реки и осушению болота экскаватор «Марион», в приобретение и переоборудование которого Платонов вложил так много сил в 1925–1926 гг. Не будет ошибкой сказать, что «воскрешение» этой машины для многолетней работы на Воронежской земле (в 1927–1930 гг.) было в глазах Платонова одним из важнейших достижений его мелиоративной работы.

Еще во второй половине 1926 г., сразу после транспортировки отремонтированного и переконструированного экскаватора к месту назначения, Платонов опубликовал заметку о нем на страницах журнала «Землеустроитель», а в 1930 г. сюжет с экскаватором, осушающим болото, был положен писателем в основу сценария «Машинист». Косвенно связан с работами на Тихой Сосне и рассказ Платонова «Луговые мастера» (1927), вошедший сначала в книгу «Епифанские шлюзы», а затем, в мае 1928 г., выпущенный издательством «Молодая гвардия» отдельной книжечкой в массовой серии «Молодой деревне» (тираж 35 000)[1][1].

Оказывается, однако, что до сих пор от внимания исследователей ускользал еще один платоновский текст на ту же тему — очерк, публикуемый ниже. Машинопись очерка сохранилась в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН (шифр: Рав-ПГ. 35–11–1), подписана она не полным именем, а инициалами: *А. Пл*., внизу текста фиолетовыми чернилами вписано: *Воронеж*. Следы копирки на листах свидетельствуют, что экземпляр был в закладке не первым. В верхнем левом углу листа карандашная запись, предположительно, кого-то из горьковских секретарей: «Сократить начало — упростить <*нрзб*>».

Литературовед Л. Аннинский, ознакомившись с этим очерком в конце 1980-х гг. XX в., установил авторство Платонова по особенностям стиля [2. 17]. Роль экскаватора «Марион» № 3608 в биографии писателя на тот момент была еще неизвестна[3][2].

Очерк слегка правился кем-то еще до Горького. Неустановленным лицом (не самим Платоновым) были исправлены отдельные опечатки, добавлено несколько знаков пунктуации, отдельные слова взяты в кавычки. Эти мелочи не сопоставимы с глобальным вмешательством Горького. Публикуя очерк ниже, мы воспроизводим исправления Горького способом динамической транскрипции: вычеркнутые слова воспроизводятся курсивом в квадратных скобках, добавленные — полужирным шрифтом. Отмененное

[1] В апреле 1931 г. нераспроданный тираж «Луговых мастеров» был списан в макулатуру (ГАРФ. — Ф. Р-4851. — Оп. 4. — Ед. хр. 6. — Л. 129–144).

[2] К настоящему времени имеется подробный обзор публикаций и архивных материалов по этой теме см.: Антонова Е. В. Окружение Платонова: мелиораторы братья Зенкевичи / Е. В. Антонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 8.—М.: ИМЛИ РАН, 2017.— С. 378–389.

© Антонова Е. В., 2020

или введенное деление на абзацы отмечается соответственно как [*Z*] или **Z**. Исправления, внесенные в текст до Горького, фиксируются в комментариях как «правка первого редактора».

Несмотря на осуществленное Горьким редактирование, публикация не состоялась. До сих пор, как и тридцать лет назад, неизвестно, когда точно и при каких обстоятельствах текст оказался у Горького и какому из курируемых изданий предназначался. Знал ли вообще Горький, что имеет дело с текстом небезызвестного ему писателя Андрея Платонова, а не какого-то рядового воронежского корреспондента?

Датировка очерка также оказывается не самой легкой задачей. Как уже отмечал Аннинский, текст не мог быть написан ранее 1928 г., поскольку в нем упоминается новообразованная Черноземная область (ЦЧО). Можно сказать и точнее: очерк написан не ранее 2-й половины 1928 г., после проработки состава округов ЦЧО.

Другую датирующую подсказку Платонов дает, упоминая о двух годах работы экскаватора. Формально первым годом работы экскаватора был 1927 г., хотя открытие работ состоялось довольно поздно — 22 августа. Вопрос лишь в том, засчитывает ли писатель этот год? В тексте указано, что за первый год машиной было вынуто 33 000 кубометра грунта. Кажется, указанный объем слишком велик для укороченного рабочего сезона 1927 г. Более того, если верить газетной публикации «Экскаватор в пойме Тихой Сосны», машина в 1929 г. выбрала, по приблизительным подсчетам, 5 078 кубометров земли, причем производительность труда в 1929 г. превысила производительность 1928 г. на 43,7% [3,389]. Получается, что выемка грунта даже за 1927–1929 гг., не могла бы составить 33 000 кубометров, ведь в 1928 г. она была меньше, чем в 1929 г., из-за более низкой производительности, а в 1927 г., вероятно, и того ниже. Отметим, что у Платонова речь идет именно о выработке экскаватора, а не о суммарной выработке машины и рабочих, которые также были задействованы в работах.

К сожалению, ситуация с цифровыми данными по работам на Тихой Сосне как в известных газетных статьях, так и в очерке Платонова оставляет желать лучшего. Газетные сведения разных лет не всегда хорошо согласуются между собой, к тому же исчисления проводятся в разных метрических системах: речь идет то о верстах и саженях, то — о километрах и гектарах. В свою очередь, в машинописи очерка ошибки, связанные с цифрами, были допущены, как минимум, дважды. Первый раз это произошло при оценке стоимости подводной выемки,— неправильную цифру 20 пришлось затем исправить на 4. В этом случае дело было в ошибочном подсчете. Второй промах другого рода и связан с указанием длины прочищенного и заново прорытого русла: 20 км исправляется позже чернилами на 10 км. К сожалению, автограф очерка утрачен, и невозможно удостовериться хотя бы в том, не ошибка ли это машинистки (ошибку машинистки, кстати, можно заподозрить и в отношении 33 000 кубометров вынутого грунта).

Между тем цифра 10 км почти совпадет с данными из статьи «Очистка Тихой Сосны», сообщавшей, что на начало 1929 г. река была расчищена и углублена «от впадения в Дон на 9 километров вверх по течению» [3. 388]. В таком случае очерк можно было бы все-таки отнести к рубежу 1928–1929 гг., но мы пока воздержимся от окончательного вывода.

Остается надеяться, что дальнейшие разыскания помогут когда-нибудь разрешить все вопросы, связанные с этим небольшим текстом.

СОВЕТСКАЯ МАРУСЯ[3]

[Мы живем во времена старости рек] **Реки тоже стареют**, многие из них умирают на глазах одного поколения. [*Случилось так]* **Это происходит** *потому*, что мы слишком [*хищно*][4] **торопливо, неумело** и невыгодно для самих себя пользуемся **силами и дарами** природ[*ой*]**ы**. Совершенно очевидно, что [*изменение]* **пользование дарами** *природы [хозяйственной деятельностью человека*] не должно быть [*предпринимательским и*] безрасчетным **и хищническим**, **как это было у нас до Октябрьской революции, и** как это мы наблюдаем в капиталистических странах**, где буржуазия заботится лишь о том, чтобы извлечь из сил природы и человека как можно больше денег, и где не думают о том, что великая сила — истощается**. **Природа от хищнического пользования ею — беднеет, люди в тяжких условиях труда — болеют и вымирают.** [*В советской стране наша задача состоит в поддержании полезных стихий и в подавлении вредных.]* **З** *Река, [если]* **когда** *она здорова, [есть]* **—** *полезна[я стихия]*. [*Больная же р*]**Р**ека, [*которая*] засорен[*а*]**ная** выносами с полей неправильно ведущегося сельского хозяйства, [*которая уже*] **если она** вышла из своего коренного русла и разлилась по [*всей*] долине гноем болот,— такая река вредна и убийственна. [*Умирая, река*] **Она** заражает всю округу гнилой стоячей водой, где растут дикие растения [*и*]**,** живут микробы различных болезней и комары смертоносной лихорадки. Поврежденная *природа [дает как бы обратный ход и*] **как бы мстит человеку за вред, понесенный ей,** бьет [*человека*] **нас** болезн[*ью*]**ями** и смертью.

Именно так обстояло дело в Острогожском округе Черноземной области. **Река Тихая Сосна,**[5] Некогда <*sic!*> мощный приток Дона, орошавший сладкотравные луговые угодья, превратился в сплошные

[3] © Мартыненко А. М., наследник.

[4] Первым редактором слово предложено заключить в кавычки.

[5] Вставка вписана карандашом, позднее обведена Горьким чернилами.

болота, занявшие всю пойму бывшей реки. Болота непроходимы и непроезжи даже на лодке. Там ничего нет кроме кислых несъедобных трав, кочек [*и испуганных водяных птиц*]**, комаров и мошки**. Около ста лет среди густо населенного края [*находилась*] **существовала** эта недоступная болотная страна. [*Однако эта страна была населена воинственными существами: не один*] **Тысячи** крестьян[*ин, проживающий*] **в** близ**и** [*долины*] реки Тихой Сосны, [*рано*] **преждевременно** обрел**и** себе вечный покой от малярии. Благодаря порче лугов и росту болот падало животноводство, крестьянское хозяйство разорялось.

Осенью 1924 года на Тихую Сосну явилось несколько молодых советских инженеров-гидротехников для изучения болезни реки. К тому времени река уже стала такой заразой, что от лихорадки болело 50–70% всех близко живущих людей. Несколько тысяч гектаров луговой поемной площади лежало втуне, [*в зеленой смерти*] **отравлены ядовитым дыханием** болот.

[*После составления проекта и плана работ, в*] **В** 1925 году начались самые работы [*с целью*] **по** расчист[*ить*]**ке** старо[*е*]**го** русл[*о*]**а** реки, местами выры[*ть*]**ли** новое и боковыми канавами уве[ст] **л**и всю болотную воду в единое коренное русло [*новой*] реки. [*Z*] *[Ветхое]* **Гнилое** царство болот, отнимающее жизнь и здоровье у крестьянина и сытную траву у его животных, [*должно было*] **постепенно** превра[*тить*]**щает**ся в луговую долину; [*новая искусственная река должна будет течь и освежать свою воду сквозь встречный воздух, чтобы в воде не отлагались залежи немощи и смерти].*

Крестьяне объединились для работы **по осушке болот**[6] *в мелиоративные товарищества [и труд на болотах тронулся. Пока работали по колено в воде, еще можно было терпеть, а глубже — невозможно. А глубже-то, под наносами, и лежал главный противник живой реки — карча, глина и камень.]* **Вскоре** *Стало <sic!> ясно [:]***, что** *вручную*[7] *даже многотысячным коллективом, копать нов[ы]***о***е* **русло для** *реки и прочищать старые русла — нельзя. Тогда на помощь крестьянскому труду [была сделана особая]* **пришла** *машина, которая может черпать из-под воды самые тяжелые грунты, камни и [завязшие древние деревья]* **карчи**. *[Но т]***Т***аких машин никогда не делали заводы ни в старой, ни в Советской России [.]***, но** [*Z*] *Где-то <sic!> на севере, за Ленинградом, [валялась засыпанная глиной]* **стояла, бездействуя,** *так называемая «паровая лопата», американской системы «Марион» [на рельсовом ходу], совершенно не приспособленная для рытья новых рек. [С этой покинутой машины взяли котел и паровые машины, а чего не доставало —*[8] *изобрели инженеры и сделали ленинградские заводы []* **Инженеры** *Северн[ая]***ой** *судостроительн[ая]***ой** *верф[ь]***и** *и бывш[.]***его** *Экскаваторн[ый]***ого** *завод***а** *[]. После многих трудов и неполадок]* **приспособили** *американской [паровой] лопате [дали длинную ручку с] зубчаты[м]***й** *ковш[ом] для черпанья земли, обули ее в металлический плот —*[9] *понтон и пустили в глубину страны [делать]* **чистить** *рек[у]***и**. *[Z] Так был устроен советскими инженерами и ленинградскими рабочими первый советский плавучий экскаватор*[10]*.*

[Крестьянин Тихой Сосны стал лишь помощником этого великого подводного землекопа.] **Теперь** *Крестьянин-мелиоратор <sic!> уже мог вылезти из воды и обсохнуть на берегу, а в зимнее время совсем уйти в хату, потому что машина работала и зимой [, пробивая лед своим ковшом]. Тихососенские инженеры мелиораторы добились того, что советская паровая лопата стала работать производительней, чем было предположено ее строителями-ленинградцами; а именно, машина должна вырабатывать в час 30–40 кубометров грунта, а она вырабатывает 50–60 куб. метров.*

*За первый же год «Советская Маруся» (от первоначального имени машины «Марион» [— по-русски Маша, Маруся]) выработала 33 000 куб[.]***о***метров тяжелого подводного грунта. За второй год еще нет подсчета,* **но**[11] *машина лучше налажена и даст больше земли наверх. Стоимость выработки одного кубического метра грунта равна 49 коп.; иначе говоря, кубическая сажень стоит около 5 рублей, тогда как по совершенно сухому месту кубическая сажень земляных работ у нас зачастую стоит около этого, а подводная выемка обходится в 10, 15 и даже 20 рублей за 1 кубическую сажень (1 куб. сажень равна приблизительно 10 куб. метрам). Советский экскаватор удешевил, следовательно, работы самое меньшее в [20]* **4**[12] *раз.*

Уже сейчас «Советской Марусей», [при] **с** *помощ[и]***ью**[13] *ручного труда, прочищено старого русла и прорыто нового около [20]* **10**[14] *километров. Это дало первую осушку площади в 2 500 гектаров и заметное уменьшение заболевани[я]***й** *[крестьян] лихорадкой.*

Но «Советская Маруся» не только паровой землекоп,— она также организатор прочного союза мелиоративных товариществ на Тихой Сосне. Эта машина делает обязательным коллективный труд. Осушаемая площадь предполагает только коллективное пользование, так как осушительная система [еди-

---

6 *Вставка вписана первым редактором.*

7 *Первым редактором слово предложено заключить в кавычки.*

8 Тире вписано первым редактором.

9 Тире вписано первым редактором.

10 Первым редактором предложено заключить в кавычки: «Советский плавучий экскаватор».

11 Союз вписан первым редактором.

12 Исправлено простым, затем обведено красным карандашом.

13 Исправлено первым редактором.

14 Исправлено на раннем этапе.

на — она] приспособлена к [природе] **коллективу**[15]*, а не к единоличнику.*

В недалеком будущем, когда болота Тихой Сосны окончательно обратятся в луга, Союз Мелиоративных Товариществ перерастет в Союз Молочных Товариществ[16] *и жизнь вокруг бывших болот поднимется на высшую ступень [хозяйствования]* **коллективизма**[17] *и благосостояния.*

Уже сейчас по селам Тихой Сосны растет число коров и не прерывается [взаимная трудовая дружба] **дружная работа** *крестьян [, начатая общей работой по уничтожению болот и закрепленная общей механической труженицей]* **при помощи** *«Советской Марус[ей]***и***» [.]*

*[Z] [Оказывается]***,** *и на месте гнойных болот [можно устроить]* **скоро образуется** *доходное хозяйство [, вплотную приблизиться к коллективу на земле, основой которого является машина].*

[15] Исправлено первым редактором.

[16] Первым редактором предложено понижение заглавных букв в названии товариществ.

[17] Исправлено первым редактором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А. Луговые мастера / А. Платонов.— М.: Молодая гвардия, 1928.— 16 с.

2. Аннинский Л. А. Откровение и сокровение: Горький и Платонов / Л. А. Аннинский // Литературное обозрение.— 1989.— № 9.— С. 3–21.

3. Антонова Е. В. Окружение Платонова: мелиораторы братья Зенкевичи / Е. В. Антонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 8.— М.: ИМЛИ РАН, 2017.— С. 378–389.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Антонова Е. В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: antonova.imli@gmail.com

M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences

Antonova E. V., PhD of Philology, Associate Professor

E-mail: antonova.imli@gmail.com

УДК 82.01/.09

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОТДЕЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ВИД ИЗДАНИЯ[1]

С. Ю. Баранов

Вологодский государственный университет

Поступила в редакцию 21 апреля 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена характеристике энциклопедии отдельного произведения как вида издания. В ней определяются историко-культурные предпосылки и базовые теоретические установки подобных изданий, обозначаются возможные подходы к их дифференциации на материале существующих энциклопедий отдельного произведения.*
Ключевые слова: *актуализация, вид издания, комментарий, классическая литература, концепт, контекст, произведение, энциклопедия.*

Abstract: *the article is devoted to the characteristics of the encyclopedia of a particular work as a type of publication. It defines the historical and cultural background and basic theoretical settings of such publications, identifies possible approaches to their differentiation based on the material of existing encyclopedias of a particular work.*
Keywords: *actualization, type of publication, comment, classical literature, concept, context, work, encyclopedia.*

Энциклопедия отдельного произведения — вид издания, появившийся сравнительно недавно. Он не получил пока обстоятельного типологического обоснования и представлен немногочисленными образцами. К их числу относятся: 1) «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”»[2] [1], 2) «Онегинская энциклопедия» [2], 3) «Обломовская энциклопедия», работа над которой в настоящее время ведется в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме) [3], 4) «Энциклопедия романа “Два капитана”» [4]. Все четыре издания квалифицированы как энциклопедии, но они заметно отличаются одно от другого, и очевидно, что их составители трактовали суть предпринятого филологического труда неоднозначно. Расхождения между ними дают повод для постановки вопроса о смысловом наполнении и границах понятия «энциклопедия отдельного произведения».

Мысль об энциклопедичности выдающихся произведений литературы была в России впервые высказана, по-видимому, В. Г. Белинским, назвавшим роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни» [5, 425] и давшим ему общую характеристику в обозначенном ключе («образец поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова» [5, 372], «поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху» [5, 375] и проч.). Однако само произведение как энциклопедия и энциклопедия как текст об этом произведении — понятия не тождественные, нуждающиеся в разграничении. Произведение как энциклопедия воплощает в себе социокультурный опыт автора, ретроспективно отображенный в этом произведении художественными средствами. Энциклопедия как текст о произведении предполагает обращение к более широкому, не всегда автором осознаваемому и не всегда ему известному социокультурному контексту, поскольку в него входит и судьба данного произведения «в движении эпох», мало зависящая от авторских компетенций и намерений.

Предшественниками энциклопедии одного произведения могут считаться книги-комментарии, ориентированные на школьную программу, выпускавшиеся обычно как пособия для учителей литературы, но на самом деле имевшие более широкую читательскую аудиторию. Всего таких книг в 60-е — 90-е годы XX столетия вышло около десятка, и посвящались они объемным и наиболее значимым произведениям из школьной программы: «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Горю от ума» А. С. Грибоедова, «Евгению Онегину» А. С. Пушкина», «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова», «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «Отцам и детям» И. С. Тургенева, поэме «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Войне и миру» Л. Н. Толстого и другим

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00348.

[2] Как своего рода спутники этого издания, дополняющие и значительно «разгружающие» его, могут рассматриваться: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Ин-т русск. яз.; под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; сост. В. Л. Виноградова.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984. Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь / под ред. Л. А. Дмитриева.— Минск: Университетское [изд-во], 1989).

© Баранов С. Ю., 2020

литературным созданиям, вызывающим трудности при восприятии их читателями другой культурно-исторической эпохи. Выпускались они немалыми тиражами (100, 150 и даже 400 тыс. экземпляров), пользовались спросом, переиздавались. Авторами их, как правило, являлись ученые-литературоведы, и случалось, что появление некоторых из них становилось заметным событием в научной и культурной жизни.

У книг-комментариев также были свои предшественники — комментарии к большим собраниям сочинений классиков, отличающиеся значительным объемом, широким охватом фактов, понятий и явлений, подлежащих толкованию, а также научной основательностью подготовки этих толкований.

Специфику вида издания «энциклопедия одного произведения» в самом общем виде можно определить следующим образом: «Структурированная по словарному принципу совокупность актуальных на данный момент сведений различного характера о произведении, являющемся объектом описания и истолкования».

Установка на ситуативную актуальность материала, представляемого в такой энциклопедии, обусловлена тем, что на разных этапах исторического существования произведения значимыми для реципиентов оказываются разные уровни художественной структуры и разные стороны его содержания, внимание к которым мотивируется особенностями культурной жизни эпохи, духовными потребностями ее представителей. Поэтому варианты энциклопедии какого-то произведения, отделенные один от другого большими временными интервалами, относящимися к разным культурно-историческим периодам, будут заметно отличаться как по составу, так и по информации, в них содержащейся.

Непременным атрибутом изданий энциклопедического типа является разнообразие содержащихся в нем сведений. Характер и границы этого разнообразия определяются кругом явлений, охватываемых тем или иным видом энциклопедического издания. В данном случае это разновидность отраслевых, литературных энциклопедий, объект описания которой — отдельное произведение, его внутренняя структура и связи с различными контекстами, в которые оно само и явления, в нем отображенные, входят.

Идея создания энциклопедии отдельного произведения базируется на теоретических воззрениях, выработанных литературоведческой наукой и культурологией.

Согласно этим воззрениям, содержание литературного произведения многообразно и потенциально неисчерпаемо. Это его свойство обусловлено:

1) сложностью внутренней структуры, каждый элемент которой парадигматически и синтагматически связан с другими ее элементами, благодаря чему сама структура обретает сильно разветвленный характер и трудно поддается (если вообще поддается) исчерпывающему обозрению, учету и описанию;

2) многоуровневостью «кодировки» содержания литературного текста, что обусловливает множественность его прочтений, в зависимости от того, какой «код» применяется реципиентом;

3) использованием естественного языка, который сам по себе является сложно организованной системой, моделирующей национальную картину мира, а также трансформируемой писателем в ходе создания произведения в идиолект;

4) включением произведения в сеть интертекстуальных связей, в контекст творчества писателя, учет которого корректирует, дополняет, осложняет и обогащает содержание произведения;

5) наличием интертекстуальных связей с созданиями других авторов — связей, которые выводят данное произведение в большой мир национальной и мировой литературы, размыкают историко-культурные границы, обозначенные непосредственным контекстом его создания;

6) вхождением произведения в историко-литературные, историко-культурные и социально-исторические контексты, расширяющие его смысл, но и детерминирующие его содержание, ограничивающие свободу интерпретации;

7) вхождением в контекст биографии автора, внимание к которому дает возможность выявить реальные источники замысла и образного состава произведения, соотнести их с социально-бытовым, культурным, мировоззренческим, духовным опытом писателя;

8) обогащением, развитием, изменением содержательного наполнения произведения вследствие его вовлеченности в движение эпох, в процесс непрерывного обновления историко-культурного контекста, в котором произведение эстетически функционирует;

9) переводом произведения на другие национальные языки и на языки других видов искусства, что способствует выявлению и порождению в нем новых смыслов;

10) спецификой восприятия литературы читателями, наделяющими «авторский» текст эмоционально-личностными смыслами, обусловленными их индивидуальным житейским и культурным опытом.

Перечисленные факторы дают основание для того, чтобы рассматривать произведение как «сгусток культуры», как «то, посредством чего человек <…> входит в культуру», как «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний», сопровождающих произведение в ходе его культурно-исторического существования, как «ячейку культуры в ментальном мире человека» [6, 43]. Говоря иначе, литературное произведение может быть интерпретировано как концепт — сложный, насыщенный культурными смыслами, активно участвующий

в создании национально (а иногда и общечеловечески) значимого мирообраза. Разумеется, свойства концепта отчетливее всего проявляются в произведениях, относящихся к разряду классических, ментальная значимость и культурная авторитетность которых была апробирована на протяжении длительного времени, санкционирована общественным мнением и в общественном мнении укоренена. Что касается русской литературы, то она на протяжении XIX и XX веков была основным звеном литературоцентричной отечественной культуры. Более того, она являлась мощным генератором и «накопителем» национальных мировоззренческих констант. Так возник повод утверждать, что «Пушкин, Гоголь, Чехов, Островский, Тургенев — для отечественной культуры это не просто авторы, это наша национальная мифология, это как греческие мифы для европейцев»[7]. Признать данное утверждение имеющим право на существование позволяет то обстоятельство, что в трудах таких русских мыслителей, как Н. А. Бердяев, А. Ф. Лосев, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Л. И. Шестов, образы русской литературы использовались как мировоззренческие категории, как воплощение глубинных смыслов национального бытия — т.е. наделялись функцией культурных концептов, если пользоваться современной терминологией. А расширенное толкование мифа в современной культуре как целостного переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов [8, 430] способствует мотивации к рассмотрению национальной картины мира, воплощенной в литературных образах, как мифологии. Концептами-мифологемами в русской культуре могут считаться и отдельные литературные образы, и, на более высоком уровне сложности, целые произведения — «Евгений Онегин», «Обломов», «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Вишневый сад», «Котлован», «Тихий Дон», «Привычное дело», «Прощание с Матерой».

Истолкование отдельного произведения как «концепта-мифологемы», как «сгустка культуры», как «магического кристалла», в котором фокусируются мировоззренчески значимые представления о национальной картине мира, о смыслах человеческого существования в этом мире, является дополнительным аргументом в пользу проектов, направленных на создание энциклопедий одного произведения.

Энциклопедия одного произведения — издание справочное, призванное удовлетворить запросы потенциальных читателей, субъектов культуры определенного времени, на информацию, обеспечивающую понимание текста произведения. Ее основное предназначение — расширить, углубить, обогатить культурно-историческими представлениями и ассоциациями текст произведения, обеспечить его полноценное функционирование и восприятие в современном культурно-эстетическом пространстве. Она относится к разряду научно-популярных изданий, поскольку призвана распространять в читательском сообществе сведения, полученные в результате научных изысканий. Однако соотношение «научности» и «популярности» в ней может быть разным, в зависимости от особенностей самого произведения, от степени востребованности его читателями, от установки составителей на те или иные категории читателей. Так, в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» превалирует установка на «научность», и адресована она прежде всего специалистам. Поэтому в предисловии к изданию заявлено о том, что составители первостепенную важность придают задаче подведения итогов двухвековых исследований «Слова» и значительную часть словника отводят статьям-персоналиям, освещающим вклад отечественных и зарубежных ученых в изучение произведения [1:1 4–5]. Это, конечно, не исключает обращения к ней неспециалистов (всех тех, кто интересуется данным шедевром древнерусской словесности), но удовлетворение их культурно-познавательных потребностей является для составителей функций сопутствующей, не основной.

Авторы «Онегинской энциклопедии» манифестировали иную установку. Отмечая, что энциклопедия, по сути, это «жанр научного исследования, адресованный и специалистам, и широкому кругу читателей», они в то же время характеризовали свой замысел как «собранье пестрых глав», включающее материалы разного характера: «и небольшие исследования, и комментаторские статьи, и литературные эссе, и — в некоторых случаях — краткие пояснения к пушкинскому тексту» [2: 1, 5]. Это дало повод составителям «Обломовской энциклопедии» отмежеваться от подобного ей издания по пушкинскому роману, квалифицировать свой труд как «универсальный справочник, к которому могли бы обратиться и ученый-филолог, и студент», но который ориентирован на продолжение и развитие академической традиции, заданной комментариями к собраниям сочинений классиков. Заявленное ими издание мыслится не как «собранье пестрых глав», а как свод структурированных по одному типу статей, имеющих строгую научную основу, и в то же время доступных по содержанию и изложению читателям-неспециалистам, имеющим достаточный для восприятия излагаемого материала уровень общекультурной подготовки.

«Энциклопедия романа “Два капитана”» заметно отличается от всех предшествующих ей образцов энциклопедий одного произведения и не совсем согласуется с общей характеристикой издания, приведенной выше.

Во-первых, объектом описания в ней является литературный текст, не относящийся к разряду классических, о чем недвусмысленно заявлено в первой же статье, открывающей данное издание: «Два капитана» — самое популярное, но не лучшее

произведение Вениамина Каверина, это «советский роман, написанный довольно нейтральным, а подчас и суконным языком, предсказуемый, искусственно сочетающий советские реалии с приемами авантюрной западной прозы рубежа веков <…> и вообще это наивная книга, написанная в половину, если не в четверть, авторских возможностей». Но «энциклопедический подход» к ней оправдан, поскольку в книге и наглядно, и подтекстно отразилась эпоха тридцатых годов, для которой были характерны «свежесть открытия, свежее полярное дыхание Арктики, азарт, стремление к бесконечной экспансии, освоению новых территорий и новых ощущений» [4, 7]. Иными словами, роман Каверина — произведение популярной беллетристики, ярко воплотившее особенности времени своего создания и потому, по мнению составителей, достойное многоаспектного описания в энциклопедическом ключе.

Во-вторых, «Энциклопедия романа "Два капитана"» построена иначе, чем те, которые посвящены «Слову о полку Игореве», «Евгению Онегину» и «Обломову»,— не по словарно-постатейному принципу. Вошедшие в нее статьи сгруппированы по «главам» (тематическим блокам), освещающим разные аспекты содержания и социокультурного бытования каверинского произведения: «Роман и его эпоха», «Герои и прототипы», «Города и люди», «Путешествия и путешественники», «Сцена, экран, музей», «Приложения». При этом целым содержательно-образным пластам книги, которые непременно были бы описаны в «традиционной» энциклопедии, специального внимания не уделяется (например, художественной литературе, читаемой персонажами, их одежде, языку произведения). Как и «Онегинская энциклопедия», «Энциклопедия романа "Два капитана"» может быть названа «собраньем пестрых глав», с той, однако, разницей, что степень стилевой пестроты составляющих ее материалов (и глав, и подглавок) гораздо выше. Здесь и идеологически окрашенная литературная публицистика, и очерки о реальной первооснове произведения, и статьи текстологического характера, и эссе о музейных экспонатах, и статистические материалы по издательской судьбе произведения, и многое другое. В целом труд может быть определен не как энциклопедия в традиционном понимании, а как сборник статей, тематически объединенных связью с объектом описания, или как коллективная монография.

Тем не менее, это заслуживающий внимания опыт, у которого, вероятно, найдутся последователи. Дело в том, что само по себе появление такого варианта энциклопедии отдельного произведения обусловлено характерными для современного литературоведения тенденциями — такими, как смещение акцента с ценностной вертикали на синтагматические связи и отношения в пространстве культуры, как размывание границ между текстом и контекстом, как возрастание внимания не к заложенным в тексте смыслам, а к порождению на его основе новых смыслов.

Четыре существующие на данный момент варианта энциклопедии — это своего рода версии ответа на вопрос, чем должно заниматься литературоведение, каковы его ведущие установки. Меняется парадигма гуманитарного знания, и вопрос этот вновь обретает актуальность. Он пока остается открытым, а создание энциклопедий отдельного произведения — один из путей поиска ответа на это вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.).— СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

2. Онегинская энциклопедия: в 2 т. / сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов; под общ. ред. Н. И. Михайловой.— М.: Русский путь, 1999, 2004.

3. Обломовская энциклопедия / составители: С. Н. Гуськов, А. Ю. Балакин, А. Г. Гродецкая.— Режим доступа: http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/70729/).

4. Энциклопедия романа «Два капитана» / отв. ред. Ю. З. Кантор.— М.: Политическая энциклопедия, 2019.— 550 с.

5. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Собр. соч: в 9 т. / В. Г. Белинский.— Т. 6.— М.: Художественная литература.— 1981.— С. 362–399.

6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов.— Изд. 2-е, испр. и доп.— М.: Академический проект, 2001.— 990 с.

7. Мирзоев В. Пора воскресить моду на гуманизм [интервью с режиссером журналиста Алексея Голякова от 15 января 2015 г.] / В. Мирзоев.— Режим доступа: https://newizv.ru/interview/15–01–2017/251018-mirzoev

8. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А.— Минск: Книжный Дом. 1999.— 877 с.

Вологодский государственный университет

Баранов С. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы

E-mail: sb.corde@mail.ru

Vologda state University

Baranov S. Y., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Literature

E-mail: sb.corde@mail.ru

УДК 81 ‘37

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ)

М. В. Буйич

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу лексических средств создания отрицательного образа политика в русских и американских печатных СМИ. Выявлены тематические группы лексических единиц, используемых для формирования отрицательного имиджа политического деятеля в России и в Америке, представлена их сопоставительная характеристика.*
Ключевые слова: *имидж, политический дискурс, негативная характеристика.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of lexical means of creating a negative image of a politician in the Russian and American print media. Thematic groups of lexical units used to form a negative image of a politician in Russia and America are identified, their comparative characteristics are presented.*
Keywords: *image, political discourse, negative characteristics*

Печатные СМИ могут формировать в сознании избирателей негативный или позитивный образ политического деятеля. Цель данного исследования — выявить тематические группы лексики, используемой для отрицательной характеристики политического деятеля в русских и американских печатных СМИ, и провести их сопоставительный анализ. Из русских («Известия», «Взгляд», «Ведомости», «Дни.ру») и американских («The Washington post», «The New York Times», «USA TODAY») газет за 2017–2019 гг. извлекались контексты, включающие номинации, отрицательно характеризующие политика.

Для выявления тематических групп использовалась методика опоры на «ключевые слова» [1, 8].

Анализ показал, что общими для СМИ обеих стран являются следующие тематические группы:

1.**Эмоциональное/психическое состояние, поведение**. Самая многочисленная группа в русских печатных СМИ (10%). Ключевые слова в русских СМИ — **нервность, скандал, эмоции, злость, истеричность, неадекватность, несдержанность, крик**. Например: *«…с ее стороны речь идет о проявлении **нервной** — и очень женской — **несдержанности**» («Взгляд», 29.09.2017), «…поведение Дали Грибаускайте <…>, то есть … **женская нервность и публичная истеричность** являются нормой для литовской политической элиты» («Взгляд», 29.09.2017), «Тогда он (Грудинин) включает **злость** и идет в атаку. Он **говорит** не фактами, а **эмоциями**» («Комсомольская правда», 01.03.2018), «А что сделал Грудинин? **Расписховался, закатил скандал**, хлопнул дверью и ушел» («Комсомольская правда», 01.03.2018).*

В американских печатных СМИ ключевые слова данной группы составляют всего 5% — fits of rage (приступы ярости), erratic and bombastic behavior (сумасбродное и напыщенное поведение), mental stability (психическая стабильность). Например: *«The Republican Party’s strategy is being directed almost entirely by the frenzied impulses of Trump, who has exhibited **fits of rage** over the Democrats’ drive to remove him from office for abuse of power» («The Washington post», 28.10.2019), «Behind the scenes, Trump’s **erratic and bombastic behavior** is causing growing alarm among Republican lawmakers… » («The Washington post», 22.10.2019), «But rather than defuse the explosive claims, Bolsonaro’s emotional and profane response appeared to draw greater attention to them on Wednesday, as people in and out of Latin America’s largest country openly **questioned the president’s mental stability»** («The Washington post», 30.10.2019).*

2. **Популярность и отношение избирателей/других политиков**. Отрицательный образ политика создается с помощью указания на неодобрение его деятельности народом или другими политическими деятелями. Ключевые слова в русских печатных СМИ (8%) — **низкий рейтинг, антирейтинг, ненавидимый, не переносят, герой анекдотов**.

Например: *«**Рекордсменом по антирейтингу** среди ветеранов президентских кампаний долгие годы, точнее десятилетия, был Жириновский» («Взгляд», 16.01.2018), «**Рейтинг** у Макрона **очень низкий**, ниже, чем рейтинг Трампа, несмотря на его электоральные успехи» («Взгляд», 06.11.2018), «Она (Собчак?) была **самым ненавидимым** кандидатом» («Взгляд», 20.03.2018), «Ярослав Качиньский, серый кардинал польской власти, которого одинаково **не пе-***

© Буйич М. В., 2020

***реносят** в Москве и Евросоюзе…» («Известия», 22.06. 2018), «…Мачеревич давно превратился в **героя анекдотов**, настолько далеко заходят его фантазии» («Известия», 09.01. 2018).* Превращаясь в героя анекдотов, политик становится посмешищем в глазах избирателей.

В американских СМИ данная группа составляет 7,5%. Ключевые слова — roundly criticize (всесторонне критиковать), condemnation (осуждение), disapprove (не одобрять), unpopular (непопулярный), low reputation (низкая репутация). Например: *«Trump **has been roundly criticized** for his leadership in coming to Puerto Rico's aid» («The Washington post», 12.10.2017), «Erdogan reacted angrily to the **condemnation he has received** from world leaders over the past few days» («The Washington post», 14.10.2019), «For now, Trump's near-absolute control over his party's base makes it difficult for Republicans to do anything but cheer him or be uneasy in the shadows, even though polls show that a **majority of Americans disapprove of his job** performance» («The Washington post», 28.10.2019), «A recent Washington Post poll found that Evans's **reputation had fallen to its lowest point** in two decades and that 6 in 10 Washingtonians believed he should resign» («The Washington post», 04.12.2019).*

Обращает на себя внимание, что для того, чтобы показать непопулярность политического деятеля и неодобрение его работы избирателями, русские и американские СМИ используют разные ключевые слова. В русских печатных СМИ акцент делается на низком рейтинге и эмоциональном отношении к политику (ненавидимый, герой анекдотов), а в американских печатных СМИ на критическом отношении к его действиям (критика, неодобрение).

3. **Обман и отсутствие доверия**. Политику, который обманывает, невозможно доверять, поэтому для создания отрицательного имиджа печатные СМИ используют различные лексемы со значением «обман» и «отсутствие доверия». В русских СМИ это одна из самых малочисленных групп. Ключевые слова в русских изданиях (2%) — **обмануть, оболгать, потерять доверие**. Например:

*«Активисты утверждают, что их **обманул** владелец предприятия, кандидат в президенты РФ Павел Грудинин» («Известия», 17.02.2018); «Фиктивный кандидат Сергей Бабурин…беззастенчиво **оболгал** Владимира Жириновского» («Комсомольская правда», 28.02.2018), «Думаю, **доверие** она (Меркель) **потеряла**…— подытожил Гердт» («Взгляд», 14.08.2018).*

В американских печатных СМИ данная тематическая группа самая объемная. Ключевые слова (11,25%) — misinformation / false information (дезинформация / ложная информация), lie (ложь), liar (лжец), not truthful (неправдивый), break a promise (нарушить обещание), betray (предать), distrust/not to trust (не доверять). Например:

*«That hasn't prevented Trump from spreading **false information**, just as he once promoted the so-called "birther" conspiracy theory — the debunked claim that President Barack Obama wasn't born in the United States» («USA TODAY», 11.10.2019), «Giuliani's op-ed and the House GOP memo both defend Trump while also promoting **his lies** about the Bidens' supposed corruption» («The Washington post», 13.11.2019), «But Sondland's testimony will raise the possibility that Trump **wasn't truthful** in his denial of a quid pro quo as well as an alternative scenario in which the president's interest in the scheme soured at a time when his administration faced mounting scrutiny over why it was withholding about $400 million in security assistance to Ukraine and delaying a leader-level visit with Ukrainian President Volodymyr Zelensky» («The Washington post», 12.10.2019), «Although Poroshenko overhauled the gas sector and made other key changes early in office, he ultimately disappointed many reformists, appointing a series of prosecutors general whom Western diplomats believed to be corrupt and **breaking a** campaign **promise** to sell his candy empire if elected» («The Washington post», 01.12.2019).*

Из всех лексем данной группы в обеих странах совпадает только одна — «доверие».

4. **Отсутствие волевых качеств**. Политик, не обладающий волевыми качествами, не может постоять ни за себя, ни за свой народ. Данная характеристика часто используется русскими печатными СМИ (7%). Ключевые слова и словосочетания — **проиграть бой, слабый/слабость, не по плечу, не совладать/не справиться**. Например:

*«Медведев **проиграл бой** в попытке помешать «Роснефти» купить более мелкого конкурента у государства… («Ведомости», 11.10.2017), «…одной из причин такого относительно скромного ответа могла стать **внутренняя слабость самой позиции** Мэй» («Взгляд», 14.03.2018), «…эксперты в своих вопросах намекали на то, какой **плохой и слабый** Трамп на фоне такого сильного и хорошего Путина» («Взгляд», 19.10.2017), «Нельзя сказать, что Тиллерсон не старался. Но задача оказалась ему **не по плечу**» («Взгляд», 14.03.2018), «Раз с регионом **не удалось справиться** Тарасенко — надо ставить настоящего, сильного хозяйственника, «мастодонта политики» Кожемяко» («Взгляд», 26.09.2018).*

Ключевые слова в американских печатных СМИ (5%) — cede authority (передать власть), weakness (слабость), in full retreat (отступление по всему фронту). Например: *«In her book, Haley points to several examples of disagreements with Trump. She said she went privately to the president with her concern that he **had ceded authority** to Russian President Vladimir Putin after the two leaders met in Helsinki in 2018» («The Washington post», 10.11.2019), «**Trump's season of weakness**: A president who prizes strength enters key stretch in a fragile state» («The Washington post», 28.10.2019), «President Trump is **in full retreat**. It's shameful» («The Washington post», 14.10.2019),*

Единственное совпадающее ключевое слово — «слабый». Слабый политик не может отстоять свои убеждения и интересы страны, что формирует его отрицательный имидж.

5. **Нарушение закона и преступление**. Это одна из основных групп при создании отрицательного имиджа политика в американских печатных СМИ. Политический деятель должен быть защитником закона, его олицетворением. Поэтому любое нарушение установленных норм и правил, любые обвинения приводят к осуждению политика и отрицательно сказываются на его имидже. Одно из самых частых политических преступлений (исходя из собранных примеров) — превышение должностных полномочий.

В русских печатных СМИ в рамках исследуемого материала данная группа примеров характеризуется меньшей эмоциональностью, отсутствуют прямые оценочные номинации. Ключевые слова по данной тематике (4%) –**уголовное дело, арест, махинации, превышение должностных полномочий**. Например: *«Причины отставки Конькова ... **уголовные дела** в отношении членов его команды, считает Иванов» («Ведомости», 10.10.2017); «То, что в Махачкале все ждали его (Мусаева) **ареста**, могу сказать уже точно»,— утверждает Шевченко» («Взгляд», 23.01.2018), «...Бомбергер подозревается в **превышении должностных полномочий**» («Взгляд», 24.10.2018), «И. о. главы столицы Дагестана Абусупьян Гасанов задержан ФСБ, по некоторым данным, ему вменяют **махинации** с земельными участками» («Взгляд», 08.11.2018).*

В американских печатных СМИ данная группа занимает второе место по количественным параметрам (10%). Ключевые слова — abuse of power (злоупотребление служебным положением/властью), crime (преступление), disregard for the rule of law (пренебрежение к верховенству закона). Например: *«He president's opponents quickly seized on it as another example of Trump **abusing his office for personal gain**» («The Washington post», 21.10.2019), The dedicated and principled public servants who are now telling the nation about President Trump's gross failings and impeachable **crimes** are doing the right thing, finally» («The Washington post», 25.11.2019), «I wonder why it took a notorious war-crimes case to focus attention on Trump's **disregard for the rule of law**» («The Washington post», 25.11.2019).*

Таким образом, анализ показал, что в составе ключевых слов русского и американского дискурса, формирующих отрицательный образ политика, проявляются значительные отличия. В процентном соотношении только 31% примеров в русских печатных СМИ и 32,75% в американских можно объединить в общие тематические группы. Только в 3 группах есть совпадающие лексические единицы, которые печатные СМИ используют для привлечения внимания избирателей и создания отрицательного имиджа политического деятеля.

Отличается и численный состав тематических групп. В русских печатных СМИ более многочисленны тематические группы «эмоциональное/психическое состояния» (10%), «популярность» (8%) и «отсутствие воли» (7%), а в американских «обман» (11,25%), «нарушение закона» (10%) и «популярность» (7,5%). Это позволяет сделать вывод, что в русском социуме прежде всего ценятся такие черты политического деятеля, как эмоциональная стабильность и умение сохранять спокойствие в сложной ситуации. Поэтому печатные СМИ России при создании отрицательного имиджа политика используют такие лексические единицы, как *нервность, скандал, эмоции, истеричность,* обозначающие эмоциональную незрелость, излишнюю эмоциональность. Для избирателей США на первом месте стоят честность и законопослушность, поэтому для отрицательной характеристики политического деятеля печатные СМИ наиболее часто используют такие ключевые слова, как *злоупотребление служебным положением/властью, преступления* и *пренебрежение к верховенству закона.* Отсутствие популярности — единственная тематическая группа, которая активно используется при создании отрицательного имиджа политика как в русских (8%), так и в американских печатных СМИ (7,5%). Таким образом, для дискредитации политического деятеля в печатных СМИ используется лексика определённых тематических групп, что позволяет сформировать негативное отношение у представителей любой лингвокультурной общности, а национальная специфика проявляется в выборе лексических единиц и количественных параметрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соломатов С. И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Станислав Иванович Соломатов.— Екатеринбург, 2005.— 22 с.

Воронежский государственный университет

Буйич М. В., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики,

E-mail: maria.lapygina@gmail.com

Voronezh State University

Buiich M., postgraduate of the Department of General Linguistics and Stylistics,

E-mail: maria.lapygina@gmail.com

УДК 82.09

ОБЛОМОВ И ШТОЛЬЦ: РОССИЯ И ЗАПАД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

П. Н. Долженков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 января 2020 г.

Аннотация: *в статье Обломов рассматривается как образ, воплотивший в себе ряд черт русского национального характера. В образе Штольца Гончаров стремился воплотить свой идеал единения народов, Штольц соединяет в себе лучшие начала от России и Запада. Но его образ оказался творческой неудачей писателя.*
Ключевые слова: *история русской литературы XIX века, творчество Гончарова, «Обломов», Россия и Запад.*

Abstract: *in the article Oblomov is viewed as an image embodying a number of features of Russian national character. In the image of Stolz, Goncharov strove to embody his ideal of unity of the peoples, Stolz combines the best beginnings from Russia and the West. But his image turned out to be an artistic failure of the author.*
Keywords: *history of Russian literature of the XIX century, Goncharov's works, Oblomov, Russia and the West.*

На тему нашей статьи написано уже достаточно много работ. Но наблюдения, суждения исследователей этой темы разбросаны по различным статьям и книгам, и мы хотим собрать их воедино, добавив свои наблюдения, чтобы представить тему в ее целом.

Объясняя нежелание Обломова вставать с дивана, что-либо делать, а уж тем более вести активный образ жизни, не один исследователь вспоминал русскую лень (например, о грандиозной лени Обломова писал Чехов). Но Гончаров уже на второй странице своего романа отделяет главного героя от просто лени, он пишет: «Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием» [1, 4, 8].

Это отрицание автором романа того, что лень есть основа существования его персонажа, ставит крест и на встречающемся в научной литературе утверждении о том, что в Обломове воплощена азиатская лень. Тема «Россия и Азия» лишь намечена в романе: халат на Обломове восточный, персидский, а Обломовка расположена чуть ли не в Азии,— намечена и далее не развивается.

Что же «погубило» Илью Ильича, наложило на его жизнь свою тяжелую руку? Обратим внимание на то, что в адрес Обломова едва ли не чаще чем слово «лень» звучит слово «апатия». И сразу вспоминается знаменитая в XIX веке концепция «славянской апатии». В ее рамках утверждается, что славяне, и русские в том числе, значительно менее энергичны, инициативны, предприимчивы, чем западные народы. Например, Чехов, по всей видимости, придавал довольно большое значение славянской апатии в жизни русского человека. Об этом можно судить по его письму Д. В. Григоровичу, написанному в ответ на предложенный знаменитым тогда писателем сюжет о самоубийстве русского юноши: «Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. <…> Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня» [2, 2, 175].

Гончаров в романе гиперболизирует «славянскую апатию» своего героя.

Существует мнение, что эта гиперболизация отражает характерное для русских пассивно-созерцательного отношения к жизни. Например, С. А. Ханаш, опираясь на представления Н. С. Трубецкого о русском характере, видевшего в качестве ведущей черты его глубоко созерцательное отношения русского человека к миру (природе и обществу), полагает, что: «Именно эта черта, достигшая крайности, составила социально-философскую сущность личности обломовского типа» [3, 157]. Но пассивная созерцатель-

© Долженков П. Н., 2020

ность предполагает отсутствие или очень слабую силу желаний. А желания живут в душе Обломова: он хотел бы и в Париж съездить, и в Обломовку и т.д., но он не может подняться с дивана и повести активный образ жизни.

Его желания не переходят в действия — и это главное для характеристики апатии Обломова. Нам приходилось читать, что Илья Ильич остается бездеятельным, потому что он боится жизни. Это не так. Обломов не боится жизни, он пугается необходимости что-либо делать. Чтобы разрешить жизненную проблему, например, переехать с квартиры на квартиру, необходимо совершить ряд действий, а чтобы совершить хотя бы одно действие, герою Гончарова нужно приложить громадные усилия, чтобы преодолеть свою апатию. И ряд действий представляется ему просто неодолимым препятствием, которое его пугает, перед которым он пасует и укладывается опять на диван.

Наверное, А. П. Милюков первым увидел в Обломове больного человека, он писал: «Его (Обломова.— *П. Д.*) история — частный случай, касающийся больного человека» [4, 132].

По всей видимости, Гончаров настолько заострил нужные ему черты личности в образе Ильи Ильича, что заступил за грань, отделяющую здорового человека от психически больного. В беседе с автором статьи известный московский историк психиатрии А. Г. Гериш назвал Обломова шизофреником. И у него были свои основания. Желания не переходят в действия — это характерно для шизофреников, характерно для них и нежелание делать именно то, что нужно (негативизм). А апатия во многих случаях — итог изменений личности, происходящих при шизофрении, Но мы не можем считать апатию Ильи Ильича последствием шизофрении, так как апатии предшествуют другие изменения личности: сначала наступает ее астенизация в двух ее вариантах — психастеническом и неврастеническом, затем пропадает тонкость чувств, а то и высшие эмоции, нарастает эмоциональная холодность, аутизм, а затем уж приходят апатия, лень и равнодушие.

Ничего подобного у Обломова не наблюдается, он сохранил свою голубиную душу в целости и сохранности. К тому же совершенно очевидно, что Гончаров не имел в виду больного человека, когда создавал образ своего героя, и мы должны подчиняться воле автора.

Итак, апатия Обломова — это «славянская апатия», доведенная почти до крайней степени. В подтверждение своего вывода приведем схожее по смыслу суждение Д. И. Писарева, тоже связывавшего апатию Обломова со славянской апатией: «апатия покорная, мирная, улыбающаяся, без стремления выйти из бездействия; это — обломовщина, как назвал ее г. Гончаров, это болезнь, развитию которой способствуют и славянская природа и жизнь нашего общества» [5, 70]. Но Писарев был не прав, когда писал об «умственной апатии» Ильи Ильича: «Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывают на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее мало-помалу всеми силами души, охватывающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое» [5, 70]. Умственной апатии у Обломова нет.

Но не только апатия стала причиной бездействия Обломова. Вспомним два высказывания Ильи Ильича. Первое — в связи с посетившим его гоняющимся за удовольствиями молодым человеком Волковым: «В десять мест в один день — несчастный! — думал Обломов.— И это жизнь! — Он сильно пожал плечами.— Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» [1, 4, 23]. Как видим, идеал гончаровского героя — цельность жизни души. Второе высказывание Обломов сделал в связи со служебной деятельностью пришедшего к нему навестить чиновника Судьбинского: «Увяз, любезный друг, по уши увяз,— думал Обломов, провожая его глазами.— И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире. А выйдет в люди, будет со временем ворочать делами и чинов нахватает… У нас это называется тоже карьерой! А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства — зачем это? Роскошь! И проживет свой век, и не пошевелится в нем многое, многое…» [1, 4, 27]. Таким образом, идеал Обломова — цельность и полнота жизни души. А деятельность, видимо, за исключением художественного творчества, не соответствует этому идеалу. Делая что-либо, мы используем только те стороны и свойства души, которые необходимы для успешного выполнения дела, все остальное в нашей душе в это время «спит». Работая чиновником, Обломов все твердил: «Когда же жить? Когда жить?» [1, 4, 58],— и на протяжении романа он несколько раз скажет об этой своей претензии к деятельности. Одним словом, для Обломова активно действовать означает «не жить». Видимо, для него «жить» значит жить прямо сейчас, а не, например, в выходные или в отпуске, и у занятого делом Обломова рождается ощущение, что жизнь проходит, жизнь «гибнет».

Идеалу жизни Обломова, как нам представляется, соответствует характерная черта русского человека — стремление к целостности жизни души и знания. Вот что писали, например, исследователи русской философии. Н. О. Лосский: «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей <…> Киреевский и Хомяков говорили, что цельная истина раскрывается только цельному человеку. Только собрав в единое целое все свои духовные силы — чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание,— человек начинает понимать истинное

бытие мира и постигает сверхрациональные истины о Боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей — В. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина и др. Опираясь на цельный опыт, они пытались развить такую философию, которая бы явилась всеобъемлющим синтезом» [6, 470]. В. В. Зеньковский: «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале "целостности" заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [7, 20].

«Ты философ, Илья» [1, 4, 23],— так реагирует Штольц на рассуждения Обломова.

Следующая характерная черта русского национального характера, которую мы выделяем в образе Обломова,— художнический склад души. Автор пишет о своем герое: ««И куда это они ушли, эти мужики? — думал он и углубился более в художественное рассмотрение этого обстоятельства» [1, 4, 97]. Яркий образец художественного творчества Ильи Ильича — его рассказ Штольцу о своем идеале жизни в усадьбе, в ответ на который русский немец восклицает: «Да ты поэт, Илья!» [1, 4, 181]. В нашей литературе XIX века также Лесков рассматривал художнический склад натуры как характерную черту русского человека. Его «русский богатырь» Иван Северьянович Флягин («Очарованный странник») тонко чувствует красоту (сначала лошади, а потом он открывает красоту женщины), испытывает перед ней художнический восторг и способен передать этот восторг другим людям.

У Обломова сильная апатия, как же так получилось, что он встал с дивана под влиянием любви к Ольге Ильинской и «догнал жизнь», правда, лишь в рамках интересов его возлюбленной? Опишем динамику жизни Ильи Ильича: в юности и ранней молодости он был достаточно активен, деятелен, строил широкие планы на будущее, а затем он погружается в апатию, после которой следует «взрыв», и он покидает свой диван, но не удерживается на достигнутой высоте и вновь падает в объятья апатии. Одним словом, его жизнь состоит из чередования периодов активности с периодами апатии, застоя. Такова же и динамика жизни русского народа. Например, после грандиозного «взрыва» — победы в Великой Отечественной войне и восстановления народного хозяйства в кратчайшие сроки — мы постепенно погрузились в апатию, в классику застоя — в брежневский застой, а затем последовал новый взрыв — демократическая революция.

В литературе XIX века эту особенность русского национального характера отразил тот же Лесков в «Очарованном страннике»: «русский богатырь» Флягин развивает чудовищную энергию, но лишь в кульминационные моменты своей жизни. В промежутках между ними Иван Северьянович ведет медлительное, полуленивое существование.

В науке XIX века на эту динамику русской жизни обратил внимание В. О. Ключевский, он писал: «Это (короткое лето.— *П. Д.*) заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [8, 105–106].

В науке XX–XXI вв., по крайней мере, в западной психологии, в культурантропологии подобный взгляд на динамику русского национального характера стал общепринятым с середины XX века. Например, Ph. K. Bock в своей книге "Rethinking psychological anthropology. Continuity and change in the study of human action" (N. Y., 1988) писал о раскачивании русских «между длительными периодами депрессии и самокопания и короткими периодами бешеной социальной активности» и даже «между длительными периодами подчинения сильной внешней власти и короткими периодами интенсивной революционной деятельности»[1].

И, повторим, эта динамика русской жизни нашла свое отражение в образе Обломова.

Для дальнейшего анализа темы нашей статьи мы должны обратиться к следующей паре: эмоции и воображение и воля и разум. Понятно, что первый член этой пары соответствует России, живущей прежде всего эмоциями и воображением, а второй — Западу, живущему в первую очередь волей и разумом. Также члены этой пары соответствуют противопоставлению женщины (эмоции и воображение) и мужчины (воля и разум).

Исследователи романа уже писали о женственности Обломова, соотносимой с женственностью России, и о том, что «женскому началу» (Обломов) в произведении Гончарова противопоставлено «мужское начало» (Штольц).

Мы хотим лишь отметить, что в XIX веке женственными считали не только русский народ, но и всех славян. Например, немецкие националисты писали о том, что женственные славяне должны

[1] Цитируется по кн.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов.— М., 2003.— С. 140.

быть покорены Германией. Также мы хотим обратить внимание исследователей романа на то, что о женственности Обломова следует говорить в первую очередь не потому, что «тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины» [1, 4, 8], а потому что он живет именно эмоциями и воображением. Гончаров пишет о своем герое: «Освободясь от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире» [1, 4, 67]. И недаром Обломов встал с дивана под влиянием эмоций (любовь), а не под влиянием каких-либо идеалов или возвышенных идей.

Итак, в образе Обломова отражен ряд особенностей русского национального характера.

Традиционно считается, что в образе Штольца Гончаров хотел изобразить образцового русского деятеля, по мнению писателя, на место «обломовцев» должны прийти русские Штольцы.

Но мы полагаем, что образ русского немца для Гончарова был более значим. В 1870 году он писал С. А. Толстой: «впереди где-то стоит идеал слияния народностей, религий, языков <…> Спаситель сказал, что будет *едина вера и едино стадо* (курсив авторский.— *П. Д.*) <…> все народы должны прийти к этому общему идеалу человеческого конечного здания <…> каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал» [1, 8, 33].

Гончаров в занятой им позиции не совпадал ни со славянофилами, настаивавшими на своеобразии исторического развития России, ни с западниками, утверждавшими, что Россия должна идти вослед Западу. Писатель мечтал о соединении русского и западного начал, о единении народов мира.

Штольц и стал первой попыткой объединения России и Запада, не в реальности, а в художественной литературе.

От отца немца Штольц унаследовал практичность, привычку к труду, жажду деятельности, а от русской матери — духовность. Исследователи романа обычно и ограничиваются констатацией этого соединения западного и русского в душе Штольца. Но в формировании личности русского немца со стороны России участвовала не только мать. Гончаров пишет: «С одной стороны Обломовка, с другой — княжеский замок с широким раздольем барской жизни встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрюши ни доброго бурша, ни даже филистера» [1, 4, 161]. Таким образом, на Андрюшу влияла широта русской души, и это влияние выразилось в широте интересов Штольца, в его жажде широкой деятельности. А влияние Обломовки — это влияние на Штольца Обломова, влияние светлого и доброго начала, лежавшего в душе Ильи Ильича. И, в чем бы мы ни упрекали гончаровского русского немца, мы не можем не признать его вполне порядочным и неплохим человеком.

Что же касается проблемы русского деятеля в романе, то вспомним, что, по Обломову, активная деятельность сопряжена с неполнотой и нецельностью жизни души. Гончаров же попытался соединить в образе Штольца деятельность и духовность. По отношению к вопросу о деятельности структуру романа можно представить следующим образом: на одном полюсе духовность без деятельности (Обломов), на другом — деятельность без духовности (посетители Обломова в первой части романа), а между ними — образ русского немца, соединявшего активную деятельность с «тонкими потребностями духа».

Итак, мы можем сказать, что в образе Штольца Гончаров пытался соединить лучшее от Запада и лучшее от России.

Почему же современники Гончарова не приняли этот образ? Они обвиняли Штольца в эмоциональной холодности, эгоизме, утверждали, что он был недостаточно настойчив в деле перевоспитания Обломова, что он, якобы, отвернулся от Ильи Ильича после его женитьбы на Пшеницыной. Опять процитируем Чехова: «Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный малый, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная» [2, П., 4, 201–202].

Что же обусловило такую реакцию на образ Штольца, что в нем не может принять русский человек?

Штольц живет в первую очередь волей и разумом. Рассудок и практичность многое определяют в его жизни.

Гончаров пишет о своем герое, что еще юношей «он инстинктивно берег свои силы» [1, 4, 454]. Когда же русский немец получил от Ольги согласие стать его женой, он думает: «Дождался! Сколько лет жажды чувства, экономии сил души! Как долго я ждал — и вот все вознаграждено: вот оно последнее счастье человека!» [1, 4, 428]. Даже в юности и ранней молодости он стремился не увлекаться ничем посторонним, не попадать под власть очаровательных соблазнов, а, как купец деньги, берег, экономил силы души. Такую душу мы не можем назвать полноценной. Ведь юность как раз и есть пора увлечений.

Гончаров пишет: «Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе» [1, 4, 165],— опять же мы можем сказать, что для русского человека такая душа представляется слишком «сухой», и он не хочет рассматривать ее в качестве идеала.

А как Штольц относится к своей любимой? Он рассудочно формирует из Ольги нужную ему женщину. «Сначала долго приходилось бороться с живостью ее натуры, *прерывать лихорадку молодости* (курсив наш.— *П. Д.*), укладывать порывы в определенные размеры, давать плавное течение жизни, <…> Задумывалась она над явлением жизни — спешил вручить ей ключ к нему» [1, 4, 457]. Такое сверхрациональное отношение к любимой женщине, рассудочное ее формирование мало приемлемо для русского человека.

Когда Гончаров пересказывает роман Штольца и Ольги, мы верим автору, что Штольц действительно сильно влюблен, когда же писатель изображает конкретные сцены из этого романа, в наши души начинают закрадываться сомнения.

Русский немец решает признаться Ольги в любви. Понятно, какую бурю чувств должен испытывать влюбленный, ведь судьба его решается, тут не до хладнокровия, не до рассудка.

А вот как ведет себя Штольц: он садится к окну: «Он сидел в простенке, который скрывал его лицо, тогда как свет падал на нее, и он мог читать, что было у ней на уме» [1, 4, 417]. Андрей хладнокровно садится так, чтобы его не было видно и чтобы он мог читать все ее мысли и чувства. И Ольга любимого человека воспринимает как «опасного противника», она хватает его за руку, «как будто моля о пощаде» [1, 4, 418]. А лицо его таково: «похудевшее лицо в нахмуренные брови, сжатые губы с выражением решительности» [1, 4, 417]. «Но я вас люблю, Ольга Сергеевна! — сказал он *почти сурово* (курсив наш.— *П. Д.*)».

Так ли рассудительно, порой спокойно, говорит и ведет себя признающийся в любви мужчина? И не зря в этой сцене Ольга просит: «Выслушайте же до конца, но только — я боюсь вашего ума; сердцем лучше: может быть оно рассудит…» [1, 4, 422]. Будущая жена боится главного начала в личности мужа — ума!

Штольц, как мы видим его в этой сцене, не производит впечатление мужчины, испытывающего сильное чувство любви, он более похож на человека, испытывающего чувство влюбленности — чувство не очень сильное и обычно поверхностное.

Через ряд лет жизни со Штольцем Ольга вдруг стала испытывать чувства тоски, неудовлетворенности жизнью. Она говорит своему мужу: «Что ж это счастье… вся жизнь… <…> все эти радости, горе… природа… <…> все тянет меня куда-то еще; я делаюсь ничем недовольна…» [1, 4, 465]. Проницательный муж разгадал причину душевного «недуга» своей жены: «Это грусть души, вопрошающей жизнь о ее тайне» [1, 4, 467],— говорит он своей жене. Ольга вышла на высший уровень духовности: ее мучают «вечные вопросы» жизни. И как же реагирует на, как он определил, «недуг» супруги Штольц? Он говорит ей: «Мы не Титаны с тобой, <…> мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье» [1, 4,467–468]. Душа Ольги рвется вдаль и ввысь — а благоразумный, рассудительный муж ставит преграды на пути тоскующей, рвущейся ввысь души Ольги. Подобное благоразумие для русского человека граничит с мещанством и не может быть принято.

Одним словом, если вспомнить определения Л. Толстого: «ум ума» и «ум души»,— то мы должны признать, что у русского немца на первом плане «ум ума», а не «ум души», не осердеченная мысль.

Гончарову не удалось в образе Штольца полноценно соединить лучшее от русского народа и лучшее от народов Запада, не удалось органично соединить волю и разум с полноценной, с точки зрения русского человека, жизнью души.

Приведем в конце, на наш взгляд, характерную именно для русского человека реакцию на образ Штольца: «В этой антипатичной натуре, под маскою образования и гуманности, стремления к реформам и прогрессу, скрывается все, что так противно нашему русскому характеру и взгляду на жизнь» [4, 138].

Одним словом, образ Штольца, прообраз чаемого Гончаровым будущего единения народов, писателю не удался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений в 8 т. / И. А. Гончаров.— М.: Худ. лит., 1977–1980.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / А. П. Чехов.— М.: Наука, 1974–1986.
3. Ханаш С. А. Образ Обломова в контексте теории русского национального характера / С. А. Ханаш // Материалы круглого стола «Илья Ильич Обломов русский человек?» / о национальном характере сквозь призму образов художественной литературы // Клио.— СПб., 2007.— № 2 (37).— С. 155–158.
4. Милюков А. П. Русская апатия и немецкая деятельность («Обломов», роман Гончарова) / А. П. Милюков // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике.— Л.: ЛГУ, 1991.— С. 125–142.
5. Писарев Д. И. «Обломов». Роман И. А. Гончарова / Д. И. Писарев // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике.— Л.: ЛГУ, 1991.— С. 68–82.
6. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский.— М.: Советский писатель, 1991.
7. Зеньковский В. В. История русской философии в 2 т. / В. В. Зеньковский.— Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
8. Ключевский В. О. О русской истории / В. О. Ключевский.— М.: Просвещение, 1993.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Долженков П. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета

E-mail: pnd57@mail.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Dolzhenkov P. N., candidate of Philological Sciences, associate professor, faculty of Philology, department of Russian Literature History

E-mail: pnd57@mail.ru

УДК 81’23

СЛОВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И «ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ»

Е. А. Дьяконова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2020 г.

Аннотация*: данная статья развивает идею проведения психолингвистического эксперимента с «визуальной» составляющей для более точного выявления визуального компонента семантики топонима. Полученные результаты могут послужить основой учебного материала для нового направления лингвострановедения — «психолингвистическое лингвострановедение», что обеспечит максимальную приближенность знаний, получаемых учащимися в процессе обучения русскому языку как иностранному, к знаниям и представлениям носителей русского языка.*
Ключевые слова: *психолингвистика, языковое сознание, психолингвистический эксперимент, зрительная семантизация, лингвострановедение.*

Abstract: *this article develops the idea of performing psycholinguistic experiments with a “visual” component in order to reveal more precisely a visual component in a toponym semantics. The results received could form an educational material base for a new branch in country studies called “psycholinguistic country studies”. This approach will make Russian language learners’ knowledge obtained in the process of study as close to the knowledge of Russian native speakers as possible.*
Keywords: *psycholinguistics, language consciousness, psycholinguistic experiment, visual somatization, country studies.*

Исследование слова как феномена языкового сознания носителя языка представляет собой актуальную лингвистическую задачу. При этом до сих пор нет единого мнения о соотношении языкового и когнитивного сознания.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают следующее разграничение: сознание «вообще» называть когнитивным, подчеркивая его онтологически «познавательную» сторону — сознание формируется в результате познания (отражение) субъектом окружающей действительности; содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности субъекта (его когниции). Когнитивному сознанию противостоит языковое [Попова, Стернин 2006]. «Соотнося языковое сознание с когнитивным сознанием, можно следующим образом определить языковое сознание: языковое сознание есть часть когнитивного сознания, выраженная в языковой форме» [Козельская, Стернин, 2013, с. 60]. Лингвострановедение — дисциплина, задача которой, по мнению Е. Верещагина и В. Костомарова, при обучении русскому языку как иностранному состоит в ознакомлении с современной российской «действительностью, культурой через посредство русского языка и в процессе его изучения» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 5]. Таким образом, лингвострановедение — именно та дисциплина, которая в значительной мере может и должна способствовать формированию языкового сознания учащихся как части их когнитивного сознания, и сделать его максимально приближенным к языковому сознанию носителей русского языка.

Каким образом можно «получить доступ» к актуальному языковому сознанию носителей русского языка? С потребностями описания языкового сознания связано расширение применения антропометрических и, в частности, психолингвистических методов в исследованиях, посвященных языку [Виноградова, Стернин 2016, с. 4]. Для этого используются лингвистическое интервьюирование, а также ассоциативные эксперименты (свободный и направленный).

Лингвистическое интервьюирование — один из основных методов антропометрических исследований семантики слова, который заключается в обращении исследователя непосредственно к носителю языка с вопросами типа: Как вы считаете, что означает слово…? Как бы вы описали разницу между…? и так далее. Этот метод опирается на размышление носителей языка о значениях исследуемых языковых единиц. Полученные ответы обобщаются и статистически обрабатываются. Исследования можно проводить как в устной, так и в письменной форме [Стернин, Рудакова 2011, с. 27–42].

При проведении свободного ассоциативного эксперимента предполагается, что испытуемый реагирует на словесный стимул первым пришедшим на ум

© Дьяконова Е. А., 2020

словом-реакцией. Методика проведения подобных экспериментов широко используется и многократно описана в психолингвистической литературе [Залевская 1979].

Направленный ассоциативный эксперимент проводится с ограничениями на реакцию, сформулированными исследователями. Эти ограничения как бы направляют ассоциации испытуемых в необходимое экспериментатору русло [Виноградова, Стернин 2016]. Л. В. Сахарный считает, что возможности, которые дает направленный эксперимент, богаче, чем возможности свободного ассоциативного эксперимента [Сахарный 1989], поэтому направленный ассоциативный эксперимент приобретает все большую популярность.

Очевидно, что именно психолингвистический подход дает возможность «проникнуть» в актуальное языковое сознание носителей языка. Именно поэтому представляется возможным развитие нового направления страноведения — «*психолингвистического* страноведения». Его отличительная особенность видится нам в том, что материал, изучаемый в рамках этой дисциплины, описывается с опорой на результаты психолингвистических экспериментов, что обеспечит максимальную приближенность знаний, получаемых учащимися в процессе обучения, к знаниям и представлениям носителей русского языка.

Важно определить лексические средства языка, наиболее релевантные для описания с точки зрения национального языкового сознания. Встает вопрос, на чем должен основываться выбор лексики, изучаемой в рамках «*психолингвистического* страноведения».

Представляется логичным следующий выбор лексических групп, отражающих лингвокультурную специфику языка:

1) слова, репрезентирующие яркие концепты русской национальной концептосферы;

2) наиболее известные в культуре народа топонимы;

3) наиболее известные в культуре народа антропонимы.

В этой области уже проводятся исследования. [Психолингвистический толковый словарь русского языка: — Вып. 1–3 Рудакова, Коваленко, Стернин 2018, Стернин 2018, Махаев 2019, Рудакова 2019, Зыкова 2019, Дьяконова 2018].

В данной статье хотим обратить внимание на важность экспериментально выявляемого *визуального компонента семантики* слова в языковом сознании носителей языка. О наличии такого компонента уже писали лингвисты, психолингвисты, методисты [ср: Стернин 1979, Розенфельд, Стернин И. А. 2008, Верещагин. Костомаров 1975].

В своей книге «Лингвострановедческая теория слова» Е. Верещагин и В. Костомаров пишут о возможности зрительной семантизации лексики. При этом авторы поднимают очень серьезный вопрос достоверности иллюстрации. Как один из вариантов решения проблемы авторы предлагают привлекать к иллюстрированию только отечественных художников [Верещагин, Костомаров 1980].

Акад. Ю. С. Степанов снабдил свою книгу, посвященную русским концептам [Степанов 2004], иллюстрациями — репродукциями различных картин. Их назначение автор объяснил следующим образом: «…они должны напомнить читателю, что в мире живописи есть такая-то картина. А уж там — да, она воплощает свой концепт, который здесь мы описываем словами. Скорее, словесное описание и картина, будучи сопоставленными, говорят…: концепты не привязаны к той или иной материальной форме — они парят над материальными формами» [Степанов 2004, с. 3]. Иными словами, визуальный образ, так же как и образ, созданный вербально, может служить «входом» в национальный концепт.

При описании топонимов мы предлагаем психолингвистический подход не только к вербальной семантизации, но и к визуальной. Экспериментальным путем было установлено, что вербализованные и визуализированные образы одного и того же слова не совпадают. Традиционно психолингвистические эксперименты проводятся в вербальной форме. Однако мы предложили психолингвистический эксперимент с «визуальной составляющей». В качестве примера приведем эксперимент со стимулами «Москва» и «Санкт-Петербург». Проводился свободный и направленный ассоциативный эксперимент, и эксперимент по выявлению визуальной составляющей. Инструкция к визуальной составляющей эксперимента была следующей:

«Нарисуйте образ Москвы / Санкт-Петербурга».

Важная особенность эксперимента заключалась в том, что тем, кто плохо рисует или не умеет рисовать, было разрешено ПОДПИСЫВАТЬ словами изображенные объекты или вовсе заменять изображение подписью.

Для примера приведем сравнение результатов экспериментов со стимулом «Москва» (в эксперименте приняло участие 27 человек.):

— образ водоема в вербальной части появляется лишь однажды — Москва река; на рисунках — 6 раз;

— образ кораблика в вербальной части не появляется ни разу, а на картинках 4 раза;

— Храм Василия Блаженного в «вербальной» части ни разу не фигурирует, однако в «визуальной» он изображен 4 раза;

— фонтаны в «вербальной» части ни разу не фигурируют; в «визуальной» этот образ появляется 1 раз, хотя с точки зрения рисования это достаточно сложный объект;

— образ дерева в «вербальной» части ни разу не встречается; в «визуальной» этот образ появляется 11 раз;

— образ солнца в «вербальной» отсутствует, в «визуальной» этот образ появляется 8 раз;

— Останкинская башня в «вербальной» части появляется 1 раз, в «визуальной» — 3 раза. Кроме того, необходимо отметить несовпадение «вербальной» и «визуальной» реакций одного и того же испытуемого.

На основании проведенного сравнения результатов «вербальной» и «визуальной» частей экспериментов со стимулами «Москва» и «Санкт-Петербург» были сделаны следующие выводы:

1. Вербальные и визуальные реакции у одного и того же испытуемого на один и тот же стимул отличаются друг от друга.

2. Частотность ассоциаций, предъявленных вербально, отличается от аналогичных ассоциаций, предъявленных визуально.

3. «Визуальная» часть эксперимента даже у тех испытуемых, которые в основном подписывали изображения (т.е. фактически выдавали «вербальную» реакцию), в очень значительной степени отличается от их же «вербальной» реакции, отраженной в вербальной анкете.

4. Бóльшая часть наиболее частотных вербализованных образов представлена в числе визуализированных.

5. Значительная часть наиболее частотных визуализированных образов НЕ представлена в образах вербализованных.

Таким образом, для получения более полной и достоверной информации о семантике слова необходимо использовать не только вербализованную в ходе психолингвистических экспериментов информацию, но и дополнять ее визуальной информацией путем проведения психолингвистических экспериментов с «визуальной составляющей». На основании обобщения полученного материала профессиональный художник создаст иллюстрации, максимально точно и достоверно отражающие представление о содержании данной лексической единицы в языковом сознании носителя языка [Дьяконова 2018, с. 13–16].

Таким образом, в опоре на сведения, полученные в результате психолингвистических экспериментов (вербальных ассоциативных и с «визуальной составляющей»), появляется возможность создания иллюстрированных лингвострановедеческих пособий (бумажных и электронных), которые в полной мере будут решать задачу описания языкового сознания, максимально приближенного к языковому сознанию носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: Сб. науч. тр.: Посвящ. Елене Самойловне Кубряковой / [Редкол.: В. А. Виноградов (отв. ред.) и др.].— М.; Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.—. 490 с.— С. 44–51.

2. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин.— Воронеж: Истоки, 2006.— 226 с.

3. Козельская Н. А., Стернин И. А. Опыт исследования метаязыкового сознания современной молодежи. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика.— 2013.— № 1.

4. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова: монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.— М.: Русский язык, 1980.— 320 с.

5. Виноградова О. Е. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография / О. Е. Виноградова, И. А. Стернин.— Воронеж: Истоки, 2016.— 157 с.

6. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание: Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова.— LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.— 192 с.

7. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка: монография/ Ю. Н. Караулов.— М.: Русский язык, 1993.— 330 с.

8. Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учебное пособие / А. А. Залевская.— Калинин: КГУ, 1979.— 172 с.

9. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л. В. Сахарный.— Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.— 184 с.

10. Стерин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений / И. А. Стернин // Язык. Словесность. Культура.— 2011.— № 1.— С. 8–22.

11. Психолингвистический толковый словарь русского языка: — Вып. 1.— Антропонимы / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин.— Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018.— 135 с.

12. Психолингвистический толковый словарь русского языка: — Вып. 2.— Антропонимы / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин.— Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018.— 140 с.

13. Психолингвистический толковый словарь русского языка: — Вып. 3.— Антропонимы / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин.— Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018.— 107 с.

14. Стернин И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография / И. А. Стернин.— Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана; Полилингва, 2018.— 200 с.

15. Махаев М. Р. Актуальность семантических компонентов в языковом сознании (по результатам экспериментального исследования топонима «Грозный» / М. Р. Махаев // Семантико-когнитивные исследования, вып.10, 2019.— С. 16–19.

16. Рудакова А. В. Специфика психолингвистического описания семантики топонимов. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика.— 2019.— № 1.

17. Зыкова И. В. Особенности семантики топонимов и проблемы ее презентации // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы V Всероссийской научной конференции 25–26 октября 2019.— С. 18.

18. Дьяконова Е. А. Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимических вариантов (Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград) / Е. А. Дьяконова // Сопоставительные исследования 2018: материалы IV Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2–3 февраля 2018 г.) / Науч. ред. М. А. Стернина.— Вып. 15.— Воронеж: ООО Издательство «РИТМ», 2018.— С. 149–155.

19. Проблемы анализа структуры значения слова — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.— 156 с.

20. Розенфельд М. Я. Слово и образ / М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин.— Воронеж: Истоки, 2008.— 242 с.

21. Верещагин Е. М. Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // РЯ за Р.— 1975.— № 4.— С. 79–85.

22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов.— 3. изд., испр. и доп.— М.: Акад. проект, 2004.— 992 с.

23. Дьяконова Е. Психолингвистическое описание семантики топонимов с «визуальной» составляющей» // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы IV Всероссийской научной конференции 26–27 октября 2018.

Воронежский государственный университет

Дьяконова Е. А., экстерн кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета

E-mail: happybusiness@yandex.ru

Voronezh State University

Dyakonova E. A., Post Graduate Student, General Linguistic and Stylistics Department, Philology Faculty

E-mail: happybusiness@yandex.ru

УДК 821.161.1

ПОЭТОЛОГИЯ ЕВГЕНИИ СУСЛОВОЙ

А. А. Житенев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 августа 2020 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются представления о поэзии, выраженные в эссеистических, литературно-критических и научных работах поэта Е. Сусловой. Выявлено, что с ее точки зрения поэзию целесообразно рассматривать в контексте актуального искусства. Новейшая словесность не может быть определена в жанрово-видовой системе литературы, это «языковая драматургия», она находится в сложной системе отношений с разными видами дискурса. Ее характеризует повышенная рефлексивность, способами ее реализации оказываются эстетический негативизм и проектная деятельность. Текст — это «инструмент отстройки позиции», он организует субъекта. Поэзия может оказывать воздействие на социальную практику, если создается в точке пересечения когнитивной и коммуникативной проблематики и разрабатывает «новые образы события и действия».*

Ключевые слова: *поэтология, современная поэзия, метатекст, теория лирики, креативность.*

Abstract: *the article deals with the notions of poetry expressed in the essay, literary and critical, and scientific works of the poet E. Suslova. It is found out that, from her point of view, it is reasonable to consider poetry in the context of actual art. The newest verbosity cannot be defined in the genre-type system of literature, it is "language dramaturgy", it is in the complex system of relations with different kinds of discourse. It is characterized by increased reflexivity, with aesthetic negativism and project activity being its means of implementation. Text is an "instrument of position building"; it organizes the subject. Poetry can have an impact on social practice if it is created at the intersection of cognitive and communicative issues, and develops "new images of events and actions".*

Keywords: *poetology, modern poetry, metatext, lyric theory, creativity.*

В 2010-е гг. поэзия, испытывая сильнейшее воздействие новых коммуникативных сред, оказывается перед необходимостью переопределения собственных оснований. Понимание исключительности нового — медиально-коммуникативного — вызова осознается всеми теоретиками лирики. А. Скидан отмечает: «Скорость передачи информации в электронных и беспроводных сетях возросла настолько, что привычные (книжные) навыки ее считывания и осмысления дают сбой <…> Мутирует среда обитания, мутирует язык. Смещается центр творческой активности» [1, 215]. О напряжении между новыми медиа и поэзией пишет и В. Лехциер: «Поэзия сегодня радикально меняется. <…> Пытаясь бороться за признание в перенасыщенной информационной среде, <…> она ищет всякого рода радикальности, думая, что тем самым вернет себе ощущение реальности» [2]. Риски и перспективы такой радикальности — предмет самого широкого обсуждения. Одна из самых своеобразных поэтологий в новейшем поэтическом контексте была предложена Евгенией Сусловой.

Поэтология Е. Сусловой примечательна уже самим набором вопросов и способом их постановки. В то время как в традиции апология поэзии, как правило, основана на априорной ценности письма, у Е. Сусловой именно она прежде всего поставлена под вопрос: «Вообще я бы начала с вопроса о том, зачем вообще в XXI веке писать, потому что текст — это достаточно старый медиум» [3]. «Нужность» определяется потенциалом непредставимого, и в начале XXI века она соотносится с текстами далеко не в первую очередь: «Интуиция горизонта — это для меня важнейшая вещь, чтобы вообще что-то делать в искусстве. <…> Но сейчас я связываю его больше с какими-то медиа-инструментами…» [4].

«Литературность» поэзии не сущностное, но факультативное ее качество: «Если литература <…> выполняет охранительную функцию (некоторая поэзия, безусловно, работает литературой), то поэзия находится на границе культуры и должна постоянно вырабатывать камертон действия (практики), связанного с <…> распределением полей работы» [5, 194]. Это возможно только тогда, когда поэзия осознается как часть актуального искусства: «Я, конечно же, очень хочу, чтобы поэзия воспринималась как часть современного искусства. И чтобы язык был одним из медиумов, чтобы не было фраз в духе "искусство и литература", "искусство и поэзия"» [4].

«Разлитературивание» поэзии происходит и в еще одном направлении: она включается в разнонаправ-

© Житенев А. А., 2020

ленные сопоставления с другими видами письма. Жанровая, как и любая другая, спецификация текста представляется следствием ретроспективной рационализации: «В 1920-е была огромная дискуссия о сценарии, что это такое: театральный текст, литературный текст или техническая инструкция. <…> Слова — это <…> то, что на самом последнем этапе приходит» [3]. Вместо готовых определений для межродовых форм предлагается термин «языковая драматургия», с которым соотносятся разные смыслы. В одном из интервью Е. Суслова отмечает, что это способ «проблематизировать отношение поэзии к другим текстуальным и эстетическим практикам» [4]. Слово «драматургия» соотносится также с отношениями «языкового и визуального планов» [6], с корреляцией «текст-сознание»: «Очевидно движение по направлению к когнитивному искусству <…> Правильнее было бы говорить не о поэзии как таковой, а о языковой драматургии…» [7].

Соотнесение поэзии с «когнитивным искусством» делает второстепенными многие традиционные поэтологические темы, в частности, соотнесение стиха и прозы. Первичной при оценке текста оказывается способность поэтического текста «задавать особые ментальные и телесные процессы» [3], «выстраивать некоторую субъектную позицию», создавать «онтологическую карту» мира, в которой действует субъект и которая обусловливает осознанность в принятии решений [3].

Выступая как исследователь новейшей поэзии, Е. Суслова в качестве важнейшей категории, описывающей происходящие в ней процессы, называет рефлексивность — «свойство символизации, имплицирования, свертывания смыслов», которое выражает «смещение центра внимания от вопросов взаимоотношений мира и языка <…> к когнитивным аспектам языковой и речевой деятельности» [28, 6]. Разрабатывая типологию вариантов субъективации, в качестве наиболее рефлексивного она называет «концептуализирующий», отличительной чертой которого является «нерасчлененность референции»: «Так как сознание не схватывается знаковыми конфигурациями, авторы используют аппарат образов-схем. <…> Концептуализирующий субъект может задавать организацию поэтического текста по принципу поля <…>, когда оппозиция между синтагматикой и парадигматикой перестает быть релевантной» [9, 134]. Эти рассуждения получают продолжение в работах, где поэтическая практика уже не исследуется, а моделируется.

Характеризуя «когнитивное искусство», Е. Суслова отмечает в нем единство эстетического негативизма и проективной деятельности. Разрабатывать свой вариант «языковой драматургии» — значит моделировать среды, в которых отменяются механизмы жанро- и видообразования, а вместе с ними — принципы иерархизации и контроля: «Сегодня кажется необходимой выработка текстов, которые могли бы быть порождающими структурами для создания новых языков ментального мира <…> Работать в области письма сегодня — значит постоянно задаваться вопросом о том, что, собственно, может быть поэтической практикой» [5].

Примером такой проективной и критической работы для Е. Сусловой оказывается практика Н. Сафонова: «Это работа проектировщика — отсюда поле симметрии <…> пространство, в котором может быть совершена полная перестройка существующих коммуникационных моделей <…> нет предметов, процессов, состояний, способов действия как классических фигур логики, но есть непрерывное построение негативных сетей на основе идеи множеств» [7].

Негативность — один из эффектов, связанных с попыткой обозначить новое как новое, выразить «острое чувство нарождающегося языка» [10, 212]. Негативность предполагает пересборку и поэтического языка, и языка его описания: «Слова должны зафиксировать <…> различие, они должны разрезать старое и новое. Твой язык ниоткуда не может быть заимствован, он может быть только выработан» [3]. Связь поэзии с инструментами проблематизации, как следует из работы о Р. Крили,— один из важнейших ресурсов ее обновления: «Метатема поэзии Р. Крили — проблематизация. Именно эта операция представляет собой глубинный сюжет. <…> Проблематичным становится сам факт высказывания: речь субституируется и занимает место субъекта, вытесняя его» [11, 20].

Проективность — самое яркое проявление поэзии как области чистой креативности. Даже в случае утраты всех других знаков ценностной отмеченности это свойство поэзии осознается как неотъемлемое: «Поэзия — это важнейшая лаборатория, в ней ты опробуешь методы работы с миром, которые могут потом прикладываться к другим областям» [4]. В понимании Е. Сусловой поэзия — это инструмент, обеспечивающий взаимную переводимость языков культуры и соотнесенность разных областей творческой практики: «Поэзия будет поддерживать возможность понимания в межвидовой среде. <…> Поэзия представляет собой потенциальные матрицы для всего остального искусства» [12, 261]. Этот тезис предопределяет возможность легкого перехода поэта в иные креативные области: «Я поняла, что те вопросы, которые я ставлю, я не могу решить только с помощью текста, и мне хотелось выйти к построению сред в живом режиме, в инсталляционном и перформативном» [3].

В поэтологии Е. Сусловой с «медиальной» способностью поэзии связывается ее вероятное воздействие на социальные процессы: «Поэзия позволяет <…> формировать социальное пространство» [13, 261]. В полной мере этот смысл раскрывается, когда поэзия оказывается в точке пересечения двух усло-

вий: становится областью, в которой можно «разрабатывать разные коммуникаторы», исследуя «интерфейсы как проблему» [3], и приобретает свойства «лингвофеноменологии», встроенной в контекст современных нейронаук [14, 33].

Эта точка оказывается предметом притяжения и в широком контексте актуального искусства: «Размышляя о современном искусстве в целом, я пришла к мысли, что наиболее интересные мне примеры произведений обычно <…> позволяют отрефлексировать эстетические аспекты в механизмах познания <…> или носят коммуникационный характер, то есть позволяют по-новому посмотреть на возможности <…> проектирования коммуникаций» [13, 260].

Именно в этом контексте Е. Суслова трактует условия соотнесения поэтического и политического. Говоря о «пространстве письма» как «вызове», она видит перспективы работы с ним в «пересборке» субъекта в катастрофе, где «сбит синтаксис события». Современность — посткатастрофическое время; субъект лишен в нем «интенциональной целостности», а возможность действия связывается с «наращением рефлексивных измерений»: «Только поэтической работой задается мера сложности, которая может быть удерживаема в культуре на том или ином этапе и от которой зависят и другие дискурсивные типы культур» [15].

Текст, воспринимаемый как «текст для деятельности» [16, 86], «инструмент отстройки позиции» или средство «концептуализации и мышления» [15], связан с «методологической» или «процедурной» поэтикой. Говоря о ней, Е. Суслова указывает на то, что поэзия в принципе строится на двух ориентирах: «Строго говоря, поэзия находится между интроспективной и моделирующей практиками» [24, 34]. Суть моделирования, как следует из работы о Е. Кирсанове, связывается с созданием инакомерного мира: «Литература <…> становится способом <…> создания альтернативного, почти мифологического пространства» [3].

Это альтернативное пространство предполагает «овнутрение». Об этой стратегии заходит речь применительно к поэзии В. Сосноры: «Овнутрение (интериоризация) субъекта — один из важнейших сюжетов для понимания позднего Сосноры. Автор не просто дает ту или иную точку, а показывает переход от внешнего к внутреннему» [17]. О ней же упоминается и в работе об А. Глазовой: «Книга Анны Глазовой <…> фиксирует чрезвычайно важный переход в истории поэтического языка, мощнейшую интериоризацию…» [18, 129].

Тематизация границ внешнего и внутреннего и практика миромоделирования самым очевидным образом пересекаются в реальности, еще не получившей ни формы, ни наименования. В этом контексте предметом обсуждения оказывается связь «концептуализации» и размерности субъективного опыта: «Мы думаем о микроопыте, о вещах, которые не концептуализируются, о том, чтобы попробовать описать вещи до концептуализации или на пороге концептуализации. <…> А речь идет о перцептивном хаосе и возможности работать в этом хаосе, не обобщая до знакомых предметов» [4].

Связь «микро» и «макро» прямо затрагивается в целом ряде поэтологических работ. О ней, в частности, заходит речь в эссе об А. Глазовой: «Глазова разворачивает поэтическое пространство так, что <…> возникает драматургия самоорганизации “миров”, невидимых глазом из-за того, что они находятся или слишком далеко, или — что чаще — слишком близко к человеку, чтобы он мог их заметить» [18, 130]. Эта же тема затронута и в характеристике проекта «Icons» с Е. Рогалевым: «Мне всегда были интересны внутренние микрособытия, для описания которых требовался совершенно особый микросемиозис. Одна из наиболее важных тем — это возможность работать в языке с qualia — с тем, что, собственно, всегда находится на границе выражения и невыразимости» [19].

«Микросемиозис» попадает в поле внимания при анализе почти всех поэтик, которые представляются Е. Сусловой интересными. В предисловии к публикации А. Колесникова акцентирована десубстанциальность «микроопыта» [20]. В отзыве об А. Скидане подчеркнут конститутивный по отношению к субъекту характер «микроопыта» [21]. «Сборка события» как цель закреплена в одном из принципов Е. Сусловой как поэта: «Также есть принцип когнитивной перспективы: принцип, который позволяет перемещаться между планами, невидимыми глазу — очень крупными или очень мелкими. И ты можешь оперировать разными данными, относящимися к разным регистрам: регистрам памяти, наблюдений, речи…» [4].

С этим принципом неразрывно связан другой, перераспределяющий значения между категориями «субъекта» и «ситуации»: «Опыт, попытка описать опыт, важнее субъекта <…>, например, в индийской логике <…> есть мышление ситуацией» [4]. С понятием «ситуация» в поэтологии Е. Сусловой связана «топологическая» метафорика, описывающая разные грани эстетического опыта: «Поэзия для меня, прежде всего, пространственно-концептуальное искусство» [6].

Интерпретация поэзии как «места» заставляет в пространственных категориях представлять и рецепцию, и структуру смысловых отношений в тексте: «Идеальным стихотворением было бы то, на которое ты посмотрел и сразу понял все диспозиции, сразу понял смысл, не называя словами» [4]. Логика «пространственных интуиций» соотносится при этом не с линейным выстраиванием знаковых рядов, поскольку «никто из нас уже не читает линейно» [4], а с «полевыми структурами»: «Термин “поле” основан на метафоре, связанной с идеей пространства.

<…> В эстетике появляется термин “пространственная форма”, <…> тип эстетического видения <…>, при котором смысловое единство изображенных событий раскрывается <…> синхронично, по внутренней рефлексивной логике целого, в “пространстве” сознания» [11, 18–19].

Говоря о принципах построения собственной книги «Животное», Е. Суслова подчеркивает ее особую «топологию»: «Что касается книги “Животное”, она во многом <…> является некой моделью многомерного пространства» [4]. Последовательная акцентуация «топологии» определяет появление двух концептов, которые связаны с восприятием пространственного опыта — воображения и внимания: «Важнейшие источники — воображение и внимание. <…> Сам процесс я не опишу, но точно могу сказать, что текст представляется в виде пространств. <…> Это <…> наверное, оптический опыт, прежде всего, и опыт когнитивного движения» [4]. Оба концепта связаны с идеей субъектной позиции и мышления ситуациями: «Субъектная позиция — это размещение себя на некоей воображаемой карте, онтологической карте своего мира» [3].

Воображение во всех высказываниях трактуется как текстопорождающий источник: «Картина <…> возникает из воображения и далее развертывается» [4]; «Интенция была повернуть все таким образом, чтобы работать в диффузных областях воображения, чтобы из них попробовать что-то проявить» [4]. Внимание — инструмент, позволяющий кристаллизовать воображаемое, выстраиваемое с помощью текста: «Я достаточно много занимаюсь практиками внимания — для того чтобы вообще языковыми практиками заниматься, для меня это неотчуждаемые вещи» [4].

Точкой пересечения воображения и внимания в поэтологии Е. Сусловой оказывается «оптическое». В рассуждениях о травме как теме поэзии Е. Суслова упоминает об «оптической модели смысла» и об особой «оптической природе» «”руинированного” языка» [22, 280]. Поясняя принципы своей работы, она связывает «оптическое» не с визуальным, а с топологическим рядом: «Оптику я не связываю с визуальным. Оптическое находится на стыке пространственного и конструктивного, пространственного и концептуального. <…> Это абсолютно не значит, что там чисто визуальный опыт — скорее опыт схематизации» [4].

Одним из аспектов «топологического» оказывается соотнесение текстового и телесного опыта. Самым пространным высказыванием на эту тему оказывается несколько фрагментов из статьи о В. Сосноре: «Виктор Соснора переплавляет свою жизнь в Corpus — целое, каркасом которого становится напряжение между языковым (текстовым) и телесным составом его письма. <…> В поэзии Сосноры оптика конституируется в точке перехода телесного опыта к языковому. Точке, становящейся местом» [17]. Об этой «точке-месте» идет речь и в более широком контексте. В поэтологии Е. Сусловой текстовые практики воспринимаются как практики управления телом: «Нас интересовало создание таких <…> текстовых объектов, которые могут задавать особые ментальные и телесные процессы. <…> То, что мы говорим и думаем, создает напряжение и распределение в теле. <…> Это общее место» [3].

С тезисом об организации тела средствами письма соотносится тема «интерфейса» и медиальных расширений. Медиальность коррелирует с заинтересованностью коммуникативными процессами, с вниманием к феномену «перевода» — интралингвистического, межъязыкового, интермедиального, интердискурсивного [23, 39]. В своих работах по теории медиа Е. Суслова исследует вторжение технологий в область сугубо человеческого — в область моделирования голоса и его использования в различных системах [24], пишет о разных моделях «расширения когнитивных возможностей» и проектах «сенсорного протезирования» человеческой чувственности [25, 106].

Машина — и как метафора, и как реальность техногенного мира — неотъемлемый элемент поэтологической рефлексии Е. Сусловой. Она пишет о «машине травмы», о «машине познания» [22], о «процессуальных машинах» письма [21], но предметом главного интереса остается граница человеческого: «Еще меня интересуют границы между семиозисом и чисто физическими силами. Та граница, где физические и электрические силы переходят в силы соматические. <…> И еще отношения между энергией и информацией, переходы сил в формы, форм в силы» [4].

Таким образом, поэтология Е. Сусловой может быть охарактеризована как исследующая приметы «поэтического» в условиях, когда поэзия мыслится как независимая от слова. Поэзия как часть актуального искусства — это инструмент управления мышлением, организации субъекта, выработки новых моделей смыслопроизводства. В этом ее главное преимущество в контексте экспансии новых медиа, и в этом же — возможность переноса ее открытий в иные жанрово-видовые структуры.

Исследование выполнено в Воронежском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–18–00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Скидан А. Сумма поэтики / А. Скидан.— М.: Новое литературное обозрение, 2013.— 296 с..

2. Лехциер В. Акция «Поэтическая логоцентрика-1». Проблемный контент встречи / В. Лехциер.— Режим доступа: https://www.cirkolimp-tv.ru/news/462/aktsiya-poeticheskaya-logotsentrika-1 (дата обращения 04.08.2020).

3. Суслова Е. «Язык не может быть заимствован, он может быть только выработан» / Е. Суслова — Режим доступа: https://rodchenko.sredaobuchenia.ru/baza/suslova (дата обращения 04.08.2020).

4. Суслова Е. «Попытка описать опыт важнее субъекта» / Е. Суслова.— Режим доступа: https://stenograme.ru/b/the-hunt/suslova.html (дата обращения 04.08.2020).

5. О противостоянии и групповой идентичности. Опрос // Воздух.— 2013.— № 3–4.— С. 185–196.

6. Суслова Е. «Мои тексты нужно читать и переводить буквально…» / Е. Суслова.— Режим доступа: http://svpressann.ru/2014/344/evgeniya-suslova-moi-teksty-nujno-chitat-i-perevodit-bukvalno.html (дата обращения 04.08.2020).

7. Суслова Е. Негативные сети. О книге Никиты Сафонова / Е. Суслова.— Режим доступа: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2015–1–2/hronika/ (дата обращения 04.08.2020).

8. Суслова Е. В. Рефлексивность в языке современной русской поэзии: субъективация и тавтологизация: автореферат дис. … канд. филол. наук / Е. В. Суслова.— С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2013.— 27 с.

9. Суслова Е. Субъект и субъективация в новейшей русской поэзии: подступы к типологии / Е. Суслова // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика. Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Band 4.— Berlin: Peter Lang, 2018.— S. 129–142.

10. Младшее поэтическое поколение — о себе. Опрос // Воздух.— 2012.— № 1–2.— С. 195–213.

11. Суслова Е. В. Рефлексивная поэтика Роберта Крили: между языком и мышлением / Е. В. Суслова // Транслит.— 2013.— № 13.— С. 16–21.

12. 1917–2017. Опрос // Воздух.— 2017.— № 2–3.— С. 247–261.

13. Мой читатель. Опрос // Воздух.— 2017.— № 1.— С. 243–259.

14. Самостиенко Е. В. Глубинная перспектива поэтического текста и семантическая нелинейность: новейшая русская поэзия в контексте когнитивной поэтики / Е. В. Самостиенко // Грехнёвские чтения: литературное произведение в системе контекстов. Сборник статей Международной конференции.— Нижний Новгород, 2019.— С. 33–42.

15. Суслова Е. Практика субъективации / Е. Суслова.— Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/praktika-subektivaczii.html (дата обращения 04.08.2020).

16. Суслова Е. Комментарий / Е. Суслова. // Транслит.— 2010.— № 6–7.— С. 86–87.

17. Суслова Е. Виктор Соснора: Corpus. / Е. Суслова.— Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2013/5/viktor-sosnora-corpus.html (дата обращения 04.08.2020).

18. Суслова Е. В. По направлению к телу закона / Е. В. Суслова // Глазова А. Для землеройки.— М.: Новое литературное обозрение, 2013.— С. 129–134.

19. Рогалев Е. О проекте Icons / Е. Рогалев, Е. Суслова.— Режим доступа: http://artuzel.com/content/egor-rogalev-i-evgeniya-suslova-o-proekte-icons (дата обращения 04.08.2020).

20. Суслова Е. Votum separatum. Александр Колесников / Е. Суслова.— Режим доступа: http://textonly.ru/votum/?issue=46&article=39022 (дата обращения 04.08.2020).

21. Суслова Е. Рец. на кн.: Александр Скидан. Membra disjecta. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, Книжные мастерские, 2016.— 212 с. / Е. Суслова.— Режим доступа: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016–2/hronika/ (дата обращения 04.08.2020).

22. Суслова Е. Искажение сложностью / Е. Суслова // Новое литературное обозрение.— 2015.— № 2 (132).— С. 280.

23. Самостиенко Е. В. Digital humanities в русскоязычном контексте: траектория институализации и механизмы формирования автономных зон / Е. В. Самостиенко // Вестник Вятского государственного университета.— 2018.— № 4.— С. 37–45.

24. Суслова Е. Ассистент и его должник / Е. Суслова // Практики и интерпретации.— 2018.— № 3 (2).— С. 51–64.

25. Самостиенко Е. В. Телепатия как утопия коммуникации: эскиз истории / Е. В. Самостиенко // Практики и интерпретации.— 2018.— Т. 3.— № 3.— С. 104–122.

Воронежский государственный университет

Житенев А. А., доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: superbia@mail.ru

Voronezh State University

Zhitenev A. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: superbia@mail.ru

УДК 82–312.1

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА В. Т. ЩУКИНА «КРАСНЫЕ ПЛАЩИ»: «ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ» КСЕНОФОНТА АФИНСКОГО

Е. А. Казеева

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Поступила в редакцию 19 июня 2019 г.

Аннотация: *в статье впервые в отечественном литературоведении рассматривается сочинение Ксенофонта Афинского «Лакедемонская полития» в качестве одного из основных источников романа В. Т. Щукина «Красные плащи». Показывается, что современный писатель опирался на работу античного автора, повествуя о политическом устройстве Древней Спарты, освещая деятельность коллегии эфоров и Герусии, изображая специфический характер царской власти. Доказывается, Ксенофонт и В. Т. Щукин приходят к выводу о том, что Лакедемонское государство утратило общеэллинскую гегемонию под воздействием созревших в его структуре политических и нравственных противоречий.*
Ключевые слова: *Ксенофонт, «Лакедемонская полития», В. Т. Щукин, «Красные плащи», роман, герой, источник, Древняя Спарта.*

Abstract: *the article for the first time in the domestic literary criticism considers the work of Xenophon of Athens «Lacedemonic polity» as one of the main sources of V. T. Shchukin's novel «Red cloaks». It is shown that the modern writer relied on the work of an ancient author, telling about the political structure of Ancient Sparta, covering the activities of the College of ephors and Gerusia, depicting a specific character of the Royal power. It is proved, Xenophon and V. T. Shchukin come to the conclusion that the Lacedaemonic state lost the all-Hellenic hegemony under the influence of matured political and moral contradictions in its structure.*
Keywords: *Xenophon, «Lacedaemonian politia», V. T. Shchukin, «Red cloaks», novel, hero, source, Ancient Sparta.*

Исследование генезиса художественного текста в настоящее время является одним из перспективных направлений отечественного литературоведения. По справедливому замечанию И. Л. Галинской, именно «генетический анализ художественного произведения обнаруживает его источники и изучает их изменения» [1, 63]. Данное наблюдение, на наш взгляд, особенно ценно для исследователей исторических романов, поскольку в этом случае вопрос об источниках художественного текста стоит наиболее остро [см., напр.: 2–5]. Полагаем, что генетический анализ перспективен для изучения произведений, вошедших в серию «Всемирная история в романах» (составитель М. М. Попов), выпускаемую с 2008 года московским издательством «Вече». Так, роман «Красные плащи» (2009) современного писателя В. Т. Щукина посвящен истории Древней Греции IV в. до н.э., а именно утрате могущественной Спартой общеэллинской гегемонии. При изображении бурного, насыщенного драматическими событиями периода автор был вынужден обращаться к античным источникам, среди которых следует назвать сочинения Ксенофонта Афинского, Плутарха, Диодора Сицилийского, Корнелия Непота, Юстина. Таким образом, актуальность нашего исследования вытекает из необходимости генетического изучения исторических (и псевдоисторических) произведений современной литературы. Несомненна и научная новизна данной статьи, поскольку в ней впервые исследуется роман В. Т. Щукина «Красные плащи». Цель нашей работы — рассмотрение труда Ксенофонта Афинского «Лакедемонская полития» в качестве одного из источников романа «Красные плащи». Достижение этой цели подразумевает решение следующих задач: во-первых, сравнить особенности изображения деятельности политических органов Древней Спарты (коллегии эфоров и Герусии) в текстах Ксенофонта и В. Т. Щукина; во-вторых, сопоставить специфику освещения царской власти в Лакедемонском государстве древнегреческим и современным писателями; в-третьих, рассмотреть причины утраты Древней Спартой общеэллинской гегемонии в интересующих нас произведениях. Сразу же оговоримся, что ряд проблем, освещаемых Ксенофонтом и В. Т. Щукиным в интересующих нас текстах (например, система воспитания молодого поколения, воссоздание спартанских обычаев, оценка института гармостов), станут предметом рассмотрения в других наших статьях.

Общеизвестно, «Лакедемонская полития» является одним из самых неоднозначных и полемиче-

© Казеева Е. А., 2020

ских текстов Ксенофонта Афинского. Как известно, с одной стороны, данное произведение, принадлежавшее лаконофилу и близкому другу царя Агесилая, представляет собой апологию Древней Спарты и спартанского образа жизни, с другой же стороны, в его состав вошла глава под названием «Падение Лакедемонского государства». Именно с этим обстоятельством были связаны высказанные еще в Античности сомнения в принадлежности «Лакедемонской политии» перу Ксенофонта (например, Деметрий Магнесийский считал данный трактат неподлинным [6, II, 57]), которые разделяли и многие позднейшие ученые. Однако после выхода в свет в конце XIX столетия фундаментальной работы Ипполита Базена [7] авторство античного прозаика больше не оспаривалось. Л. Г. Печатнова справедливо отмечает, что «<…> небольшой трактат Ксенофонта, написанный в жанре политического памфлета, имел острую политическую направленность <…>» [8, 19], поскольку его целью было «<…> оправдание и защита Спарты и спартанских порядков» [8, 20]. На наш взгляд, данный текст, посвященный описанию спартанского образа жизни, не мог ни привлечь внимания В. Т. Щукина, написавшего исторический роман о падении спартанской гегемонии в Древней Элладе. Сюжет произведения строится вокруг судьбы двух главных вымышленных персонажей — благородного спартиата Эгерсида и его бывшего илота Ксандра. Первый герой показан, с одной стороны, как человек долга, патриот, сторонник законов Ликурга, с другой же — как человек, понимающий необходимость исторических перемен. Однако попытка совместить следование традициям, завещанных предками, с изменяющимися историческими реалиями в конечном итоге приводит к его гибели. Раскрывая характер героя, показывая его как храброго воина, талантливого полководца, заботливого отца и пылкого влюбленного, В. Т. Щукин погружает его в гущу спартанских реалий. Напротив, Ксандр, оказавшись беглецом после гибели своих родных в процессе криптии, в конечном итоге осознает пагубность спартанских обычаев, полностью отрывается от своей среды, став образованным человеком, приближенным Филиппа и Александра Македонских. Полагаем, что особый интерес к «Лакедемонской политии» автор «Красных плащей» проявляет при написании первой главы, однако отсылки к данному античному источнику присутствуют на протяжении всего повествования.

Как известно, в Античности именно Древняя Спарта отличалась необычным политическим устройством. В данном полисе сосуществовали архаические и современные для того времени государственные органы. Власть над Спартой разделяли Герусия, членами которой были два царя, чей род восходил к Гераклидам, и двадцать восемь старейшин-архонтов, и эфоры — должностные лица, выбиравшиеся сроком на один год. Именно последние обладали правом созывать Народное собрание (апеллу), в состав которого входили все полноправные граждане Спарты. Изображение политического устройства данного полиса часто встречается в романе «Красные плащи», автор которого заимствует ряд реалий именно из «Лакедемонской политии» Ксенофонта. Так, в восьмой главе трактата «Исполнение добродетелей. Послушание», повествующей о безоговорочном подчинении всех граждан «властям и законам» [9, VIII, 1], подчеркивается особая роль коллегии эфоров в государственных, военных и хозяйственных делах: «<…> эфоры вправе наказывать всякого, кого захотят, властны они и сразу же взыскивать наложенный штраф; они также вправе отстранить от должности магистратов до окончания их срока, подвергнуть их тюремному заключению и привлечь к суду по обвинению, грозящему смертной казнью» [9, VIII, 4]. В романе «Красные плащи» автор создает образ эфора Эвтидема, потомка древнего рода, «среди предков которого было немало известных военачальников и государственных мужей» [10, 25]. Он показал свои достоинства хорошего воина и опытного полководца во время последней кампании, что и стало основной причиной избрания героя на высшую государственную должность. Внешне Эвтидем старается «<…> не пренебрегать памятью обветшавших спартанских добродетелей <…>» [10, 25]: скрывает от сограждан свое богатство, новый дом его не напоминает дворец, сыновья героя получают спартанское воспитание. Но ненависть и зависть к Эгерсиду, неудержимое честолюбие, стремление увеличить свое состояние, а главное, страсть к Тире, с которой его знакомит архонт Поликрат, приводят, в конечном итоге, к нравственной и физической гибели Эвтидема. Влиятельность эфора неоднократно показывается на страницах романа. Так, в начале произведения он участвует в смотре спартанского войска, отправляющегося в поход с царем Клеомбротом. Именно Эвтидем должен оценить его боевую готовность и отдать приказ о выступлении: «<…> опытным глазом отмечал (эфор.— *Е. К.*) малейшие недостатки в действиях, состоянии вооружения и снаряжения» [10, 24]. Во время болезни царя Агесилая эфор готов отправиться в Мегары и возглавить оставшееся без предводителя войско, на что он имеет полное право. Высока роль Эвтидема при принятии решений, касающихся политической и экономической жизни Спарты, поэтому архонт Поликрат готов на все, чтобы привлечь его на свою сторону. Архонт обращается за помощью к Эвтидему, желая обойти закон, запрещающий продавать оружие за пределы Спарты, ведь влияние высокого должностного лица может оградить принадлежащее ему имущество от досмотра. Поликрат приглашает Эвтидема посетить больного Агесилая, рассчитывая, что именно эфор поможет убедить царя начать морскую войну с Афинами. Однако в романе подчеркивается, что срок должност-

ных полномочий эфора ограничен: «Даже его, Поликрата, влияния недостаточно, чтобы вечно держать человека на высочайшей, но выборной должности» [10,301]. В. Т. Щукин стремится показать читателям, что управление делами государства, позволяющее приобрести для себя определенные личные выгоды,— главная цель эфоров. Так, в уста Поликрата, размышляющего о противодействии вторгшимся в Лаконику войскам Эпаминонда, он вкладывает следующие слова: «Эфоры, все как один, стремятся сохранить лишь политическую власть; принять военное командование сейчас — значит взять на себя ответственность за возможный разгром Спарты» [10, 512]. На примере образа Эвтидема В. Т. Щукин показывает, что эфоры, призванные наблюдать за соблюдением законов Древней Спарты, все чаще пытаются их обойти, заботясь лишь о своем благосостоянии и личной власти. Все это, как полагает автор, приводит к уничтожению могущества данного греческого полиса.

В десятой главе «Лакедемонской политии» Ксенофонт, рассуждая о добродетелях старшего возраста, упоминает Герусию: «Прекрасный <…> закон установил Ликург и о том, как до самой старости упражняться в добродетели: ибо, отнеся избрание в герусию на конец жизни, он сделал так, чтобы и в старости не пренебрегали бы высокими нравственными нормами» [9, X, 1]. Геронтам, как пишет древнегреческий автор, предоставлены «<…> полномочия в процессах, касающихся жизни и смерти <…>» [9, X, 2], то есть членство в Герусии являлось достойным завершением политической карьеры полноправного спартиата. В романе «Красные плащи», на первый взгляд, все соответствует правилам, изложенным Ксенофонтом. Например, в состав Герусии входит Поликрат, завершивший почетной должностью архонта военную карьеру эпибата. В свое время архонтом был и дед Эгерсида: «В прошлом доблестный воин, он щепетильно исполнял законы Ликурга сам, и видя в них основу могущества Спарты, требовал того же от других, сурово обличая провинившихся» [10, 25]. Однако члены Герусии, внешне присоединяясь к его позиции, чутко реагировали на современные реалии: «Грозные архонты шли густой фалангой на нарушителей, но под влиянием разных причин — старая дружба, взаимные интересы, угрозы — атака в защиту спартанских добродетелей быстро захлебывалась» [10, 25–26]. В конечном итоге дед Эгерсида был вынужден покинуть совет старейшин, поскольку его обвинили во внесении раздора в Герусию, что якобы создавало большую угрозу спартанскому государству, нежели вторжение внешнего врага. Данный политический орган в произведении В. Т. Щукина принимает как решения, касающиеся внешней и внутренней политики Спарты (назначение полководцев, прием послов, объявление войны), так и решения, связанные с жизнью отдельных граждан полиса. Например, именно архонты повелевают дочери Эгерсида Леонике вступить в брак с лохагосом Лисиклом: «– Помня о заслугах перед отечеством благородного Эгерсида, полемарха, отца Леоники, <…> заботясь о продолжении славных родов Спарты и ее будущем, Герусия принимает на себя обязанности покойных родителей этой девушки и <…> считает, что брак дочери полемарха Эгерсида и лохагоса Лисикла будет в наибольшей мере отвечать интересам государства!» [10, 487]. Однако В. Т. Щукин, раскрывая тему политического и нравственного падения Древней Спарты, на конкретных примерах показывает, как уже было сказано выше, что архонты, внешне заботясь о соблюдении законов Лигурга, преследуют свои собственные интересы. Так, Поликрат ради получения высокой прибыли от своих оружейных мастерских идет на подкуп должностного лица, четко осознавая, что проданное им оружие попадет к врагам Спарты фиванцам. Наместник Ореи Алкет, пользуясь покровительством отдельных архонтов и делясь с ними доходами, может безбоязненно совращать красивых мальчиков, встреченных им в городе. Неслучайно размышления об утрате геронтами нравственных добродетелей В. Т. Щукин вкладывает в уста положительных героев романа. Например, стремление членов Герусии к собственной выгоде с горечью отмечает царь Агесилай: «То, что хорошо для него, хорошо и для государства — так считает каждый эфор и архонт. Последние объединяются в группы по сходным интересам, привлекают на свою сторону эфоров или проводят на высшие государственные должности близких им людей» [10, 214]. Эгерсид, находясь в плену у фиванцев, беседует со служанкой Эпаминонда, прославляющей бескорыстие, патриотизм, благородную бедность своего хозяина. Герой говорит, что любое государство может гордиться таким гражданином, однако не может не вспомнить «<…> алчных эфоров, архонтов, приближенных царей, гармостов…» [10, 314] своей родины. Как видим, добродетели архонтов, изображаемые в романе, оказываются мнимыми, поскольку каждый из них заботиться лишь о собственном благополучии.

В трактате «Лакедемонская полития» две главы («Образ жизни царя в военное время», «Отношение царя к городу») посвящены институту царской власти. Как известно, полномочия монарха в Спарте были сильно ограничены коллегией эфоров: «Эфоры и цари ежемесячно обмениваются клятвами: эфоры присягают от имени полиса, царь — от своего имени. Царь клянется править, сообразуясь с законами, установленными в государстве, а полис обязуется сохранить царскую власть неприкосновенной, пока царь будет верен своей клятве» [9, XV, 7]. Тем не менее, Ксенофонт неоднократно подчеркивает сакральное значение данного государственного института, повествуя о действиях спартанского царя в военной обстановке, рассказывая о религиозных обязанно-

стях монарха. На страницах «Лакедемонской политии» царь предстает перед читателями в первую очередь как «жрец» и «военачальник» [9, XIII, 11]. Следует отметить, что В. Т. Щукин в романе «Красные плащи» в целом опирается на античный источник. Указание на ограниченность монархической власти содержится в словах Агесилая: «Ты знаешь, не цари правят Спартой» [10, 103]. Он же рассказывает Эгерсиду историю царя Павсания, оказавшего огромные услуги отечеству, но приговоренного к смерти за то, что он не смог одержать свою очередную победу. Желая показать читателю специфику царской власти в Древней Спарте, В. Т. Щукин воссоздает в своем произведении образы двух исторических лиц — царей Клеомброта и Агесилая. Первый из них — еще молодой человек, не имеющий высокого авторитета в глазах сограждан, подверженный различным слабостям, среди которых — любовь к красивым мальчикам, чем хочет воспользоваться в своих целях архонт Поликрат; стремление к обогащению (упоминание о слухах, что Клеомброта подкупили фиванцы, таким образом предотвратившие поход царя на свой еще недостаточно сильный город); увлечение крепким вином; нежелание прислушиваться к советам опытных полководцев. Все эти качества в конечном итоге приводят к гибели Клеомброта и к разгрому возглавляемого им спартанского войска в битве при Левктрах. Особое внимание писатель уделяет образу Агесилая, человека достаточно преклонного возраста, которого он неоднократно характеризует с помощью эпитета «старый лев» [10, 85]. Во второй главе романа автор рисует яркий портрет героя, только что завершившего очередной поход на Фивы и приносящего в Мегарах жертву Афродите. Причем внимание В. Т. Щукина сосредоточено на деталях внешности Агесилая, раскрывающих его характер: «Полководец был без доспехов и оружия — только длинный черный посох, помогавший при ходьбе. Его хламида, лишенная всякой отделки и украшений, могла показаться совсем простой, если бы не царский пурпур ткани, благородными линиями обливавшей еще стройную, несмотря на годы, фигуру величайшего воина Эллады. Пусть молодежь пощеголяет в сверкающем металле; бремя власти и ответственности будет потяжелее боевой брони…» [10,100]. Действительно, военные заслуги героя, победы, одержанные им в Греции и Малой Азии, репутация блестящего полководца, дипломата, мудрость, скромный образ жизни, приверженность законам предков снискали ему уважение у сограждан. Высоко оценивают личность этого правителя и противники Спарты: «– Вот человек, делающий честь войне! — воскликнул Эпаминонд.— Ныне, в годах преклонных, он силен духом и разумом, как некогда телом! Презирает золото как спартанец времен Ликурга!» [10, 85]. Именно Агесилай неоднократно спасает родной полис, оказавшийся на грани гибели из-за неудачных политических решений, принятых архонтами, или вражеского вторжения. Так, он решительно возражает против одновременного ведения сухопутной и морской войны против Фив и Афин, советует заключить мирный договор с афинянами, обеспокоенными ростом могущества Беотийского союза. Агесилай умеет подбирать себе в соратники достойных людей, заботящихся о благе своего полиса. Неслучайно в романе именно к нему обращается Эгерсид, желающий поделиться своими мыслями о изменении политического устройства Спарты. Оценив решительность, патриотизм, военные дарования Эгерсида, Агесилай, пойдя вопреки воле Герусии, настаивает на назначении последнего сначала на должность лохагоса, а затем полемарха. Однако ограниченность политических возможностей царя, который в силу традиций не может противостоять другим государственным институтам Спарты, приводит к тому, что могущество данного полиса в Древней Элладе утрачивается. Агесилай, как и Эгерсид, осознает необходимость реформ, но считает, что они должны проходить постепенно: «Полагаешь, что военное могущество Спарты нельзя увеличить, не изменив вековые основы ее государственного устройства. Но под силу ли это даже могущественному человеку? <…> Попытка <…> изменить государственное устройство вызовет ярость людей влиятельных, облеченных властью, непонимание и злобу других граждан Спарты. <…> перемены стоит проводить лишь тогда, когда необходимость в них будет очевидна подавляющему большинству граждан!» [10, 103–104]. Лишь в минуты опасности, когда само существование полиса оказывается под угрозой, как, например, во время четвертого похода Эпаминонда в Лаконику, «власть царя <…> действительно становится силой» [10, 511]. Но слова, вложенные автором в уста лазутчика фиванцев Паисия, эконома в доме архонта Поликрата, свидетельствуют о том, что подобное положение недолговечно: «Военная опасность минует, царская власть будет снова ограничена, способных военачальников потихоньку уберут в тень, к руководству армией приставят тех, кто угоден истинным правителям Спарты» [10, 462–463]. Таким образом, современный писатель приходит к выводу, что даже талантливый правитель, обладающий высокими нравственными качествами, не может спасти государство, поскольку, во-первых, власть его ограничена, а во-вторых, окостеневшее политическое устройство Спарты мешает ему развиваться и конкурировать с другими греческими полисами.

Подводя итоги, отметим, что, на первый взгляд, авторы анализируемых нами текстов ставили перед собой разные цели: античный писатель-лаконофил создает «Лакедемонскую политию», желая воздать похвалу Древней Спарте, показать причины, сделавшие ее могущественным греческим полисом; современный прозаик стремится выявить обсто-

ятельства, которые привели к упадку Лакедемонского государства. Кроме того, в интересующих нас произведениях неоднократно упоминается фигура легендарного спартанского законодателя Ликурга. Его деятельность высоко оценивается Ксенофонтом, считавшим, что принятые мудрецом законы сделали Спарту «<…> самым могущественным и самым славным государством в Элладе <…>» [9, X, 47]. В. Т. Щукин, напротив, утверждает, что следование принятым в древности законам помешало Спарте развиваться и занимать достойное место среди других греческих городов-государств. Однако четырнадцатая глава работы Ксенофонта, которая долгое время считалась неподлинной, все расставляет по своим местам. Античный автор вынужден сообщить, что нравы современных ему спартиатов кардинально изменились: скромность в быту ушла в далекое прошлое, на первое место вышло стремление к власти и обогащению. Такое положение вещей полностью соответствует исторической обстановке, воссозданной современным прозаиком в романе «Красные плащи». Следовательно, можно сделать вывод о том, что сходство между произведениями Ксенофонта и В. Т. Щукина заключается в провозглашаемом в них тезисе о падении Лакедемонского государства. Легко убедиться в том, что современный писатель превращает ключевой литературный прием Ксенофонта («нарочитое противопоставление Спарты и спартанцев всей остальной Греции» [8, 24]) в антиприем, демонстрирующий, что подобная обособленность принесла данному государству только вред. Однако внимательный читатель обнаружит, что оба автора преследовали одну и ту же цель — показать читателям, что ранее могущественная Спарта утратила общеэллинскую гегемонию под воздействием созревших в ее структуре политических и нравственных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галинская И. Л. Некоторые литературные источники «Поттерианы» / И. Л. Галинская // Исторические и литературные источники романов о Гарри Поттере: сб. науч. тр.— М.: ИНИОН РАН, 2007.— 98 с.

2. Агапитова Е. К. Исторические источники в романе И. А. Ефремова «Таис Афинская» / Е. К. Агапитова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета.— 2015.— № 7 (152).—1С. 103–106.

3. Бейранович О. Л. Исторический роман В. Скотта, А. де Виньи и А. Дюма / О. Л. Бейранович // Древняя и Новая Романия.— 2016.— Т. 17.— № 1 (17).— С. 250–265.

4. Иващенко Т. К вопросу об исторических источниках романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» / Т. Иващенко // Вестник Югорского государственного университета.— 2016.— № 1 (40).— С. 92–100.

5. Сомова Е. В. Художественное осмысление истории в романе Э Бульвер-Литтона «Павсаний-спартанец» / Е. В. Сомова // Вестник Московского государственного лингвистического университета.— 2013.— № 21 (681).— С. 137–159.

6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова / Диоген Лаэртский.— 2-е изд., испр.— М.: Мысль, 1986.— 571 с.

7. Bazin H. Le République des Lacédémoniens de Xénophon. Étude sur la situation intérieure de Sparte / H. Bazin.— Paris: E. Leroux, 1885.— 285 p.

8. Печатнова Л. Г. Место «Лакедемонской политии» Ксенофонта в истории греческой историографии / Л. Г. Печатнова // Ксенофонт. Лакедемонская полития.— СПб.: Гуманитарная академия, 2014.— С. 5–44.

9. Ксенофонт. Лакедемонская полития / пер. с древнегреч. Л. Г. Печатновой / Ксенофонт.— СПб.: Гуманитарная академия, 2014.— 223 с.

10. Щукин В. Т. Красные плащи: Роман / В. Т. Щукин.— М.: Вече, 2009.— 592 с.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Казеева Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: kazeeva-ea@yandex.ru

National Research Ogarev Mordovia State University

Kazeeva E. A., candidate of philological sciences, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department

E-mail: kazeeva-ea@yandex.ru

УДК 81 ‘38; 801. 6;

ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ СРАВНЕНИЙ В ИДИОСТИЛЕ РОК-БАРДА А. ЛИТВИНОВА

Д. М. Кислова, О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2020 г.

Аннотация*: в данной статье на основе анализа образных парадигм сравнений в идиостиле А. Литвинова определен круг объектов и явлений, наиболее значимых для художественного мировосприятия автора, выявлена их индивидуально-авторская интерпретация.*
Ключевые слова*: сравнение, образная парадигма, рок-бард А. Литвинов, художественное мировосприятие.*

Abstract: *in this article, based on an analysis of the imaginary paradigms, the circle of objects, phenomena and their signs that are most significant for the author's artistic worldview is defined in the poetry of A. Litvinov.*
Keywords*: comparison, imaginary paradigms, rock-bard A. Litvinov, artistic perception of the world.*

Как известно, сравнение является одним из основных средств художественной выразительности и изобразительности. Структура сравнения состоит из трех основных компонентов: предмет сравнения (что сравнивается), образ сравнения (с чем сравнивается предмет) и основание сравнения (по какому признаку осуществляется сопоставление объектов). Результатом соотношения предмета и образа сравнения является образная парадигма — устойчивое соотношение концептов, представляющих предмет и образ сравнения. В широком смысле под парадигмой образа понимается «инвариант образных характеристик, связывающих устойчивые смыслы отношением отождествления или уподобления» [1, 10]. Рассмотрим, как образные парадигмы отражают специфику поэтического мировосприятия Александра Литвинова, рок-барда, известного под псевдонимом «Веня Д’ркин».

Компаративная система А. Литвинова включает 206 парадигм, которые в зависимости от количественных параметров употребления единиц с определённым предметом сравнения распределяются следующим образом: ЧЕЛОВЕК — … (91 единиц, ~ 44%), ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — … (40 единиц, ~ 19%), АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ / МИФОНИМ — … (34 единицы, ~ 17%), АРТЕФАКТ — … (28 единиц, ~ 14%), СИТУАЦИЯ — … (12 единиц, ~ 6%).

Анализ показал, что среди образных парадигм с предметом сравнения ЧЕЛОВЕК самыми частотными являются сопоставления: ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (~ 44% от общего количества); ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (30 примеров, ~ 33%).

Интегральная парадигма ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ реализуется через три инвариантные парадигмы: ЧЕЛОВЕК — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЖИВОТНОГО МИРА (14), ЧЕЛОВЕК — НЕОРГАНИЧЕСКИЙ НАТУРФАКТ (15), ЧЕЛОВЕК — РАСТЕНИЕ (11). Наиболее релевантным для художественного мировосприятия А. Литвинова является соотнесение человека с миром фауны. Основанием сравнения являются стереотипные или символические представления о животных, которые помогают раскрыть образ лирического героя, его возлюбленной или персонажа текста (***Он*** *оставался спокойным, как* ***слон****; Они любят* ***тебя*** *изнутри, как* ***кошку***). Причем в большинстве случаев встречается сопоставление человека с образом птицы, который в творчестве А. Литвинова символизирует чистоту и свободу (***Ты*** *— свободная, как* ***птица***).

Парадигма ЧЕЛОВЕК — НЕОРГАНИЧЕСКИЙ НАТУРФАКТ, как правило, отражает субъективное отношение лирического героя к природным явлениям и, соответственно, человеку, для характеристики которого они служат (*Он верит,* ***он*** *чистый, как* ***звезды***). Наиболее часто эта парадигма реализуется как соотношение *человек — водная стихия* (*снежинки — 2, дождик, река, вода*): *И разлетимся, как две* ***снежинки***; *Прольюсь* ***рекою*** *в сухое русло*. Основанием сравнения будут являться движение, положение объектов в пространстве, субъективное отношение к ним лирического героя.

В парадигме ЧЕЛОВЕК — РАСТЕНИЕ в качестве образов сравнения преобладают деревья, причем все растения характеризуют в большинстве случаев лирического героя или его возлюбленную, акцентируя невозможность изменить ситуацию распада отношений (*Вчера* ***мы*** *молчали, как самый вырубленный* ***лес****;* ***Руки*** *дрожат, как* ***осиновые***). Основание сравнения — утрата, движение, отсутствие возможностей что-либо изменить.

© Кислова Д. М., Чарыкова О. Н., 2020

Образная парадигма ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК, как правило, реализуется через сопоставления: а) *человек — группа людей* (*все — 5, те — 2*): ***Ты*** *тоже такая, как* ***все***; основание сравнения — состояние, общность внешних и внутренних качеств; б) *группа людей — человек* (*ты – 3, я — 2, один*): *Здесь целый дом* ***таких же****, как* ***я***; основание сравнения — поступок, черта характера, общность внешних и внутренних качеств; в) *человек — известное лицо / группа лиц* (*Шевчук, Пушкин, Жданов Шевчук, «Чайф»): Как* ***Жданов****, прямо у дороги,* ***Я*** *их всех поймал и повязал*; основание сравнения — действия.

Данная парадигма отражает соотношение личности и общества, отождествление с которым является, с точки зрения лирического героя, негативной характеристикой. Основанием сравнения в этой парадигме становятся внешность, черты характера, поведение человека.

Среди образных парадигм с предметом сравнения ЧЕЛОВЕК также встречаются: ЧЕЛОВЕК — АБСТРАКТ (МИФОНИМ) (12 примеров, ~ 13%); ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ (9 примеров, ~ 10%). Парадигма ЧЕЛОВЕК — АБСТРАКТ чаще всего реализуется через соотношение *человек — ментальные процессы человека* (*сон, сны, тысяча снов, бред, чушь, ложь*). Основанием сравнения являются: иллюзорность, обманчивость, необычность. Парадигма ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ в большинстве случаев представлена как соотношение *человек (часть тела) — пищевые продукты и напитки* (*сыр, морожено, вино*): *А я так люблю* ***ее****, больше чем* ***морожено***. Основанием сравнения являются цвет, структура, субъективное отношение лирического героя, стереотипные представления о продукте.

Среди образных парадигм с предметом сравнения ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ самым частотным является сопоставление ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (22 примера, что составляет 55% от общего количества парадигм данной группы).

Анализ показал, что для компаративной системы ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ наиболее релевантны: а) интегральная парадигма ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — НЕОРГАНИЧЕСКИЙ НАТУРФАКТ (10), основанием сравнения в которой являются мимолетность (*Но* ***вечер*** *вошел, как* ***дым***), яркость, цвет (***Звезды****, как* ***золото*** *на голубом*); и б) парадигма ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — РАСТЕНИЕ (7), основания сравнения — размер (*а* ***пальмы*** *там, что в Верхоянске* ***сосны***), вкусовые характеристики (***виноград****, что не* ***сок****, а чистый* ***мед***), количественные отношения (*солнечных* ***дней*** *не больше, чем* ***зерен какао***).

Образные парадигмы ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — АРТЕФАКТ (11 примеров) и ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ЧЕЛОВЕК (5 примеров) малочисленны. Парадигма ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — АРТЕФАКТ чаще всего реализуется через видовую парадигму ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ОРУЖИЕ / СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ / ОРУДИЕ (5): *болота — доспехи* (функция), *Млечный Путь — лезвие* (форма)*, ласточка — пуля* (2) (скорость), *вечер — игла* (стереотипное представление: *Снова* ***вечер иглою*** *в стогу*). Парадигма ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ЧЕЛОВЕК реализуется через соотношения: *слон — ты* (поведение), *мир — святой* (отсутствие зрения), *осень — королева* (статус, важность, элегантность), *эхо — смех* (звучание), *буквы звезд — перхоть* (цвет, расположение).

Наиболее значимыми интегральными образными парадигмами с предметом сравнения АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ / МИФОНИМ являются соотношения: АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (12), АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ — АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ (10).

Парадигма АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ представлена двумя основными типами: а) 9 примеров — АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ (*эмоциональной или ментальной сферы*) — НЕОРГАНИЧЕСКИЙ НАТУРФАКТ (*солнце, воздух, лед, туча, капли дождя, ржавчина, время, место*): *Но* ***любовь*** *июльского* ***солнца*** *сильней*; основание сравнения — интенсивность проявления признака, субъективное отношение, стереотипное представление об объекте; б) 3 примера — АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ (*эмоциональной сферы*) — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЖИВОТНОГО МИРА / явление, связанное с ним (*вой, котенок, ворон*): *А* ***счастье*** *ютится пушистым* ***котенком*** *в доме твоем*; основание сравнения — стереотипное представление об объекте, его поведение.

В парадигме АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ — АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ наиболее значимыми основаниями для сопоставления являются: интенсивность проявления признака (*Но* ***любовь*** *сильнее, чем* ***жажда***), эмоциональное состояние (*Моя* ***любовь*** *сродни твоей* ***тоски***).

Образные парадигмы с предметом сравнения АРТЕФАКТ реализуются через 2 основных соотношения: АРТЕФАКТ — АРТЕФАКТ (19 примеров); АРТЕФАКТ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (7 примеров).

Интегральная парадигма АРТЕФАКТ — АРТЕФАКТ, как правило, реализуется через соотношения: а) место — место (*В твоей* ***квартире*** *как в уютном* ***баре***); б) речевые и музыкальные произведения — речевые и музыкальные произведения (*А* ***письма****, они горят быстро. Быстрей, чем идут* ***телеграммы***); в) наркотические вещества — элементы текстиля (***торч****…как разорванный* ***флаг***). Основанием для сопоставления в этой интегральной группе в большинстве случаев являются: положение в пространстве (*Между* ***паркетом и плинтусом****, как между* ***плинтусом и стеной***), отношение и эмоциональное состояние лирического героя (*В твоей* ***квартире*** *как в уютном* ***баре***), скорость (*А* ***письма****, они горят быстро. Быстрей, чем идут* ***телеграммы***), манера исполнения (*похоже на* ***Боба****, но это нельзя петь иначе*).

Парадигма АРТЕФАКТ — ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ реализуется через соотношения: *ракета — звездочка* (яркость, размер), *ставня — крыло* (движение), *швеллера — лоза* (движение, положение в пространстве), *полотно — ветла* (процесс и его результат) (***Полотно**, на котором был лес … Сгорело дотла, как седая **ветла***), *рок-н-ролл — пыль* (временн***а***я характеристика, процесс омертвления), *чердак — ночь* (цвет, свет), *салют — звездопад* (движение, яркость, положение в пространстве).

Среди парадигм в идиостиле А. Литвинова также можно выделить соотношение СИТУАЦИЯ — СИТУАЦИЯ, реализующееся посредством 13 сопоставлений. В большинстве примеров (10) типические ситуации сравниваются с аналогичными, происходящими в другое время (*как всегда, как обычно, как полгода назад* и др.): *А ты недалекая **как всегда***. Основанием сравнения являются обычность, повторяемость ситуации.

Таким образом, анализ образных парадигм в поэзии Александра Литвинова позволяет определить круг объектов и явлений, наиболее значимых для художественного мировосприятия автора, выявить их интерпретацию и раскрыть специфику авторского мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова А. В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.): автореф. дис…. канд. филол. наук. Специальность 10.02.04.— Самара, 2006.— 21 с.

Воронежский государственный университет
Кислова Д. М., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: dashabyk@mail.ru

Voronezh State University
Kislova D. M., Graduate Student of the Department of General Linguistics and Stylistics of the Philological Faculty
E-mail: dashabyk@mail.ru

УДК 811.161.1

АКТАНТЫ РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В КОНСТРУКЦИИ С ИНФИНИТИВОМ

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Поступила в редакцию 4 июля 2020 г.

Аннотация: **настоящая** *статья посвящена сочетаемости возвратных эмотивных глаголов русского языка с инфинитивом. Материалом исследования послужили высказывания с эмотивными глаголами русского языка, извлеченными из картотеки Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)*
Ключевые слова: *предикат, семантическая роль, экспериент, каузатор, инфинитив.*

Abstract: *this article is devoted to the compatibility of reflexive emotive verbs with the infinitive in the Russian language. Russian language emotive verbs extracted from the national corpus of the Russian language were used as the research material (www.ruscorpora.ru).*
Keywords: *predicate, semantic role, experient, causator, infinitive.*

Как известно, возвратные эмотивные глаголы имеют по два обязательных актанта, первый из которых — левосторонний — является Экспериентом (субъектом состояния), правосторонний — Каузатором (актант, называющий причину данного эмоционального состояния) [1, 55]**.** При экспликации Экспериента наиболее частотным способом его выражения в высказываниях с конверсивными парами эмотивных глаголов русского языка является конкретное существительное (нарицательное или собственное), а также личное местоимение. Событийность семантической роли Каузатора обусловливает наибольшую частотность его выражения непроизводным абстрактным существительным, отглагольным или отадъективным существительным, инфинитивом, деепричастным оборотом, придаточным предложением, одной из частей сложного предложения, высказыванием или рядом высказываний [2].

Сочетаемость с инфинитивом свойственна лишь возвратным глаголам *стыдиться, пугаться, страшиться*.

Рассмотрим предикат *страшиться* в конструкции с инфинитивом. Ср.:

1а. *Он страшится обманываться*. Контекст отрицания: *Он не страшится обманываться = 'Он не испытывает эмоцию страха перед ситуацией обмана'*, но не *'*Он не считает вероятным обманываться'*.

1б. *Он страшится обмануться*. Контекст отрицания: *Он не страшится обмануться = 'Он не считает вероятным, что обманется'*. Как видим, диагностическим контекстом, разграничивающим *страшиться* 1 (состояние) и *страшиться* 2 (свойство) в сочетании с инфинитивом, является видовая характеристика зависимого инфинитива. В 1а (инфинитив несовершенного вида) контекст отрицания высвечивает попарную корреляцию семантического признака 'эмоция' в предикате *страшиться* и семантического признака 'причина' в инфинитиве *обманываться.* В 1б (инфинитив совершенного вида) контекст отрицания высвечивает попарную корреляцию семантического признака 'интеллектуальная оценка' в предикате *страшиться* и семантического признака 'содержание' в инфинитиве совершенного вида *обмануться.* Например, еще:

2а. *Оба родителя переживут свою единственную дочь, которую Мария Николаевна так страшилась потерять* (И. Волгин. Сага о Достоевских // Октябрь 2006, № 11). Контекст отрицания *Мария Николаевна не страшилась потерять дочь = 'Мария Николаевна не считала, что может потерять дочь'*.

3а. *Он страшился играть на деньги.* В контексте отрицания *Он не страшился играть на деньги = 'Он не испытывал эмоцию страха, когда играл на деньги', но не 'считал вероятным играть на деньги»*'.

3б. *Он страшился проиграть деньги. Контекст отрицания Он не страшился проиграть деньги = 'Он не считал вероятным, что проиграет деньги'*. Подобное разграничение значений *страшиться 1 и 2* наблюдаем и в следующих примерах: *Обитатели круга скорби страшились приближаться к этапу* (Е. Лукин. Там, за Ахероном). — *Обитатели круга скорби страшились приблизиться к этапу.*

Соответственно, значение предиката *страшиться 2,* реализованное *в 1б, 2а, 3б* требует семантической роли Каузатора-Содержания. В примерах 1а, 3а, напротив, реализуется значение *страшиться 1,* требующее семантической роли Каузатора-Причины. При выражении Каузатора инфинитивом совершенного вида предикат *страшиться*, в зависимости от более широкого контекста, может прочитываться и как предикат состояния, и как предикат свойства. Например:

© Кукатова О. А., 2020

4а. *Он страшится оказаться в долговой яме* прочитывается как *'Он считает вероятным, что окажется в долговой яме'* и *'Он испытывает страх перед возможностью оказаться в долговой яме'*.

Например, еще:

5а. *страшиться обнищать, умереть / умирать, погибнуть / погибать, оказаться несостоятельным, быть узнанным, быть обманутым, сгореть заживо, не удержать власть, открыть дискутировать, не доехать живым, не успеть, заразиться, будоражить / взбудоражить общественное мнение, задохнуться, говорить / сказать всю правду* и т.д.

Разграничению эмотивного значения и значения интеллектуальной деятельность предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, может способствовать более широкий контекст.

Предикат *стыдиться* в качестве правостороннего актанта также присоединяет инфинитив, но видовая характеристика зависимого инфинитива не влияет на значение предиката. Например: 6а. *Он не хочет выдать себя с головой, стыдится сделать признание…* (А. Архангельский. Дедушка русского пустословия. Дмитрий Александрович Пригов собственной персоной //Известия, 2003.01.13) и 6б. *стыдится делать признание* прочитывается только как 'испытывает стыд перед признанием'. Позиция зависимого инфинитива также может быть занята глаголом речи / мысли, в сочетании с которым *страшиться* приобретает модальное значение.

Например: 7а. *Он думает о том, о чем Мышкин страшится догадываться* (С. Ананьев. Время. Пространство. Автор // Голоса Сибири. Вып. 4) = '*не хотел бы догадываться*'.

7б. *Насколько справедлива версия Волгина о том, что Достоевский страшился поверить в подлинность тургеневского желания примириться с ним* (А. Пекуровская. Механизм желаний Ф. Достоевского) = *'не хотел верить'.*

7в. *Я страшусь думать о предстоящем испытании = не хочу думать*.

Ср. 7а — 7в с 8а. Я *убедился, как он стыдится говорить высокие слова о ней* (В. Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем» // Наш современник, 2002.06.15]. Так как в 7а, 7б, 7в, предикаты *страшиться, стыдиться* приобретают модальное значение и, соответственно, не формируют собственной пропозиции; зависимым от него инфинитивам типа *думать, догадываться, верить, поверить, говорить* и другим не приписывается какая-либо семантическая роль [см. об этом 3, с. 21].

В 8а *стыдиться* употреблен в своем основном значении *'испытывать стыд'* и не приобретает модального значения.

Правосторонний актант при предикате *пугаться*, как и при предикате *страшиться,* наделен семантической ролью Каузатора-Причины и может быть выражен инфинитивом. Надо отметить, что сочетаемость с инфинитивом для предиката *пугаться* не является обычной, поскольку предикат *пугаться* обозначает мгновенную кратковременную эмоцию, чистое переживание, а зависимый инфинитив обозначает пропозицию, положение дел, которое должно быть осмыслено Экспериентом.

Ср.: 9а. *Он пугался оставаться один в темных помещениях.* Более естественным является высказывание:

9б. *Он пугался, когда оставался один в темных помещениях* или *Он пугался, оставаясь один в темных помещениях.*

10а. *Я пугался зайти в темную комнату* скорее

10б. *Я пугался, когда заходил в темную комнату* или *Каждый раз я пугался*, *заходя в темную комнату* или 10в. *Я боялся заходить в темную комнату*.

В приведенных примерах 9б, 10б, где правая валентность заполнена придаточным предложением времени, *пугался и оставался, пугался и шел, пугался и заходил* обозначают действия, происходящие одновременно, что совершенно естественно, так как *пугаться* обозначает мгновенную эмоцию.

Таким образом, в высказываниях с предикатами *страшиться, пугаться, стыдиться* правосторонний актант, выраженный инфинитивом, как и в высказываниях с именным дополнением, получает семантические роли Каузатора-Причины и / или Каузатора-Содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева.— М.: Языки славянской культуры, 2004.— 608 с.

2. Кукатова О. А. Ролевая семантика актантов конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка: дис. … канд. филол. наук / Кукатова О. А.— Ташкент, 2012.— 149 с.

3. Касевич В. Б. Общие вопросы семантики с предикатным актантом / В. Б. Касевич, В. С. Храковский // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами: Материалы всесоюзной конференции «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков. 14–16 апреля 1981: Сб. науч. тр.— Л.: АНСССР, Институт языкознания, Ленинградское отделение.— С. 7–23.

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Кукатова О. А., доцент кафедры русской филологии факультета зарубежной филологии

E-mail: kukatova.olga@mail.ru

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Kukatova O. A., Associate Professor of Russian Philology Faculty of Foreign Philology

E-mail: kukatova.olga@mail.ru

УДК 82.0

ЭРМИТАЖНЫЙ СЛОЖНЫЙ ЭКФРАСИС РОАЛЬДА МАНДЕЛЬШТАМА: ТЕНЬ «КАТИЛИНЫ» БЛОКА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 19 июля 2020 г.

Аннотация: *в поэзии Роальда Мандельштама экфрасис присутствует только как сложный экфрасис — описание не отдельного произведения искусства, но целой экспозиции, включая особенности пространства и интерьера. Анализ стихов, посвященных впечатлениям от Эрмитажа, показывает внимание поэта к событиям из жизни этого музея, позволяет уточнить обстоятельства появления отдельных стихотворений, а также указывает на эссе Александра Блока «Катилина» как на важный источник вдохновения поэта.*
Ключевые слова: *Роальд Мандельштам, Александр Блок, Эрмитаж, музейная экспозиция, экфрасис, петербургский текст.*

Abstract: *in Roald Mandelstam's poetry ekphraseis are only complex, as descriptions of not single works of art, but of entire exposition, including space and interior. An analysis of the poems devoted to the impressions of the Hermitage shows the poet's attention to the events of the life of this museum, clarifies the circumstances of the appearance of these poems, and points to the essay by Alexander Blok Catilina as an important source of inspiration.*
Keywords: *Roald Mandelstam, Alexander Block, Hermitage, museum exposition, ekphrasis, Petersburg text.*

Роальд Мандельштам (1932–1961) признан одним из интереснейших поэтов ранней неофициальной поэзии [1], вместе с тем, существующие исследования ограничиваются в основном спецификацией его урбанистического мифа, наследующего Гумилеву и представляющего пространство современного города как место одновременно панорамного созерцания и экзистенциального выбора [2]. Исследования С. Савицкого [3] и Ю. Доманского [4] позволили уточнить связь такой мифологизации города со спецификой «фланерства» и «циклизации», с отстраненным восприятием тех стратегий пользования городом и его культурными сокровищами, которые были выработаны еще в XIX веке. Но эта контекстуализация недостаточна для понимания места Роальда Мандельштама в создании и развитии «петербургского текста» русской культуры [5]. В данной статье применение методологии исследования «сложного экфрасиса» [6] позволяет приблизиться к решению проблемы.

В поэзии Роальда Мандельштама чистых экфрасисов не встречается, зато экфрасисы музеев и музейных собраний не просто есть, но заявлены как необходимая часть переживания Петербурга. Так, в стихотворении «Катилина», вдохновленном знаменитым эссе Блока [7], отождествляется отражение освещенной светом заката головы в воде каналов с отражением медных предметов в музейных зеркалах [8, 148]:

Закатом окованный алым,—
Как в медь — возвращаюсь домой,
Музейное масло каналов
Чертя золотой головой.

Ключ к этой сюрреалистической образности — во фразе из «Катилины» Блока «Эта гибель вспыхивает пламенем дымного факела над обреченной головой» [7, 65], гибель старых обычаев Рима — над головой деятеля. Здесь факел уже не пылает, его масло оказывается «музейным», и хотя образ заката Рима сохраняется, обреченность уже не чувствуется. Сосредоточение образов ремесла, ковки, меди, золота также указывает на заполнение мысленного музея артефактами, в отличие от Блока, описывающего, как раскрытие склада оружия катилинариев и запустило роковые процессы римской истории. Далее в этом стихотворении унаследованная от Гумилева ритмика и образность, доведенная до сюрреализма, сочетается со скрытыми цитатами из «Аттиса» Катулла в интерпретации Блока [7, 81] — кровоточивый закат и лунные лагуны напоминают о самооскоплении Аттиса, в котором Блок увидел изображение Катуллом обреченности восстания Катилины. И главный аргумент Блока в пользу своей версии, совпадение рваного ритма вакхических неистовств со столь же безумными перипетиями тогдашней гражданской войны, которое можно почувствовать в сравнительно гладком зеркале стихотворного ритма, вполне отвечает «музеологии»

© Марков А. В., 2020

Роальда Мандельштама, у которого зеркало канала и позволяет увидеть и власть истории над человеком («в чужих неумелых руках»), и услышать призывы к восстанию, обращенные в конце стихотворения к деревьям, и все это среди обломков колонн старого мира и старого Петербурга.

Посвященное крупнейшему петербургскому собранию стихотворение «В Эрмитаже» [8, 154] представляет собой сложный экфрасис, в первой строфе которого появляется только экстерьер музея, во второй — указание на место происхождения экспонатов (Греция), а в третьей — на то, как экспонаты располагаются. Лирический герой отождествляет себя с Парисом (Приамидом, сыном Приама), а собеседницу — с похищенной им Еленой, но уже после гибели Трои. Это соответствует тому, как Блок понимал историю «Аттиса» Катулла: это рассказ о том, как Катулл узнал о разврате Лесбии, но продолжал ее любить [7, 83], хотя не мог не замечать в себе, что мир переменился, и старые их отношения остались только сказкой. Лесбия явно не давала никаких обязательств Катуллу, как и Елена — Парису, так что перед нами стихотворение о разочаровании без всякого очарования, и опять же спор с концепцией Блока, у которого поэт предчувствует конец истории, у Роальда Мандельштама поэт говорит уже после конца истории. Но главное, что речь идет именно о телесности скульптуры, а не о рамке живописи, не о сюжетах, а о непосредственности и вечности скульптуры в меняющемся мире, та статуарность Катулла как свидетеля революции превращается в рассказ о том, как любовь остается вечной, даже если похищение Елены привело к катастрофическим событиям.

Первая строфа стихотворения говорит именно о такой любви, идеализирующей предмет, не дававший никакого намека на возможность своей идеализации:

Когда в серебряных лучах коричневеют крыши,
Я рад тому, чему никто другой не рад,
Что мной изведана тоска о никогда не бывшем,
И вечно — зелен звездный виноград,

Точно так же Блок описывает и поведение Аттиса Катулла, который сожалеет не только о действительных, но и о мнимых утратах, видя в этом предвестие христианства, слезы христианской души, способной вздыхать о том, в существовании чего она еще не убедилась. С изображения крыш, цвет которых и настроение часто указываются, начинаются многие стихи Роальда Мандельштама, и само слово «крыша» у него одно из самых частотных (42 употребления). Во второй строфе говорится, как ощущение себя анонимным произведением анонимного художника и позволяет вернуть настоящее чувство Греции:

Что я тебе был посвящен художником безвестным,
И нам не вырваться из сказок никогда,
Где за цепями островков прелестных
Звонят у эллинов косматых города…

А в коридоре мягкий свет и гобелены…
Гомер, воскресший для меня, мне говорит:
Но гибнет Троя из-за прелестей Елены,
Но в преферанс обыгран кем-то Приамид.

Речь, конечно, идет о зале Антонио Кановы в Эрмитаже. Парис представлен обнаженным и сбросившим струящийся складками хитон на подпорку в виде высохшего дерева — чего в античной скульптуре быть не могло. Подпорки придумали римляне, просто чтобы статуи из мягких и хрупких материалов, мрамора или алебастра, не разбились, и частью сюжета в античной скульптуре, располагающей только греческими сюжетами, быть они не могут. Этот Парис был выполнен для Жозефины и хранился сначала в Мальмезоне. Елена — это просто бюст, созданный скульптором уже и после падения Наполеона, и после ссоры с Папой, когда он удалился на родину и мог выполнять только небольшие заказы. Парис поставлен так, что он на Елену не смотрит.

Гобелены и скульптуры явно противопоставляются живописи. В стихах Роальд Мандельштам отождествляет скуку с рамой, тогда как любовь — с чистым зеркалом [8, 106]:

Торжественная скука песнопений
Музейной рамой тяжко налегла,
Моя любовь померкла от сравнений,
Как от туманов меркнут зеркала.

Таким образом, указание на гобелены в коридоре имеет в виду не столько анализ сюжетов этих гобеленов, сколько прямой смысл, что они лишены рамы, и значит, далеки от торжественной панихиды.

Над входом в зал Кановы мы видим полукруг с гротесками, включающими двуглавых орлов, и аллегориями смерти искусства и воскресения искусства. Последняя представляет собой гения на фениксе, над головой которого играет пламя. Нельзя не увидеть в этом как раз попытку преодолеть время там, где нет музейных рам и нет зеркал, где есть только скульптуры, и сближение чистой любви и воскресение искусства. Тогда оказывается, что стихотворение посвящено анонимности греческих образцов, которые именно поэтому не могут быть взяты в раму интерпретаций. Именно таким предметам, которые в отличие от картин или гравюр не могут быть взяты в рамку, посвящено стихотворение «Прогулки по музею» [8, 136]. Первое из них, «Амфора», вроде бы изображает просто античную вазу из коллекции, склеенную, но показывающую, каким должно быть искусство:

Былое люблю как музейную вазу —
Канон произвола и нормы,
Но клей отнимает аттический разум,
А глина — античные формы.

Вероятно, здесь есть и вдохновение блоковского эссе. Ведь Блок переводит mora tarda mente cedat как призыв «сбросить тупую медлительность», хотя оригинал скорее говорит о необходимости отринуть лень. А связь лени с отупением и оказывается главной темой эпиграммы.

Во второй эпиграмме, «Эфес шпаги», говорится об оружии, изготовленном Бенвенуто Челлини. Речь, конечно, об эрмитажном кинжале, созданном в Венеции во второй половине XVI века, приобретенном лично Петром I для Кунсткамеры и долгое время приписывавшемся Челлини:

Модной фантазией линий
Вяжущий буйный металл,
— О, Бенвенуто Челлини,
Кто бы тебя не узнал!

Модная фантазия — это не только изощренный эфес, но и сюжет на нем «Суд Париса». Троянская тема продолжена и на ножнах: мы находим там три сюжета — «Похищение Елены», «Троянская война» и «Марс и Венера, застигнутые Вулканом». Таким образом, троянская тема как тема пластики и открытия патетического тела оказывается здесь продолжена и развита.

У Блока говорится, что эпоха Возрождения открыла Саллюстия, но кое-где стали сочувствовать герою, а не автору, и заговорщики против Галеаццо Сфорца употребили по образцу Катилины кинжал [7, 87]. Также именно мгновенная метаморфоза Аттиса, его пластическое превращение из мужчины в женщину, узнавание самого себя в новом облике и тоска, с этим связанная, становится главным аргументом Блока в том, что Катулл писал о Катилине как деятеле политического радикализма, а не о чем-либо. Здесь оказывается, что Челлини узнан в анонимном произведении, и что это узнавание определило историю Петербурга как города прямых линий, фантазии императора и подчинения буйного металла державной воле — всё, что образует элементы петербургского текста, начиная с пушкинского «Медного всадника».

В третьей эпиграмме, «Иконы», ключевое слово поэзии Блока и Роальда Мандельштама «тоска» возвращается, и вновь музейное время отождествляется с маслом:

Чудотворные пальцы икон
В кипарисовом масле тоски
Лихорадило.
Был камертон
Окончанием каждой руки.

Во всех стихах Роальда Мандельштама, независимо от тематики, с маслом отождествляется вода, очевидно, из-за мутности и готовности задерживать на себе изображение хоть на время, так что, смотря на это отражение, ты как бы в нем вязнешь. Датировка стихотворения неясна, но мы предполагаем 1956 год, когда в Эрмитаж из Псковского музея поступило «Крещение», совершенно необычное, а именно, не с золотым или киноварным, а с темным (вероятно, изначально зеленым, но сейчас — серым) фоном. На этой иконе Христос абсолютно нагой как бы движется по реке, а четыре ангела стоят в ряд так, что их руки находятся прямо над рекой. Руки их выписаны тонко и как будто тонут в реке, обнаженная тонкая фигура Христа как будто дрожит в воде, а серый цвет напоминает тоскливое небо. В таком случае понятен сюжет: движение реки, в которой отражается прошлое, и есть та тоска, которая только и позволяет ангельски настроить поэзию. Вероятно, эта икона написана по образцу книжной или резной миниатюры, отсюда столь странная композиция, в частности, гротескная перспектива Иордана, но все непредвиденные эффекты ее музеификации и позволили вписать ее особенности в размышления о пластике: полностью нагое патетическое тело Христа стало чем-то вроде тела Аттиса, что заставляет вспомнить и двусмысленную андрогинность блоковского “Исуса Христа” в поэме “Двенадцать”, о котором не стихают споры до сих пор, Христос это или нет.

Если мы принимаем такую датировку, то становится понятно и с тем, что за амфора имеется в виду в первой эпиграмме. В 1955 году в Эрмитаж поступает аттическая амфора с крайне примитивным рисунком бегущего атлета, это амфора по форме, но размерами не больше нашей чайной кружки. Вероятно, примитив этого изображения и мог навести на мысль о том, что норма музейного хранения вполне может сочетаться с произволом неумелого художника, с телесной экспрессией, которую никак нельзя взять в раму.

Наконец, четвертая эпиграмма, «Скарабей», сообщает о египетской колеснице, довольно загадочно, и скорее всего, здесь описывается вообще египетский зал с его полумраком:

Серебристая скоропись трещин
Повторяет классический сон:
— Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.

Классический означает ставший чистым отражением в канале, как в стихотворении «Возрождение» [8, 39]:

Тревожно звонкие каналы
Хранят томительные сны,
Мечты под стать зарницам алым
И бред классической весны.

В последней эпиграмме повторены основные мотивы блоковской интерпретации Аттиса: мгновенная смена пола как единственная возможность классическим взглядом смотреть на неклассическое развитие истории, и пластика как возможность вырваться из рамы отражений и пережить исторические события, от похищения Елены до перипетий новейшей истории, как события, не завязшие в готовом масле истории, но открывающие статуарное величие человеческого достоинства. Таким образом, экфрасис египетского зала венчает и экфрасис новгородской иконы, и другие экфрасисы, как возможность осмыслить андрогинность и вещий сон об истории нового Аттиса. В отличие от зеркал в рамах, меркнущих от петербургских туманов, сны могут сбываться.

Эксперимент по воскрешению пластики, вдохновленный залом Кановы в Эрмитаже, и по воскрешению любви, вдохновленный образом катулловского Аттиса как свидетеля истории, которому можно противопоставить перипетию чистой любви Париса и Елены, классическую весну, оказался удавшимся среди зеркал, рам и каналов Петербурга, стоило только открыть не только пространственную, но и временную природу пластики, с опорой на блоковское понимание “мгновения” Аттиса и Катилины. Таким образом, стихотворение «Катилина» оказывается ключом к стихотворным экфрасисам Роальда Мандельштама, а учет особенностей эрмитажного пространства позволяет увидеть программу хождения по музеям как опыта, достойного встречи с историей, не менее важную, чем программу «фланерства» или подражаний урбанизму Гумилева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Łucewicz L. et al. Роальд Мандельштам — поэт русского андеграунда / L. Łucewicz // Przegląd Rusycystyczny.— 2009.— Т. 4.— № . 128.— С. 5–17.

2. Харитонова З. Г. Поэтизация городского общественного транспорта в русской лирике XX века (Н. Гумилёв, Р. Мандельштам, В. Цой) / З. Г. Харитонова // Русская рок-поэзия: текст и контекст.— 2016.— № . 16.— С. 78–85.

3. Савицкий С. «Новая Голландия»: прогулка и историческое воображение / С. Савицкий // СССР: Территория любви.— М.: Новое издательство, 2008.— С. 128–145.

4. Доманский Ю. В. Двойное стихотворение Роальда Мандельштама» Новая Голландия»: к вопросу о возможностях циклизации в лирике / Ю. В. Доманский // Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков.— М.: РГГУ, 2014.— С. 172–185.

5. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров.— СПб.: Искусство — СПБ. 2003.— 616 с.

6. Марков А. В. Сложный экфрасис в русской поэзии: основы теории и один пример / А. В. Марков // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия гуманитарные науки.— 2019.— Т. 25.— № 2.— С. 91–97.

7. Блок А. А. Катилина / А. А. Блок // Собрание сочинений в 8 т.— М.: Художественная литература, 1962 — Т. 6.— С. 60–91.

8. Мандельштам Роальд. Стихотворения.— Томск: Водолей, 1997.— 192 с.

Российский государственный гуманитарный университет

Марков А. В., профессор Российского государственного гуманитарного университета

E-mail: markovius@gmail.com

Russian State University for the Humanities

Markov A. V., Russian State University for the Humanities

E-mail: markovius@gmail.com

УДК 82–1/– 9

«ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ» РОМАН 1930-Х ГОДОВ В ПОИСКАХ «НОВОЙ» ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2020 г.

Аннотация: *начавшийся в 1980-е годы концептуальный пересмотр советской литературы и ее художественных принципов заставил говорить о ней не в терминах литературоведения, а социологии культуры. Наиболее открытым для постсоветской критики стал роман о социалистическом строительстве 1930-х годов, само жанровое обозначение которого выводило его за пределы художественной литературы. В статье рассмотрены те варианты жанровой модификации «производственного» романа, которые и в условиях 1930-х годов решали художественные проблемы, создавали новую, постреволюционную картину мира*
Ключевые слова: *советская литература, «производственный» роман, постреволюционная картина мира.*

Abstract: *started in 1980-th the conceptual review of soviet literature and its art principles initiated discussing this literature not in terms of literary criticism but in terms of social culture. The novel devoted to the development of the social construction of 1930-th appeared to be the most open for the post-soviet criticism owing to its very genre indication which did not allow it to belong to fiction literature. The article is concentrated on some specific variants of the genre "modification" of the "industrial" novels which under the circumstances of the 1930-th were to solve some literary problems and to create a new post-revolutionary picture of the world.*
Keywords: *the soviet literature, the industrial relation novel, post-revolutionary picture of the world.*

Нормативные требования идеологического порядка, утверждавшиеся в годы социалистического строительства, наиболее последовательно реализовались в жанре «производственного» романа. В 1930-е годы этот жанр был чрезвычайно популярен, усилиями графоманов и идеологов девальвирован и сегодня благополучно забыт. Однако если рассматривать «производственный» роман 1930-х годов как естественно возникшее литературное явление, то складывается более сложная картина его развития.

Начнем с того, что «производственный» роман возник не в советской литературе. Создателем его считается французский писатель и инженер Пьер Амп (наст. фамилия Анри Бурильон, 1876–1962), автор цикла романов начала XX века «Страда человеческая» (1910–1922), отразивших «идеологию технической интеллигенции». Последнее уточнение важно: «техническая интеллигенция», став предметом художественного осмысления, дала возможность увидеть человека с иной, «производственной», стороны. Литература получила новые сюжеты, новый тип переживания: «…трагедии станков напряжённее, чем трагедии спален». Это утверждение принадлежит Пьеру Ампу. Оно интересно тем, что фиксирует существенные перемены не в идеологии, как мы привыкли считать, говоря о «производственном» романе, а во всей жизни человека. Вторжение техники в повседневность существенно ее изменило. Цивилизационная коллизия «человек и техника» потребовала осмысления в поле культуры.

В советской литературе 1930-х годов «производственный» роман имеет свои разновидности. Самая заметная из них связана с вторжением документа, с вниманием к конкретному жизненному факту, что повлекло за собой активное использование приемов очерка, репортажа. Разумеется, художественной литературе документалистика не противопоказана, но становится для нее дополнительным испытанием. Так, Л. Я. Гинзбург, говоря о документальной прозе, «промежуточной литературе», по ее определению, заметила: «Для эстетической значимости необязателен вымысел и обязательна организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом. В документальном контексте, воспринимаемом эстетически, жизненный факт в самом своем выражении испытывает глубокие превращения» [1, 10. Подчеркнуто Л. Я. Гинзбург.— *Т. Н.*].

«Производственный» роман с полным основанием может быть отнесен к «промежуточным» жанрам, в которых «технократические сюжеты» подлежат художественному освоению. Что это был общелитературный процесс, свидетельствует не только Л. Я. Гинзбург. Литературный энциклопедический словарь суммировал более поздние исследования «литературной эволюции», указывая, что в переход-

© Никонова Т. А., 2020

ные эпохи «невозможно отграничить художественную литературу от определенных форм внехудожественной деятельности» [2,[194]]. Обратил внимание на необходимость новых решений и Б. М. Эйхенбаум, введя удачный термин сюжетоспособность [3, 450], к сожалению, не получивший широкого хождения.

Такие теоретические посылки сопровождали освоение документального начала художественной литературой конца 1920-х годов. Если говорить о «производственном» романе в советской литературе, то художественно полноценных разработок темы социалистического строительства в ней оказалась не так много. Сразу выведем за скобки беллетризованные воспроизведения «технологической» фабулы. Именно такой тип повествования повинен в несостоятельности этой жанровой разновидности, не сумевшей обрести сюжетоспособности художественного текста. Как правило, «имя» стройки, завода, колхоза в таких текстах становилось началом «биографии дела», отсылало к реальным, пусть и беллетризованным, «историям фабрик и заводов» (М. Горький). Отсюда — поэтика репортажа, динамичная фраза, экспрессивная лексика, прием монтажа. В качестве примера достаточно успешного использования публицистического обобщения можно назвать роман И. Эренбурга «День второй» (1932–1933).

«В стране надрывались паровозы. Из их груди исходил мучительный свист: они никак не могли поспеть за людьми <…>. Люди жили, как на войне. Они взрывали камень, рубили лес и стояли по пояс в ледяной воде, укрепляя плотину. Каждое утро газета печатала сводки о победах и прорывах, о пуске домны, о новых залежах руды, о подземном туннеле, о мощи моргановского крана. Люди глядели на кран, который шутя подхватывал огромные болванки, но они понимали, что победа обеспечена» [4; 152,153–154.].

Панорама строительства актуализирована пространством страны и «ближней» историей. Даже библейские коннотации соотносят его сюжет с «днем первым» — с революцией. Отсюда подчеркнутая стилистика митинга революционных лет, «производственного» репортажа, документального кино, отсутствие индивидуальных лиц и судеб. «Люди строили не с песнями и не со знаменами. Строя, они не улыбались. Их подгонял голод и колонки цифр. Они валились без сил. Но они продолжали строить, и революция снова жгла сердца людей, как в годы Чапаева, сибирских партизан и Конармии: теперь она жгла их так, как жжет пальцы металл при пятидесятиградусном морозе» [4, 168–169].

Производственный» роман И. Эренбурга пафосно разъяснял «политический момент». Его герой становился образцом для читателя, воспитателем «нового» человека, живущего интересами страны, превращающего свою *жизнь* в *борьбу* за решение государственных задач.

Иную стилистику предлагал Л. Леонов в романе «Соть» (1928–1929), рассказывавшем о строительстве целлюлозного комбината на северной реке. Однако, как справедливо заметил по выходе романа Г. Адамович, только о строительстве Л. Леонову писать нелегко. «По природе это человек достоевско-дантовской складки, с “раем и адом” в душе, со страстным вниманием к теме греха и воздаяния, ко всякого рода “проклятым натурам” и судьбе их» [5].

В силу своего интереса к человеку, к его сложному внутреннему миру, с большим трудом вписывающемуся в стандартные рамки, Л. Леонов в «Соти» выстраивает сюжет сопротивления природы действиям «новых» людей, пришедших на смену тем, кто веками жил, учитывая ее законы. Строительство комбината оборачивается радикальной сменой картины мира. Первыми понимают это обитатели скита, затерянного в лесной глухомани. Его игумен при встрече с нежданными пришельцами делает попытку, по примеру прошлых лет, подкупить их. Жалкость предлагаемой Увадьеву взятки лишь подчеркивает очевидный исход противостояния. Отец Кир понял главное: «Не быть нам боле …» [6, 35]. Противостояние «новых людей» и монахов не во внешних деталях убогой жизни скита. Пришел конец всей прежней жизни, и он связан не только со строителями комбината. Интересно отметить, что леоновский Увадьев не очень похож на нормативных «командиров производства» 1930-х годов. В чем-то он ближе к монахам, чем к идеологически образцовым героям советской литературы. Он душевно неспокоен, нередко, споря с монахами, отвечает на свои непростые раздумья. Так, в разговоре с молодым монахом Геласием Увадьев подчеркнуто травестирует тему: «Душа — чудное слово… Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мыло… я делал их, или ел, или держал в руках… я знаю их на цвет и на ощупь. Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?.. где это продают?» [6, 43].

Однако его вопросы, их нарочитость показывают, что Л. Леонов, разворачивая перед читателем историю комбината, погружает читателя в душевные глубины его строителей. У каждого на первом плане — своя душевно-духовная жизнь, попытка выйти за пределы своих трудных проблем, из своего тотального одиночества.

Справедливость этой тезы подтверждает сюжет героя, вписывающегося в нормативы «производственного» романа. Председатель губисполкома Потемкин (многозначительная фамилия!) является автором проекта. Как и положено «командирам производства», он борется с чиновниками за реализацию своего проекта, комбинат становится его судьбой, его жизнью. Тяжелая болезнь прерывает его деятельность словно для того, чтобы показать смысл жизни «нового человека» в реализации общественно значимых планов. В своих мечтах Потемкин неодно-

кратно представлял торжественный миг окончания строительства, миг победы человека и техники над силами природы.

«Все волнуются, но не показывают виду. Выгнув толстые чугунные шеи, в которых бешено мчится теперь обезумевшая Соть, пыхтят и взвизгивают центробежные насосы … Корпусов уже не семь, как мечталось вначале, а вдвое, и в каждом бьет в лицо масляный зной, дуют зловещие электрические ветерки. В разлинованных улицах заводского городка цветут акации…» [6, 54].

Маниловские мечты Потемкина выглядят чистой литературой, «книжностью» на фоне рельефно выписанного бунта реки. «Она (Соть.— *Т. Н.*) правильно выбрала минуту, чтобы отомстить человеку, замыслившему запрячь ее в работу. Она не хотела в трубы, она хотела течь протяжным прежним ладом, растить своих тучных рыб, хранить свою сонливую мудрость. Она как будто молчала и теперь, но Потемкин-то слышал, как она кричала пространствам, чтоб поддержали ее бунт. В ней просыпалась ее дикая сила, воспетая еще в былинах, она стала грозна, она приказывала, и вот ветры, осатанелые бурлаки небес, потащили дырявые барки с водой, а леса зашептались, а птицы вились, и в самом кровоточащем лоне ее как будто открылись тысячи новых родников…» [6, 169].

Соть не покорена, и этот сюжет писателя «достоевско-дантовской складки» (прав Г. Адамович!) лежит за пределами советского производственного романа. Он приходит в противоречие с заключительной «правильной» фразой романа, неоднократно сочувственно цитированной советскими исследователями: «…отсюда всего заметней было, что изменился лик Соти и люди переменились на ней» [6, 292]. Прямая авторская декларация не завершает многих сюжетных линий романа, в том числе и сокровенной леоновской темы взаимоотношений человека с миром и самим собой.

А. Платонов в повести «Котлован» (1929–1930) дает свой вариант «производственной» темы, не менее драматичный, чем в романе Л. Леонова. Больше, чем Л. Леонов, А. Платонов самостоятелен в своих выводах, неслучайно за ним закрепилась репутация «неблагонадежного» автора, которую сам писатель искренне считал результатом устойчивого непонимания со стороны критики [7]. В годы его «возвращения» в историю литературы его самостоятельная позиция воспринималась как прямая полемика со Сталиным [8]. Признавая нетипичность позиции А. Платонова в контексте литературы его времени, отметим, что ее особенность усиливается современными представлениями о литературной ситуации 1930-х годов. Например, на фоне горьковского замысла создания «Истории фабрик и заводов» (ИФЗ) конца 1920-х годов его повесть выглядит несколько иначе.

Постсоветские исследователи показывают, что «великий перелом» 1929–1930 годов был более сложным и драматичным процессом, чем это представляется нам сегодня. Его современникам не всегда был очевиден резкий поворот от практики 1920-х годов, в которые бывала возможной известная самостоятельность решений, участие «старой» интеллигенции, «буржуазных» специалистов в деле социалистического строительства. Так, в сентябре 1931 года М. Горький выступил с инициативой активизировать процесс создания нового искусства, поставив перед писателями вполне конкретную задачу: «“История заводов” — это по существу и есть долгожданное начало создания настоящей, пролетарской истории, в противоположность нынешней, доставшейся в своей основе от буржуазного общества» [9, 28–29]. Идеологическая направленность горьковской инициативы бесспорна, несомненна и реанимация некоторых не преодоленных пролеткультовских идей. В частности, организационная работа по сбору материалов для ИФЗ привлекла внимание к архивам, воспоминаниям рабочих. И здесь горьковская инициатива дала неожидаемый результат. Обнаруженные документальные свидетельства нередко создавали картину развития того или иного завода, отличающуюся от «аксиом большевизма» (И. Сталин). В силу этих обстоятельств изменилось не только отношение к архивам и изучению мнений рабочих, но и к художественным результатам таких поисков. «Производственные» романы начала горьковского проекта «Истории фабрик и заводов» позволяли разные трактовки темы. Роман Л. Леонова, отчасти даже роман И. Эренбурга, свидетельствовали об этом. Вот почему если в 1932–1934 годах архивные материалы активно использовались в разработке горьковского проекта, то уже в 1935 году ситуация существенно изменилась. Во второй половине 1930-х годов это уже была другая страна, в которой оказались невозможными многие художественные решения 1920-х годов. «Закрывались фонды, искусственно ограничивался доступ к материалам архивов. С сентября 1935 года практически прекратилась работа в московских хранилищах» [9, 135].

В таком контексте совершенно неслучайна история платоновских попыток публикации романа «Чевенгур». В письме к М. Горькому (август 1929 года) А. Платонов пытается объяснить свою позицию, отводя выдвигаемые в его адрес идеологические упреки: «…говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут как *контрреволюционное*. Я же работал совсем с другими чувствами» [10, 313–314. Курсив мой.— *Т. Н.*]. Отметим, что работал А. Платонов над романом «Чевенгур» в 1920-е годы, попытки публикации романа пришлись на начало 1930-х годов. Платоновский роман отчетливо не вписывался в «аксиомы большевизма».

«Котлован» создавался А. Платоновым в иные годы, но по-прежнему предмет его изображения не укладывался в ожидаемые нормативы. В нем речь

шла не об «овеществлении» «взаимных дружеских чувств», как в «Чевенгуре», а о реальном процессе *расслоения народа* на правящий класс советских бюрократов, живущих за счет государства, и «рядовой народ» — такое определение появится в книге А. Платонова «Размышления читателя». И этот процесс писатель наблюдал в реальной жизни, оттого-то его позиция и не совпала с «аксиомами большевизма». А. Гурвич в печально знаменитой статье 1937 года «Андрей Платонов» акцентировал внимание на этом базовом расхождении: «Государство и человек для Платонова непримиримые враги. Либо государство уничтожает человека, либо человек государство». И ниже, по поводу совершенно «советского» рассказа «Бессмертие»: «Нищий человек в богатом государстве — вот тема рассказа» [7; 393, 394.].

Высказанные критиком суждения фиксировали системное несовпадение взглядов писателя с «генеральной линией», что выводило А. Платонова за пределы советской литературы. Напомним, что убийственные формулировки принадлежали критику, не раз выступавшему в роли эксперта по части обнаружения идеологической крамолы.

В повести «Котлован» А. Платонов показал, как складывалась советская номенклатура, из кого формировался новый класс демагогов и потребителей. Так, Козлов, решивший, «что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе», идет «становиться на пенсию», чтобы «за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта» [11, 47]. Приобретя начальственный вес, Козлов появляется перед строителями, одетый «в светло-серую тройку, имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу» [11, 63].

Для А. Платонова такие «выдвиженцы» — трагический итог революции. Результатом тяжелых испытаний в годы революции и гражданской войны стало не товарищество и дружное созидание будущего, а новое размежевание людей. Финальные сцены «Котлована» по силе бесприютности, бездомности могут быть соотнесены со сценами восстания реки в романе Л. Леонова «Соть». В разреженном пространстве лжи, агрессии, классового противостояния не может выжить девочка Настя. Чиклин, тщетно пытающийся заменить Насте мать, внезапно понимает, «насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтобы она была жива!» [11, 107]

Коммунизм, по Платонову,— совершенный мир добра и справедливости, в котором только и могут жить дети, окруженные заботой и вниманием старших. Трагедия «Котлована» в том, что «голоса ударных бригад», нагнетаемая демагогами «общественная польза», противоречат жизни, человеческому естеству. «Учреждения», издаваемые ими указы и бессмысленные директивы («…заготовляйте ивовое корье!..» [11, 96]) заместили собой ожидаемый мир будущего. И если вернуться к мысли о традициях русской классики, с которыми перекликается повесть А. Платонова, то уместным будет обращение к одной из записей Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя»: «…дай всем этим учителям (интеллигентам предреволюционных лет.— *Т. Н.*) полную возможность разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено» [12, 132–133].

Как это ни печально, но повесть «Котлован» служит иллюстрацией процитированной мысли Ф. Достоевского. Послереволюционный хаос предстоит упорядочивать Чиклину и Вощеву, каждому на своем месте. Чиклин после гибели новоявленной номенклатуры (Козлов, Сафонов) возвращается к строительству общепролетарского дома, а Вощев остается исправлять колхозное наследие Активиста. Едва ли такой финал можно считать оптимистичным, однако он указывает на надежды писателя на «рядовой народ», который, несмотря ни на что, продолжает свою тяжкую работу созидания пригодного для жизни мира.

«Колхоз шел вслед за ним (Чиклиным.— *Т. Н.*) и не переставая рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована. Лошади также не стояли — на них колхозники, сидя верхом, возили в руках бутовый камень, а медведь таскал этот камень пешком и разевал от натуги пасть» [11, 114].

Как видим, А. Платонов в повести «Котлован» озабочен трудным, необходимым созиданием мира, в котором смогли бы жить дети.

Таким образом, говоря о «производственном» романе начала 1930-х годов, отмечая его художественные просчеты, мы должны рассматривать эту жанровую форму в рамках литературы, как попытку изображения человека в индустриальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург.— Л.: Художественная литература, 1977.— 449 с.

2. Литературный энциклопедический словарь.— М.: Советская энциклопедия,1987.— 752 с.

3.«Современный быт должен предварительно пройти сквозь литературное оформление вне фабулы, в виде очерков и фельетонов, чтобы стать сюжетоспособным»,— говорит Б. Эйхенбаум в заметке «Декорация эпохи» // Эйхенбаум Б. М. О прозе: Сб. статей.— Л.: Художественная литература, 1969.— 503 с.

4.Эренбург И. Г. День второй // И. Г. Эренбург. Собр. соч. в 9 т.— Т. 3.— М.: Художественная литература, 1964.— 511 с.

5. Адамович Г. В. Литературные заметки. Кн.1. (Последние новости.1928–1931) / Г. В. Адамович.— Режим доступа: lit.wikireading.ru›29464

6. Леонов Л. Соть // Л. М. Леонов. Собр. соч. в 10 т.— Т. 4.— М.: Художественная литература, 1970.— 352 с.

7. См., например, «Полемика А. Платонова с В. Стрельниковой» // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сб.— М.: Современный писатель, 1994 — С. 244–253.

8. См., например, Золотоносов М. «Ложное солнце» («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской литературы 1920-х годов) //Андрей Платонов. Мир творчества.— М.: Современный писатель, 1994.— С. 246–283.

9. Журавлев С. Ф. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 30-х годов / С. Ф. Журавлев.— М.: Ин-т российской истории РАН, 1997.— 213 с.

10. Литературное наследство. Т. 70.— М.: АН СССР, 1963.— 743 с.

11. Платонов А. Котлован: Текст. Материалы творческой истории.— СПб: Наука, 2000.— 380 с.

12. Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 30 т.— Т. 21.— Л.: Наука, 1980.—551 с.

Воронежский государственный университет
Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук.
E-mail: nikonova@ phil.vsu.ru

Voronezh State University
Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities
E-mail: nikonova@ phil.vsu.ru

УДК 81–2

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ А. П. ЧЕХОВА-ПУБЛИЦИСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ОСТРОВ САХАЛИН» И «ИЗ СИБИРИ»)

Е. А. Попова, А. М. Знаменщиков

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, администрация Липецкой области

Поступила в редакцию 17 июля 2020 г.

Аннотация: *в статье на материале двух основных публицистических произведений А. П. Чехова рассматриваются черты его языкового портрета, связанные с использованием средств репрезентации семантической категории чуждости, относящихся к когнитивному уровню структуры языковой личности, и средств выражения категории интертекстуальности, принадлежащих к прагматическому уровню. Делается вывод, что анализ средств репрезентации данных категорий в публицистике Чехова позволяет говорить о нем как о русской языковой личности, что выражается в использовании репрезентантов концептов «Россия», «русский», «тоска», частой апелляции к прецедентным феноменам, восходящим к русской лингвокультуре.*
Ключевые слова: *языковой портрет, А. П. Чехов, публицистические произведения, семантическая категория чуждости, прецедентные феномены, культурологические интертекстемы, актуальные интертекстемы, русская языковая личность.*

Abstract: *on the basis of two main publicistic works of A. P. Chekhov the article examines the features of his linguistic portrait connected with the use of the means of representation of the semantic category of alienation, related to the cognitive level of the structure of the linguistic personality; and the means of expression of the category of intertextuality, which belong to the pragmatic level. It is concluded that the analysis of the means of representation of these categories in Chekhov's publicistic works allows us to view him as a Russian linguistic personality, which is expressed in the use of representatives of the concepts such as "Russia", "Russian", "melancholy", frequent appeal to precedent phenomena based in Russian linguistic culture.*
Keywords: *linguistic portrait, A. P. Chekhov, publicistic works, the semantic category of alienation, precedent phenomena, culturological intertextems, actual intertextems, Russian linguistic personality.*

Лингвистика антропоцентризма большое внимание уделяет изучению языковой личности, созданных ею текстов различных типов, идиостиля, авторского видения мира, воплощенного в тексте. К настоящему времени наукой о языке накоплен большой опыт изучения речевых портретов. Идея фонетического портрета, выдвинутая в 60-е гг. XX в. М. В. Пановым [см. 2], стала активно использоваться в конце XX — начале XXI вв. для изучения речевых (социально-речевых) портретов. Так, в труде «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» (отв. ред. Л. П. Крысин) [4, 481–534] описаны социально-речевые портреты представителя интеллигенции (Л. П. Крысин), носителя просторечия (В. Д. Черняк), бизнесмена (Т. А. Милёхина), «нового русского» (Е. Я. Шмелева). Однако это обобщенные портреты представителей различных типов речевой культуры. Мы же в своем исследовании обращаемся к анализу языкового портрета конкретного представителя элитарного типа речевой культуры. В год 160-летнего юбилея А. П. Чехова его публицистика продолжает оставаться малоизученной с лингвистической точки зрения.

© Попова Е. А., Знаменщиков А. М., 2020

Языковой портрет — это определенный срез языковой личности, т.е. языковая личность, представленная не в полном объеме. Это означает, что для исследования берутся или не все уровни структуры языковой личности, или не все единицы всех трех уровней, или языковая личность изучается не на основе всех произведенных ею текстов. По этой причине в исследовании, которое проводится на материале двух главных публицистических произведений Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин», вполне уместно использовать термин не «языковая личность Чехова», а «языковой портрет Чехова-публициста». Термины «языковая личность» и «языковой портрет» соотносятся между собой как целое и часть. При описании языкового портрета могут использоваться методики исследования языковой личности, в частности, методика, связанная с ее уровневым устройством.

Одной из самых ярких черт языкового портрета Чехова-публициста является использование средств выражения семантической категории чуждости, которая буквально пронизывает произведения «Остров Сахалин» и «Из Сибири». Деление («членение» в терминологии А. Б. Пеньковского) универсума на «свой»

и «чужой» мир, сопровождаемое оценкой («свое — хорошее», «чужое — плохое» [3]), является основополагающим в публицистических произведениях Чехова, где происходит постоянное противопоставление России и Сахалина, России и Сибири. Средствами выражения «своего» мира являются слова и словосочетания: *у себя дома*, *дома*, *родные края*, *Россия*, *в России*, *у нас в России*, *родина*, *не сахалинское*, *из нашей стороны*, *русский*, *русское* и др.; «чужого» мира — *здесь, по дороге от Тюмени до Томска*, *тут*, *чужая земля*, *не русское*, *здешняя жизнь*, *не наша* (нравственность), *Сахалин*, *сахалинский*, *каторга*, *здешняя земля, люди деревья, климат* и др. Положительная оценочность, характерная для «своего» мира, выражается с помощью слов и словосочетаний (*счастье*, *радость*, *приятный*, *прекрасно*, *упоительно*, *сходство, очаровательное и трогательное для ссыльного*, *лучше* и др.), отрицательная оценочность, свойственная «чужому» миру, выражается словами (*не мила*, *неприглядность*, *презрительный* (смех), *отвращение*, *досада*, *однообразная, бедная, беззвучная* (природа), *скучно* и др.). Например: «…не мила чужая земля» («Из Сибири») [5, 10]; «… а главное, нет родины» («Остров Сахалин») [5, 77]; «Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине!» (Там же) [5, 365]; «– <…> У нас в России лучше» (Там же) [5, 70]; «Сахалинское сено совсем не имеет того приятного запаха, что наше русское» (Там же) [5, 300].

Одним из частотных средств выражения семантической категории чуждости в произведении «Остров Сахалин» являются словосочетания, в состав которых входит слово *родина*, выступающее в роли репрезентанта концепта *Россия*: 1) *тоска по родине*: «*Тоска по родине* выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных <…>» [5, 365]; 2) *тосковать по родине*: «…веселую песню <…> он (сахалинский солдат.— *Е. П., А. З.*) поет с такой скукой, что под звуки его голоса начинаешь *тосковать по родине* и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы» [5, 330]; 3) *страстная любовь к родине*: «…ссыльного гонит из Сахалина его *страстная любовь к родине*» [5, 365]; 4) *помнить и любить родину*: «…они (дети, родившиеся в России.— *Е. П., А. З.*) *помнят и любят родину* <…>» [5, 286]; 5) *далеко-далеко от родины*: «…и казалось, было забыто, что действие происходит в тюремной церкви, на каторге, *далеко-далеко от родины*» [5, 323].

Очень часто средства выражения двух миров, «своего» и «чужого», создают антитезу, что вполне естественно, так как эти два мира — Россия и Сахалин, Россия и Сибирь — в произведениях Чехова противопоставлены друг другу. Например: «*О Сахалине*, о здешней земле, людях, деревьях, о климате (каторжные.— *Е. П., А. З.*) *говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России все прекрасно и упоительно* <…> Одна старушка, каторжная, <…>, восторгалась моими чемоданами, книгами, одеялом и потому только, что все это *не сахалинское, а из нашей стороны* <…>» («Остров Сахалин) [5, 365].

Средством выражения семантической категории чуждости в произведении «Остров Сахалин», кроме антитезы, является также сравнение, в рамках которого используется слово *Россия*, выступающее в роли объекта сравнения: «Тут даже местность *похожа на Россию*» [5, 165]; «Ни сосны, ни дуба, ни клена — одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, *как у нас в России*, а признаком дурной болотистой почвы и сурового климата» [5, 60].

Рассмотренные языковые единицы относятся к когнитивному уровню структуры языковой личности. К прагматическому уровню принадлежат прецедентные феномены, отражающие динамическую картину мира языковой личности, ее цели и интенции. Для публицистики Чехова характерна интертекстуальность, представляющая собой использование эксплицитных и имплицитных интертекстем, восходящих к различным источникам: античная литература, Библия, произведения русской (Д. И. Фонвизин, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, А. А. Фет, В. Г. Короленко, В. М. Гаршин и др.) и зарубежной литературы (У. Шекспир, Д. Дефо, И. В. Гёте, Ж. Верн, М. Рид и др.).

А. П. Чехов чаще всего в анализируемых произведениях использует эксплицитные интертекстемы, которые представляют собой прецедентные высказывания, прецедентные имена, названия прецедентных текстов. Например: «Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалине завидными женихами; в этом отношении они хорошо знают себе цену и держат себя с невестами и с их родителями с тою разнузданною надменностью, за которую *Н. С. Лесков* так не любит *“несытых архиерейских скотин”*» («Остров Сахалин») [5, 282]. Прецедентное высказывание, восходящее к «Мелочам архиерейской жизни» Лескова, заключено в кавычки, рядом называется фамилия автора. См. еще примеры эксплицитной апелляции к прецедентным текстам и прецедентным именам: «Для того чтобы бежать, совсем нет необходимости в тех приготовлениях и предосторожностях, какие описаны в прекрасном *рассказе В. Г. Короленко “Соколинец”*» («Остров Сахалин») [5, 372]; «Если бы в *“Русской женщине” Некрасова* герой, вместо того чтобы работать в руднике, ловил для тюрьмы рыбу или рубил лес, то многие читатели остались бы неудовлетворенными» (Там же) [5, 141].

Чехов часто использует в анализируемых публицистических произведениях прецедентные имена, представляющие собой ставшие нарицательными имена героев русской и зарубежной литературы (многие из них употреблены в форме множественного числа): *Держиморда* [5, 340], *Яго* [5, 340], *Ноздрев*, *Ноздревы* [5, 28], *Робинзоны* [5; 178, 328], *Гретхен* [5, 213], *Одиссей* [5; 48, 376], *Одиссеи* [5, 376]. Прецедентные имена Чехов употребляет как символы

определенных человеческих качеств: грубости (*Держиморда*), хитрости, лжи (*Яго*), хвастовства, мелкого жульничества (*Ноздрев*), жизни вдали от других людей и самостоятельного добывания всего необходимого (*Робинзон*), красоты и молодости (*Гретхен*), хитрости, странничества (*Одиссей*). См. следующий пример, в котором присутствует «расшифровка» значений прецедентных имен: «В новой истории Сахалина играют заметную роль представители позднейшей формации, смесь *Держиморды* и *Яго*, господа, которые в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозчичьей брани, а высших умиляют своею интеллигентностью и даже либерализмом» («Остров Сахалин») [5, 340].

В некоторых случаях в произведении «Остров Сахалин» происходит трансформация интертекстем, в том числе с помощью добавления в их состав прилагательного *сахалинский*, напоминающего о том, где происходит действие: *сахалинская Гретхен* [5, 213]; *сахалинские Робинзоны* [5, 178].

В качестве примера имплицитных трансформированных интертекстем приведем следующие два примера, в которых трансформации подвергаются прецедентные высказывания:

1) «Делать нечего, пришлось две ночи провести на пароходе; когда же он ушел в Хабаровку, я очутился как рак на мели: *ка́мо пойду*?» («Остров Сахалин») [5, 44]. Здесь Чехов использует старославянское выражение *Камо грядеши?*, адресованное апостолом Петром Иисусу Христу. Чехов заменяет старославянскую форму глагола *грядеши* на русскую *пойду*, добиваясь тем самым иронического эффекта. Следует отметить, что в исходном высказывании глагол имел форму 2-го лица, а Чехов заменил ее формой 1-го лица, использовал по отношению к себе.

2) «На Волге человек начал удалью, а кончил *стоном, который зовется песнью*» («Из Сибири») [5, 38]. В этом примере имеет место трансформация прецедентного высказывания из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» — «Этот стон у нас песней зовется».

Поскольку «Остров Сахалин» Чехова — произведение документальное, хотя и созданное художником слова, в нем, кроме культурологических интертекстем, рассмотренных выше, много так называемых актуальных интертекстем (термины А. А. Маховой [1]), представляющих собой цитаты, точные выдержки из различных источников. Известно, что во время подготовки к своему путешествию Чехов изучал в большом количестве труды по уголовному праву, истории тюремного заключения и ссылки в России, истории колонизации Сахалина, газетные и журнальные статьи, посвященные Сахалину, и многое другое. Все это нашло отражение на страницах произведения. Например: «*Лаперуз* пишет, что свой остров они (гиляки.— *Е. П., А. З.*) называли Чоко, но, вероятно, название это гиляки относили к чему-нибудь другому <…>» [5, 48]. Большинство актуальных интертекстем представляет собой большие фрагменты текста.

Семантическая категория чуждости и интертекстуальность, выраженная с помощью культурологических и актуальных интертекстем, составляют две яркие (но не единственные) черты языкового портрета А. П. Чехова-публициста. Анализ средств репрезентации данных категорий в публицистических произведениях Чехова позволяет говорить о нем как о русской языковой личности, что выражается в использовании репрезентантов концептов *Россия*, *русский*, *тоска*, частой апелляции к прецедентным феноменам, восходящим к русской лингвокультуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махова А. А. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальности в журналистском тексте: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Махова.— Белгород, 2015.— 22 с.

2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов.— М.: Наука, 1990.— 453 с.

3. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. Отв. ред. В. П. Григорьев.— М.: Наука, 1989.— С. 54–82.

4. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Отв. ред. Л. П. Крысин.— М.: Языки славянской культуры, 2003.— 568 с.

5. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10. Из Сибири. Остров Сахалин. Фельетоны, статьи. Записные книжки. Дневники. 1882–1904 / А. П. Чехов.— М.: ГИХЛ, 1963.— 639 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Попова Е. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы

E-mail: rusyaz_lipetsk@ mail.ru

Знаменщиков А. М., аспирант кафедры русского языка и литературы, заместитель начальника управления государственной службы и кадровой работы администрации Липецкой области

E-mail: znam@list.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Popova E. A., Doctor of Philology, Professor, the Head of the Russian Language and Literature Department,

E-mail: rusyaz_lipetsk@ mail.ru

Znamentshikov A. M., Postgraduate Student of the Russian Language and Literature Department, the deputy of the head of the department of civil service and personnel work of the administration of Lipetsk region

E-mail: znam@list.ru

УДК 821.161.1: 821.111

АРХЕТИП АНГЛИЙСКОГО РЕНЕССАНСА: УОЛТЕР РЭЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЯХ КОНЦА 1830-Х ГГ.

М. С. Пузикова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Поступила в редакцию 23 марта 2020 г.

Аннотация*: сэр Уолтер Рэли одним из первых поэтов-елизаветинцев (после Шекспира) заинтересовал русских литераторов. В статье рассматриваются два посвященных ему текста, опубликованные в периодических изданиях на рубеже 1830-х — 1840-х гг. Исследование репрезентации образа поэта на столь раннем рецептивном этапе позволяет проследить формирование базовых, архетипических представлений о культуре английского Ренессанса, определивших характер ее последующего освоения.*

Ключевые слова*: сэр Уолтер Рэли, английское Возрождение, рецепция, поэтический перевод.*

Abstract*: Sir Walter Raleigh was one the first among Elizabethan poets (other than Shakespeare) to draw attention of Russian literati. This article views two texts about him, which were published in periodicals at the turn of 1830's. Studying the ways of representing the poet allows to highlight the emersion of the Renaissance Archetype, which would determine the subsequent reception of English Renaissance poetry.*

Keywords*: Sir Walter Raleigh, English Renaissance, reception, poetical translation.*

Начало XIX века в России характеризуется постепенным ростом интереса к английской культуре, языку, словесности [1, 535]. Внимание российских литераторов сосредоточено, с одной стороны, на близкой, как по времени, так и идейно, английской поэзии XVIII–XIX веков, имевшей в это время большое влияние на литературу континентальной Европы (Дж. Байрон, сентиментализм) [1, 539–540], с другой стороны, в исторической перспективе — на крупных фигурах английской литературы, среди которых — флагман английского Возрождения У. Шекспир. Освоение его драматического наследия знаменует собой начало первого этапа рецепции литературы английского Возрождения в России. Уже тогда намечается интуитивное понимание неотделимости Шекспира от широкого контекста его времени. Культура елизаветинской эпохи (1558–1603) все чаще становится предметом интереса, хотя как таковое английское Возрождение в современном смысле в русской критической рецепции начала XIX века не существует: поэты данного периода воспринимаются либо как органическая часть общего литературного процесса, либо как современники Шекспира, масштаб фигуры драматурга подталкивает к осмыслению елизаветинской эпохи как значительной вехи в развитии английской литературы.

В первой половине XIX века имена поэтов эпохи Ренессанса появляются в русской печати в обзорных работах, посвященных английской литературе (см., например, трактат О. Сомова «О романтической поэзии» [2] или статью «О драматической поэзии в Англии до Шекспира и о Шекспировской драме» [3]). Большинство поэтов, однако, остаются неизвестны русской читающей аудитории: первостепенной задачей является выработка базовых принципов понимания английской ренессансной культуры, поиск ответа на вопрос «Что есть шекспировская эпоха?»,— в самом широком, архетипическом смысле.

Закономерным в данном контексте представляется интерес к поэту-елизаветинцу сэру Уолтеру Рэли. Обладатель бурной биографии — государственный служащий, военный, путешественник — Рэли был ярким представителем своего времени. Он покровительствовал Эдмунду Спенсеру, участвовал в культурной жизни елизаветинского двора и занимался литературным творчеством. Рэли не оставил столь же богатого поэтического наследия как многие его современники. Однако он сыграл одну из ключевых ролей в становлении английской литературы. Кроме того, Рэли воплотил в себе многие «типичные» черты ренессансной культуры, что обусловило интерес к нему на столь раннем этапе рецепции и задало характер этого интереса: скорее культурно-исторический, нежели литературный.

На рубеже 30-х-40-х гг. XIX века в русской печати появились два текста о нем: «Заклад сира Вальтера Ралифа с королевой Елисаветой» («Библиотека для чтения», 1839) [4] и перевод статьи Филарета Шаля «Вальтер Ралейг» («Сын Отечества», 1840) [5]. Оба текста были опубликованы в журналах «торгового» направления, издаваемых А. Ф. Смирдиным. «Сын Отечества» выходил под его началом с 1838 по 1840 год, редактором на момент публикации был А. В. Никитенко, только что перенявший эту должность у возглавлявших издание в 1838–1839 гг. Н. И. Греча и Ф. В. Бул-

© Пузикова М. С., 2020

гарина [6, 13]. «Библиотека для чтения» выпускалась Смирдиным с 1834 по 1859 и также сменила нескольких редакторов; с 1836 года журнал единолично редактировал О. И. Сенковский (изначально — совместно с Н. И. Гречем) [6, 21]. Его роль в журнале была велика: редактор заполнял своими текстами значительную часть издания [7, 230]. Оба журнала тяготели к развлекательности и спекулятивности, зачастую пренебрегая качеством текстов, за что подвергались критике современников (так, Белинский упрекал их в большей заботе о «благосостоянии собственного своего кармана») [8, 20]. В то же время издания Смирдина не только коммерциализировали литературный труд, но и сделали толстые журналы доступными широкому кругу читателей (в первую очередь — провинциальному мещанству).

Рецептивная ситуация, в которой происходило первое знакомство с Рэли в России, обусловила отсутствие единообразия в транслитерации имени заглавного героя, несмотря на временную и эдиционную близость. Эквивалент «Ралиф» свидетельствует о продолжающемся влиянии французской языковой культуры и сохранении за французским языком роли посредника при освоении английской литературы, которую он играл и в XVIII. Вариант «Ралейг» говорит о попытке прочитать имя героя по-английски, однако оба позволяют сделать вывод, что английская языковая культура еще не была в достаточной степени освоена, а рассматриваемые тексты отражают первый опыт приближения к дискурсу английского Возрождения.

«Заклад сира Вальтера Ралифа…» — небольшое художественное произведение развлекательного характера с дидактическим акцентом (последний абзац), жанрово близкое историческому анекдоту. Раздел «Смесь», где оно было опубликовано, тяготел к «анекдотам, коротким рассказам приключенческого и назидательного характера» [7, 232], которые чаще всего публиковались без указания авторства. В «Аналитическом реестре» журнала указано, что многие тексты в «Смеси», опубликованные «большею частью без подписи», были написаны Сенковским [9, 103]; можно предположить, что «Заклад…» также принадлежит перу редактора.

В центре повествования — спор Уолтера Рэли с придворными и королевой Елизаветой о табаке; в последнем абзаце автор замечает: «Должно добавить, что Ралиф был первым вводителем табаку в Англии» [4, 133]. Свойственный жанру фокус на ситуации обусловливает схематичность действующих лиц, в том числе и главного героя. Персонаж Рэли — человек, которого «считали … всегда остряком» [4, 128], бунтарь и трикстер, способный «превратить дым в золото» [4, 133]. Автор не уточняет обстоятельств жизни и службы Рэли, не упоминает о его литературной деятельности. Исторические факты используются в тексте как отправная точка художественного вымысла, личность Рэли сводится к выполнению функции (архетипу). И хотя о полноценной рецепции идей и творчества Рэли говорить еще рано, наметившаяся тенденция к типизации его личности, а через нее и образа человека (английского) Возрождения представляется крайне важной. Та же тенденция наблюдается в вышедшей годом позже биографической статье Филарета Шаля.

Оригинал статьи был опубликован во Франции летом 1840 г. в журнале Revue des Deux Mondes [10], русский перевод появился на страницах «Сына Отечества» осенью того же года. Шаль сосредоточил свое внимание на перипетиях личной судьбы героя, государственной и военной службы. Рэли представлен типичным человеком Возрождения: «хотел быть и был всем» [5, 52], «…на все отваживался, всем стремился завладеть и не преуспел ни в чем» [5, 12]. Шаль критически оценивает как своего героя, так и породившую его эпоху; отмечая, что «в Ралейге отразился весь век его», Шаль использует его с тем, чтобы рассказать о противоречиях тюдоровской Англии, которой было свойственно «честолюбие, ко всему стремящееся, великодушие, которое всё хочет отдать» [5, 52].

Большой интерес представляют взгляды Шаля на литературную деятельность Рэли. Биограф отмечает, что он был «отличным писателем» [5, 33], но редко писавшим — лишь «когда лихорадочная деятельность <…> позволяла ему приниматься за перо» [5, 22]; речь, однако, идет о прозаическом творчестве Рэли (в частности, об историческом труде “The History of the World”), которое высоко оценивается биографом: «Для английской прозы он сделал то же, что Кальвин для французской» [5, 41]. Сведения о его поэтических практиках ограничиваются несколькими замечаниями об обращении Рэли к поэзии в последние месяцы жизни, во время заключения в лондонском Тауэре; Шаль приводит строку из стихотворения “Sir Walter Raleigh’s Pilgrimage” (1603?): “Who oft doth think, must needs die well”, которая воспроизводится в русском издании с параллельным переводом: “Кто мыслит — хорошо умеет умереть” [5, 46]. Кроме того, биограф отмечает, что накануне казни, написав прощальное письмо жене и «увидев, что надо снять со свечи», Рэли «экспромтом написал несколько стихов» [5, 49]. Речь идет об эпиграмме “Sir W. Raleigh on the snuff of a candle the Night before he died”: “Cowards [may] fear to Die, but Courage stout, / Rather than Live in Snuff, will be put out” [11, p. 57] («трусы [могут] боят[ь]ся умереть, но сильный и храбрый {человек} / чем жить в нагаре скорее {предпочтёт} быть погашенным»[1]). Шаль не приводит оригинал стихотворения — лишь (весьма вольный) французский перевод. Русский текст, в свою очередь, представляет собой его поэтическую интерпретацию; оба стихотворения зна-

[1] Здесь и далее подстрочный перевод мой — М.П.

чительно модулируют исходный текст, расширяют его как формально (французский — до четверостишия, русский — до пятистишия), так и содержательно (включая элементы заголовка в тело стихотворения). Приведенные строки дополняют созданный в статье образ честолюбивого и великодушного Рэли, не поколебавшегося даже перед лицом смерти. Кроме того, образ усиливается грамматически посредством замены страдательного залога в оригинале — "will be put out" («быть погашенным»), на действительный во французском — "…l'homme brave aime mieux / Éteindre d'un seul coup sa splendeur et sa vie" [10, 317] («смелый человек предпочитает / погасить одним ударом (поступком) свое великолепие и свою жизнь»), а за ним — и в русском переводе: «Муж доблестный единым дуновеньем / Умеет жизнь свою и славу затушить» [5, 49].

Шаль отводит поэзии в (творческой) биографии Рэли место почти случайного, стихийного опыта — «экспромта», обусловленного внешними жизненными обстоятельствами, экзистенциальным переживанием (подготовлением к смерти). Добавим, что, как и анекдот о табаке, биографическая статья Шаля в русском варианте приобрела скорее рекреативную модальность: ее публикация мотивировалась издателем «занимательностью» биографии Рэли, «жизнь [которого] может служить вместо романа» и есть «повесть, автором которой была сама судьба» [5, 11].

Рэли привлек внимание российских литераторов в силу того, что обладал бурной биографией, представляющей потенциал для создания развлекательных текстов. Однако важным представляется сам факт появления интереса к придворной (и далее — литературной) культуре елизаветинской эпохи. Появление в печати имени Рэли сигнализирует о начале освоения и ассимиляции в России культуры Ренессанса, пусть сначала в самом широком смысле.

Рассмотренные нами тексты бытовали в условиях единой рецептивной ситуации, которая характеризовалась, в первую очередь, отсутствием системных представлений о литературе и культуре английского Возрождения, об английском языке — и, в то же время, начинающим оформляться (благодаря Шекспиру) интересом ко всему вышеназванному. Тексты эти не решают задачи составить представление о Рэли как о поэте и / или исторической личности, но являются опытом интерпретации, категоризации целой эпохи через личность одного человека. Типизация образа Рэли, параллельно происходящая в западной филологической мысли, позволяет судить о формировании тенденций понимания английского Возрождения как «золотого века» культуры, полного противоречий и заслуживающего критического осмысления. Начало XIX века знаменуется актуализацией английского Возрождения в поле русской литературы и культуры, началом поиска точек соприкосновения, вследствие чего становится возможным весь последующий, более содержательный процесс рецепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века) / сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский.— М.: Прогресс, 1981.— С. 491–565.
2. Сомов О. М. О романтической поэзии: Опыт в трёх статьях / О. М. Сомов.— СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1823.— 102 с.
3. О драматической поэзии в Англии до Шекспира и о Шекспировской драме // Московский телеграф.— М.: 1831.— Ч 40.— № 13.— С. 63–93.
4. Заклад сира Вальтера Ралифа с королевой Елисаветой // Библиотека для Чтения.— 1839.— Т. 33.— отд. 7.— С. 127–133.
5. Шаль Ф. Вальтер Ралейг // Сын отечества.— 1840.— Т. 5, отд. 1.— С. 11–52.
6. Русская периодическая печать 1703–1894 гг.: библиография и графические таблицы / сост. и изд. Н. М. Лисовский.— СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1895.— Вып. I.— 96 с.
7. Русская периодическая печать (1702–1894): справочник / под. ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. Черепахова.— М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.— 835 с.
8. Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы) / В. Г. Березина.— Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969.— 111 с.
9. Аналитический реестр для второго трехлетия «Библиотеки для чтения»: от 20 до 37 тома включительно 1837–1839.— СПб, 1840.— 152 с.
10. Chasles Ph. Walter Raleigh // Revue des Deux Mondes.— 1840.— Quatrième série, Vol. 23, No. 2.— PP. 279–320.
11. The poems fof Sir Walter Raleigh collected and authenticated with those of Sir Henry Wotton and other courtly poets from 1540 to 1650 / edited with an introduction and notes by J. Hannah D. L.— London: George Bell & Sons, 1875.— 261 p.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Пузикова М. С., аспирант кафедры романо-германской филологии Филологического факультета Томского государственного университета

E-mail: ritta91@mail.ru

National Research Tomsk State University

Puzikova M. S., Postgraduate student at Tomsk State University, Department of Philology

E-mail: ritta91@mail.ru

УДК 821.161.1

Н. ГОГОЛЬ И М. ЦВЕТАЕВА: СТРАТЕГИЯ ДИАЛОГА В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 11 марта 2020 г.

Аннотация: *В статье рассматривается творческая «встреча» и духовное родство двух поэтов — Гоголя и Цветаевой — через принадлежность к «большому времени». Единство понимания природы искусства, способность к само-суду как выражение жизненной стратегии судить себя и действительность определяют взаимопонимание столетий, их диалог, репрезентированный целым рядом характеристик.*

Ключевые слова: *диалог поэтов, «большое время», гоголевский контекст, над-мирность, само-суд, бытие*

Abstract: *The article discusses the creative "meeting" and spiritual kinship of two poets — Gogol and Tsvetaeva — through belonging to the "big time". A unity of understanding of the nature of art, the ability to self-judgment as an expression of a life strategy to judge oneself and reality determine the mutual understanding of centuries, their dialogue, represented by a number of characteristics.*

Keywords: *dialogue of poets, "great time", Gogol's context, over-peacefulness, self-judgment, being*

Человек вообще, а поэт тем более, всегда вступает в диалогические отношения, складывающиеся в масштабах культуры человечества в целом. Поэт отзывается на все, что причастно самосотворению жизни, отзывается на бессмертные образы и сюжеты, представляя собой уникальное явление, особый опыт постижения мира и человека. Диалоги поэтов, осуществляющиеся в сознании и подсознании,— это своего рода встречи, ибо все бессмертное им и принадлежит. М. Бахтин отмечает: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий <…> обеспечивает сложное единство всего человечества <…>, сложное единство человеческой литературы. Все это раскрывается только на уровне большого времени. Каждый образ нужно понять и оценить только на уровне большого времени» [1, 369]. В тонком ментальном процессе взаимопонимания столетий «встреча» поэтов — свидетельство их сопричастности друг другу. Так писательской отзывчивостью М. Цветаевой на творчество Н. Гоголя определены межтекстовые переклички. Речь идет не о трактовке Цветаевой гоголевских тем и мотивов, а о смысловом контакте двух художественных миров. Межтекстовый диалог осуществляется через актуализацию в сознании творца и в сознании читателя общих тем, образов и их глубинных существенных черт, получающих самостоятельное развитие и порождающих новые смыслы в картине мира поэта-реципиента. Через освоение классического наследия и рецептивную актуализацию новых смыслов утверждается наличие единой системы культурных кодов,— пространственно-временных, предметно-функциональных, чувственных и т.д., что закономерно приводит «к некоей целостности художественно-эстетической модели сознания» [2]. Результатом освоения Цветаевой-поэтом (как впрочем и всей русской литературой Серебряного века) творческого наследия Гоголя можно назвать типологические процессы, связанные с чутким восприятием гоголевского контекста.

Преображенная искусством реальность в гоголевских произведениях восхищала Цветаеву, в письмах назвавшую Гоголя поэтом в прозе: «Стихи Гоголя — стихи прозаика. У поэта, приступающего к прозе, та школа стихотворного абсолюта, которой нет у прозаика, приступившего к стихам» [3, 557], «Поэт в прозе — царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас — человеком» [4, Т. 5, Кн.1, с. 305][1]. Для самой Цветаевой быть поэтом — значит быть творцом высокого стиля, песнопевцем великой темы.

Гоголь для Цветаевой, несмотря на прозаическую форму созданных им произведений[2],— поэт по особому видению мира, по дару преображения прозы жизни, «чаре», как именует ее Цветаева: «… чары беру не как прикрасу, а как основу, как одну из первозданных сил, силу природы. Нет чар — нет стихов, есть рифмованные строки. <…> Чары как исток про-

© Радь Э. А., 2020

[1] В тексте в ссылке на данный источник указаны том, книга, страница.

[2] Исключение составляет первое произведение Гоголя — лирическая поэма «Ганс Кюхельгартен».

заического дарования — Гоголь…» (Цветаева М. И.— В. А. А. <Середина 1930-х гг.>) [4, Т. 7, Кн.2, с. 143].

В Гоголе Цветаева подчеркивает «непосредственно из самой гущи российского быта — взлет над этой гущей, легкость перемещения, неприкрепленность именно к этой пяди земли,— то, чего так кровно был лишен Чехов: местное, одоленное вселенским, быт — бытием» [4, Т. 5, Кн. 1, с. 270]. Взлет над бытом, принадлежность к бытию, вечному, всевременному — это то, что отличает и художественный мир самой Цветаевой. Положение уникального «я» поэта — *над*-мирность, умение откликаться на события, встречи, открытия. В поэтическом слове Цветаевой, вбирающем в себя многоголосие мира, его стихийность и неоднозначность, восстанавливается Россия [о над-мирном состоянии Цветаевой см.: 5]. Путь Цветаевой в творчестве определен стратегией мирослушания, жизнетворчества, *ответа*, с тем, чтобы исправить, изменить Россию, одухотворить, облагородить, приблизить к Богу. Восстановлению России и отражению многоголосия мира служил и Гоголь. Но Гоголь следовал стратегии *вопроса*. Его поэтика вопрошания, выражающая боль и тревогу автора, художественный опыт, содержащий и раскрывающий решение онтологических вопросов, так же как и диалоги других поэтов (неслучайно признание Цветаевой о том, что в ней много поэтов, а как это слилось — ее тайна), помогли Цветаевой осмыслить действительность не только как объективно данную реальность, но и как психоментальный феномен. Избегая прямолинейности и категоричности в характеристике особенностей поэтики Гоголя и Цветаевой, связанной с категориями вопрошания и ответствования, отметим, что философское осмысление быта и бытия через имплицитно и эксплицитно представленную художественную систему вопросов и ответов свидетельствует об онтологически ориентированном сознании обоих поэтов.

Принадлежность к «большому времени» двух поэтов через соотнесенность творчества со «вселенским», с бытием определяет творческую встречу, духовное родство и порождает в Цветаевой размышления о творческом и человеческом в поэте. Духовное родство — в единстве понимания природы искусства, способности художественного творчества искушать и побуждать душу человека. Понимание это выражено Гоголем в «Выбранных местах» и «Размышлении над Божественной Литургией» и Цветаевой в эссе «Искусство при свете совести». В эпизоде из эссе, ставшем уже хрестоматийным Цветаева дает свою оценку факту сожжения Гоголем в камине шереметевского дома второй части «Мертвых душ» как проявлению *душевной страсти* «само-суда»: «Сумасшедший — тот, кто сжигает храм (которого не строил), чтобы прославиться. Гоголь, сжигая дело своих рук, и свою славу сжег» [4, Т. 5, Кн.2, с. 33]. Самосуд — единственный суд над поэтом, приемлемый и признанный Гоголем, поставившем проблему соотношения материального и духовного, «внешнего» и «внутреннего» человека, души и духа. Гоголь вынес приговор себе и духовным основам современности. Цветаева, принимающая искусство за «чистилище, из которого никто не хочет в рай» [4, Т. 5, Кн.2, с. 40], утверждает общий для всех поэтов «душевно-художественный рефлекс» — рефлекс до всякой мысли, до всякого чувства, «художественно-болевой, ибо душа наша способность к боли» [4, Т. 5, Кн.2, с. 42]. Способность к само-суду — выражение жизненной стратегии поэтов судить себя и действительность, бытие и быт. Процесс создания ими произведений определяется особым даром мировидения и мирослушания, основан на интерпретации мира, природы, осмысления своего и чужого творчества. Не случайно творчество в понимании Цветаевой — компонент природы, знаковость которой отражается в ее стихиях (огня, земли, воды и воздуха). Оно имеет тот же знак — стихию, но *стихию слова*. Не случайно Цветаева отмечает: «Состояние творчества есть состояние наваждения» [4, Т. 5, с. 366]. Долг поэта — адекватно ответить на стихию природы стихией слова.

Глубоко связанные с народной культурой, фольклором, Гоголь и Цветаева в своем творчестве воплотили попытку «добраться до сути» — сути вещей и бытия.

В творчестве Цветаевой гоголевский контекст, порожденный внутренним диалогом и принятием гоголевской поэтики, представлен разными уровнями смысловых художественных единств: уровнем усвоения романтических традиций; жанровым уровнем сказа; тематическим уровнем («тело — душа — дух», «вещественное — душевное — духовное»); уровнем образов и мотивов.

Так можно говорить о преломлении традиций «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с идеей синтеза небесного и земного, написанных в эпоху, характеризующуюся романтическим историзмом и фольклоризмом, крепнущим интересом к «народности», в «фольклорных» поэмах Цветаевой. Именно в этих поэтических текстах обнаруживаются черты усвоенной традиции романтизма, обращение к сказке, а в системе доминирующих мотивов — точки схождения с Гоголем-прозаиком, романтиком на ранних этапах творчества. «Основной фольклорный пласт ранней гоголевской прозы составляет не столько волшебная сказка, сколько отреченная народная легенда, ориентированная на сказку» [6, 71].

Тип романтического сознания, характер романтического героя, романтическая приверженность высшему принципу, идеальному миру, искусство бурных страстей были актуальны для переломной эпохи и восприняты поэтами и писателями модернизма. Их привлекал театр страстей, поединок с судьбой, в который превращалась человеческая жизнь в атмосфере романтических хроносов и топосов. В бурных

страстях романтизм расширял возможности психологического анализа «внутреннего человека», искал новые формы поэтической рефлексии. Говоря о существовании образа романтического героя в литературе XX века, М. Л. Гаспаров отмечает: «Мода на этот образ шла двумя всплесками: сперва в романтизме, потом в модернизме» [7, 9–10].

Принадлежа к поколению русских поэтов-постсимволистов, Цветаева, не связывающая себя ни с одним из литературных течений, отзывалась на то, что корнями уходило в эпоху литературного и философского романтизма, что роднило символизм с движением, возникшим за сто лет до него. По содержанию поэзии (формально новаторской) Цветаеву смело можно назвать последним представителем романтизма [8].

В творчестве Гоголя берет начало особая семантико-стилистическая нарративная традиция русской классической прозы — сказовая, активно освоенная Цветаевой. Несмотря на разные формы художественного воплощения — повести («Вечера на хуторе близ Диканьки») и «фольклорные» поэмы («Молодец», «Царь-девица», «Крысолов», «Егорушка») — Гоголь и Цветаева через сказовую манеру моделируют живую речь героя-нарратора, передающую живые интонации, констатируют речевую маску повествователя. Гоголевский и цветаевский сказы театрализованы, литературно обработаны. В сказовом по структуре повествовании создается своеобразный антимир посредством ритуально-мифологических оппозиций (новое / старое, порядок / хаос, свое / чужое). Во взаимодействии их художественных миров через схожую сказовую манеру репрезентируются типологически сходные ситуации и повторяющиеся явления. Поэты осуществляют путешествие в лабиринте человеческих страстей, через монологическую речь актуализируют мысли, релевантные для философской перспективы,— мысли, в которых Гоголь и Цветаева устремлены к постижению бытия человека. Оба исследуют главные онтологические вопросы — жизни и смерти, души и тела [подробно см. 9]. Душа и дух как бытийное, надбытовое — главная тема их творчества, в точке бифуркации оказываются герои в своих решениях, определяющих дальнейшую судьбу. У обоих: горизонтальный вектор движения — от индивидуализма к социуму и вертикальный вектор — к некоему абсолюту (этическому, духовному) как верховной инстанции.

Одним из ведущих мотивов общей системы образно-мотивного спектра лирики Цветаевой, сближающих романтизм и модернизм, поэта и прозаика, отражающих рефлексию как способность мыслящего сознания «внутреннего человека» и философский потенциал литературы, можно с полным правом назвать *мотив страсти*, сохранивший в себе генетический (чувственный) код романтизма. Существование человека (раннего гоголевского и цветаевского) имеет интимно-личностный смысл. Сфера страстей, представленная в литературе нового времени в контексте личного страстного желания, становится инвариантом жизни и смерти, а у Гоголя в зрелом творчестве, по наблюдениям С. Федоренко, приобретает не страстно-личностный, а всеобщий характер. Она же указывает на ориентированность поэтики Гоголя не столько на решение вопроса о жизни духа, сколько на проблему смерти тела [10, 227–228]. Эта же тенденция разрешения проблемы смерти физической и причастности к вечности через творчество, искусство определяет художественной мир Цветаевой.

Следование Цветаевой литературной традиции романтизма ярко выражено в репрезентации любовных переживаний в поэмах «Молодец», «Царь-девица», «Крысолов», «Егорушка», при создании которых в своем обращении к прозаическим фольклорным источникам автор трансформирует народную прозу в лироэпическую поэзию. Рассматривая цветаевские «фольклорные» поэмы в аспекте авторепрезентации различных стратегий, отметим не только трансформацию жанровых форм и художественных принципов их реализации, но и сохранение общего поля философской перспективы системы мотивов в диалоге с другими поэтами, в частности, с Гоголем.

Так, в темпераментной лирической героине Цветаевой и у влюбленных, азартных гоголевских героев общая черта характера — страстность, порывистость, выступает движущей силой их неординарных поступков (например, повесть «Вечер накануне Ивана Купала» и поэма «Молодец»). Мотив страсти представлен разными коннотативными значениями. *Страсть телесная*, материальная, препятствующая восхождению души и приобщению к божественному, нарушает цепочку «*человек — Бог — вечность*». *Страсть духовная,* соединенная с нравственным началом в человеке и выступающая движущей силой его действий, не препятствует установлению и сохранению связи с надбытийным.

Определяя вслед за романтиками любовь как абсолют, не боясь откровенности, наполняя образы страстностью и эротизмом, преодолевая границы дозволенного, обозначенные новым «религиозным сознанием» эпохи Серебряного века, Цветаева писала: «Буду грешить, как грешу, как грешила — со страстью!» [4, Т. 1, Кн.1, с. 243]. Мотив телесной страсти всегда порождал в культуре и литературе множество «профанных» образов. Поэтика Цветаевой не изобилует эротическими образами. У Гоголя же отмечается ярко подчеркнутое стремление к эротизации образности, имеющей в любовных линиях сюжетов «Вечеров» преимущественно имплицитный характер. Эксплицитный эротизм распознается в пейзажных зарисовках того же цикла (например, первая глава «Сорочинской ярмарки», «Майская ночь, или утопленница»), когда природные объекты иденти-

фицируются с женскими и мужскими телесными формами (литературный приём персонификации природных явлений), что переводит их в план природно-космический.

В художественном мире Гоголя представлен весь спектр значений страсти и эротизма (от платонического до плотского). Так, мотив духовной страсти сопровождает, к примеру, сюжетную линию Вакулы и Оксаны, Левко и Ганны, Пискарева и незнакомой красавицы, линию Чичикова и губернаторской дочки. Мотив поцелуя выполняет смыслообразующую функцию в повести «Майская ночь, или утопленница», в которой только Ганне удается противостоять неприличным страстным поцелуям / лобзаньям. Движимые сильными чувствами, Левко и Вакула вступают во взаимодействие с потусторонним силами: Левко отправляется в мир мертвых, обращаясь к панночке-утопленнице, а Вакула прибегает к помощи черту. В повести «Невский проспект» Пискарев видит в женщине настоящее божество. На легко уловимые тона платонического поклонения женщине, в обилии представленные в письмах Гоголя (например, к его ученице М. Балабиной и в письмах к Смирновой), указывает В. Зеньковский [11, 316]. Телесную страсть испытывают поручик Пирогов, всецело живущий сексуальными переживаниями, Голова (отец Левко), ухаживающий за Ганной. В повести «Страшная месть» прозрачен намек на инцест, страсть отца к дочери, окончательно прояснившуюся в кошмарном сне Катерины. Одержимость страстью к материальному обогащению свойственна многим героям Гоголя. Наглядным примером страсти к накопительству, поработившей человека, стала галерея помещиков в поэме «Мертвые души».

В творчестве Цветаевой осуществляется путь от страстей плотских, низменных (вожделения, греховности, ревности, гордыни) к страстям душевным (стремлению к божественному, возвышенному и духовному). Приоритет отдан мотиву страсти-любви, облеченной в ее поэтических текстах в боль и страдание. Цветаевское страстное сознание мыслит категориями крайностей: «Сердцу — ад и алтарь, / Сердцу — рай и позор» [4, Т. 1, Кн.2, 105]. В подтверждение — выдержка из письма С. Эфрона к М. Волошину (Коктебель, декабрь 1923 г.): «Марина — человек страстей… Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни…» [письмо цитируется по книге: 12, 135].

Вспыхивающая любовь-влечение Цветаевой и цветаевской лирической героини заставляет ее приобщиться к темному, потустороннему миру: «Я завидую каждому встречному, всем простым, вижу себя игралищем каких-то слепых сил (демонов), я сама у себя под судом, мой суд строже Вашего, я себя не люблю, не щажу» [3, 257]. Главная страсть в жизни и творчестве поэтов — страсть самосуда, выражена в поэтике косвенно — через знаковые образы (в данном случае — хтонические) — ночь, гроб, бездна и др. Всю свою пламенную любовь, не нашедшую признания в реальном мире, Цветаева и ее героини переносят в ирреальную плоскость — небытие: «Погружение в самое ночь. Вот почему мне так хорошо с Вами без света. <…> Вот почему все такие часы Вашей Жизни Вы будете со мной: присутствующий в отсутствии» [4, Т. 5, Кн.2, с. 141].

Лирическая героиня Цветаевой, говоря о загробной жизни, о потустороннем мире, все равно не выходит за рамки реальности: Нет, никоторое из двух: / Кость слишком — кость, дух слишком — дух. / Где — ты? Где — тот? Где — сам? Где — весь? / Там слишком там, здесь — слишком здесь [4, Т. 2, с. 325].

Осязаемость посюстороннего позволяла ей видеть параллельность с потусторонним. И как бы возвратным движением неосязаемость «того света» разжигает ее опустошающую страсть к жизни. В земном чувстве сливаются два мира, сплавляются духовное и телесное.

Но невозможность соединиться с любимым человеком не дает Цветаевой и ее героине достичь целостности самой себя. Как отметил Х. Банцхаф, «целостности можно достичь, только наладив контакт с противоположным полом» [13, 62] (что, кстати, является одной из сентенций сказок: стремление к завоеванию царевны-невесты определяет возможность героя победить всех чудовищ на пути). Таким образом, у сломленной героини М. Цветаевой в ее художественном мире возникает локус небытия, не имеющего категории вечного времени, тогда как герои Н. Гоголя находят крепкую гендерную связь и тем самым устанавливают отношения «*человек — Бог».*

Как видим, в образных системах Цветаевой и Гоголя и мотив страсти — общая типологическая точка схождения.

Человек в прозе Гоголя и в неоромантических стихотворениях и поэмах Цветаевой обладает собственной вполне конкретной мифологической телесностью, которая связывается с образом женщины. Страсть в лирике Цветаевой в большей степени представлена положительными коннотациями, «уводящими» в сферу возвышенных, духовных страстей, в прозе Гоголя — чаще отрицательными, связанными с категорией вещественности. Гоголь заинтересован не столько в утверждающем смысле своих произведений, сколько в актуализации их «вопрошающего потенциала». Больше ответов и светлых положительных смыслов — в художественном мире М. Цветаевой, романтизм которой — биполярное миропонимание, отражающее страсть и высоту духа, своеволие и нежность. Поэты прошли каждый свой, сложный путь освоения и постижения сути и смысла человеческого бытия. Две художественные модели мира имеют общее семиотическое поле, заключающее в себе художественно воплощенное философствование на «великие темы» и отражающее взаимопо-

нимание столетий, диалог в котором, как мы убедились, репрезентирован целым рядом характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин.— Москва: Искусство, 1979.

2. Осипова Н. О. Гоголь в семиотическом поле поэзии русской эмиграции / Н. О. Осипова.— URL: http://www.domgogolya.ru/science/researches/1558/ (дата обращения 05.03.2020)

3. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / М. Цветаева.— Москва, Эллис Лак, 1997.

4. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. И. Цветаева.— Москва: ТЕРРА; Книжная лавка — РТ», 1997–1998.

5. Акбашева А.С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: «Триединство звука, слова, смысла» / А. С. Акбашева, Э. А. Радь // Вестник Томского государственного университета. Филология.— 2018.— № 51.— С. 84–95; Акбашева А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: учебное пособие / А. С. Акбашева, Э. А. Радь — Стерлитамак, 2017.

6. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. / М. Вайскопф.— Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002.

7. Гаспаров М. І. Отзыв о диссертации «Мифопоэтика А. Блока» / М. Л. Гаспаров // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып.8.— Воронеж.— 1997.— С. 9–10.

8. Лютова С. Н. Метафоры оборотничества в поэме «Молодец»: образы и образа М. Цветаевой / С. Н. Лютова.— URL: https://mgimo.ru/files/14110/ (дата обращения 25.02.2020)

9. Радь Э. А. Поэтика дихотомии «Тело — Душа / Ева — Психея» в творчестве М. И. Цветаевой. / Э. А. Радь, С. Р. Ибрагимова.— Москва: ФЛИНТА, 2017.

10. Федоренко С. С. Онтологическая поэтика Гоголя и Достоевского: к проблеме творческого диалога / С. С. Федоренко // Гоголевский сборник. Вып. 3 (5): Материалы междунар. науч. конф. «Н. В. Гоголь и мировая культура», посвященной 200-летию со дня рожд. Н. В. Гоголя. Самара, 29–31 мая 2009 г.— Санкт-Петербург; Самара: ПГСГА, 2009.— С. 226–235.

11. Зеньковский В. Н. В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл., сост. Л. Аллена.— Санкт-Петербург: Logos, 1994.— С. 189–338.

12. Белкина М. И. Скрещение судеб / М. И. Белкина. Изд. 2-е, перераб. и доп.— Москва: Рудомино, 1992.

13. Банцхаф Х. Таро и путешествие героя / Х. Банцхаф; пер.с нем. Е. Колесова.— Оренбург: Изд-во КСП, 2002.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: Elza_rad@mail.ru

Bashkir State University, Sterlitamak Branch, Russia, Sterlitamak

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature

E-mail: Elza_rad@mail.ru

УДК 81`23

МАРКЕМЫ VS ЧАСТОТНЫЕ СЛОВА: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В АВТОРСКОМ ЛЕКСИКОНЕ

М. Я. Розенфельд, Н. Ю. Свиридова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 августа 2020 г.

Аннотация*: в статье описываются закономерности функционирования маркем и частотных слов в авторском лексиконе.*
Ключевые слова*: маркема, частотное слово, ментальный лексикон, психолингвистический эксперимент.*

Abstract: *the article describes the regularities of the functioning of markems and frequency words in the author's lexicon.*
Keywords*: markeme, frequency word, mental lexicon, psycholinguistic experiment.*

Настоящее исследование выполнено в рамках научного проекта, направленного на изучение индивидуального лексикона писателей по данным их художественных текстов и психолингвистических экспериментов. Магистральная цель исследования — сопоставление авторского поведения, реализованного в художественных произведениях, главным образом в поэзии, и обыденного сознания автора художественного текста. Такое сопоставление возможно осуществить, подвергая разноаспектному анализу ключевые слова, извлечённые из поэтических текстов того или иного автора и предложенные ему в качестве слов-стимулов в психолингвистических экспериментах. В статусе ключевых слов могут выступать авторские маркемы.

Понятие *маркема* введено в научный обиход А. А. Кретовым. По мысли исследователя, определение ключевых слов автора не ограничивается выявлением их частотности. Словоформа в тексте обладает двумя параметрами — частотой и длиной. Если частота словоформы является сложным (субъективно-объективным, текстово-языковым) показателем, а длина словоформы — простым (объективным, языковым), то субъективный (содержательный, идущий от текста) фактор может быть получен вычитанием объективного фактора (веса словоформы по длине) из субъективно-объективного (веса словоформы по частоте). Полученная величина — Индекс Текстуальной Маркированности (ИнТеМ) — и будет указывать на степень субъективной (текстовой) весомости данной словоформы для данного текста. Имена нарицательные, существительные с высоким ИнТеМом, А. А. Кретов предлагает называть маркемами [1]. Маркемы в рамках данной концепции рассматриваются как наиболее семантически значимые и типичные для автора слова.

© Розенфельд М. Я., Свиридова Н. Ю., 2020

Для изучения поведения слов, извлечённых из художественных текстов, в индивидуальном сознании автора мы провели в 2012–2018 гг. ряд психолингвистических экспериментов с воронежскими поэтами Галиной Умывакиной и Полиной Синёвой. Экспериментальный список в каждом случае составлялся из 50 авторских маркем и 50 фоновых слов, т.е. слов, чужих для автора. Исследование включало следующие эксперименты: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, эксперимент на составление свободных дефиниций и три эксперимента, предполагающие группировку слов (формирование тематических групп, пар синиляров и оппозитов). На базе полученного в экспериментах материала были определены ассоциативные связи изучаемых слов и сформированы их ассоциативные поля.

Ассоциативное поле слова может быть представлено в виде таблицы, в столбцах которой слева направо располагаются слова-стимулы и слова-реакции. Среди слов-реакций встречаются такие, которые, в свою очередь, используются в экспериментах и оказываются стимулами, вызывающими появление других реакций, т.е. имеют продолжение. Так наращиваются звенья ассоциативной цепи слова, которые мы условно обозначили как «шаги». Каждое звено ассоциативной цепочки, каждый «шаг» соответствует столбцу таблицы. Полученные в психолингвистических экспериментах четырёх типов ответы испытуемых располагаются в разных строчках таблицы — таблица разворачивается не только вправо, но и вниз. Строчки таблицы мы обозначили как «ступени». Объём ассоциативного поля слова определяется количеством «шагов» и «ступеней» в нём.

В качестве примера приведем ассоциативное поле слова «земля», смоделированное на базе психолингвистических экспериментов, проведённых с Г. М. Умывакиной. Объём этого ассоциативного поля составляет два шага и десять ступеней.

Таблица 1.

Ассоциативное поле лексемы «земля»

земля	родина	государство
		земля
		терпенье
		земля
	дорога	мотив, литература
		пространство
		время
		распутница
	родина	
	небосвод	простор

Лексемы, участвующие в развёртывании ассоциативного поля, мы называем *словами-переключателями*, а лексемы, на которых развёртывание ассоциативной цепи заканчивается,— *словами-замыкателями*. Алгоритм построения ассоциативных полей слов подробно изложен в работе: [2]. Статистические результаты, описывающие закономерности функционирования маркем в индивидуальном лексиконе поэтов, отражены в ряде наших публикаций и обобщены в: [3].

Экспериментальная часть указанных выше исследований сводится к выявлению отличия и сходства поведения маркем и не-маркем в авторском лексиконе, в связи с чем экспериментальные списки в этих случаях состоят из лексем двух типов — авторских (маркем) и «чужих». В настоящей работе мы решили сместить исследовательский акцент, включив в экспериментальный материал исключительно слова, извлечённые из текстов автора. Экспериментальный список теперь составляют авторские слова трёх разновидностей: маркемы, частотные слова и слова, отобранные из поэтических текстов автора случайным образом — «случайные». Задача исследования на данном этапе сводится к сравнению поведения маркем, частотных и «случайных» слов в ментальном лексиконе. Тем самым предпринимается попытка определить, могут ли слова какой-либо из указанных групп быть одинаково значимыми в поэтических текстах и в индивидуальном сознании автора, слова какой из этих групп могут претендовать на статус ключевых. Экспериментальная процедура и методика обработки экспериментальных данных остаются прежними.

Участником психолингвистических экспериментов на данном этапе исследования стал российский поэт Юлий Гуголев. В качестве источника экспериментального материала были взяты его поэтические тексты: стихи, опубликованные в журналах «Знамя», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Новая русская книга» с 1998 по 2015 гг., а также сборники стихотворений «Полное. Собрание сочинений» (2000), «Командировочные предписания» (2006), «Естественный отбор» (2010). В психолингвистических экспериментах было использовано 42 маркемы, 29 частотных слов и 28 «случайных» слов. О целях исследования и характере задействованных в нём лексем испытуемому не сообщалось.

При статистической обработке и интерпретации данных психолингвистических экспериментов оказываются значимыми следующие показатели. Это объём ассоциативного поля слова; степень активности слова при формировании ассоциативных полей, т.е. как часто маркемы, частотные и «случайные» слова выступают в качестве «переключателей» или «замыкателей» в ассоциативной цепочке; процент маркем и частотных слов среди «переключателей» и «замыкателей» в ассоциативных полях. Также интересным для рассмотрения представляется ещё один параметр — соотношение ранга маркемы / частотного слова с частотой их использования испытуемым в экспериментах. Ранг маркемы определяется величиной ИнТеМа: маркемы, обладающие высоким ИнТеМом и, следовательно, рангом, расцениваются как наиболее семантически значимые и типичные для поэтических текстов данного автора. Ранг частотного слова определяется частотой его встречаемости в поэтических текстах. Целесообразно проследить, соответствует ли значимость маркем и частотных слов в поэтическом тексте частоте их использования в ответах реципиента и активности в построении ассоциативных полей. Величину, отражающую соотношение ранга маркем / частотных слов и частоты их использования в построении ассоциативных полей, будем называть коэффициентом корреляции.

Таблица 2.

Объём ассоциативного поля маркем, частотных и «случайных» слов (фрагмент)[1]

слово	объём ассоциативного поля: шаги и ступени
кровать	11: 34
покрывало	10: 34
солдат	11: 30
стихи	6: 30
вечер	7: 29
утро	7: 29
день	6: 29
ночь	6: 29
папа	9: 25
мать	8: 25
ресницы	7: 23
сон	9: 22
год	9: 21
жизнь	8: 21
небеса	8: 21
время	7: 21
земля	7: 21
труд	8: 20
момент	6: 21
дело	7: 20

В данной таблице слова расположены иерархически — по убыванию объёма их ассоциативного поля. Здесь приведены первые 20 из 99 слов экспериментального списка, т.е. лексемы, ассоциативные поля которых являются самыми большими. Среди таких слов 10 маркем, 8 частотных и 2 «случайных» — маркемы и частотные слова обладают бо́льшим объёмом ассоциативного поля, чем «случайные» авторские слова.

Примечательно, что проведённые нами ранее статистические исследования ассоциативных данных (случай Г. Умывакиной и П. Синёвой) показали, что средний объём ассоциативного поля маркем ниже, чем средний объём поля задействованных в экспериментах «чужих» слов. Можно предположить, что маркемы обладают наибольшим объёмом ассоциативного поля именно среди авторских слов, хотя по данному параметру они отличаются от частотных слов несущественно.

Таблица 3.

Активность маркем, частотных и «случайных» слов при построении ассоциативных полей (фрагмент)

слово	используется как «переключатель»	используется как «замыкатель»	используется как «переключатель + замыкатель»
бог	57	74	131
любовь	27	27	54
дорога	23	22	45
свет	23	5	28
наказание	26	0	26
вода	25	0	25
суд	25	0	25
огонь	23	0	23
путь	22	1	23
река	23	0	23
время	20	0	20
душа	17	3	20
жизнь	20	0	20
миг	20	0	20
момент	20	0	20
тело	17	0	17
человек	17	0	17
брат	8	2	10
отсутствие	10	0	10
бессмертье	9	0	9

Из таблицы видно, что среди двадцати наиболее активно задействованных в построении ассоциативных полей слов 11 — маркемы, 6 — частотные и всего

[1] В этой и других таблицах маркемы выделены полужирным шрифтом, частотные слова – курсивом

три — «случайные». Если по параметру «объём ассоциативного поля» маркемы существенно не отличаются от частотных слов, здесь мы наблюдаем иную ситуацию. Маркемы наиболее часто используются как на переключении, так и на замыкании ассоциативных цепочек. Среднее количество маркем, «работающих» на переключении и замыкании в ассоциативных полях маркем, составляет 2.96, среднее количество маркем в ассоциативных полях не-маркем — 3.42. В то же время среднее количество частотных слов среди «переключателей» и «замыкателей» для частотных слов — 1.4, для не-частотных слов — 2.92. Таким образом, мы видим, что частотные слова используются как материал для построения ассоциативных цепочек и, следовательно, ассоциативных полей слов реже, чем маркемы.

«Случайные» слова в формировании ассоциативных цепочек оказываются практически не задействованными.

Активность маркем в построении ассоциативных полей была выявлена и при статистической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов, проведённых с Г. Умывакиной и П. Синёвой.

При определении соотношения ранга маркем, извлечённых из поэтических текстов Юлия Гуголева, и частоты их использования на переключении и замыкании в ассоциативных полях слов, выяснилось, что коэффициент корреляции здесь составляет — 0.16. Данный коэффициент говорит о том, что между значимостью маркемы в художественном тексте и её ассоциативной активностью существует обратно пропорциональная зависимость. Наиболее типичные для авторского поэтического лексикона маркемы не являются узловыми в ассоциативно-вербальной сети, выстраиваемой по данным психолингвистических экспериментов. Это не отрицает того факта, что самыми ассоциативно активными словами авторского лексикона являются именно маркемы, но, вероятно, такие, которые не обладают высоким ИнТеМом.

Коэффициент корреляции ранга частотных слов и активности их использования на переключении и замыкании в ассоциативных полях + 0,15. В данном случае мы наблюдаем прямо пропорциональную зависимость между частотой использования слова в тексте и его активностью в психолингвистических экспериментах. Однако оба полученных коэффициента далеки от единицы, т.е. обе зависимости — и обратно пропорциональная, и прямо пропорциональная — выражены относительно слабо.

Статистическая интерпретация данных психолингвистических экспериментов, проведённых с использованием авторских слов трёх типов — маркем, частотных и «случайных», позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Объёмы ассоциативных полей маркем и частотных слов отличаются несущественно, случайно отобранные из поэтических текстов лексемы имеют более низкий объём ассоциативного поля, чем маркемы и частотные слова.

2. Среди авторских лексем маркемы проявляют наибольшую активность в построении ассоциативных полей всех слов авторского лексикона. Частотные слова встречаются на переключении и замыкании ассоциативных цепочек реже. «Случайные» слова — наиболее редко.

3. Не существует соответствия между величиной ИнТеМа и частотой использования маркемы в качестве «переключателя» и «замыкателя» в ассоциативных полях. В случае частотных слов поэтического лексикона наблюдается слабо выраженное соответствие между частотой использования лексемы в стихотворном тексте и активностью в ассоциативно-вербальной сети.

4. Маркемы и частотные авторские слова в эксперименте проявляют себя активнее, чем слова, случайным образом отобранные из поэтических текстов автора. При этом у маркем и частотных слов есть общий типологический признак — высокая частотность использования в тексте. Следовательно, частотность является значимым параметром для определения универсальных, ключевых единиц авторского лексикона. В то же время более продуктивная ассоциативная активность маркем, чем частотных слов, даёт основание предположить, что маркемы в авторском лексиконе играют ведущую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы 2. Сборник статей / Под ред. А. А. Фаустова.— Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010.— С. 138–153.

2. Фаустов А. А. Сравнительный анализ активности ключевых слов: автоматизированный подход / А. А. Фаустов, И. Е. Воронина, М. Я. Розенфельд, Н. Ю. Свиридова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии.— 2017.— № 1.— С. 175–180.

3. Розенфельд М. Я. Маркемы в структуре индивидуального лексикона писателя / М. Я. Розенфельд // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.— 2018.— № 3.— С. 78–79.

Воронежский государственный университет

Розенфельд М. Я., доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета ВГУ

E-mail: maryanka.08@ mail.ru

Свиридова Н. Ю., магистр по направлению «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» факультета прикладной математики, информатики и механики ВГУ

E-mail: viridovanatalia.may@gmail.com

Voronezh State University

M. Rozenfeld, a senior lecturer of the Chair of General Linguistics and Stylistics at Voronezh State University Philological Department

E-mail: maryanka.08@ mail.ru

Voronezh State University

N. Sviridova, master's degree in Administration and Mathematical Support of Information Systems at Voronezh State University, Department of Applied Mathematics, Informatics and Mechanics

E-mail: sviridovanatalia.may@gmail.com

УДК 81 ‘33

ТЕРМИН «НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ КАЧЕСТВО ТОВАРА» В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М. С. Саломатина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 мая 2020 г.

Аннотация*: настоящая статья посвящена определению понятия «ненадлежащее качество товара» в современном российском законодательстве.*
Ключевые слова*: ненадлежащее качество товара, лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза текста.*

Abstract: *this paper is devoted to the definition of the concept of improper quality of goods in modern Russian legislation.*
Keywords*: improper quality of goods, forensic linguistics, linguistic expertise of the text.*

В лингвистических экспертизах по делам об умалении деловой репутации организации регулярно ставится вопрос о наличии в спорных текстах утверждений, содержащих информацию о ненадлежащем качестве того ли иного товара или услуги.

Несмотря на то, что понятие ненадлежащего качества встречается в ряде законов, современное российское законодательство не дает прямого определения понятию «ненадлежащее качество». Соответственно, выводы о том, что именно следует считать ненадлежащим качеством, можно сделать из анализа текстов законов, в которых используется обсуждаемое понятие.

Так, в ст. 475 «Последствия передачи товара ненадлежащего качества» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020) есть следующая формулировка:

«1. Если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца:

- соразмерного уменьшения покупной цены;
- безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок;
- возмещения своих расходов на устранение недостатков товара.

2. В случае существенного нарушения требований к качеству товара (обнаружения неустранимых недостатков, недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляются неоднократно, либо проявляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков) покупатель вправе по своему выбору:

- отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы;
- потребовать замены товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору».

Контекстуальный анализ фрагмента статьи показал, что понятия «товар ненадлежащего качества» и «товар, имеющий недостатки», «товар, имеющий нарушения требований к его качеству», являются в тексте Гражданского кодекса синонимичными (*«Если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца <…> безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок; возмещения своих расходов на устранение недостатков товара»*). Кроме того, понятия «товар ненадлежащего качества» и «товар, соответствующий договору» выступают как противопоставленные *(«потребовать замены товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору»)*. Следовательно, в понятие «товар ненадлежащего качества» включается признак «несоответствие договору».

В статье 518 «Последствия поставки товаров ненадлежащего качества» ГК РФ сказано:

«1. Покупатель (получатель), которому поставлены товары ненадлежащего качества, вправе предъявить поставщику требования, предусмотренные статьей 475 настоящего Кодекса, за исключением случая, когда поставщик, получивший уведомление покупателя о недостатках поставленных товаров, без промедления заменит поставленные товары товарами надлежащего качества».

В приведенном тексте понятия «товар ненадлежащего качества» и «товар надлежащего качества» выступают как антонимичные.

© Саломатина М. С., 2020

Сделанные выводы подтверждаются анализом текста ст. 504 «Возмещение разницы в цене при замене товара, уменьшении покупной цены и возврате товара ненадлежащего качества» ГК РФ:

«1. При замене недоброкачественного товара на соответствующий договору розничной купли-продажи товар надлежащего качества продавец не вправе требовать возмещения разницы между ценой товара, установленной договором, и ценой товара, существующей в момент замены товара или вынесения судом решения о замене товара.

2. При замене недоброкачественного товара на аналогичный, но иной по размеру, фасону, сорту или другим признакам товар надлежащего качества подлежит возмещению разница между ценой заменяемого товара в момент замены и ценой товара, передаваемого взамен товара ненадлежащего качества».

В п. 1 и 2 статьи противопоставляются понятия «недоброкачественный товар» и «товар надлежащего качества» *(«При замене недоброкачественного товара на соответствующий договору розничной купли-продажи товар надлежащего качества <…>»; «*При замене недоброкачественного товара на аналогичный <…> товар надлежащего качества <…>»). В п. 2. понятия «недоброкачественный товар» и «товар ненадлежащего качества» выступают как синонимичные (При замене недоброкачественного товара на аналогичный <…> товар надлежащего качества подлежит возмещению разница между ценой заменяемого товара в момент замены и ценой товара, передаваемого взамен товара ненадлежащего качества»).

Определим смысловое содержание термина «надлежащее качество». В ст. 469 «Качество товара» ГК РФ перечислены требования к качеству товара:

«1. Продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору купли-продажи.

2. При отсутствии в договоре купли-продажи условий о качестве товара продавец обязан передать покупателю товар, пригодный для целей, для которых товар такого рода обычно используется.

Если продавец при заключении договора был поставлен покупателем в известность о конкретных целях приобретения товара, продавец обязан передать покупателю товар, пригодный для использования в соответствии с этими целями.

3. При продаже товара по образцу и (или) по описанию продавец обязан передать покупателю товар, который соответствует образцу и (или) описанию.

4. Если законом или в установленном им порядке предусмотрены обязательные требования к качеству продаваемого товара, то продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязан передать покупателю товар, соответствующий этим обязательным требованиям (в ред. Федерального закона от 17.12.1999 N213-ФЗ)».

Как видно, надлежащее качество товара предполагает соответствие качества товара договору купли-продажи; пригодность для целей, для которых такой товар обычно используется или для конкретных целей, о которых покупатель проинформировал продавца; соответствие товара образцу или описанию (при продаже по образцу или описанию); соответствие товара обязательным требованиям в случае наличия таких требований». Следовательно, ненадлежащее качество товара предполагает, что перечисленные требования не соблюдены или соблюдены не в полном объеме.

Таким образом, под понятием «ненадлежащее качество товара» в российском законодательстве имеются в виду:

1) недоброкачественность товара; наличие у товара недостатков, то есть несоответствие товара требованиям к качеству товара;

2) непригодность для целей, для которых такой товар обычно используется или для конкретных целей, о которых покупатель проинформировал продавца;

3) несоответствие товара образцу или описанию (при продаже по образцу или описанию);

4) несоответствие товара обязательным требованиям в случае наличия таких требований;

5) несоответствие качества товара условиям договора.

Итак, можно заключить, что наличие в спорном тексте утверждений / утверждения о том, что тот или иной товар (та или иная услуга) обладает одним из перечисленных пяти признаков или несколькими из них, означает, что в исследуемом тексте содержится утверждение / утверждения о ненадлежащем качестве того или иного товара или услуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020).— Электронные данные.— Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=0EFF49DA2EAEAE544 CBD10BA6462EC2B&base=LAW&n=320455&dst=4294967295&cacheid=6EAAB88D342A76CCFB97B0D5658E0426&mode=rubr&req=doc#2b6a96g3fbm., свободный.— Яз. рус.

Воронежский государственный университет

Саломатина М. С., доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета

E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Voronezh State University

Salomatina M. S., assistant professor of the department of general linguistics and stylistics of the philological faculty

E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

УДК 81–13

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

М. А. Стернина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2020 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются возможности использования количественных методов для описания семантики слова. Особое внимание уделяется использованию сопоставительно-параметрического метода.*
Ключевые слова: *семантика, количественные методы, сопоставительно-параметрический метод.*

Abstract: *the paper describes the possibilities of using quantitative methods in the description of the word semantics. Special attention is paid to comparative-parametric method.*
Keywords: *semantics, quantitative methods, comparative-parametric method.*

Количественные, в частности, статистические методы, традиционно применялись в лингвистике, но длительное время не затрагивали исследования семантической стороны языка. Лексическая семантика исследовалась и описывалась преимущественно при помощи качественных характеристик.

В качестве одной из немногих работ по исследованию семантики с помощью статистических методов отметим опубликованную в семидесятых годах прошлого века статью об опыте выявления зависимости между частотой значения слова и характером текста [1].

Малое распространение количественных методов в изучении семантики вполне объяснимо, поскольку семантика уже по определению требует качественных характеристик. Между тем использование исключительно качественных показателей при изучении и описании семантики слова без опоры на какие-либо объективные критерии, каковыми, несомненно, являются количественные методы, снижает объективность лингвистического описания. Особенно наглядно это проявляется при исследовании национальной специфики семантики, когда исследователи, констатируя отдельные единичные различия, при этом зачастую минимальные, часто достаточно безапелляционно констатируют наличие национальной специфики.

Изменения наметились в середине первого десятилетия XXI века, когда в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы начал разрабатываться сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований [2]. Идеология данного метода основывается на использовании объективных количественных данных и их последующей качественной интерпретации. Основными исследовательскими процедурами данного метода являются ***индексализация*** параметров и аспектов описания и ***шкалирование*** выявленных различий [3], а основными инструментами — ***индекс признака*** и ***шкала различий***.

В настоящее время в рамках сопоставительно-параметрического метода в лингвистический обиход введено 177 индексов, каждый из которых количественно характеризует то или иное языковое или когнитивное явление и выражается в абсолютных числах или процентах. Индексы позволяют объективно определить степень выраженности изучаемых явлений, а сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру.

Используемые сопоставительно-параметрическим методом шкалы (на данный момент их насчитывается семь) позволяют, исходя из учитываемых ими количественных показателей, качественно интерпретировать выявленные при помощи индексов количественные данные. В результате удается преодолеть извечный субъективизм семантических исследований, лингвистам предоставляется возможность делать выводы, основываясь на объективных количественных данных.

Продемонстрируем вышесказанное на примере выполненного под нашим руководством диссертационного исследования С. Н. Черниковой [4].

Диссертанткой был проведен сопоставительно-параметрический анализ фразеологизации наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках. Было исследовано в общей сложности 1263 фразеологизма (529 фразеологизмов русского языка и 734 фразеологизма английского языка). Для анализа были выбраны фразеологизмы, содержащие *биотические* (относящиеся к живой природе) и *абиотические* (относящиеся к неживой природе) компоненты ландшафта в обоих языках.

На этапе *индексализации* при исследовании и описании отмеченных подгрупп диссертанткой были

© Стернина М. А., 2020

использованы введенные ею формализованные параметры:

относительная фразеологическая плотность — отношение количества фразеологизмов, развиваемых лексемами исследуемой группы в одном языке, к количеству фразеологизмов, развиваемых лексемами исследуемой группы в языке сопоставления.

средний индекс продуктивности семантического признака — отношение количества семантических признаков, мотивирующих развитие фразеологизмов в группе, к количеству развиваемых лексемами группы фразеологизмов.

средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков — среднее арифметическое сумм продуктивности одноименных семантических признаков.

средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков — среднее арифметическое сумм продуктивности эндемичных семантических признаков.

индекс эндемичности источников фразеологизации — отношение количества лексем, являющихся эндемичным источником фразеологизации, к общему количеству источников фразеологизации в данном языке.

Использование вышеперечисленных параметров позволило автору всесторонне охарактеризовать особенности фразеологического развития исследованных лексем.

На этапе *шкалирования*, переводящем количественные данные в качественные, с помощью *шкалы оценки степени проявления национальной специфики лексики С. В. Колтаковой — С. И. Деркач* [5] и уточненной и дополненной диссертанткой в ходе исследования *шкалы степени выраженности национальной специфики лексической группировки С. В. Колтаковой — С. И. Деркач* [там же] была осуществлена оценка и интерпретация полученных количественных результатов и сделаны окончательные выводы о степени сходства и различий фразеологизации в русском и английском языках.

Так, исследование показало, что для фразеологического развития наименований абиотического компонента ландшафта расхождения в показателях *среднего индекса продуктивности одноименных семантических признаков* (0,2%) и *среднего индекса продуктивности эндемичных семантических признаков* (0,4%) демонстрируют ***несущественные*** национально-специфические различия. Разница в показателях *индекса эндемичности источников фразеологизации* (6%) и в показателях *среднего индекса продуктивности семантического признака* (5,1%) свидетельствует о ***заметных*** национально-специфических различиях. *Относительная фразеологическая плотность* для данной подгруппы составила 1,1, что указывает на ***несущественные*** различия.

В целом из пяти использованных формализованных параметров по трем были зафиксированы ***несущественные*** национально-специфические различия, по двум — ***заметные*** отличия. На основании данного факта национальная специфика фразеологического развития наименований абиотического компонента ландшафта в русском и английском языках была признана **неярко выраженной**.

При анализе фразеологического развития наименований биотического компонента ландшафта разница в показателях *среднего индекса продуктивности семантического признака* составила 8%, что свидетельствует о ***заметных*** национально-специфических различиях. Расхождения в показателях *среднего индекса продуктивности одноименных семантических признаков* (0,2%) и *среднего индекса продуктивности эндемичных семантических признаков* (0,2%) демонстрируют ***несущественные*** национально-специфические различия. Разница в показателях *индекса эндемичности источников фразеологизации* равна 14%, что свидетельствует о ***существенных*** национально-специфических различиях. *Относительная фразеологическая плотность* для данной подгруппы составила 1,7, что указывает также на ***существенные*** различия.

В целом из пяти использованных формализованных параметров по двум были зафиксированы ***несущественные*** национально-специфические различия, по двум — ***существенные***, а по одному — ***заметные***. В результате национальная специфика фразеологического развития наименований биотического компонента ландшафта в русском и английском языках была признана **умеренно выраженной**.

Чтобы сделать окончательный вывод о степени проявления национальной специфики фразеологического развития наименований *компонентов природного ландшафта* в русском и английском диссертантка использовала те же параметры и шкалы.

Проведенное исследование показало, что в целом для изученной группы лексики разница в показателях *среднего индекса продуктивности семантического признака* (1,9%) и *среднего индекса продуктивности одноименных семантических признаков* (1,2%) свидетельствует о ***видимых*** национально-специфических различиях. Расхождения в показателях *среднего индекса продуктивности эндемичных семантических признаков* (0,5%) демонстрируют ***несущественные*** национально-специфические различия. Разница в показателях *индекса эндемичности источников фразеологизации* составила 17%, что свидетельствует о ***существенных*** различиях. *Относительная фразеологическая плотность* составила 1,4, что также указывает на ***существенные*** различия.

Таким образом, из пяти использованных формализованных параметров по двум были зафиксированы ***видимые*** национально-специфические различия, по двум — ***существенные***, а по одному — ***несуще-***

ственные. В результате на основе использованных шкал национальная специфика фразеологического развития наименований *компонентов природного ландшафта* в русском и английском языках была признана **умеренно выраженной**.

Приведенный пример наглядно свидетельствует о возможностях использования количественных методов при исследовании и описании семантики слова. Каждый из выбранных исследовательницей показателей с помощью соответствующих индексов был первоначально охарактеризован количественно, а затем количественные показатели при помощи разработанных в рамках используемого метода шкал были интерпретированы и получили качественную характеристику — выявленные различия в исследованных группах лексики были определены как *существенные, несущественные, видимые, заметные*, а национальная специфика семантики исследуемых единиц была описана как *умеренно выраженная*.

Таким образом, полученные в рамках сопоставительно-параметрического метода данные базируются на объективных количественных показателях, что, в свою очередь, создает основу для более объективной качественной характеристики национальных семантических различий.

Несомненно, что использование количественных методов в семантике может существенно повысить объективность ее описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернина М. А. Опыт выявления зависимости между частотой значения слова и характером текста / М. А. Стернина // Вопросы терминологии и лингвистической статистики.— Воронеж,1976.— С. 125–130.

2. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография / М. А. Стернина.— Воронеж: Истоки, 2014.— 115 с.

3. Стернин И. А. Методика индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода / И. А. Стернин, М. А. Стернина // Сопоставительные исследования 2016.— Воронеж: Истоки, 2016.— С. 22–29.

4. Черникова С. Н. Национальная специфика фразеологической картины мира (на материале наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках)): автореф. дис. … канд. филол. наук / С. Н. Черникова.— Воронеж, 2016.— 24 с.

5. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дис. … канд. филол. наук / С. И. Деркач.— Воронеж, 2011.— 23 с.

Воронежский государственный университет

Стернина М. А., профессор, зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов

E-mail: sternina@vmail.ru

Voronezh State University

Sternina M. A., Professor, Head of the English Chair for Science Departments

E-mail: sternina@vmail.ru

УДК 811.161.1

«СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И. С. ШМЕЛЕВА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАРТИНЫ БЫТИЯ

Сюе Чэнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 19 июля 2020 г.

Аннотация: *предмет статьи — анализ ключевых образов пространства в повести И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Указано на их роль в описании конкретного ландшафта и выражении авторского бытийного мировосприятия. Сделан вывод о реалистичности и мифологизированности образов природы, расшифровываются их символические значения, структурирующие вертикальное и горизонтальное пространство текста и выражающие сенсорные, поведенческие модальности персонажей. Прослежено, как через онтологизацию образов природы Шмелев выражает свое представление о крымских реалиях начала 1920-х годов. Приведены ветхозаветные и новозаветные ассоциации в изображении пейзажа, определена их роль в переводе повествования о современных событиях в плоскость библейской истории. Основной композиционный принцип изображения пространства — оппозиционность. Привлекаются произведения И. Бабеля, И. Кнорринг, Н. Туроверова, М. Цветаевой, А. Ширяевца.*

Ключевые слова: *Библия, вертикаль, горизонталь, мифология, онтология, образ, природа, символ.*

Abstract: *the article analyzes the key spatial images of the story by I. S. Shmelev "The Sun of the Dead." Their role in describing a specific landscape and expression of the author's worldview is indicated. The conclusion is drawn about the realism and mythologization of nature paintings, their symbolic meanings are decoded, structuring the vertical and horizontal space of the text and expressing the sensory, behavioral modalities of the characters. It is traced how through the ontologization of the images of nature Shmelev expresses his view on the Crimean realities of the early 1920s. The Old Testament and New Testament allusions in the image of the landscape are described, their role in translating the narrative of modern events into the plane of biblical history is determined. The main compositional principle of the image of space is opposition. The works of I. Babel, I. Knorring, N. Turoverova, M. Tsvetaeva, A. Shiryaevets are attracted.*

Keywords: *Bible, vertical, horizontal, mythology, ontology, image, nature, symbol, Shmelev.*

Несмотря на немалое наличие исследовательских работ, посвящаемых анализу повести «Солнце мертвых» И. С. Шмелева, нечасто в них уделяется внимание описанию природного пространства (пейзажи, ландшафт и проч.), выстроенного Шмелевым в повести. О. В. Резник в своей статье[1] дает пейзажный контур крымского полуострова, через изображение крымского пейзажа выявлена цель этой статьи — определить географические рамки, воспринимаемые Шмелевым «как нечто стабильное в противовес человеческому хаосу» [5, 168]. Исследователь структурировал элементы пейзажа не как пространственные координаты, а как средство передачи авторского мировоззрения. Е. О. Кузьминых в своей статье[2] сосредотачивается на анализе пространственных координат, определяющих модель мира в «Солнце мертвых». В ней описываются пейзажные детали Крыма, акцент сделан на выявлении символических значений ключевых образов в повести. Автор статьи определяет пространственные рамки, образуемые вертикальными координатами, и утверждает отсутствие главных и четких горизонтальных координат. В статье текст повести не рассматривается в библейской проекции. В отличие от вышеупомянутых работ, наша статья уделяет особое внимание освещению роли пейзажа в формировании художественного пространства в повести. Мы структурируем все элементы пейзажа как пространственные координаты, и анализ проводится в библейской проекции.

Пейзаж в «Солнце мертвых» (1923) — ассоциативно-символический и географически конкретный — отражает картину бытия, сложившуюся в сознании Шмелева во время его пребывания в Крыму. Художественное пространство выстраивается на оппозиции

[1] Резник О. В. «Солнце мертвых» И. С. Шмелева в контексте эмигрантской литературы о Гражданской войны // Культура народов причерноморья. 2005. № 74, том 2. С. 167–172.

[2] Кузьминых Е. О. Пространственная символика в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.2014. № 15. С. 63–72.

© Сюе Чэнь, 2020

вертикали и горизонтали. Символизация образов вырастает из реальности и авторского понимания бытийной ценности человека в социальном катаклизме конца 1910-х и начала 1920-х годов. Мы исходим из утверждения М. Элиаде о том, что «символический образ мышления <…> неотъемлем от природы человеческого существа» [12, 129]. Онтологические смыслы пространственных образов соотносятся с библейскими текстами, что, с нашей точки зрения, сделано Шмелевым сознательно.

Вертикальное пространство в изображении Шмелева выражает как устремленность к горнему миру, так и разрушение космогонической и сакральной целесообразности бытия. Солнце — наиболее частотный пейзажный образ. В Священном Писании Господь назван солнцем – истинным светом (Ин. I: 9) и Солнцем Правды (Мал. IV: 2), что разъясняет нам слова рассказчика: «С детства ещё привык отыскивать Солнце Правды» [11, 84]. Солнце выступает как хранитель подвальных узников, их казнь совершается ночью: «убивали они ночью. Днем … спали» [11, 36], «Каждую ночь погибают под ножом, под пулей» [11, 161]. Узники ожидают солнечного света, который знаменует продолжение жизни: «Через узенькие оконца солнце вбегало радостными лучами, играло в родных глазах» [11, 211]; солнечные лучи выступают как мост, по которому Бог нисходит к человеку: «Пребудь с нами до солнца» [11, 205].

Небо — также символ божественного присутствия. В христианстве оно — жилище Господне: «Живый на Небесех посмеется им» (Пс. 2: 4). К нему возносится Христос после воскресения, с неба Бог спускается к народу. Небо выступает как пристанище душ усопших праведников. Когда рассказчик переживает духовный кризис, он, стоя под небом, стремится приблизиться к Богу и получить от Него силы для преодоления окружающей его тьмы: «ближе к Нему хочу… чуять в ветре Его дыхание, во тьме Его свет увидеть» [11, 205].

В вертикальной линии пространства гора — значимый символ ландшафта. Шмелев упоминает Чатырдаг, Палат-Гору, ущелья, в которых живут орлы, цепь Судакских гор и др. В иудаистской и христианской мифопоэтике гора — топос, в котором развивается священная история: Бог предстает перед Моисеем на горе Синай; на горе Фавор происходит преображение Господне; горы — место благовествования (Ис. 40: 9; 52: 7; Мф. 5: 1). В повести смысл топоса горы связан с фактором спасения: гора защищает семерых, бежавших из тюрьмы-подвала,— они «не сдаются… в лесах по горам хоронятся» [11, 27], что коррелирует с рядом библейских сюжетов: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы» (Лк. 21: 20, 21); Лот и его дочери живут в горной пещере (Быт. 19: 30); в горах пребывают гонимые христиане (Евр. 11: 37–38); в горах находят спасение разгромленные войска (1 Цар. 26: 1) и др. Гора воспринимается беглецами Шмелева как спасительное прибежище. Тишина в горах пробуждает надежду на чудо спасения: «Чудо могло случиться!» [11, 111]. Переживая физическую слабость, духовную уязвимость, рассказчик часто вглядывается в горы, здоровается с ними: «Здравствуйте и вы, горы!» [11, 8].

Вместе с тем через символические значения природных образов формируются танатологические сюжеты повести, что также созвучно с библейской традицией. Заход и затмение солнца означает гнев Божий и бедствия: «Вот придет день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью <…> солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим» (Ис. 12: 9, 10); «И когда ты угаснешь, закрою небеса и звезды их помрачу, солнце закрою облаком, и луна не будет светить светом своим. <…> Говорит Господь Бог» (Иез. 32: 7, 8). Однако, в отличие от приведенных примеров, социальная и экзистенциальная трагедия, описанная Шмелевым, разворачивается при выжигающем землю солнечном зное. Образ солнца, формирующийся как через антропоморфные метафоры, так и автологические характеристики, предстает равнодушным свидетелем масштабных репрессий и тотального голода. Оно бесстрастно — ему безразлично, кто перед ним: «розовое ли живое тело или труп посинелый» [11, 20]; «все хотят есть, но солнце давно все выжгло» [11, 12] и т.п. Рассказчик хочет, чтобы солнце скрылось за Бабуганом, и заключает: «это не наше солнце…» [11, 6].

Солярная образность в негативной интерпретации — не частая, но встречающаяся в произведениях 1920-х годов. Например, в поэме А. Ширяевца «Голодная Русь» (1921–1922) изображен голод в Поволжье. Ширяевец создает образ солнца-карателя. Лейтмотивом выступают строки: «Солнце! / Пощади! / Уйди! / Уйди!»; «Солнце / На красной лошади, / Как пьяный опричник, / Скачет, / Знойной плеткой / Хлещет по Русской Земле»; «…Солнце на красной лошади / Скачет — пьяный опричник злой… / Господи! / Господи! / Сжалься над Русской Землей!..»; «Поспешает Солнце весело и ярко. / – Двух ребят опять вчера украли. / Без крестов, без мертвецов мазарки – / Пожгли. Пожрали» [9, 234, 235, 246]. И. Бабель в рассказе «Переход через Збруч» (1920, вошел в «Конармию») придает солнцу мортальный смысл: «Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова», экспрессия образа усилена фразой: «Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу» [2, 3]. Н. Туроверов, автор поэтических циклов «Крым», «Перекоп» (изд. в книге «Путь», 1928), через мотив зноя, через деталь раскаленной солнцем земли изображает душевную драму казаков, покидающих Крым: «Мы шли в сухой и пыльной мгле / По раскаленной крымской глине, / Бахчисарай, как хан в седле, / Дремал в глубокой котловине» [7,

34] («Мы шли в сухой и пыльной мгле…», <1928>). В крымской поэзии И. Кнорринг солнце – коррелят смерти: «Здесь все мертво: и гор вершины, / И солнцем выжженная степь, / И сон увянувшей долины, / И дней невидимая цепь» [3, 125] («Здесь все мертво…», 1920).

Образом смерти в «Солнце мертвых» выступает пустое небо. Оно — обиталище мух: «все небо в мухах? Мухи все, мухи…» [11, 70], и в этой детали мы также видим аллюзию на одну из египетских казней. Пустое небо преграждает путь человека к Богу, оно — показатель религиозного кризиса рассказчика: «Бога у меня нет: синее небо пусто» [11, 21]. Справедливо отмечено, что образ неба в повести Шмелева — «своеобразное зеркало, отражающее земную горизонталь» [4, 64]. Под пустым небом рассказчик не знает, «куда свалился великий человеческий путь» [11, 224], его сознание не находит ответов на вопросы: «Может случиться чудо? Небо – откроется? И есть ли где это Небо?» [11, 231]. В рефлексии рассказчика усматривается эсхатологическая идея Священного Писания: небо «обречено в последний день суда на уничтожение, точно так же, как земля. Тогда небеса с шумом прейдут, говорит св. ап. Петр, земля же и все дела на ней сгорят (II Петр. III, 10–13). Оно свиется как свиток, говорится в Откровении (VI, 14)» [1, 16]. Однако вопреки предчувствиям конца бытия рассказчик ждет от неба чуда спасения.

Образы звезд также наделены двойственной семантикой. С одной стороны, они символизируют красноармейцев, карателей. С другой стороны, появление небесной звезды — «чудесный символ» [11, 232], что созвучно традиционным представлениям о вселенской гармонии. Когда рассказчик узнал о смерти молодого писателя Шишкина, он вышел «под небо, глядел на звезды…» [11, 237], они — символы вечности, в которой успокоилась душа Шишкина. Млечный Путь, «дорога в Царство Мертвых» [6, 22], соотнесен Шмелевым с мотивом смерти. Когда рассказчик увидел сгоревший дом доктора, его наблюдения над Млечным Путем сфокусировались на перемещении Галактики по небесному своду: «Вызвездило от ветра. Млечный Путь передвинулся на Кастель – час ночи» [11, 208], что символизировало завершение земного пути доктора.

Горы не только хранители беглецов-узников, но и помощники карателей. Для жителей городка гора — врата на пути к смерти. Расстрелы арестованных совершаются в горах («винтовка стучит в горах» [11, 23]), что соответствовало действительности: «Все солдаты Врангеля, взятые по мобилизации и оставшиеся в Крыму, были брошены в подвалы. Я видел в городе Алуште, как большевики гнали их зимой в горы, раздев до подштанников, босых, голодных. Народ, глядя на это, плакал» [10, 403]. Расстрелы ассоциируются с образом антропофага «Бабы-Яги в горах…» [11, 75].

Земля, море – элементы горизонтального пространства. Мы исходим из представления, во-первых, о месте земной поверхности в трехуровневой структуре мироустройства; во-вторых, о понимании земли как кормилицы. Также земля – место последнего пристанища для умерших. Старик успокаивает старую татарку у мертвого тела сына-офицера: «Не плачь, горькая женщина <…> Лучше своя земля» [11, 100]. Старик-рыбак находит себе покой в земле: «Спокойней в земле, старик. Добрая она – всех принимает щедро» [11, 174]. Ландшафт формирует представления о национальной идентичности: дьякон ничего не боится, потому что «земля родная, народ русский» [11, 198].

Земля наделена в повести антропоморфными свойствами, ей приданы черты жертвы социального катаклизма. Название одной из глав — «Земля стонет». Мифопоэтический смысл образа соотнесен с массовыми жертвами: она «кровью святой политая…» [11, 18]. Умирающая земля — сухая, черная. Такая коннотация образа созвучна описанию земли в поэме М. Цветаевой «Перекоп» (1929), посвященной крымским событиям того же времени: «Земля была суха, как соль. Была суха, как прах» [8, 722]. Образ земли в повести Шмелева соотнесен с мотивом желания смерти как освобождения от ужасов жизни: «Лучше теперь в земле, чем на земле» [11, 53]. В приведенной цитате мы видим библейскую реминисценцию: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее» (Откр., 9: 6); «И ублажил я мертвых <…> более живых» (Еккл., 4: 4).

Горизонтальное пространство характеризуется понятием «пустыня». Этой лексемой традиционно отмечены мортальные сюжеты, мотивы испытаний. В описании странствий израильтян читаем: «по пустыне великой и страшной… места сухие, на которых нет воды» (Втор. 8:15). Пустыня — место общения с Богом. Шмелев, выстраивая текст на библейских аллюзиях, описывает страдания крымчан в пространстве, названном рассказчиком пустыней, что усилено соответствующей лексикой: «пустые домики», «пустой пляж», «пустой сад», «пустая дорога», «пустой виноградник» и др. Образ пустыни играет роль в коррекции исторической цикличности: «Тысячи лет тому… – многие тысячи лет – здесь та же была пустыня, и ночь, и снег, и море, черная пустота» [11, 223], она «вернулась из далеких далей. Пришла и молчанием говорит: я пришла, пустыня» [11, 224]. Но над пустыней архаичных времен доминировала креативность ее обитателей: «люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне…» [11, 147]. Пустыня 1920–1922 годов подавляет бытийное пространство человека, оно сужается: Гора-Кастель — «снеговая пустыня» [11, 223], море и берег — черная и белая пустыня, «черная ночь – пустыня» [11, 225].

Не менее мифогенным представляется образ камня. Ему также придан цивилизационный смысл:

в прошлом люди отвоевывали у камня пространство, теперь жизнь «год за годом уходит в камень» [11, 148]. Через мотив камня переданы экзистенциальные предчувствия рассказчика — его эмпатия по отношению к людям, животным, природе чрезвычайна, а личностное содержание его жизни иссякает: «Я чувствую даже камни <…> Может быть, я скоро сольюсь со всеми…» [11, 126].

Море в традиционном поэтическом словаре символизирует бесконечность, вечность, свободу, красоту мира, многомерность бытия и проч. Шмелев сочетает образ моря с танатологическим сюжетом, и опять же очевиден его библейский смысл. Как сказано в Откровении Иоанна Богослова: «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море» (Откр. 16: 3). В повести море наполнено трупами людей и животных: «Грабили, бросали людей в море, расстреливали сотни тысяч…» [11, 177]; большевики говорят: «всех буржуев прикончили мы… которые убегли – в море потопили!» [11, 42]. Рассказчик констатирует: «Мертвое море здесь» [11, 18]. Море вызывает у нас ассоциацию с рекой Стикс, а плывущий по морю корабль — с лодкой Харона, но Харон перевозил души умерших в царство Аида, а корабль из Крыма — «чаши из черепов человечьих – пирам веселье, человечьи кости – игрокам на счастье, портфели из “русской” кожи – работы северных мастеров, “русский” волос – на покойные кресла для депутатов, дароносицы и кресты – на портсигары, раки святых угодников – на звонкую монету» [11, 25].

Итак, аллюзии, свойственные всему тексту повести, придают событиям 1920–1922 годов библейский смысл. Горизонтальная и вертикальная оси природного пространства наряду с другими особенностями повествования формируют в «Солнце мертвых» образ бытия. При этом горизонталь — пространственно-временная характеристика бытовой повседневности; вертикаль — координата, отражающая сакральную интенцию человека. Десакрализация вертикали не приводит к духовной смерти рассказчика, что подчеркнуто ландшафтными очертаниями: с высокого минарета звучит «неумирающий голос» [11, 98]. В итоге всех испытаний укрепляется вера в Творца: «пребывает Великий Бог, и будет пребывать вечно, и все сущее — Его Воля» [11, 99]. Автор дает жизнеутверждающий ответ на главный вопрос повести: «Гибнет дух? Нет – жив» [11, 124]. Шмелев — свидетель не только умирания мира, но и, вопреки катаклизму, инстинкта жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арх. Никифор. Библейская энциклопедия: В 2 кн. Кн. 2.— М.: Типогр. А. И. Снегиревой, 1891.— 408 с.
2. Бабель И. Переход через Збруч // Бабель И. Конармия / Сост. А. Н. Пирожкова-Бабель.— М.: Правда, 1990.— С. 3–4.
3. Кнорринг И. Очертания смутного Крыма // Крымский альбом 2003 / Сост., предисл. Д. А. Лосева.— Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2004.— С. 122–129.
4. Кузьминых Е. О. Пространственная символика в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» / Е. О. Кузьминых // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.— 2014.— № 15.— С. 63–72.
5. Резник О. В. «Солнце мертвых» И. С. Шмелева в контексте эмигрантской литературы о Гражданской войне / О. В. Резник // Культура народов Причерноморья.— 2005.— № 74, том 2.— С. 167–172.
6. Трессидер Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер; Пер. с англ. С. Палько.— М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.— 448 с.
7. Туроверов Н. Двадцатый год — прощай, Россия! / Н. Туроверов / Сост., предисл. В. В. Леонидова.— М.: Планета детей, 1999.— 304 с.
8. Цветаева М. И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. И. Цветаева.— М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014.— 1214 с.
9. Ширяевец А. Песни волжского соловья / А. Ширяевец / Предисл. С. И. Субботина; сост., вступ. ст. Е. Г. Койновой.— Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007.— С. 234–253.
10. Шмелев И. С. Защитнику русского офицера Конради — г-ну Оберу, как материал для дела // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т.— Т. 7 (доп.) / Сост. Е. А. Осьминина.— М.: Русская книга, 1999.— С. 402–404.
11. Шмелёв И. Солнце мёртвых / И. Шмелёв.— М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2015.— 240 с.
12. Элиаде М. Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / М. Элиаде / Пер. с франц., ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова.— М.: Ладомир, 2000.— 414 с.

Сюе Чэнь, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса, филологический факультет МГУ

E-mail: xuechen0430@yandex.ru

Xue Chen, Postgraduate Student, Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: xuechen0430@yandex.ru

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА СЛОВА ХРАМ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ)

К. С. Хосровян

Московский государственный областной университет

Поступила в редакцию 15 июля 2020 г.

Аннотация. *Статья посвящена анализу семантической структуры лексемы храм в русском языке на материале данных толковых словарей и текстов проповедей. Актуальность работы обусловлена необходимостью описания и анализа лексем, являющихся ключевыми в русской языковой картине мира. Важное место среди таких единиц занимают слова религиозной сферы, в том числе и интересующее нас слово храм. В данной статье на основании работы с лексикографическими источниками и текстами русских православных проповедей выявлены и представлены некоторые особенности семантики лексемы храм. Проведенный анализ слова храм показывает, что наиболее полно значение лексемы реализуется в контексте. Реально существующее количество значений слова не эквивалентно тому количеству значений, которое представлено в словарях.*
Ключевые слова: *храм, лексема, семантика, сема, контекст, проповедь.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the semantic structure of the temple lexeme in Russian language on the basis of these explanatory dictionaries and sermon texts. The relevance of the work is due to the need to describe and analyze lexemes that are key in the Russian language picture of the world. A special place among such units is occupied by the words of the religious sphere, including the word temple that interests us. In this article based on work with lexicographic sources and texts of Russian Orthodox sermons some features of the semantics of the lexeme temple are identified and presented. the analysis of the word temple shows that the meaning of the lexeme is most fully realized in the context. The actually existing number of meanings of a word is not equal to the number of meanings that are presented in dictionaries.*
Key words: *temple, lexeme, semantics, seme, context, sermon.*

В настоящее время наблюдается рост интереса к выявлению лингвокультурологической сущности слов-номинантов, имеющих важное значение в русской культуре и играющих особую роль в формировании языковой картины мира. Среди таких слов особое значение имеют лексемы, образующие религиозный пласт языка, в частности интересующее нас слово ***храм.***

Прежде чем обратиться к семантике этой лексемы, остановимся на самом понятии *значение слова*. В сфере лингвистических исследований выделяется множество определений данного понятия. В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения И. А. Стернина, рассматривающего *значение слова* как явление особого рода, которое можно определить с точки зрения содержания, разложить на составные части и описать как совокупность признаков [1, 20]. В действительности комплекс значений того или иного слова невозможно представить в виде системы закрытого типа. В то же время, по мнению учёного, значение слово не является суммой зафиксированных употреблений [2, 11].

Исследование семантики слова на первом этапе предполагает отбор репрезентаций тех значений, которые известны всему языковому коллективу, т.е. тех значений, которые отражены в лексикографических источниках. На втором этапе осуществляется выявление значений, которые могут быть не зафиксированы в словарях, но существуют и функционируют в языке за счёт реализации в тексте. Анализ слова в контексте всегда выявляет семы, которые часто не входят в словарное толкование. Реально существующие в сознании носителей языка значения слова не сводимы только лишь к словарным дефинициям. Н. И. Толстой определяет такие значения как *коннотативные.* Особенность таких значений состоит в том, что они надстраиваются над лексической семантикой прагматических, культурных, символических, энциклопедических созначений, которые, в свою очередь, реализуются при особом словоупотреблении [3, 289]. Такие значения, по мнению Н. И. Толстого, всё равно является языковым, поскольку существуют в сознании говорящих на данном языке и способны вызывать определённые ассоциации.

В последнее время в сфере отечественных лингвистических исследований наблюдается рост интереса к изучению религиозной лексики, что связано с активизацией религиозной жизни общества и, как следствие, с возвращением религиозной лексики в конце XX– начале XIX в активное употребление. Наше внимание сосредоточено на лексеме ***храм*** и её семантике.

© Хосровян К. С., 2020

Слово ***храм*** и ему подобные, являясь составной частью религиозного лексикона, употребляются в текстах разных жанров и могут быть использованы в различных дискурсах. Однако религиозный дискурс и религиозные тексты — основная функциональная сфера для таких слов. В данной статье наше внимание сосредоточено на жанре *проповеди*, который в свое время стал центром самостоятельной науки — гомилетики.

Проповедь является одним из основных жанров религиозного дискурса. Представим некоторые определения *проповеди*, которые, на наш взгляд, наиболее ёмко описывают специфику этого жанра:

А) церковное наставление, преподаваемое в храме за литургией, с целью поведать и разъяснить слушающим учение [4];

Б) речь наставительного характера от лица священника прихожанам, основная задача которой состоит в сообщении и разъяснении того или иного положения христианского вероучения [5, 514];

В) жанр религиозной пропаганды, публичная речь священнослужителя (проповедника) в храме, обращенная к прихожанам и содержащая разъяснение положений вероучения, комментарии к Священному Писанию, рекомендации к соответствующему поведению и действиям» [6, 335].

Основное назначении *проповеди* — донести до сознания верующих смысл Божьего Слова, а также адаптировать первичный текст к восприятию со стороны слушателей (т.е. прихожан). *Проповедь* является текстом уникального типа. Слово в проповеди подвергается «развёртыванию», поэтому аудитории становится понятно и само значение слова, и его глубинный смысл, который реализуется в Священном тексте. Другими словами, *проповедь* по своему функциональному назначению призвана дать толкование. Наше обращение к этому жанру при исследовании семантики лексемы ***храм*** обусловлено также тем, что исходным местом реализации проповеди является, прежде всего, сам ***храм***.

На основании проведенного анализа мы выделили значения, выявленные на основании работы с лексикографическими источниками и значения, установленные нами через анализ текстов проповедей.

По происхождению слово ***храм*** является заимствованным из церковнославянского *храмъ* при древнерусском *хоромъ,* которое, в свою очередь, восходит к общеславянскому **chormъ* — «дом». В современном русском языке мы наблюдаем, что неполногласный вариант вытеснил полногласный.

Изначально под ***храмом*** понималось *‘дом вообще’*, а затем — *‘место для богослужений’* [7]. Сема *‘дом’* является этимологически мотивированной и устойчивой. В некоторых славянских языках под словом ***храм,*** прежде всего, понимается именно дом, жилище: сербохорватское *храм* — дом, храм; словенское *hram* — храм, дом, строение, жилье, покой; польское стар. диал. *chromina* — хижина, хата; нижне-лужицкое *chrom* — постройка [8]. В. В. Колесов заметил, что все древнерусские тексты, начиная с сочинений Илариона, называют ***храмы*** и *церкви* домами и тем отличаются от текстов других славян [9, 197].

Согласно Полному церковнославянскому словарю протоиерея Г. М. Дьяченко слово ***храм*** имеет следующие значения:

1) дом; сокровищница;

2) священное здание, которое отличается от обыкновенных зданий не только внутренним своим расположением, но и внешним видом. По внешнему своему виду ***храм*** представляет собой или ковчег, или корабль, в котором верующие спасаются от суеты житейской и вечной погибели, или же крест — орудие, орудие и символ нашего спасения [10, 794].

Значение *‘сокровищница’* восходит к древней традиции, когда ***храм***, кроме основного назначения, выполнял функцию хранилища важных документов, грамот, договоров, казны [11].

В словаре П. Я. Черных выделяется три значения:

1) здание, где совершается богослужение, церковь;

2) *перен., высок.* здание, где занимаются науками или искусствами;

3) *перен.* о месте, внушающем почтение, благоговение, святилище [12].

В Словаре церковно-славянского и русского языка выделяется два значения:

1) здание, посвящённое общественному богослужению;

2) жилище, освящённое присутствие божества, дом Божий [13, 411].

В словаре И. И. Срезневского зафиксировано несколько значений: «дом», «комната, горница», «здание для богослужения», «сокровищница», «лавка», «шатёр», «скиния», *перен.* «жилище, обитель» [14, 1398–1399].

В Словаре Академии Российской слово ***храм*** обнаруживает два значения:

1) сооружение, посвященное Божеству, ныне же и за церковь и дом молитвы берется;

2) в древности назывались храмами здания, посвященные языческим богам [15, 583].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля выделяет два значения:

1) *устар.* хоромы, жилой дом;

2) здание для общественного богослужения, всякого исповедания; церковь [16].

В Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.) слово ***храм*** фиксируется в четырёх значениях:

дом, здание;

жилье;

спец. святилище, церковь;

домочадцы [17, 765].

В словаре также отражены примеры функционирования лексемы ***храм*** в каждом из представлен-

ных значений на основе текстов Евангелия, приводятся греческие параллели οἰκία (дом) и ναός (храм) [17, 765].

В отношении греческих параллелей следует отметить следующее: для наименования ***храма*** и *дома* используются разные лексемы. В Греческо-русском словаре Нового Завета лексема ναός фиксируется в следующих значениях:

храм, святилище (храма);

изображение храма, макет храма [18, 143].

Значение «дом» отсутствует.

В современном русском языке слово ***храм*** обладает следующей семантикой:

1) здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов;

2) *высок.* о чём-л., внушающем чувство глубокого почтения, благоговения [19, 1454; 20, 868; 21].

Как мы видим, слово ***храм*** является полисемантом, т.е. многозначным словом. В ходе развития языка происходит сужение его семантики, связанное с переосмыслением семы *'дом',* поскольку ***храмами*** начинают называть только те дома, которые возводятся во имя Господне (дом Божий).

В качестве основных, ядерных в дефинициях слова ***храм*** выступают компоненты *'здание', 'место', богослужение'.*

Обратимся к значениям, выделенным нами в семантической структуре лексемы ***храм*** на основании работы с текстами православных проповедей:

1) место пребывания Бога:

Храм *— это таинственное* ***место****, где* ***живет*** *полностью Своей жизнью и присутствием Сам Триединый* ***Бог*** [22].

место встречи человека с Богом:

Храм *(уже не Церковь, а храм) является таинственным* ***местом встречи*** *между нами, которые, как мытарь, приходим к Богу, говоря Ему, что мы недостойны переступить этот порог, потому что это место святое, место Ему посвященное, место, которым Он обладает до конца* [22].

место преображения человека:

В этом смысле ***храм*** *является местом Преображения, где полнота Божества присутствует, где изливается на нас весь свет Божественный, где мы воспринимаем Его с трепетом, благоговением, любовью, благодарностью* [23].

тело человека: человек как венец творения становится местом присутствия Бога, неким вместилищем Божественной Благодати. Поэтому каждый христианин уподоблен храму:

Каждый человек по замыслу Божию является ***храмом Божиим****, потому что создан по образу и подобию Божию* [24].

результат благого, великого дела:

Храм *есть великое дело, кем бы и где бы он ни был устроен* [25].

символ:

Храм *символизирует триумф любви, победу жизни над смертью и конечное воскресение тел усопшего народа Божия (то есть пробуждение и оживление того священного праха под гробовыми плитами* [26].

7) мир: речь идёт об уподобление прежде безгрешного мира ***храму:***

В раю ***храма*** *не было. Зачем в раю храм, если по сути весь* ***мир*** *был* ***храмом****, где не было места греху?* [27].

8) первый шаг к вечной жизни:

Храм *— уже встреча с вечностью* [22].

Подведём итоги. Проведённый анализ лексикографичеких источников позволяет в целом представить ***храм*** как религиозное сооружение, предназначенное для богослужения. Наиболее полно семантика слова реализуется в контексте. Реально существующее количество значений слова не равно тому количеству значений, которое фиксируется в словарях. Безусловно, в нашем рассуждении представлен далеко не весь спектр значений слова ***храм.*** Обращение к текстам проповедей позволило нам не только выявить указанные выше значения, но и уже в самом тексте проповеди получить пояснение и толкование к ним. Выявленные значения позволяют нам говорить о ***храме*** как о лингвокультурном феномене. Для формирования более полного представления о семантике лексемы ***храм*** перспективным представляется обращение к реализации значений этого слова в текстах других типов (художественных, СМИ и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.— 122 с.

2. Стернин И. А. Лексический анализ слова в речи.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.— 137 с.

3. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.— М., 1995.— 509с.

4. Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Издательство: Концерн «Возрождение», 1992.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-bogoslovsko-entsiklopedicheskij-slovar/2976

5. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика.— М., 2003.— 432 с.

6. Большая энциклопедия: В 62 томах.— М.: ТЕРА, 2006.— Т. 39.— 592 с.

7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского.— Режим доступа: http://www.slovorod.ru/etym-shansky/_pdf/red-shanski 08.pdfhttp://etymolog.ruslang.ru/doc/dict1847_R-Fita.pdf

8. Этимологический словарь русского языка Фасмера [Электронный ресурс] // Etymolog.ru [сайт].— Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/index.

php?act=contents&book=vasmer

9. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.— 312 с.

10. Полный церковнославянский словарь протоиерея Г. М. Дьяченко.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar22.html

11. Большой лингвострановедческий словарь.— М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. АСТ — Пресс Т. Н. Чернявская, К. С. Милославская, Е. Г. Ростова, О. Е. Фролова, В. И. Борисенко, Ю. А. Вьюнов, В. П. Чуднов, 2007.— Режим доступа: https://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/541/%D0%A5%D0%A0%D0%90%D0%9C

12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип.— М.: Рус. яз.. 1999.—Т. 2: Панцирь — Ящур.— 560 с.

13. Словарь церковно-славянского и русского языка.— Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/dict1847_R-Fita.pdf

14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т.—М.: «Книга», 1989. Т. 3.— С. 1398–1399.

15. Словарь Академии Российской.— Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR6_T-V.pdf

16. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля.— Режим доступа: http://slovardalja.net/word.php?wordid=42514

17. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова.— М.: Рус. яз., 1994.— 842 с.

18. Греческо-русский словарь Нового Завета / перевод Краткого греческоанглийского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана.— Российское библейское общество.— М., 2012.— 240 с.

19. Большой толковый словарь русского языка. Спб.: Норинт, 2008.— 1536 с.

20. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное.— М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009.— 944 с.

21. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Ин-т рус. яз.им. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой.

22. митр. Антоний Сурожский. Беседы последних лет.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/besedy-poslednih-let/

23. митр. Антоний Сурожский. Место Преображения.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/mesto-preobrazhenija/

24. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Проповеди. Слово.— Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/patriarch/38019/

25. свт. Феофан Затворник. Сборник слов и проповедей о нашем отношении к храмам / На освящение придела святой великомученицы Екатерины (Об устроении в себе каждым духовного храма по образцу видимого.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/sbornik-slov-i-propovedej-o-nashem-otnoshenii-k-khramam/

26. свят. Николай Сербский. Творите дела правды. Проповеди.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/tvorite-dela-pravdy-propovedi/

27. прот. А. Ткачёв. Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачёвым // Беседа 14.— Режим доступа: http://georgievka.cerkov.ru/2016/05/30/protoierej-andrej-tkachev-zakon-bozhij-s-protoiereem-andreem-tkachevym-beseda-14-ya-video/

Московский государственный областной университет

Хосровян К. С., аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии

E-mail: karina.hosrovyan@mail.ru

Moscow State Regional University

Khosrovyan K. S., Graduate student of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Russian Philology Faculty

E-mail: karina.hosrovyan@mail.ru

УДК 811.161.1’42

ЦИТАТЫ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ А. В. КОЛЬЦОВА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА

С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2020 г.

Аннотация: *в статье представлены предварительные результаты изучения функционирования цитат из стихотворений А. В. Кольцова в русской художественной прозе XIX века. Проведенное исследование показало, что цитаты из 23 произведений поэта встречаются в 26 художественных текстах 21 русского прозаика позапрошлого столетия. В работе подробно проанализированы случаи использования писателями (В. П. Авенариусом, Д. В. Григоровичем, И. С. Никитиным, И. С. Тургеневым, Н. Г. Чернышевским) двух и более цитат из стихотворений А. В. Кольцова в одном произведении, перечислены примеры употребления кольцовских строк в сильных текстовых позициях, названы самые цитируемые произведения воронежского поэта. Данное исследование наглядно демонстрирует большую значимость творческого наследия А. В. Кольцова для русской литературы XIX века.*
Ключевые слова: *А. В. Кольцов, цитаты, интертекст, русская художественная проза XIX в., текстовые позиции.*

Absract: *the article presents preliminary results of studying the functioning of quotes from poems of A. V. Koltsov in Russian prose of the XIX century. The research showed that quotes from 23 poems of A. V. Koltsov are found in 26 texts of 21 Russian prose writers of the 19th century. The paper analyzes in detail the cases when writers (V. P. Avenarius, N. G. Chernyshevsky, D. V. Grigorovich, I. S. Nikitin, I. S. Turgenev) use two or more quotes from 22 works of A. V. Koltsov. This paper provides examples of the use of quotes from the texts of the Voronezh poet in strong textual positions, and also names the most quoted poems of A. V. Koltsov. This research clearly demonstrates the great significance of the creative heritage of A. V. Koltsov for the Russian literature of the XIX century.*
Keywords*: A. V. Koltsov, quotes, intertext, Russian prose of the XIX century, text positions.*

Интертекстуальные связи поэзии А. В. Кольцова с произведениями отдельных классиков русской литературы неоднократно становились предметом изучения отечественных литературоведов (см., например, [1], [2], [3], [4, 271–312] и др.). Систематическая работа по поиску и описанию корпуса цитат из кольцовских стихотворений в русском дискурсе с использованием современных информационных технологий ведется на кафедре русского языка Воронежского государственного университета с 2008 г. Промежуточными результатами этого исследования стали два издания словаря «Крылатое слово А. В. Кольцова» [5], [6] и монография «Поэтическое слово А. В. Кольцова в русской речи» [7]. К настоящему времени автором данной статьи создана база данных, включающая более 5000 примеров цитирования кольцовских строк в текстах разных стилей и жанров и различного времени написания. Нужно уточнить, что в данном случае под цитатой мы вслед за Н. А. Фатеевой понимаем «воспроизведение двух и более компонентов текста-донора с собственной предикацией» [8, 122]. При этом такое воспроизведение может быть как атрибутированным, так и неатрибутированным, как маркированным, так и немаркированным, как каноническим, так и трансформированным (подробнее см. [7: 30–36]; [8, 122–128] и др.). Использование так понимаемых цитат мы рассматриваем во всех текстовых позициях (см. [9, 28–38]): как в сильных (использование в качестве заглавия, эпиграфа и т.д.), так и в слабых (любое употребление в «теле» текста).

Особое место в выявленном нами корпусе примеров занимают случаи цитирования стихотворений А. В. Кольцова классиками Золотого века русской литературы. В настоящей статье мы представим предварительные итоги изучения функционирования интересующих нас единиц в русской художественной прозе XIX столетия.

По нашим данным, цитаты из кольцовских стихотворений встречаются в художественных произведениях 21 русского прозаика позапрошлого века: В. П. Авенариуса, И. А. Бунина, А. И. Герцена, Н. С. Гарина-Михайловского, Д. В. Григоровича, В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, П. И. Мельникова-Печерского, И. С. Никитина, А. Ф. Писемского, Н. Г. Помяловского, М. Е. Салтыков-Щедрина, А. С. Серафимовича, В. С. Соловьева, К. М. Станюковича, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, А. А. Черкасова, Н. Г. Чернышевского, А. И. Эртеля и П. Ф. Якубовича.

© Чуриков С. А., 2020

Важно отметить, что пять из перечисленных авторов используют кольцовские строки в нескольких текстах. Так, цитаты из стихотворений А. В. Кольцова обнаруживаются в двух прозаических художественных произведениях следующих пяти писателей: И. С. Тургенева (роман «Рудин» и рассказ «Смерть»), Д. В. Григоровича (повести «Деревня» и «Четыре времени года»), Н. С. Лескова (рассказ «Явление духа (Открытое письмо спириту)» и «Житие одной бабы»), Г. И. Успенского («Книжка чеков» и «Письма с дороги»), А. И. Эртеля (романы «Записки степняка» и «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»).

Особо выделим шесть произведений, в которых цитаты из стихотворений А. В. Кольцова встречаются неоднократно. Первым в этом ряду следует назвать повесть Д. В. Григоровича «Четыре времени года», в которой шесть (!) из восьми глав предваряются кольцовскими эпиграфами. Эпиграфом к первой главе автор избирает строки из «Песни пахаря», ко второй и пятой — из «Урожая», к шестой — из «Поры любви», к седьмой и восьмой — из стихотворения «Что ты спишь, мужичок?». Как верно отмечает в своей обстоятельной и глубокой статье о связи прозы Д. В. Григоровича с кольцовской традицией известный отечественный литературовед М. В. Отраднин, стихи воронежского поэта становятся «своеобразным эмоционально окрашенным комментарием» к обобщенному повествованию о русских крестьянах, «поэтически освещают общий ход крестьянской жизни» [1, 39].

В повести Д. В. Григоровича «Деревня» представлено три эпиграфа из стихотворений А. В. Кольцова. Эпиграфом к третьей главе стали строки из русской песни («Не весна тогда…»), к четвертой главе — из русской песни («Так и рвется душа…), к восьмой главе — из стихотворения «Не шуми ты, рожь». Кольцовские стихи вместе с вынесенными в качестве эпиграфов к другим главам строками народных песен помогают раскрыть «смысл интимных переживаний» главной героини повести, крестьянки Акулины (подробнее см. цитированную выше статью М. В. Отраднина [1, 43]).

В повести В. П. Авенариуса «Поветрие» (вторая часть дилогии «Бродящие силы») также обнаруживается три «кольцовских» эпиграфа. Цитаты из стихотворений А. В. Кольцова в сконцентрированном виде передают смысл описываемых в соответствующих главах событий. Эпиграфом к восьмой главе, в которой рассказывается о начале романа между учителем Л. И. Ластовым и горничной Мари, стала строка «*Любовь — огонь, с огня — пожар*» из стихотворения «Пора любви». Одиннадцатой главе, описывающей ссору Л. И. Ластова с Надеждой Липецкой и Авдотьей Бредневой, В. П. Авенариус предпослал строфу из русской песни («Говорил мне друг, прощаючись»): *Ну, Господь с тобой, мой милый друг! // Я за твой обман не сержуся. // Хоть и женишься — раскаешься, // Ко мне, может быть, воротишься*». Наконец, строки «*Но, увы! нет дорог // К невозвратному!*» из «Песни старика» были избраны эпиграфом к шестнадцатой главе повести, в которой рассказывается о неудачной попытке Монички Куницыной восстановить отношения со своим мужем Сержем.

По два цитирования кольцовских строк представлено в рассказе И. С. Тургенева «Смерть», «Дневнике семинариста» И. С. Никитина и романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Остановимся подробнее на каждом из названных произведений.

В рассказе «Смерть» И. С. Тургенев разворачивает перед читателем целую галерею «удивительных смертей русских людей». Однако в начале произведения изображается гибель не человека, а леса, которая заставляет автора вспомнить одноименное стихотворение А. В. Кольцова:

Лес Ардалиона Михайлыча с детства был мне знаком. <…> Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней <…> А что за тень в лесу была! <…> Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила старых моих друзей — дубов и ясеней; засохшие, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей, которая «сменила их, не заменив»…<…> Кто бы мог это предвидеть — тени, в Чаплыгине тени нигде нельзя было найти! Что, думал я, глядя на умирающие деревья: чай, стыдно и горько вам?.. Вспомнился мне Кольцов:

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?.. [10, 197–198]

Эти знаменитые строки из стихотворения «Лес», посвященного памяти А. С. Пушкина, удивительно гармонично вплетаются в ткань тургеневского повествования. Ведь для А. В. Кольцова лес символизирует личность главного русского поэта — А. С. Пушкина. Тем самым И. С. Тургенев, цитируя эти строки, плавно переходит от темы смерти природы к теме смерти человека. При этом вдумчивый читатель понимает, что первой (хотя и неназванной прямо) в тургеневском ряду удивительных смертей русских людей оказывается смерть А. С. Пушкина, о которой так проникновенно написал воронежский поэт.

Далее в тексте появляется цитата из другого кольцовского стихотворения — «Думы сокола». Описывая последние дни жизни своего старого приятеля, учителя Авенира Сорокоумова, автор приводит следующий эпизод из их беседы:

На коленях у Авенира лежала тетрадка стихотворений Кольцова, тщательно переписанных; он с улыбкой постучал по ней рукой. «Вот поэт»,— пролепетал он, с усилием сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышным голосом:

Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Все заказаны? [6, 47]

С одной стороны, эти слегка преобразованные кольцовские строки отражают душевные переживания умирающего учителя, у которого на фоне осознания неизбежности скорой смерти особенно ярко проявляется интерес к жизни в самых разных ее проявлениях. С другой стороны, повторное появление в коротком тексте стихов воронежского поэта вместе с восклицанием Авенира Сорокоумова («Вот поэт») наводит на мысль о том, что и безвременный уход из жизни А. В. Кольцова (поэт не дожил до 33 лет) также может быть включен в тургеневский ряд удивительных русских смертей.

Эти же строки из «Думы сокола» вводит в свой «Дневник семинариста» И. С. Никитин. Они появляются в размышлении главного героя произведения, Василия Белозерского, о необходимости самому искать ответы на возникающие вопросы и точно отражает состояние «связанного по рукам и ногам» юноши:

… я связан по рукам и по ногам. Если бы я спросил о чем-либо, не прямо относящемся к моему делу — лекции, кого-нибудь из наших профессоров, меня называли бы дураком; если бы я спросил кого-либо из моих товарищей,— более скромный из них посмеялся бы надо мною, более дерзкий послал бы меня к черту <…> В Воронеже, говорят, появился недавно прасол-поэт. Жар и холод пробежал по моему телу, когда в одном из современных журналов я прочитал эти животрепещущие строки:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Все заказаны?..

Впрочем, из наших наставников никто не упомянул о нём как о человеке, подающем какие-либо надежды [6, 46].

Другой кольцовский шедевр цитирует умирающий друг Василия Белозерского, Алексей Яблочкин:

— Я знаю, знаю. У тебя добрая душа… — Голова его была свешена на грудь,

неопределённый взгляд устремлён в сторону. Он говорил:

Чиста моя вера,
Как пламя молитвы,
Но, Боже! и вере
Могила темна… [6,138]

В сознании юного семинариста, находящегося на пороге смерти, борются вера и сомнение. И крылатые строки из кольцовской «Молитвы», являющиеся одним из лучших поэтических выражений такой внутренней борьбы в русской литературе позапрошлого столетия, естественным образом всплывают в памяти начитанного юноши и помогают ему выразить свои противоречивые чувства.

Как уже было сказано, Н. Г. Чернышевский также дважды цитирует стихотворения А. В. Кольцова в знаменитом романе «Что делать?». В первый раз кольцовские строки появляются в конце двадцать пятого параграфа четвертой главы, в котором показываются отношения и взаимные чувства Веры Павловны и Александра Матвеича. Писатель завершает этот параграф цитатами из «Фауста» Гете и русской песни «Я любила его» А. В. Кольцова, отражающими пылкие чувства героев (см. [6, 60–61]). Уже в следующем параграфе, в котором представлен знаменитый «Четвертый сон» Веры Павловны, Н. Г. Чернышевский снова цитирует стихотворение воронежского поэта. Среди песен, поющихся людьми будущего, оказывается и кольцовское «Бегство», которое Вера Павловна знает и называет «нашей песней» (см. [6, 14]).

Большинство выявленных нами цитат представлены не в абсолютно сильных текстовых позициях, к которым, как уже было отмечено, относятся заглавие, эпиграф, абсолютное начало и абсолютный конец текста (подробнее см. [7, 28–38]). Так, единственным кольцовским заглавием в исследуемом корпусе текстов является название рассказа В. С. Сольвьева «На заре туманной юности». Кольцовские эпиграфы обнаруживаются в четырех произведениях: повестях Д. В. Григоровича «Деревня» и «Четыре времени года», рассказе Н. С. Лескова «Явление духа (Открытое письмо спириту)», повести В. П. Авенариуса «Поветрие». При этом нужно понимать, что использование цитаты не в абсолютно сильной позиции не означает автоматически ее второстепенного значения для данного текста. Хорошим подтверждением этого утверждения является рассмотренный выше случай использования И. С. Тургеневым сразу двух кольцовских цитат в рассказе «Смерть».

Подводя итоги, укажем, что, по нашим данным, в русской художественной прозе цитируются 23 кольцовских стихотворения: «Бегство», «Два прощания», «Дума сокола», «Косарь», «Лес» (посвящено памяти А. С. Пушкина), «Молитва» (дума), «Молодая жница», «Не шуми ты, рожь», «Неразгаданная истина» (дума), «Первая песня Лихача Кудрявича», «Перепутье», «Песня пахаря», «Песня старика», «Пора любви», «Разлука», «Расчет с жизнью», «Русская песня («Говорил мне друг, прощаючись»), «Русская песня (В поле ветер веет…)», «Русская песня (Не весна тогда …)», «Русская песня (Так и рвется душа)», «Русская песня (Я любила его…)», «Урожай» и «Что ты спишь, мужичок?».

Среди этих стихотворений следует особо выделить неоднократно цитируемые поэтические произведения воронежского поэта. К их числу относятся «Косарь», «Дума сокола», «Лес» (посвящено памяти А. С. Пушкина), «Молитва» (дума), «Песня пахаря», «Пора любви», «Русская песня («Я любила его…»), «Урожай» и «Что ты спишь, мужичок?».

При этом два и более раза цитируются в исследованном корпусе текстов следующие кольцовские строки: «Раззудись, плечо! // Размахнись, рука!» («Косарь»), «Иль у сокола // Крылья связаны, // Иль пути ему // Все заказаны?» («Дума сокола»), «Ну тащися, Сивка, пашней, десятиной» (Песня пахаря).

Таким образом, наше исследование наглядно демонстрирует значимость творческого наследия А. В. Кольцова для русской литературы XIX века и подтверждает слова М. Е. Салтыкова-Щедрина, писавшего в знаменитой статье о творчестве воронежского поэта: «*Трудно определить степень влияния Кольцова на русскую литературу <…> Тем не менее влияние это несомненно. <…> Весь ряд современных писателей, посвятивших свой труд плодотворной разработке явлений русской жизни, есть ряд продолжателей дела Кольцова. Это дело принимает все более обширные размеры; отовсюду слышатся голоса, полные жизни и мощи; чувствуется, что мы как будто тверже стоим на родной почве, что мы сознаем себя уже не в гостях, а дома*» [11, 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Отраднин М. В. Григорович и Кольцов (к проблеме народного характера в русской литературе 40-х годов XIX века) / М. В. Отраднин // Вестник ЛГУ. Сер. 2.— 1982.— Вып. 1.— № 2.— С. 38–45.

2. Громов В. А. Кольцовские традиции и мотивы в «Записках охотника» И. С. Тургенева / В. А. Громов // «Филологические записки. Серия литературы и фольклора». [Вып. 1]. Воронеж, 1971.— С. 68–85.

3. Сабик Э. В. К вопросу о преемственности литературных традиций в «Записках охотника» (И. С. Тургенев и А. В. Кольцов) / Э. В. Сабик // Филологические науки, 1961.— № 2.— С. 110–115.

4. Тонков В. А. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество. 2-е изд., перераб. и доп. / В. А. Тонков.— Воронеж, 1958.— 440 с.

5. Кольцова Л. М. Крылатое слово А. В. Кольцова. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009.— 172 с.

6. Кольцова Л. М. Крылатое слово А. В. Кольцова. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков.— 2-е изд., испр. и доп.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012.— 182 с.

7. Кольцова Л. М. Поэтическое слово А. В. Кольцова в русской речи / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013.— 156 с.

8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева.— М.: Агар, 2000.— 280 с.

9. Кольцова Л. М. Пунктуация художественного текста: теория, практика, интерпретация / Л. М. Кольцова.— Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012.— 228 с.

10. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах: Т. 3: Записки охотника, 1847–1874 / И. С. Тургенев; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) [и др.].— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Наука,1979.— 526 с.

11. Салтыков-Щедрин М. Е. Алексей Васильевич Кольцов / Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе.— М., 1952.— С. 31–52.

Воронежский государственный университет

Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: churikovsa@yandex.ru

Voronezh State University

Churikov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian Language

E-mail: churikovsa@yandex.ru

УДК 654.197

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ АМЕРИКАНСКИХ НОВОСТНЫХ СЛУЖБ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Д. В. Быков

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 30 мая 2019 г.

Аннотация: *в статье представлены результаты исследования контента новостных выпусков телекомпаний CBS, ABC и CNN, посвященных одной теме — покушению на президента США Рональда Рейгана 30 марта 1981 г., а также выявлены особенности работы новостных служб американских телеканалов в чрезвычайных ситуациях.*
Ключевые слова: *Рейган, президент США, CBS, ABC, CNN.*

Abstract: *this paper presents the results of the study of the content of the news broadcasts of CBS, ABC and CNN devoted to one topic — the assassination attempt on US President Ronald Reagan on March 30, 1981 and reveals the features of the work of the American television news services in emergency situations.*
Keywords: *Reagan, President of the USA, CBS, ABC, CNN.*

Убийство президента США Джона Кеннеди в 1963 г. навсегда изменило мир телевизионных новостей. Четырехдневный марафон главных телесетей Америки в прямом эфире показал, на что способны журналисты при работе в экстренных ситуациях. Телеканал CBS и ведущий новостей Уолтер Кронкайт стали вещать из ньюсрума, а не из студии, как это было раньше. Сегодня это привычная практика для многих мировых телеканалов, но впервые это произошло именно в ноябре 1963 г. Репортер телеканала NBC Том Петитт, как и его коллеги с каналов-конкурентов, буквально на ходу осваивали технологию работы в прямом эфире без предварительной подготовки. Если раньше прямой эфир готовился заранее (тексты ведущих, материалы корреспондентов), то теперь наступил момент, когда это нужно было делать фактически «с колес». Корреспондент NBC потребовал, чтобы его вывели в прямой эфир с места события. Такого раньше никогда не практиковали. Как отмечает Е. Сурганова, Том Петитт «находился в подвале полицейского отделения в Далласе, по которому должны были провести Ли Харви Освальда, подозреваемого в убийстве Кеннеди» [1]. Однако журналист не успел рассказать зрителям об Освальде, т.к. после появления перед репортерами последнего застрелил владелец местного ночного клуба.

Съемочным группам тогда многое приходилось делать впервые: осваивать замедленные повторы и стоп-кадры, совершенствовать технологию работы в прямом эфире, особенно это касалось ведущих новостей, которые буквально через несколько минут после известия о покушении начали вещать и зачитывать новостные сводки. Этот печальный опыт пригодился американским журналистам еще не раз и, в частности, 30 марта 1981 года, когда было совершено покушение на президента США Рональда Рейгана.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые проведен сравнительный анализ новостных выпусков телеканалов ABC, CBS и CNN. Автор, исследуя особенности работы журналистов в чрезвычайных ситуациях, выявляет закономерности, которые определили работу репортеров в последующие годы.

Начнем с телеканала CNN, так как на рассматриваемый нами момент истории, он находился в эфире менее года и старался большую часть событий транслировать в прямом эфире. 30 марта 1981 г. президент США Рональд Рейган выступал в Вашингтоне с речью перед представителями федерации профсоюзов в отеле «Хилтон». Выпуск, который начался в 14 часов, вели из Атланты (штаб-квартиры CNN) Боб Кейн и Джим Вилкерсон, а из Вашингтона — их коллега, корреспондент Бернард Шоу [2]. Именно с короткого комментария Шоу и выступления президента в прямом эфире (о чем свидетельствовал лейбл «CNN Live» в левом верхнем углу) стартовали новости. Речь Рейгана длилась более 20 минут. Отметим, что инаугурационные речи первых лиц государства, а также всевозможные конференции политиков американское телевидение начало транслировать еще при президенте Кеннеди. В 80-е гг. с появлением круглосуточного канала CNN подобным выступлениям стали уделять гораздо больше внимания. Сегодня это стандартная практика эфира всех круглосуточных российских и зарубежных каналов.

© Быков Д. В., 2020

После 20-минутной речи Рейгана корреспондент Бернард Шоу продолжил свой комментарий, после чего последовал рекламный блок. Далее в выпуске были представлены материалы: о приостановке забастовки в Польше, о выступлении папы римского Иоанна Павла II, о захвате самолета в Бангкоке, об экономической ситуации и изменениях в Китае (два видеоматериала). Последний сюжет пришлось прервать на 33-й минуте выпуска и сообщить о том, что произошло покушение на президента (оно случилось в 14.30, когда Рейган вышел к своему лимузину из гостиницы «Хилтон»). Таким образом, мы видим, что уже через три минуты после случившегося информацию сообщили в эфире CNN. Видео с места событий появилось в эфире через 16 минут и 42 секунды. Стоит учесть, что в 81-м еще не было интернета, сотовых телефонов и технологии Live U, которые сегодня позволяют выйти в прямой эфир сразу и практически из любого места, удаленного от студии.

Четверть часа понадобилась и телеканалу ABC, чтобы показать первое видео с места событий. Ведущий новостного выпуска Фрэнк Рэйнолдс в буквальном смысле слова комментировал каждый кадр полученной картинки: «Вот мы видим, как президент Рейган подходит к лимузину… Выстрелы… Охрана немедленно реагирует… Два-три человека лежат на земле… Мы понимаем, что один из них агент спецслужбы, другой, скорее всего, вашингтонский полицейский…» [3]. Комментарий продолжался почти три с половиной минуты. Ведущий лишь изредка прерывался для того, чтобы режиссер вывел звук на полную мощность (live) и дал зрителям возможность оценить весь ужас ситуации.

Телеканал CBS вышел в эфир с двумя выпусками программы «CBS News / Special report», ведущим которых был Ричард Рот. Пожалуй, это единственный из рассматриваемых каналов, который сообщил о том, что президент Рейган не был ранен. Репортер произнес эти слова сразу после приветствия: «The President was not injured» [4]. И в данном случае нет никакой дезинформации. Дело в том, что пуля попала в Рейгана, срикошетив от лимузина. И то, что он ранен, поняли не сразу, а именно по прибытии в больницу Университета Джорджа Вашингтона. Отметим, что все остальные телеканалы говорили лишь о покушении. Ричард Рот сообщал информацию не из ньюсрума, а из студии, причем использовалась одна камера, выставленная на средний план. Интересным, на наш взгляд, является то, как досконально он излагал имеющуюся на тот момент информацию, вплоть до того, что приводил слова свидетелей, которые слышали звуки стрельбы «паф, паф, паф». Ведущий сообщил информацию за минуту с лишним и появился в эфире спустя некоторое время с новыми данными, зачитал их на камеру в течение 20 секунд, после чего в эфире шла так называемая «БЗ» (видео без закадрового текста корреспондента). Ричард Рот комментировал видео, поступившее с места событий. Как и на других каналах, на CBS момент покушения, стрельбы и задержания преступника показывали со звуком. В целом о событии в специальном репортаже ведущий рассказывал не более полутора минут, акцентируя внимание на каждом действии, представленном на видео.

Возвращаясь к телеканалу CNN, отметим интересную деталь. Появившийся в эфире из Вашингтона Бернард Шоу забывает надеть петличку (радиомикрофон), затем извиняется перед зрителями и говорит: «Детали инцидента обрывочны. На данный момент мы не знаем точно, что произошло. Главное, что мы хотим вам сообщить то, что президент жив» [2]. Далее корреспондент стал сообщать о том, что было известно к тому моменту, а именно, что в президента выстрелил мужчина и сколько человек ранены. Пока в студию не поступило видео, Бернард Шоу зачитывал всю информацию в кадре, неоднократно повторяя информацию о состоянии здоровья Рейгана, а также раненых. После этого он передал слово основным ведущим и сообщил о том, что, как только появятся новые данные, он обязательно обо всем расскажет. Джим Вилкерсон продублировал информацию и сообщил об отсутствии деталей и подробностей. После этого последовал репортаж, в котором рассказывали о неразорвавшихся снарядах времен Второй мировой войны и о возвращении советских космонавтов с орбиты. Затем в эфире вновь был Вашингтон и Бернард Шоу с последней информацией, которую он зачитывал буквально с листа, поскольку данные поступали каждую минуту, при этом не переставал повторять, что с президентом все в порядке.

Ведущий сообщил зрителям о том, что в числе раненых пресс-секретарь Джеймс Брейди, полицейский, а также агент секретной службы. Об их состоянии здоровья пока ничего не было известно. После этого Шоу еще раз повторил хронологию событий: рассказал о выступлении президента Рейгана перед представителями федерации профсоюзов, о том, что, когда он выходил из отеля, белый мужчина приблизился к нему и выстрелил из пистолета по меньшей мере четыре раза. Позже выяснилось, что нападавшим был Джон Хинкли — младший. Он был одержим актрисой Джоди Фостер и был уверен, что своим поступком прославится на всю страну и сможет добиться равного социального статуса со звездой экрана [5]. Хинкли стрелял шесть раз. Последняя пуля срикошетила и попала в Рейгана, зацепила ребро и застряла в легком. Но об этом стало известно, как уже сообщалось выше, гораздо позже, как и имена тех, кто закрыл собой президента и был ранен (помимо пресс-секретаря). Полицейского звали Том Делаханти, а агента — Тим Маккарти.

Особое внимание стоит уделить выпуску новостей телеканала CBS, ведущим которого был Дэн Разер. Это был итоговый вечерний выпуск программы «CBS

News / Special report», который шел вслед за региональными новостями телекомпании KCTV (аффилированной станции CBS), который также был посвящен главному событию дня — покушению на президента. Выпуск начинался с заставки, на которой была изображена печать президента США (Seal of the President of the United States) и фигурировала надпись «Стрельба в президента» (The Shooting of the President) [6]. Сегодня подобные надписи, выполненные с помощью компьютерной графики, широко используются в итоговых новостных программах и предваряют тот или иной сюжет. Первые элементы подобной визуализации появлялись и в 80-е гг. на американском телевидении. Это так называемые плашки с цитатами и фотографиями. В частности, в выпуске, посвященном Рейгану, было показано его фото с цитатами врачей: «Физиологически очень молод» (Physiologically very young), «Прошла операция» (Sailed through surgery), «Великолепно» (Excellent). Зрители также увидели прямое включение корреспондента из больницы Университета Джорджа Вашингтона и обзорный материал о покушении на президента. В репортаже использовались стоп-кадры для акцентирования внимания на деталях и с обведением красным кругом лиц, которые стали главными участниками событий. Кроме того, был показан момент покушения со специально замедленной съемкой, а также материалы из Далласа и Денвера о преступнике Джоне Хинкли — младшем, который совершил покушение. Режиссеры выпуска использовали крупные стоп-кадры преступника и его фотографии. Интересным, на наш взгляд, является использование в выпуске аналитического комментария репортера CBS и подробного материала о жизни и учебе Джона Хинкли с мнениями одноклассников, владельцев магазина оружия, где Хинкли приобретал пистолет, и т.д. Отметим, что хронометраж репортажей и прямых включений не превышал двух минут.

Телеканал ABC, пожалуй, более детально, чем все остальные СМИ, рассказывал о произошедшем событии. Видеоряд был запущен в эфир без предварительного монтажа, «с колес», а ведущий Фрэнк Рэйнолдс четко комментировал все, что происходило на представленном видео. Более того, он озвучивал сводки информагентств и работал в прямом эфире на протяжении долгого времени, проявив выдержку и самообладание, что не просто для ведущего в стрессовой ситуации. Стоит отметить, что ABC, как и другие каналы, постоянно возвращался к хронологии события. Так, Фрэнк Рэйнолдс спустя четыре минуты после начала выпуска объявил зрителям: «Перед тем как вы увидите репортаж, позвольте еще раз вам напомнить о том, что произошло» (Let me tell you once again what happened before you roll the tape) [3]. Это делалось для того, чтобы журналисты успели подготовить материал к эфиру. Примечательно, что ведущий не просто сообщал информацию на камеру, а рассказывал, иногда отводил глаза, задумывался и всем своим видом показывал, что он не просто диктор, а ведущий программы, который способен не только читать с листа, но и пропускать информацию через себя.

Когда режиссеры эфира запустили видео, он продолжал его комментировать, а на экране появилась надпись «earlier» (ранее) и геотитр «Washington Hilton». Затем ведущий в кадре поднял трубку проводного телефона и связался с пресс-службой, чтобы получить более детальную, точную и оперативную информацию. Причем режиссеры показывали ведущего одним крупным планом, и все, что ему сообщали по телефону, он через несколько секунд рассказывал зрителям: «Это Фрэнк Рейнольдс. Я пытаюсь получить дополнительную информацию. Вы сказали, что президент отправился в больницу… но можете ли вы подтвердить, что он не был доставлен в больницу? Он отправился в больницу. Ладно. В порядке. Спасибо» [3].

На телеканале CNN, так же как и на ABC, ведущий общался с корреспондентом по телефону. Отметим, что такая практика была распространена на американском телевидении начиная с 60-х гг. XX в. Спутниковая связь оставалась очень дорогой, и для того, чтобы выйти в эфир, было необходимо довольно длительное время для подготовки. С помощью телефона это делалось гораздо быстрее. Ведущий CNN Бернарду Шоу разговаривал с корреспондентом Бобом Берковитзом, который работал на месте событий и сообщал всю последнюю информацию. Диалог шел около четырех минут. Никого не смущало, что все это происходило на одном плане. Первое видео на CNN, как и на каналах-конкурентах, появилось спустя четверть часа, и ведущий в течение нескольких минут подробно комментировал происходящее. Правда, в отличие от ABC и CBS, CNN показал видео, снятое второй камерой с другой точки. После этого, зрителям стали повторять прежнее видео с надписью «earlier» (ранее), и так происходило несколько раз, как и на канале ABC. О том, что видео шло несмонтированным, «с колес», было видно по техническим накладкам, перемоткам пленки в кадре, полосам. В повторе можно было увидеть момент покушения на Рейгана и то, как охрана заталкивала его в лимузин. Ведущий продолжал комментировать видео. Не прошло и двадцати минут после покушения, как корреспонденты CNN стали выходить в прямой эфир с места события. Корреспондент Боб Берковитз общался с коллегой Дэйвом Бради, который видел человека, стрелявшего в Рейгана, описал его внешность, одежду. Прямое включение длилось одну минуту и четыре секунды. Предельно сжато и кратко, поскольку сегодня корреспонденты могут работать в эфире пять, десять и более минут. Ведущий выпуска постоянно говорил о том, что с президентом Рейганом все в порядке, рассказывал зрителям, как его посадили в лимузин

и отвезли в госпиталь, а также говорил о ранении пресс-секретаря Джеймса Брейди, вновь рассказывал о случившемся и о личности стрелявшего. Повторы информации и видео покушения шли довольно часто, периодически на экране появлялась картинка из Белого дома, где журналисты ожидали начала брифинга. Выпуск уже продолжили вести двое ведущих. К Бернарду Шоу присоединился журналист Дэниэл Шорр, который также комментировал ситуацию. Зрители увидели новое видео, а именно машину скорой помощи, которая подъезжала к госпиталю. Это видео было снято камерой с рук, без штатива, и сильно тряслось. То, что происходило дальше, можно смело назвать техническим новшеством для американского телевидения того времени. Ведущие начали анализировать картинку, которую режиссеры выдавали в замедленной скорости несколько раз, иногда воспроизводили ее покадрово. Затем был показан стоп-кадр, на котором был отчетливо виден человек, совершивший покушение. Этот кадр в течение выпуска повторялся несколько раз. Причем в середине выпуска его обвели специальным жирным кругом, чтобы зрители сконцентрировали свое внимание. К этому моменту уже было известно его имя. Через некоторое время к стоп-кадру добавились и титры, на которых было написано имя и фамилия того, кто покушался на президента.

Выпуск телеканала ABC продолжился детальным обзором полученного видео. Ведущий Фрэнк Рэйнолдс, помимо комментирования, вместе со своими коллегами выдавал в эфир подтвержденную и проверенную несколько раз информацию. Как отмечает И. А. Куксин, «показателем качества журналистского материала, тема которого касается освещения чрезвычайных ситуаций в информационных программах ТВ,— это объективное, достоверное и по возможности полное отражение реального события на телевизионном экране всеми имеющимися в распоряжении журналиста средствами» [7, 189]. Ученый подчеркивает, что создание этого образа должно опираться на реальные, визуально подтвержденные факты, полученные журналистом на месте события и за его пределами. Если сравнивать с сегодняшним днем, то репортеры и ведущие передают в эфир слишком много предположений, которые не всегда оказываются верными, при этом забывают о фактах. Вот как эмоционально подавалась информация ведущим после того, как ему сообщили редакторы: «Президент не был ранен… Он был ранен? Боже мой! Президент был ранен?! Он в стабильном состоянии… Вся эта информация! Президент был ранен. Его ранили в левую сторону груди… Говорите громче!» [8]. Последнюю фразу Рэйнолдс произнес в адрес редактора, который слишком тихо говорил, ведущий же в свою очередь хотел, чтобы страна услышала и его голос. Интересно, что ведущий признал свою ошибку и ошибку коллег, когда говорил о том, что информация, поданная ранее, была не совсем корректна. Президент действительно ранен, но сейчас состояние его стабильно.

Финальная часть выпуска была представлена интервью советника президента Линна Нофзингера, прямым включением корреспондента Билла Гринвуда из Белого дома и советника президента Дэвида Джерджена. В течение выпуска неоднократно повторялась замедленная запись момента покушения, а также говорилось о состоянии раненых в ходе инцидента, в особенности пресс-секретаря Белого дома Джеймса Брейди, который получил ранение в голову. Зрители также увидели прямое включение корреспондента Сьюзан Ким из Белого дома, которая сообщала самую последнюю информацию о состоянии здоровья президента. Кроме этого, в прямой эфир вывели госсекретаря Александра Хейга и корреспондента ABC в Лондоне Питера Дженнингса, а также записанный по телефону комментарий («хрип») корреспондента KBTV Рика Селлинджера. Соведущий Рэйнолдса, корреспондент Сэм Доналдсон, сообщал информацию из больницы Университета Джорджа Вашингтона.

Финальная часть выпуска телеканала CBS с Дэном Разером отличалась, на наш взгляд, четкими смысловыми акцентами со стороны ведущего. Он не пытался быстро и сбивчиво говорить, а с расстановкой произносил имена и фамилии корреспондентов, а также сообщал новые факты. К примеру, прямое включение корреспондента Лесли Стор из Белого дома он представил так: «Это был длительный и тяжелый день для всех, кто работает в Белом доме, корреспондент Лесли Стор выходит в эфир весь день и вечер в постоянном стрессе» [9]. Далее следовало короткое прямое включение корреспондента и сюжет репортера, в котором использовались синхроны очевидца Уиллиса Кинга — младшего, госсекретаря Александра Хейга, советника президента Линна Нофзингера, вице-президента Джорджа Буша. Напомню, Дэн Разер работал в студии, и, когда режиссер выдавал его в эфир, в кадре был слышен звук печатающих машинок и телетайпов (тогда информацию получали и распространяли именно так). В выпуске также был аналитический материал корреспондента Брюса Мортона о политической обстановке, причем репортер работал в студии и зачитывал информацию. Примечательно, что помимо синхронов политиков в репортаже использовалось мнение профессора истории Колумбийского университета Генри Граффа. Также в выпуске можно было увидеть материал из Лондона и узнать, как там реагировали на покушение. Мнение спрашивали у обычных граждан, в частности таксистов, а слова поддержки от европейских политиков сообщал в кадре корреспондент. Ведущий Дэн Разер в кадре зачитал цитаты известных американских политиков по поводу случившегося и представил сюжет Фила Джонса о реакции на событие

в Америке. Корреспондент, так же как и его коллега Брюс Мортон, вещал из студии. Помимо этого зрители увидели интервью с лечащим врачом Рейгана, доктором Деннисом О'Лири, из которого узнали, что президент вне опасности и идет на поправку. Завершал весь выпуск Дэн Разер подытоживающей информацией, в которой приводил сводку о том, сколько было покушений на президентов США и какие из них закончились трагически.

Завершающая часть эфира канала CNN также была очень насыщенной. Она состояла из серии прямых включений корреспондентов: Марк Уолтон вышел в прямой эфир из Белого дома, где журналисты ждали начала брифинга, Боб Берковитз вещал из больницы. Именно в госпитале советник президента Линн Нофзингер сообщил о ранении Рейгана. Заявление записали за несколько минут до эфира, так же как и приезд в госпиталь первой леди Нэнси Рейган. Об этом гласила надпись в левом верхнем углу экрана «taped earlier» (записано ранее). Прямые включения репортеров на этом не закончились. Через несколько минут зрители снова увидели корреспондентов Марка Уолтона и Боба Берковитза с последней информацией с места событий. Они выходили в прямой эфир еще три раза с периодичностью в пять минут. Выпуск был максимально насыщен информацией и интервью. Так, зрители увидели заявления Ларри Спикса, заместителя пресс-секретаря президента, а также госсекретаря Александра Хейга (причем его повторили через несколько минут), интервью Томаса Бейкера, представителя Вашингтонского офиса ФБР, и интервью свидетеля события, оператора ABC Генри Брауна (с повтором). Кроме этого телезрителям показали видео вылета вице-президента Джорджа Буша из Далласа в Вашингтон, его также повторили еще раз через несколько минут.

Таким образом, изучив работу телеканалов CNN, ABC и CBS во время чрезвычайной ситуации, можно выявить следующие закономерности и особенности. Журналисты сообщали всю поступающую информацию и в течение короткого времени уточняли ее и детализировали. Режиссеры оперативно, «с колес», делали стоп-кадры и графику. В 80-е гг. XX в. компьютерные системы были слабо развиты. Все делалось вручную, и если в обычной практике на ее производство уходило 2–3 часа, то во время чрезвычайных ситуаций все приходилось делать буквально за минуты. Происходило постоянное обновление информации; многократный повтор видеоматериала и приоритет работы в реальном времени по принципу информационного агентства показывали новостную исключительность каждого телеканала. Чрезвычайное событие продемонстрировало гибкое программирование сетки вещания телеканалов. Любая программа, в том числе и новостной сюжет, прерывались, уступая место срочным новостям. Каналы сразу переходили на так называемое моновещание. Подобная практика свойственна всем современным мировым телеканалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сурганова Е. Сериал «Даллас». Как убийство Кеннеди изменило телевидение / Е. Сурганова // Lenta.ru. Интернет и СМИ.— Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2013/11/26/tvkennedy/ (дата обращения: 20.04.2019).

2. President Ronald Reagan Assassination Attempt CNN Coverage 3–30–1981 // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=eJjHcbU_LLw (date of access: 21.05.2019).

3. First ABC News Bulletin — President Reagan assassination attempt shooting — Frank Reynolds // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=PRTFyWb9fQU (date of access: 20.05.2019).

4. CBS News — 1981–03–30 — first two Reagan shooting reports // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=azWAyZoV_5c (date of access: 21.05.2019).

5. Linder D. The Trial of John W. Hinckley, Jr / D. Linder // YouTube.— Режим доступа: http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/hinckley/hinckleyaccount.html (date of access: 21.05.2019).

6. KCTV and CBS coverage of Ronald Reagan's assassination attempt (March 31, 1981) // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=PeafpPtKBSM (date of access: 22.05.2019).

7. Куксин И. А. Отражение чрезвычайных ситуаций на ТВ: от зарождения до ликвидации / И. А. Куксин // Век информации.— 2016.— № 1.— С. 186–196.

8. Reagan Assassination Attempt // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v= –B9nVmQOlRU (date of access: 22.05.2019).

9. Reagan Assassination News — March, 1981 — pt 3 of 5 // YouTube.— Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vwpPZ8KH7xA (date of access: 22.05.2019).

Московский государственный институт культуры

Быков Д. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: dvb2002@mail.ru

Moscow State Institute of Culture

Bykov D. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: dvb2002@mail.ru

УДК 070

ПРОБЛЕМА ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

С. С. Калашников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2020 г.

Аннотация: *в статье на примере Воронежской и Тамбовской областей рассматривается проблема огосударствления финансирования частных региональных СМИ, посредством чего власть получает лояльность локальных медиа.*
Ключевые слова: *экономика СМИ, медиабизнес, реклама, свобода СМИ, РБК, «Коммерсантъ», GR.*

Abstract: *in the article, on the example of the Voronezh and Tambov regions, the problem of state funding of private regional media is considered, through which the government gains the loyalty of local media.*
Keywords: *media economics, media business, advertising, freedom of the media, RBC, «Kommersant», government relations.*

Региональные власти продолжают увеличивают расходы на публикации о себе в местных СМИ. Речь идет о заключении с медиа через систему тендеров контракта, по которому редакция в обмен на получение бюджетных средств обязана публиковать (без пометок «на правах рекламы») материалы о деятельности чиновников. Формулировки могут быть различными: «распространение информации о деятельности администрации», «подготовка и публикация информационных материалов о деятельности администрации». Этот инструмент, гарантирующий полное освещение деятельности госструктур и лояльность медиа, внедряется на медиарынках регионов с начала 2010-х гг.

Новую форму в огосударствлении финансирования частных региональных СМИ открыли в последние годы, а особенно заметно в 2020 г., власти Тамбовской области. Они распределяют средства местным изданиям не через тендеры (публичные и открытые, заявиться на которые имеют право любые компании), а через систему грантов, выделяющихся по решению комиссии из числа сотрудников администрации.

Так, крупная по местным меркам компания «Новый век», которой владеет частное лицо через НКО «Агентство социальной информации “Новый век”», получила в 2020 г. 38,8 млн. руб. «на информационную открытость и стимулирование творческой активности журналистов». Редакция газеты **«Тамбовская жизнь»** получает «на обеспечение своей деятельности» грант на 11,5 млн. руб.

На особенности финансирования обратили внимание местные популярные оппозиционные телеграм-каналы [1]. Они указывают на то, что по сравнению с грантовым финансированием тамбовских СМИ на год на затраты на обеспечение условий доступности объектов для инвалидов и других маломобильных групп населения выделено 370 тыс. рублей в год, при том, что общая сумма грантов для журналистов достигает 60 млн. руб.

Пользуясь данными систем Kartoteka.ru, «СПАРК-Интерфакс» и портала госзакупок автором проведено актуализированное исследование объемов финансирования деловых СМИ Воронежской области (информагентства Abireg.ru и «РБК в Черноземье», газета «Коммерсантъ в Черноземье», журналы DeFacto и «Воронежский бизнес-журнал») по государственным контрактам на освещение деятельности региональной власти. Оно показало рост расходов госструктур на PR в СМИ даже в кризис.

Издающее **«Воронежский бизнес-журнал»** ООО «Бизнес-пресс» (также издает «Аргументы и факты» в Воронеже) за неполный 2020 г. удвоило объем госконтрактов по сравнению со всем прошлым годом. Так, в 2019 г. по 7 контрактам медиакомпания получила 2,47 млн. руб., за январь-август 2020 г.— уже 4,99 млн. руб. Одним из крупнейших заказчиков издания является Воронежская городская дума (1,22 млн. руб. в 2020 г.), в которой держатель 8% издающего СМИ юрлица Александр Головин является депутатом и председателем постоянной комиссии по развитию местного самоуправления, взаимодействию с общественными объединениями и депутатской этике, а также членом постоянной комиссии по образованию, культуре и социальной поддержке населения. Это заставляет задуматься об очевидном конфликте интересов.

Крупным господрядчиком из числа деловых СМИ Воронежа с трендом на устойчивый рост объемов бюджетного финансирования является агентство Abireg.ru. Одно из основных юрлиц агентства, ООО «АБИ “Регион 36”», за 2019 г. получило госконтрактов на 1,89 млн. руб., а за неполный 2020 г.— уже на 5,13 млн. руб. Крупнейшим контрагентом в 2020 г. было управление делами Воронежской области (3,5 млн. руб.)

© Калашников С. С., 2020

Газета **«Коммерсантъ в Черноземье»** через ООО «Коммерсант-Черноземье» также увеличило объем государственных контрактов в 2020 г. В 2015 г. издание получило 1,13 млн. руб. за пять контрактов, а за неполный 2020 г.— 2,36 млн. руб. Крупнейшим заказчиком последние несколько лет остается управделами Воронежской области.

Журнал и сайт **De Facto** (издателем является индивидуальный предприниматель Максим Гальперин) показали значительный рост участия в госконтрактах. В 2019 г. СМИ получило 9 контрактов на 2,66 млн. руб., за неполный 2020 г.— 10 контрактов на 6,54 млн. руб.

Основное финансирование издание получает от управделами Воронежской области, притом в 2020 г. СМИ получило инновационный для воронежских медиа контракт — 3,49 млн. руб. за работу с соцсетями, в том числе за размещение в своем телеграм-канале постов о Воронежской области.

Минимально участие в госконтрактах у «**РБК в Черноземье»**, но и здесь виден рост. В 2019 г. это ООО получило 1 контракт на 99,5 тыс. руб., в неполном 2020 г.— уже 3 контракта на 303,96 млн. руб. Впрочем, анализ контрактов РБК в Черноземье осложняет сложная организация бизнеса СМИ, который юридически выглядит как несколько ООО, индивидуальных предпринимателей и отдельных физлиц на гражданско-правовых договорах

На основе анализа более 100 публикаций по госконтрактам в различных региональных СМИ мы выделяем следующие особенности таких материалов:

— комплиментарный тон в адрес властей региона, который не характерен для прочих публикаций СМИ;

— обязательная ссылка на орган местной власти в качестве источника информации для повышения его цитируемости, даже если речь заходит, например, об опубликованном федеральном рейтинге;

— запоздание в опубликовании новостей, основанных на пресс-релизах, предположительно из-за необходимости согласования текста с госзаказчиком;

— малоизвестный профессиональному сообществу автор, подпись которого встречается только под характерными текстами о регионе.

Работа СМИ по государственным контрактам (и приравненным к ним в контексте проведенного исследования грантам) выглядит для них более выгодным способом получения доходов, чем сотрудничество с коммерческими рекламодателями. По сложившейся практике, как показал экспертный опрос представителей ряда СМИ, контроль качества рекламного продукта государственным заказчиком либо отсутствует, либо ограничивается проверкой соблюдения количественных показателей упоминаемости тех или иных чиновников. Уровень оплаты же оказывается даже выше, чем за коммерческую рекламу — заключив контракт один раз, госзаказчик не просит изменения цены, его не приходится раз за разом привлекать скидками.

Верифицировано проверить, насколько эффективно выполняют задачу «освещения деятельности» заказчиков публикаций по госконтрактам и грантам, невозможно без масштабных социологических исследований. Учитывая это, мы воспринимаем такие механизмы финансирования СМИ как плату за их лояльность местным властям: контракты традиционно заключаются на полгода и велики шансы, что они не будут продлены с конфликтной редакцией. К тому же по результатам исследования нескольких десятков государственных контрактов для СМИ на портале госзакупок заметно, что на открытый и публичный тендер почти всегда заявляется только одно издание, конкуренция отсутствует, что заставляет задумываться о неофициальном предварительном распределении контрактов. «Рассмотрение единственной заявки на участие в электронном аукционе»,— так описывается характер многих из медийных тендеров на портале госзакупок [2]. Эти факторы вкупе создают существенную угрозу независимости и объективности региональных изданий.

В то же время мы полагаем, что нельзя давать однозначно негативную оценку использования госконтрактов в СМИ. Они очень важны для социально ориентированных общественно-политических частных медиа в регионах, поскольку отсутствие бюджетного финансирования поставит их под угрозу закрытия. Но, с другой стороны, использование описанной схемы дает властям беспрецедентные возможности по контролю за СМИ, вплоть до возможности предварительной цензуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тамбовский колхозник // Telegram.— Режим доступа: https://t.me/tambovkol/3114 (дата обращения: 05.08.2020).

2. Сведения закупки «Оказание информационных услуг по освещению деятельности Воронежской областной думы средством массовой информации (телеканалом)» // Госзакупки.— Режим доступа: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/common-info.html?regNumber=0131200001020007711&backUrl=7855ff08–2a1a-4614-b284–1893579d2cc9 (дата обращения: 05.08.2020).

Воронежский государственный университет

Калашников С. С., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: ss.kalashnikov@gmail.com

Voronezh State University.

Kalashnikov S. S., Postgraduate Student of the of Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: ss.kalashnikov@gmail.com

УДК 070

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Д. Г. Качанов

Национальный спортивный телеканал («Матч ТВ»)

Поступила в редакцию 9 февраля 2020 г.

Аннотация: *в данной статье анализируются нарративные задачи, решаемые при помощи тех или иных семиотических элементов в журналистских произведениях. Текст, фотографии, иллюстрации, видео, анимации, аудио, инфографика, таймлайны, карты, выносные цитаты, дизайн и навигация могут нести разную смысловую нагрузку в рамках журналистских спецпроектов и помогать раскрывать разные грани содержания. Автор классифицирует эти элементы и выделяет их повествовательные функции, анализирует различные способы и формы их использования, описывает характеристики этих элементов в случае их обособленного существования и при взаимодействии различных знаковых систем внутри одного журналистского произведения.*
Ключевые слова: *мультимедийное повествование, мультимедиа, нарратив, медиатекст, инфографика, аудиовизуальный контент, мультимедийная журналистика.*

Abstract: *the article analyzes different narrative aims various semiotic elements may have in multimedia journalistic projects. Photos, illustrations, videos, animation, audio, infographics, timelines, maps, external quotes, design and navigation may convey different meanings and may help build different narratives. The author tries to classify these elements, formulates their narrative functions, analyzes various forms of their use and describes how different sign systems interact within a single journalistic material.*
Keywords: *multimedia storytelling, multimedia, narrative, mediatext, infographic, audiovisual content, multimedia journalistic.*

В современный научный оборот введено понятие медиатекста, под которым понимается интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях [1]. Термин «медиатекст» является родовым, объединяющим для «журналистского текста, PR-текста, публицистического текста, газетного, теле- и радиотекста, рекламного текста, текста интернет-СМИ и т.д.» [2, 13]. Сочетание вербальных и изобразительных средств передачи информации образует креолизованный, или поликодовый текст. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический (изобразительный) тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [3, 127]. Иконический компонент может быть представлен иллюстрациям, схемами, таблицами, символами, формулами и т.д. Вербальный и изобразительные компоненты связаны на разных уровнях: содержательном, композиционном, языковом. При этом приоритетность того или иного типа связи может меняться в зависимости от коммуникативной задачи и функционального назначения текста в целом. Именно креолизованными текстами являются мультимедийные проекты, где письменное и устное слово, изображение, звук и дизайн обеспечивают целостность и связность произведения, т.е. создают необходимый коммуникативный эффект, максимально воздействуя на адресата сообщения.

В рамках изучения функционирования мультимедийных элементов в журналистском повествовании мы, применив нарративный и контент-анализ мультимедийных материалов, проанализировали 30 проектов (15 русскоязычных, 15 англоязычных), которые были отмечены журналистским сообществом как качественные (победы и номинации в премиях, участие в фестивалях и т.д.). В ходе исследования были обнаружены повторяющееся элементы, которые можно свести к десяти семиотическим группам, с помощью которых строится мультимедийное повествование в крупных журналистских спецпроектах: текст, фотографии, видео, аудио, карты, инфографика, таймлайны, анимации, иллюстрации (рисунки, комиксы), цитаты (выносные). Помимо этих единиц, при анализе мультимедийных проектов необходимо учитывать дизайн и навигацию.

Текст. Как отмечают Д. Кульчицкая и А. Галустян, важнейшим критерием успеха проекта Snowfall (первый удачный пример мультимедийного повествования в журналистике) стало наличие мощной истории, которая отражена вербально [4]. Именно длинный

© Качанов Д. Г., 2020

текст стал стержнем материала Snowfall, вокруг которого возникла визуальная оболочка. Вербальную сторону мультимедийных проектов можно разделить на три типа:

Основа повествования — текст является фундаментальной единицей проекта, а остальные элементы несут в себе вспомогательные функции по отношению к нему, расширяя, демонстрируя, уточняя то, о чем говорится вербально; это классический пример журналистского произведения, который характерен и для мультимедийного нарратива.

Скрепляющий элемент — направление внимания читателя, при главенстве визуального нарратива, при котором большую часть смыслов несут фотографии, видео, инфографика, карты и таймлайны, а текст лишь ориентирует в этом мультимедийном пространстве и соединяет элементы между собой, если это необходимо; такие проекты по своей природе приближаются к языку кино, поскольку рассказывают историю в первую очередь через изображение или аудиовизуальный ряд.

Справка — углубление знаний о предмете повествования, функция сопровождения других текстовых блоков: сноски, всплывающие окна, интерактивные справки по ссылке, как правило, не влияют на развитие истории, но крайне полезны для уточнения деталей и подробностей, объяснения терминологии, исторической справки и т.д., поэтому данный вид вербальных блоков в мультимедийных проектах часто является опциональным, т.е. читатель сам определяет, нужна ли ему дополнительная информация или сказанного в основном повествовании достаточно для понимания смыслов.

Вербальная составляющая присутствует и в других форматах, включена в объем других элементов и имеет значение только в них: подписи в фотографиях, титры в видео, легенда в инфографике, диалоги в иллюстрациях и комиксах и др.

Фотографии. В исследовании, проведенном группой ученых факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и посвященном использованию мультимедийных элементов в современном медиатексте российских СМИ, было обнаружено, что наиболее популярным элементом являются фотографии. Более 70% изученных материалов газет, журналов, информационных агентств и интернет-изданий содержат тематические фотографии, еще 20,9% медиатекстов — событийные фото, 8,9% — фотогалереи [5].

В мультимедийных проектах фотографии могут выполнять различные задачи и характеризоваться как смысловые, событийные, тематические, интегрированные и декоративные, композиционные. При этом в качестве иллюстраций могут выступать полноразмерные фотографии, занимающие все пространство экрана; отдельные фотографии других размеров; фотографии с подписью; фотогалереи; слайд-шоу; интерактивное фото; слайдер «было-стало» (фотосравнение).

Видео являются эффективным инструментом сторителлинга за счет того, что одновременно привлекают аудиторию, эмоционально воздействуют на нее посредством аудиовизуального ряда, обучают (мы обрабатываем видео быстрее текста и дольше сохраняем в памяти образы из него), вовлекают аудиторию в процесс сопереживания героям видео [6].

В мультимедийных проектах можно встретить разные видеоформаты: *интервью* (синхрон), *сюжет, лайв* (видеофрагмент действительности), *интерактивное видео* и др. С точки зрения нарратива видео обладает широким потенциалом: с его помощью можно демонстрировать как героя (интервью, синхроны, монологи, лайвы, беззвучные эпизоды действий, демонстрация места (пейзажи, общие планы, детали интерьера и т.д.), так и событие (лайвы, камеры наблюдений, документальная съемка, гонзо-зарисовка, непостановочный фрагмент действительности).

Анимация. Ключевые характеристики, выделяющие анимацию в отдельную категорию,— это цикличность воспроизведения и мультипликационность. Анимация подходит для решения узких сюжетных задач. Так, в мультимедийном проекте The New York Times «The Fine Line» [7] о гимнастке Симоне Байлз некоторые видеофрагменты переведены в формат цикличной анимации, которая повторяется раз за разом. Один из мотивов истории Байлз — это каждодневные тренировки, выполнение одних и тех же упражнений, и анимация лучше прочих элементов отражает регулярность этих событий.

Рисунки. Под этим элементом мы понимаем рисунки, созданные на компьютере или от руки, изображения картин, обложки журналов и музыкальных альбомов, постеры фильмов, страницы газет, отсканированные документы (включая дневники и записи от руки), скриншоты, афиши и т.д. Они сопровождают текстовые блоки, фотоистории, видеосюжеты, а иногда содержатся внутри карт и таймлайнов. При этом контент-анализ публикаций газет и журналов показывает, что существует тенденция к равноправию иллюстрации и текста, увеличению визуализирующих текст иллюстраций и уменьшению их декоративных функций [8]. Это важный момент для мультимедийного повествования, суть которого — в гармоничном сочетании различных элементов без колоссального доминирования одного из них.

Аудио. Это один из родовых мультимедийных элементов, наличие которого в медиатексте включает в процесс коммуникации аудиальный канал восприятия. В данную категорию входят все возможные звуки, шумы, аудиосообщения, позывные сигналы, музыка и т.д. Использование аудио в мультимедийных проектах можно разделить на две большие функциональные категории: фоновое звучание («закадровое» или «затекстовое») и содержательные

аудиоэлементы. С точки зрения нарративной техники фоновое звучание может быть использовано для описания места действия, эмоционального погружения в событие и в редких случаях — для отражения идеи. В последнем случае мы можем говорить о контрапункте — контрастном, ассоциативном сочетании звукового и визуального (в случае журналистики и вербального) рядов, противопоставление или сопоставление звука и изображения для создания метафорического, комического эффекта [9]. Содержательные аудиоэлементы в мультимедийных проектах используются не так активно, как фоновое звучание. Однако они более разнообразны: *голосовые вставки, интершум, радиосообщения, телефонные переговоры и аудиосообщения, музыкальные композиции*. В некоторых мультимедийных форматах аудио является частью других мультимедийных элементов, например интерактивных карт, таймлайнов или анимации. В таких ситуациях звуковой ряд выполняет функцию сопровождения и только акцентирует внимание реципиента на визуальной информации.

Инфографика. Выделяют несколько особенностей инфографики: наличие графических объектов, полезная информационная нагрузка, красочное представление, внятное и осмысленное представление темы [10]. В мультимедийных проектах она выполняет одну родовую функцию — систематизацию знаний, т.е. обнаружение некой связи в данных, выстраивание их в последовательность и встраивание в контекст. Данный мультимедийный элемент позволяет вписать частную историю в широкий общественный контекст таким образом, что она станет частью определенной тенденции или, напротив, ее исключением.

Частным случаем инфографики являются *карты*. Интерактивная карта может стать основой всего мультимедийного проекта в случае, если основным предметом повествования становится место. Примером такого рода историй может быть проект «Ленты.ру», посвященный гражданской войне в Афганистане [11]. В данном материале интерактивная карта показывает, как изменялись территория страны и ее этнический состав в зависимости от тех или иных событий. События представлены в хронологии, таким образом, таймлайн является еще одним стержневым элементом этого проекта. Соединение таймлайна и интерактивной карты дает целостное представление о проблеме в ее временном и пространственном развитии, а мы сталкиваемся с важнейшим повествовательным понятием хронотопа.

Таймлайн — это также разновидность инфографики, который мы выделяем из-за его специфической функциональной задачи — визуализации времени. Наиболее распространенная форма его презентации — горизонтальная ось, представляющая время с расположением событий слева направо [12]. Однако встречаются и вертикальные временные оси. В случае линейного повествования таймлайн может стать стержневым элементом мультимедийного нарратива — в таком случае он становится частью дизайна и основой навигации. Так, например, построен проект Finding Home (Time) [13], где в правой части экрана вертикально отражен весь временной отрезок истории в один год и при прочтении истории (технически — это скроллинг) всплывает количество дней, которое проживает новорожденный как персонаж, определяющий сюжет.

Выносные цитаты — один из обязательных элементов новостного и аналитического текста в средствах массовой информации; они, оформленные особым способом, служат для выражения авторской оценки и формирования у аудитории определенного образа описываемого события. Одновременно они могут выполнять несколько функций: *аттрактивную, акцентирующую, композиционную, кульминационно-событийную* и *идеологическую.* Отдельным случаем цитат являются прямые встроенные ссылки на социальные сети: сообщения в «Твиттере», пост в «Инстаграме» или «Фейсбуке», данные в оригинальном виде или оформленные особым способом (кроме скриншотов, которые мы относим к иллюстрациям). В эту же группы мы включаем переписку в социальных сетях, мессенджерах, СМС или стилизацию под них.

Дизайн и навигация. С точки зрения мультимедийных проектов и роли дизайна в поликодовом повествовании *линии* используются как разделители частей и глав повествования, направляют внимание читателя; *форма* отвечает за размер мультимедийных элементов; *узор и текстура* представляют собой динамичный способ визуального управления вниманием, захват внимания (существует во взаимосвязи с освещением и цветом). Выделим еще несколько моментов. *Пространство* — это расположение элементов в пространстве проекта относительно границ экрана и друг друга; создание иллюзии трехмерного пространства через параллакс-эффект — движение фонового изображения и элементов переднего плана с разной скоростью; всплывающие элементы и окна при скроллинге. *Движение* связано с появлением тех или иных блоков (особенно явно проявляется при скроллинге в случае параллакс-эффекта), анимированное возникновение элементов, наезды, наплывы и т.д. *Освещение* — отношение света и тьмы (белого и черного) — отвечает за удобочитаемость, контраст в тексте и фоне, характеристики бэкграунда. *Цвет* — цветовые характеристики подложек, фона, линий, кнопок и всех семиотических элементов.

К этому необходимо добавить важные типографические аспекты, которые необходимо учитывать при создании мультимедийного проекта — *шрифты, кегль, колонки, выравнивания* и др.

Навигация, т.е. способ перемещения по проекту,— важнейшая составляющая мультимедийного проекта. Инструментально этот элемент представ-

лен в виде навигационного бара — панели с интуитивно понятной формой организации содержания проекта, состоящей из гиперссылок и кнопок и необходимой для перемещения по иерархии экранов. Навигационный бар особенно актуален для проектов нелинейного типа (веб-докьюментари, интерактивного повествования). В таких ситуациях история представлена в разветвленной форме, а взаимодействие пользователя (читателя, реципиента) выше, чем в случае линейного лонгрида, поэтому элементы навигации необходимы для ориентации в пространстве материала.

***

Каждый из выделенных элементов может применяться для решения разных повествовательных задач в зависимости от форм использования этих элементов. Так, текст описывает конфликт и способы его разрешения; фотографии и видео представляют персонажей и обстановку событий, визуализируют пространство, на это же ориентированы и карты, а таймлайны визуализируют время; инфографика, анимации, выносные цитаты акцентируют внимание на ключевых аспектах истории, поворотных моментах в сюжете, кульминации действия, при этом если инфографика обращается к рациональному, то анимация к эмоциональному восприятию; аудио и дизайн создают атмосферу произведения и подчеркивают детали истории.

В мультимедийных журналистских произведениях элементы функционируют не обособленно, а взаимодействуют. Некоторые из описанных элементов выражаются через другие, например в инфографике содержится текст, а иллюстрация может быть частью таймлайна или карты. Это значит, что повествовательный потенциал одного элемента становится содержанием другого элемента, более крупного и функционально значимого в определенном контексте. Представленная классификация может быть использована при нарративном, семиотическом или контент-анализе мультимедийных журналистских произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак. — Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml (дата обращения: 21.01.2020).

2. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учебное пособие / Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011.

3. Burnett R. Perspectives on Multimedia: Communication, Media and Information Technology / R. Burnett, A. Brunstrom, A. G. Nilsson // Karlstad University, Sweden 2004. — Режим доступа: http://bookre.org/reader?file=497776 (дата обращения: 30.01.2020).

4. Galustyan A. A. Multimedia longread stories as a new format for online journalism: Snowfall projects and other experiments with content / A. A. Galustyan, D. Yu. Kulchitskaya // World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies. — 2015. — P. 200–226.

5. Вырковский А. В. Мультимедийные элементы в современном медиатексте / А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. В. Колесниченко и др. // Медиаскоп. — 2017. — № 3. — Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2364 (дата обращения: 21.01.2020).

6. Vyena H. Why Video Storytelling Is the Future of Marketing / H. Vyena. — Режим доступа: https://www.act-on.com/blog/video-future-content-marketing/ (дата обращения: 21.01.2020).

7. The Fine Line. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/interactive/2016/08/05/sports/olympics-gymnast-simone-biles.html (дата обращения: 21.01.2020).

8. Свитич А. Л. Специфика графической иллюстрации как компонента контента качественных изданий / А. Л. Свитич // Медиаскоп. — 2015. — № 3. — Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/1777 (дата обращения: 24.01.2020).

9. Чернышов А. В. Киномузыка: теория технологий / А. В. Чернышов // ЭНЖ «Медиамузыка». — 2014. — № 3. — Режим доступа: http://mediamusic-journal.com/Issues/3_2.html (дата обращения: 28.01.2020).

10. Смирнова Е. А. Инфографика в системе журналистских жанров / Е. А. Смирнова // Вестник ВолГУ. Серия 8. — 2012. — № . 11. — С. 92–95.

11. Гражданская война в Афганистане. — Режим доступа: https://afghan.lenta.ru (дата обращения: 28.01.2020).

12. Nguyen P. H. TimeSets: Timeline visualization with set relations / P. H. Nguyen, K. Xu, R. Walker & B. Wong // Information Visualization. — 15 (3). — P. 253–269.

13. Finding Home. — Режим доступа: http://time.com/finding-home (дата обращения: 28.01.2020).

Национальный спортивный телеканал («Матч ТВ»)
Качанов Д. Г., комментатор, редактор
E-mail: kachanov_denis_123@mail.ru

National sports TV channel («Match TV»)
Kachanov D. G., commentator, editor
E-mail: kachanov_denis_123@mail.ru

УДК 316:77:002

МЕДИАЭФФЕКТ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ В СМИ: ОПЫТ ПУБЛИКАЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ

Д. Э. Коноплев

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 17 апреля 2020 г.

Аннотация: *в статье анализируется медиаэффект фейковых новостей в контексте распространения фиктивных информационных поводов в средствах массовой информации. Автор обращается к массиву fake news и рассматривает масштабы их прямой пролиферации в сопоставлении с массивом публикаций-опровержений. Корреляция между fake news и опровержениями фейковых новостей рассматривается с использованием кластерного анализа и статистических методов. Автор приходит к выводу, что медиаэффект фейковых новостей носит кратковременный характер, каждый раз порождая информационный каскад публикаций-разоблачений.*
Ключевые слова: *журналистика, информационный каскад, массовая коммуникация, экономическое мышление, медиаэффект, fake news.*

Abstract: *the article traces the media effect of fake news in the context of the spread of fake news stories in the media. The author refers to the array of fake news and examines the extent of their straight proliferation in comparison with the array of disproof articles. The correlation between fake news and fake news demolishing is examined using cluster analysis and statistical methods. The author comes to the conclusion that the media effect of fake news is short-lived, each time generating an information cascade of disclosures.*
Keywords: *journalism, information cascade, mass communication, economic thinking, media effect, fake news.*

Проблема распространения фейковых новостей обретает наибольшую актуальность, когда несоответствующая действительности информация приобретает массовый характер и может служить основанием для потребителей информации совершать определенные действия, имеющие долгосрочные негативные последствия. В практическом смысле негативная роль fake news наиболее очевидна в публикациях на экономическую тематику, когда средства массовой информации через фейковые новости подают либо искаженные экономические данные, либо конструируют информационный повод из чистых фактов, заключенных в фиктивную оболочку.

Как отмечает Д. Поуг, наиболее эффективным средством борьбы с фейками является скептическое отношение аудитории к потребляемой информации [1]. Этой же точки зрения придерживается П. Йост, делая акцент на повышении осведомленности аудитории и формировании доверия к определенным источникам информации [2].

При этом основной сферой рассмотрения фейковых новостей в современном научном дискурсе остается проблема их автоматической идентификации. Так, Г. Граванис предлагает алгоритмы машинного обучения для поиска фейковых новостей на основе десятикратной перекрестной проверки [3, 202], а Р. Калийяр использует нейросеть с использованием алгоритмов глубокого обучения с оптимизацией гиперпараметров [4, 32]. Н. Делеллис и В. Рубин обращают внимание на сложность создания «проактивных инструментов» предотвращения распространения фейковых новостей в СМИ [5, 89].

Коммуникативный аспект fake news в контексте искажения информационного поля в социальных сетях на примере президентской кампании 2016 г. в США рассматривают Х. Оллкотт и М. Гентцков [6, 211]. Этический аспект фейковых новостей поднимается в работе С. Борден и Ч. Тью [7, 300]. Дж. Капуста сравнивает fake news с реальными новостями, используя морфологический анализ [8, 2285].

В нашей работе мы обращаемся к прикладной проблеме в рамках массовой коммуникации посредством СМИ — распространению фейков по информационному пространству и их терминации с помощью публикаций-опровержений.

Для оценки распространения фейковых новостей на экономическую тематику мы рассмотрели цепочки пролиферации шести тематических блоков fake news, в том числе первоисточник и каналы распространения, включающие цитирующие источники. Отдельно оценивался массив публикаций-опровержений.

В выборку исследования вошли шесть фейков, опубликованных в российских СМИ с апреля 2019 по апрель 2020 гг.: Франция предлагает ЕС отменить санкции против России (1), США покупают нефть у режима Мадуро (2), Huawei хочет заменить Android

© Коноплев Д. Э., 2020

на российскую операционную систему (3), экспорт фруктов из Евросоюза снизился из-за российского эмбарго (4), немецкие СМИ признали невероятный подъем сельского хозяйства России (5), на фоне COVID-19 в ФРГ призвали снять с России санкции (6).

Распространение фейковых новостей и их последующее опровержение оценивались с помощью методик контент-анализа, проводимых с помощью платформы QDA Miner, а также однофакторного дисперсионного анализа.

Мы сочли уместным также прибегнуть к кластерному анализу, учитывая, что данный метод успешно используется при рассмотрении фейковых новостей, например в работах П. Меел и Ч. Чанга [9, 1036].

Для оценки распределения групп фейков и их опровержений применялся кластерный анализ на основе агломеративного иерархического алгоритма классификации с использованием принципа «ближайшего соседа». Для построения кластеров как две различные группы кодировались публикации, включающие фейки (x_1), и публикации, опровергающие фейки (x_2).

Распределение групп и пролиферации цитирующих публикаций в рамках кластеров проводилось с опорой на матрицу расстояний. В основу матрицы расстояния кластеров было положено обычное евклидовое расстояние:

pxij = ∑xil-xji2

В сгруппированной матрице расстояний из значений публикаций по группам выбиралось наименьшее, чтобы разграничить полученные результаты на два отдельных кластера. Для каждого из шести тематических блоков публикаций наиболее близкие результаты распределения объединялись в один кластер. Критерием оценки публикационной группы в кластере как наиболее значимой по сравнению с соседней группой считалось наиболее равномерное распределение.

Для определения зависимости между пролиферацией фейковых новостей и их терминации с помощью опровержений рассчитывался коэффициент корреляции. Для этого в работе использовалось уравнение линий регресии и оценка статистической значимости парной линейной регресии.

Как отмечает С. Восоуи, фейки на экономическую тематику занимают третье место после политических fake news и фальшивых новостей, посвященных знаменитостям [10, 1146], указывая, среди прочего, что фейковые публикации распростаняются шире, чем правдивые.

Этот постулат находит свое подтвержение в нашей выборке: ни один из рассмотренных случаев опровержения fake news количественно не превосходит массив фейковых публикаций, включающих первоисточник и источники, непосредственного цитирующие его. При этом форма подачи fake news и логика их изложения может значительно различаться.

Так, в публикации портала «Вести» «Франция хочет предложить Евросоюзу отменить антироссийские санкции» автор указывает на инициативу французских властей по сворачиванию санкций в отношении России, хотя далее по тексту становится очевидно, что формулировка из заголовка — фейк. Выясняется, что к отмене санкций призывает кандидат в члены Европарламента Тьерри Мариани, не имеющий отношения ни к парламенту, ни к действующим органам законодательной или исполнительной власти, а являющийся лишь сторонником ультраправой партии «Национальное объединение». В последующих публикациях-цитатах эта информация исчезает, а статус Мариани не проясняется.

Аналогичная история с публикацией «Здоровый смысл: на фоне COVID-19 в ФРГ призвали снять с России санкции», где в действительности роль инициатора выполняет депутат бундестага от ультраправой партии «Альтернатива для Германии» Вальдемар Гердт, не выражающий точку зрения официального Берлина. Таким образом, мнение одной одиозной фигуры выдается за «здоровый смысл» всей ФРГ.

Другие экономические фейки строятся на прямой фальсификации фактов, как, например, в материале «Huawei хочет заменить Android на российскую операционку». Здесь выясняется, что сама китайская компания никакого перехода на российское программное обеспечение не планировала, а предложение о переходе, ответа на которое не последовало, сделала российская сторона.

Схожим образом в публикации «Вишенка на санкциях: в США заявили о снижении ЕС экспорта фруктов из-за российского эмбарго» авторы в качестве первоисточника ссылаются на данные из доклада службы сельского хозяйства зарубежных стран Минсельхоза США. При этом в самом докладе ни о каком сокращении экспорта не упоминается вообще.

В свою очередь в материале «Вестей» «Захарова прокомментировала возобновление закупок США нефти у Венесуэлы» автор строит материал на словах цитируемого источника, легко опровергаемых данными официального отчета Управления энергетической информации США (EIA), свидетельствующими об обратном.

Наконец, в случае с публикацией «Немецкие СМИ признали “невероятный подъем” сельского хозяйства России» авторы используют более мягкую форму искажения фактов, ссылаясь на реальное событие — участие российских компаний в сельскохозяйственной выставке в Берлине, упоминаемое немецкой газетой Der Tagesspiegel, и от себя добавляя информацию о «небывалом подъеме», которого нет в оригинале. Кроме того, как в первоисточнике фейка, так и в распространяющих его публикациях, издание Der Tagesspiegel, написавшее о выставке, выдается за некие многочисленные «немецкие СМИ».

При этом если проследить распространение эко-

номических фейков в средствах массовой информации, то становится очевидным их внезапное затухание, в ряде случаев отмечаемое на активной фазе распространения fake news. Большинство фейков, рассмотренных в нашей выборке, прекратили активно распространяться в первый же день своего появления в медиапространстве. По времени этот момент, который мы предлагаем называть стадией терминации, совпадает с появлением публикаций-опровержений. Таким образом, можно предположить, что фактической стадией терминации распространения фейков является именно обнародование опровергающих публикаций.

Примечательно, что даже численное превосходство фейковых новостей (например, распространяемых через новостные агрегаторы в сетевых СМИ), не помогает массированному распространению фейка. Мы предположили, что, как только публикуется опровержение фейковых новостей, распространение фейка и его последующее цитирование другими СМИ останавливается. Для того чтобы доказать соответствующую закономерность, мы рассчитали коэффициент корреляции по шести рассмотренным фейкам, опубликованным в российских СМИ с апреля 2019 г. по апрель 2020 г. Уравнение линий регресии (x_y) фейков и их опровержений по нашей выборке приобрело вид:

$$x_y = 0{,}9741\frac{y - 23{,}333}{14{,}727}1{,}572 + 6{,}833$$

Таким образом, значимость коэффициента корреляции (C_{coef} или r_{xy}) с учетом переменных (n) по нашей выборке можно представить в виде:

$$C_{coef} = r_{xy}\frac{\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}} = 0{,}97\frac{\sqrt{4}}{\sqrt{1-0{,}9}}$$

В ходе дисперсионного анализа мы рассматривали значимость фактора распространения фейков и последующих опровержений, оценивая влияние их взаимодействия. Используя нулевую гипотезу, мы рассчитали коэффициент Фишера (F), с учетом коэффициента корреляции (R^2), степеней свободы (n) и факторов, значимых в данной модели (m). Полученный результат ($F > F_{tabl}$) указывает, что наше предположение о связи терминации фейков с их опровержением в СМИ статистически значимо:

$$F = \frac{R^2}{1-R^2}\frac{n-m-}{m}$$

$$F = \frac{0{,}97407214352912^2}{1-0.97407214352912^2}\frac{6-1-1}{1} =$$

В итоге мы видим, что коэффициент корреляции указывает на прямую связь между распространением фейка и быстротой его опровержения — чем раньше будет опровергнут фейк, тем меньше он распространится в информационном пространстве. Данные по приведенной в работе выборке фейков и их опровержений подтверждают это предположение.

Таблица 1.

Экономические фейки и их опровержение

	Фейк (первоисточник, дата публикации)	Общее число fake news / число fake news после первого опровержения	Дата опровержения фейка	Общее число опровержений
1	«Здоровый смысл: на фоне COVID-19 в ФРГ призвали снять с России санкции», Известия, 18.03.2020	8/0	02.04.2020	5
2	«Немецкие СМИ признали “невероятный подъем” сельского хозяйства России» РИА Новости, 28.01.2020	40/0	28.01.2020	8
3	«Вишенка на санкциях: в США заявили о снижении ЕС экспорта фруктов из-за российского эмбарго», RT, 17.09.2019	9/0	19.09.2019	9
4	«Huawei хочет заменить Android на российскую операционку», Вести, 11.06.2019	12/0	11.06.2019	5
5	«Захарова прокомментировала возобновление закупок США нефти у Венесуэлы», Вести, 23.05.2019	39/0	23.05.2019	8
6	«Франция хочет предложить Евросоюзу отменить антироссийские санкции», Вести, 29.04.2019	38/0	01.05.2019	6

Характерным примером быстрого распространения фейков в отсутствии публикаций-опровержений может служить материал «Вестей» «Франция хочет предложить Евросоюзу отменить антироссийские санкции», впервые опубликованный 29 апреля 2019 г. и затем продолжавший распространяться цитирующими первоисточник изданиями в течение трех дней, пока не были опубликованы материалы-опровержения.

Мы предполагаем, что распространение экономических фейков в СМИ останавливается ровно в тот момент, когда выходит публикация-опровержение и цитирующие ее публикации. При этом не важно итоговое количество публикаций-опровержений — сам факт опровержения фейка служит инструментом сдерживания его распространения. Если же публикация-опровержение не появляется в день выхода фейка, то последний продолжает распространяться цитирующими источниками до момента опровержения. Важно отметить, что соотношение числа фейков и их опровержений по нашей выборке не имеет выраженной корреляции, что хорошо видно на графике (рис. 1).

Рис. 1. Распределение экономических фейков и их опровержений

Обозначенный выше механизм терминации fake news через публикацию опровержений не только объясняет принципы «умирания» фейков, но и ставит вопрос о количественном различии массивов фейков. Почему одни фейки до публикации опровержений активно цитируются и в итоге размещаются в десятках источников, в то время как другие не успевают активно распространиться и на момент опровержения находятся в количественном паритете с публикациями-опровержениями?

Мы предполагаем, что в данном случае речь идет об особенностях среды распространения фейков. Если таковой служат агрегаторы новостей, собирающие в сюжеты публикации сетевых средств массовой информации (как в случаях с фейками 2, 5, 6 в нашей выборке), то фейки быстрее распространяются через прямое цитирование первоисточника. Если же fake news не складываются в агрегированный новостной сюжет, то цитирование замедляется — авторы последующих публикаций должны самостоятельно найти первоисточник и ознакомиться с ним.

Возможно, что второй сценарий распространения фейков носит естественный характер, в то время как первый имеет явные признаки организованного процесса. Между тем, как показывает проведенный нами кластерный анализ, распределение кластеров в матрице расстояний в нашей выборке сохраняется равномерным при изменении числа источников в тематической группе фейка, соответственно, массив fake news не оказывает существенного влияния на терминацию фейка через опровержение.

Дендрограмма кластерного анализа фиксирует

близкое к равномерному распределение кластеров фейков ($S_{1,2,5}$) и их опровержений ($S_{3,6,4}$) на расстоянии P=26.02. Отсюда следует, что и фейки, состоящие из большого количества публикаций, и фейки в рамках сравнительно небольшого массива текстов одинаково терминируются ограниченным числом публикаций-опровержений.

Таким образом, распространение экономических фейков в средствах массовой информации следует признать кратковременным и ограниченно эффективным процессом, не способным оказывать продолжительного влияния на аудиторию периодических изданий.

В то же время явная зависимость распространения fake news от материалов-опровержений недвусмысленно указывает на высокий потенциал пролиферации фейковых новостей при длительном (или полном) отсутствии соответствующей реакции независимых средств массовой информации на «фальшивые» публикации в ангажированных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pogue D. The Ultimate Cure for the Fake News Epidemic Will Be More Skeptical Readers / D. Pogue // Scientific American.— Режим доступа: https://www.scientificamerican.com/article/the-ultimate-cure-for-the-fake-news-epidemic-will-be-more-skeptical-readers/ (дата обращения: 15.04.2020).

2. Jost P. Fake news — Does perception matter more than the truth? / P. Jost, J. Punder, I. Schulze-Lohoff // Journal of Behavioral and Experimental Economics.— Vol. 85.— Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-behavioral-and-experimental-economics/vol/85/suppl/C (дата обращения: 15.04.2020).

3. Gravanis G. Behind the cues: A benchmarking study for fake news detection / G. Gravanis, A. Vakali, K. Diamantaras, P. Karadais // Expert Systems with Applications.— 2019.— № 128.— P. 201–213.

4. Kaliyar R. FND-net — A deep convolutional neural network for fake news detection / R. Kaliyar, A. Goswami, P. Narang, S. Sinha // Cognitive Systems Research.— 2020.— № 61.— P. 32–44.

5. Delellis N. Fake News in the Context of Information Literacy: A Canadian Case Study / N. Delellis, V. Rubin // Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World.— IGI Global, 2020.

6. Allcott H. Social media and Fake News in the 2016 Election / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of Economic Perspectives.— 2017.— № 31 (2).— P. 211–236.

7. Borden S. The Role of Journalist and the Performance of Journalism: Ethical Lessons From “Fake” News (Seriously) / S. Borden, C. Tew // Journal of Mass Media Ethics.— 2007.— № 22 (4).— P. 300–314.

8. Kapusta J. Comparison of fake and real news based on morphological analysis / J. Kapusta, P. Hajek, M. Munk, L. Benko // Procedia Computer Science.— 2020.— № 171.— P. 2285–2293.

9. Zhang C. Detecting fake news for reducing misinformation risks using analytics approaches / C. Zhang, A. Gupta, C. Kauten, A. Deokar, X. Qin // European Journal of Operational Research.— 2019.— № 279 (3).— P. 1036–1052.

10. Vosoughi S. The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // Science.— 2018.— № 359 (6380).— P. 1146–1151.

Челябинский государственный университет

Коноплев Д. Э., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: dmitrijkonoplev@ya.ru

Chelyabinsk State University

Konoplev D. E., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Mass Communications Department

E-mail: dmitrijkonoplev@ya.ru

УДК 070

ПРОБЛЕМА ПОСТАНОВОЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ «ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ» НА ПЕРВОМ КАНАЛЕ)

Н. Е. Кузнецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 июля 2020 г.

Аннотация: *в статье раскрывается проблема постановочности в российских политических ток-шоу как одна из возможных причин снижения доверия аудитории и падения рейтингов политических телепередач.*
Ключевые слова: *политическая журналистика, политические ток-шоу, профессиональные стандарты журналистики, ток-шоу, российские ток-шоу, постановочность ток-шоу.*

Abstract: *the article offers the problem of staging in Russian political talk shows as one of the possible reasons for lowering audience confidence and falling ratings of political talk shows.*
Keywords: *political journalism, political talk shows, professional journalism standards, talk shows, Russian talk shows, talk show staging.*

Политические ток-шоу являются одним из самых востребованных жанров современной российской тележурналистики, так как и формат ток-шоу, и темы привлекают массовую аудиторию. Однако за последние годы рейтинги политических ток-шоу заметно снизились. Среди причин — несоблюдение профессиональных стандартов журналистами и проблема постановочности.

Ученые, исследующие тему снижения доверия массовой аудитории к СМИ, склонялись больше к тому, что причиной падения рейтинга является отсутствие профессиональных стандартов журналистики. Б. Н. Лозовский в 2007 г. опубликовал работу «Журналистика: профессиональные стандарты» [1, 37], в которой выражал серьезную обеспокоенность трансформацией профессиональной журналистики вплоть до исчезновения понятия «журналист» и превращении аудитории в некую базу для рекламы. В качестве предлагаемой меры редакторы региональных газет, Большое жюри Союза журналистов России, Фонд защиты гласности и Гильдия судебных репортеров обязались сконцентрировать свое внимание на соблюдении определенных журналистских стандартов, направленных в основном на обеспечение достоверности публикуемого. Однако этого было недостаточно.

В 2010 г. В. В. Тулупов [2, 88–105] в научной публикации «Этический устав журналистской профессии» приводит цифры, которые свидетельствуют о небывалом падении авторитета СМИ в глазах массовой аудитории. Оказалось, что только 10–15% испытывают доверие к информации, получаемой через СМИ. Для сравнения: в 1985 г. этот показатель составлял 85%. Причины такого состояния он видит в постоянном нарушении этических норм профессии.

В 2014 и 2015 гг. были опубликованы два документа: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 августа 2014 г. № 534н [3] и Медиаэтический стандарт [4]. Появление Медиаэтического стандарта, по мнению его авторов, учел недостатки ранее принятых нормативных документов: «Кодекса профессиональной этики российского журналиста» 1994 г., «Хартии телерадиовещателей» 1999 г. и др. При этом новый стандарт вполне коррелируется с ними, не подменяет их и не отменяет их действия. Равно как не отменяет и действия кодексов и приравненных к ним документов редакций СМИ и не создает препятствий к их практическому применению.

Однако ситуация усугублялась, на наш взгляд, еще и тем, что современные ток-шоу стали активно терять зрителей в связи с постановочностью. Н. А. Захарченко в статье «Фейковое телевидение как норма повседневности: смотреть нельзя помиловать» отмечает, что гонка за трафиком, стремление всеми мыслимыми и немыслимыми способами развлечь аудиторию оборачиваются как генерацией фейковых новостей, так и созданием откровенно развлекательных проектов с отчетливо угадываемой коммерческой составляющей. Автор подчеркивает, что ситуация на российском телевидении крайне сложная: «Может создаться впечатление, что фейковая новость, особенно в условиях информационной войны,— это основное зло, а вот дезинформирующие ток-шоу или шоу не так опасны, поскольку аудитория изначально не относится серьезно к тому действу, которое разворачивается у нее на глазах. Корень “шоу”, по сути, должен примирять с условиями игры: зрелищная составляющая, так называемая картин-

© Кузнецова Н. Е., 2020

ка, не обязана быть фактологически выверенной, правдиво стерильной. Наоборот, драматургия шоу предполагает постановочность, реконструкцию событий, нагнетание эмоций, эпатажность» [5, 315].

В качестве примера, иллюстрирующего постановочность, мы указываем на выпуск ток-шоу «Время покажет» от 30 сентября 2019 г. Вторая часть передачи, которую вел Артем Шейнин, была посвящена тому, что новый министр культуры Украины Владимир Бородянский предложил запретить въезд на территорию страны режиссеру Никите Михалкову, а также показ его фильмов из-за общественно-политической позиции режиссера (Н. Михалков не поддерживает современный курс развития Украины).

Ведущий задал интересный вектор развития дискуссии, заметив, что творчество и политика — две разные сферы жизни, которые не стоит смешивать: одно дело запретить въезд в страну режиссеру, другое — запретить показ его фильмов. Однако речь модератора дискуссии изначально была негативно окрашена. Так, сам факт оценки заявления новым министром культуры он назвал «шизофренией», «продолжением порошенковщины» и «болезнью». Даже оценивая суждения ведущего как справедливые (высказывание украинского чиновника заставляет задуматься о целесообразности его решений), мы вынуждены отметить оскорбительную форму высказываний Артема Шейнина. Ведь те же мысли можно было высказать намного деликатнее.

Так, в дальнейшем ведущий прибег к уместной аллегории: «А что делать нам с теми фильмами, которые сняли голливудские звезды, и при этом мы знаем, что они наговорили про Россию массу гадостей? Запретить?» И оппонент ведущего политолог Сергей Запорожский ответил: «Нет. Ведь эти высказывания справедливы»… Такая позиция эксперта частично объясняет постоянный переход ведущего на негативный эмоциональный фон, вынужденного обороняться.

Разбирая тот же выпуск программы, мы отметили, что один из экспертов — украинский журналист Андрей Метлев — настойчиво высказывал мнения, которые не совпадали с позицией ведущего программы Артема Шейнина. И ведущий стал позволять себе в адрес приглашенного гостя нелицеприятные оценочные суждения: «Вы к культурным людям в этой программе пока не отнеслись, у вас еще есть шанс исправиться», «Я уже не понимаю, слушать ли вас дальше или вызывать доктора», «Закройте уже свой рот» и т.п. Кульминацией нарастающего конфликта между экспертом и ведущим стало суждение гостя о том, что Марк Захаров — предатель и враг украинского народа. На эту реплику ведущий отреагировал излишне остро: «Выходите в другую дверь, чтоб со мной не пересечься после этих слов», а затем со словами «Андрей Дмитриевич, пошел вон отсюда!» Артем Шейнин физически вытолкал гостя из студии и прокричал ему вслед: «Иди отсюда! Ты умер».

Конечно, в данном конфликте нельзя оправдать поведение украинского журналиста, который не раз упомянул в негативном контексте режиссера накануне его похорон. Однако поведение ведущего ток-шоу также является некорректным, нарушает и закон о СМИ РФ (ст. 49), и медиаэтический стандарт (принцип 5).

Что касается момента выпроваживания оппонента из студии, то у зрителей возникло ощущение постановочности всего конфликта. В ответ на агрессию ведущего Андрей Метлев несколько раз с недоумением вскрикнул: «Артем, ну ты что?», «Ну, ты чего?», как бы не понимая, что происходит. Что же стало причиной такой растерянной реакции оппонента (мол, была же договоренность, сценарий…)? Не разыгрывают ли перед зрителями комедию?

Таким образом, мы видим, что и приглашенные эксперты, и ведущий нарушают нормы этики. Казалось бы, ведущего ток-шоу можно оправдать: он остро отреагировал на провокацию приглашенных экспертов. Однако в том и состоит сложность работы журналиста, чтобы уметь спокойно и убедительно преподнести свою точку зрения, опираясь на факты, не допуская скабрезных комментариев и унижения оппонентов. Переход на негатив и личностный уровень лишь показывает недостаточную подготовленность ведущего к обсуждению темы и отсутствие навыков деловой коммуникации. Подмена аргументов эмоциональными высказываниями приводит к тому, что у зрителя не появляется новых данных о проблеме, и, значит, программа не помогает ему разобраться в текущей политической обстановке. А нарочито демонстрируемые острые конфликты позволяют заподозрить ток-шоу в постановочности, сценарности, что в свою очередь ведет к утрате зрителем доверия как к ведущему, так и к его оппонентам, экспертам и гостям, а возможно, и в целом к политическим ток-шоу.

Подчеркнем, что причины излишней эмоциональности Артема Шейнина понятны, но тем не менее ведущий должен сдерживать себя, понимая, что коммуникация осуществляется в прямом эфире Первого канала, т.е. в публичном пространстве. И в первую очередь это — деловая коммуникация, требующая уважения к оппоненту и тщательной подготовки аргументов для дискуссии.

Согласно медиаэтическому стандарту, «как и всякий человек, журналист имеет право на ошибку. Обязанностью журналиста является быстрое и честное, поддерживающее репутацию и право на доброе профессиональное имя уведомление адресата своего сообщения об ошибке всеми средствами и способами, которые находятся в его распоряжении». Однако со стороны Артема Шейнина не только не последовало извинений за свое поведение, но, напротив, скандальный фрагмент эфира

был помещен на сайт Первого канала под рубрикой «Острые моменты», а в российской прессе и интернет-изданиях вышли множественные публикации в поддержку Артема, не содержащие намека на извинения с его стороны.

Таким образом, девиантное поведение ведущего, нарушающее профессиональные стандарты журналистики, было доведено до еще более широкой аудитории и популяризировалось как норма, как некое оправдание и даже защита, с чем мы не можем согласиться. При всей своей правоте Артему Шейнину стоило более тщательно готовиться к теме, делая упор на большее количество примеров и фактов. А главное, ведущему было необходимо отказаться от оскорблений в сторону своих оппонентов.

Тщательная подготовка к дискуссии и навыки деловой коммуникации — вот то, что отличает высококвалифицированного журналиста от непрофессионалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лозовский Б. Н. Журналистика: профессиональные стандарты / Б. Н. Лозовский.— Екатеринбург, 2007.

2. Тулупов В. В. Этический устав журналистской профессии / В. В. Тулупов // Известия Южного федерального университета. Серия: Филологические науки.— 2010.— № 1.— С. 88–105.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика: Приказ Министерства образования и науки РФ № 524 от 8 июня 2017 года [зарегистрирован Министерством юстиции РФ 29 июня 2017 года].— Режим доступа: http://www.journ.msu.ru/downloads/2017/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B1%D0%B0%D0%BA.pdf (дата обращения: 04.03.2020).

4. Медиаэтический стандарт от 2015 года [принят Общественной коллегией по жалобам на прессу в 2015 году].— Режим доступа: https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015 (дата обращения: 04.03.2020).

5. Захарченко Н. А. Фейковое телевидение как норма повседневности: смотреть нельзя помиловать / Н. А. Захарченко // Материалы 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.): в 2-х томах.— Самара, 2018.— Т. 2.— С. 315–316.

Воронежский государственный университет

Кузнецова Н. Е., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: kuzva900@gmail.com

Voronezh State University

Kuznetsova N. E., Postgraduate Student of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: kuzva900@gmail.com

УДК 070

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ПРЕССА ПРИРОДЫ И ОХОТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

А. В. Ляпина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 17 февраля 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена выявлению предпосылок и условий формирования в царской России группы специализированных журналов природы и охоты как важной составляющей историко-культурного и информационного наследия, репрезентирующего многообразные процессы национальной жизни.*

Ключевые слова: *журналы природы и охоты рубежа XIX–XX вв., охотничьи общества, общественные организации, публичная сфера, человек и природа.*

Abstract: *the article is devoted to the history of the specialized press about the nature and hunting of the late XIX century, where different processes of national life are presented.*

Keywords*: hunting societies, public organizations, public sphere, man and nature, specialized press about the nature and hunting of the late XIX century.*

Во второй половине XIX в. отмечался небывалый рост периодических изданий, которые отражали основные стороны общественного сознания, литературную жизнь, интеллектуальные и научные достижения эпохи, формировали научное мировоззрение и участвовали в создании определенного культурно-просветительского пространства. Однако приходится констатировать, что журнальное наследие императорской России изучалось неравномерно. Например, интересно проследить историю возникновения и эволюцию журналов природы и охоты[1], до сих пор находящихся на периферии научной рефлексии [1].

На фоне марксистских и модернистских изданий второй половины XIX – начала XX в. природоведческая и охотничья пресса, видимо, не представляла особого интереса для критиков, хотя издавалось более 30 журналов и газет, а на рубеже XX–XXI вв. интерес к экологическим, природозащитным проблемам, безусловно, придали известный негативный оттенок охотничьему дискурсу. Тем не менее во все времена авторы публикаций в данных изданиях на широком материале в его жанрово-тематическом многообразии освещали жизнь русского человека не только в социально детерминированном обществе, но и во взаимосвязях с макрокосмом, в более естественных связях с миром природы, активно участвовали в популяризации научного знания и формировании экологической культуры.

Рассмотрим же предпосылки и условия возникновения специализированной прессы. Охота, как известно, занимает важное место в культуре русского народа: она является одним из древних способов взаимодействия человека и природы, тесно связана с общественными процессами, историко-культурными, национальными традициями, с естественно-научными интересами образованного общества [2; 3; 4; 5]. Сюжеты охоты широко представлены в художественной литературе, произведениях музыки и живописи, в графике, скульптуре, произведениях декоративно-прикладного искусства.

Несправедливо представлять охоту только как вид спорта или как форму досуга, злую забаву. С. Романов, составитель «Охотничьего словаря» (1876–1877), считал охоту «благородным делом, духовной страстью», которая преобразует человека и очищает все его душевные качества. Охота, по его мнению, «неразрывно связана с любовью к природе», так как она «открывает охотнику глубины леса, проводит по зеленым долинам и горам <…> охраняет от праздности, укрепляет мускулы, дает тонкость чувствам; учит терпеть лишения, быть сносливым и довольным; делает сердце твердым и мужественным; учит быть холодным к скупости, зависти, суете других» [6, 276–279]. Охота, связанная с глубинными процессами национальной жизни, по мнению К. Чуковского, была одним из путей общения дворянских писате-

[1] «Лесной журнал», 1833–1851, 1871–1918; «Журнал коннозаводства и охоты», 1842–1862; «Журнал охоты», 1858–1877, 1890–1893; «Природа и охота», 1878–1912; «Природа», 1873–1877; «Охотник», 1887–1889; «Русский охотник», 1890–1895; «Псовая и ружейная охота», 1894–1907; «Охотничья газета», 1888–1912; «Охотничий вестник», 1901–1918; «Семья охотников», 1908–1914; «Конская охота», 1891–1907; «Русская охота», 1910–1911; «Природа и люди», 1878–1919 и др.

© Ляпина А. В., 2020

лей с народом и представлялась удобной для их наблюдений [7, 10].

Тема «человек – природа – общество» и связанный с ней сюжет охоты начали активно разрабатываться в отечественной литературе и журналистике в 30–40-е гг. XIX в. в период социальных преобразований, развития этнографии и фольклористики, демократизации читательской аудитории и формирования «городской» литературы (например, физиологические очерки авторов «натуральной школы»), повысившей семантическую активность оппозиции «столица / провинция». В журналах – литературных, общественно-политических («Современник», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Иллюстрация», «Русский инвалид», «Москвитянин» и др.), специализированных («Лесной журнал», «Журнал коннозаводства и охоты», «Полевая охота») – публиковались не только статьи о способах добычи животных, о деятельности различных спортивных и охотничьих учреждений, о правилах дрессировки собак, но и литературные зарисовки, очерки и рассказы с участием героев-охотников.

Охотничьи очерки середины XIX в. насыщались этнографическим, социальным содержанием: в центре внимания авторов оказывались ремесла, промысел, земледельческие работы жителей различных уголков Российской империи (Н. Щукин «Поездка на о. Ольхон», Н. Толстой «Охота на Кавказе», Б. Яновский «Чухарь» и др.). Фактический материал «перемежался с образно-поэтическим описанием, достоверные наблюдения и зарисовки сменялись лирико-субъективными отступлениями, а короткие замечания о простых людях перерастали в развернутые характеристики человеческих судеб» [8, 122].

Развитию темы «человек – природа – общество» в отечественной печати середины века способствовали переводы с английского и французского нравоописательных сцен из сельской жизни. Так, в «Журнале коннозаводства и охоты» за 1846 г. опубликованы переводы с французского – «Охота в Берри» и «Редкая собака», где описаны приключения охотников, дана характеристика места действия. Интересны очерки Луи Виардо «Две охоты в Пруссии» («Русский инвалид, 1846, № 215–217), «Охота в России» («Лесной журнал», 1847, № 8–13), «Охота в Пруссии» («Лесной журнал», 1847, № 21–23), в которых французский писатель, искусствовед, театральный деятель, переводчик не только делится с читателями охотничьими наблюдениями, но и объясняет виды и способы охоты особенностями русской национальной психологии.

Появлению специализированных изданий охотничьей тематики в середине XIX в. способствовало развитие спорта как явления культуры и формы досуга [9]. Как считают исследователи [10; 11; 12], первым и наиболее популярным вплоть до 1917 г. из всех видов спорта в России был конный спорт и конная охота, развитию которых в нашей стране способствовали почти беспрерывные войны начала XIX в. с участием Российской империи. Первым охотничьим изданием стал «Журнал коннозаводства и охоты» (1842–1864), объединивший два популярных вида спорта – конный и охоту.

Охота и ее роль в жизни общества становились предметом споров на страницах периодики. Так, Н. Реутт, редактор и издатель «Журнала коннозаводства и охоты», в своем трактате «Псовая охота» (1846) связывает охоту с увлечением образованнейших людей и создает впечатление общего радостного подъема всех ее участников [13, с. 10, 23].

В полемику со знатоком русской охоты, специалистом по русской борзой, вступил поэт Н. Некрасов, написавший поэму «Псовая охота» (1846), осуждающую жестокие нравы помещика-крепостника. В 1845 г. в славянофильском журнале «Москвитянин» была опубликована статья А. Хомякова «Спорт, охота». Русский философ приводит фрагменты из английских журналов, акцентируя внимание на описании мест охоты, физиологии и темпераменте английских скакунов, о превосходстве английских гончих в паратости перед другими породами в условиях открытой местности и др. В целом же статья пронизана патриотическим духом и рассматривается, скорее, как упрек отечественным охотникам-англоманам, отзывающимся с «величественным презрением о домашних богатствах, с которыми справиться не в состоянии» [14, 119].

Формирование темы «человек – природа – общество» в информационном пространстве России середины XIX в. обусловлено интересом образованной элиты к естественно-научному знанию. Многие идеи русских интеллектуалов-охотников, связанные с восприятием мира живой природы, оказались созвучны натурфилософским взглядам мыслителей предшествующих веков – И. Гете, Б. Паскаля, Ж. Бюффона. И. Тургенев в рецензии на книгу С. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851) отмечает, что «все, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрушения – и все жизни сливаются в мировую жизнь, – это одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» [15]. Л. Толстой изучал труды современных ему ученых в области физики и химии – Фарадея, Джоуля – и потому признавал материальность мира и взаимообусловленность явлений природы. Его натурфилософские взгляды «формировались под воздействием идей Руссо и Гердера» [16, 37].

Именно авторы «Записок охотника» (1852) и «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851) заложили основы жанра охотничьего рассказа, который определит содержание беллетристического отдела специализированных изданий конца столетия. Журнальная беллетристика

продолжит освоение природного мира и изучения многообразных процессов русской жизни в лучших традициях литературно-философского осмысления древнего хронотопа.

Таким образом, в середине XIX в. охота рассматривалась как один из популярных видов спорта и являлась неотъемлемой частью спортивной прессы, с одной стороны; с другой – процессы демократизации социальной жизни, поиск концепции национального единства, развитие естественно-научного знания значительно расширили семантику охоты, придали ей статус национального события, которое реализовалось в сценарии «человек – природа – общество».

Издательский бум охотничьей периодики пришелся на 1880-е гг. Если в 1860-е гг. существовало два журнала охотничьей тематики – «Журнал охоты и коннозаводства», «Журнал охоты» и «Газета лесоводства и охоты», в 1870-е гг. их насчитывалось около пяти: «Журнал Московского общества охоты», «Журнал охоты», «Охотничьи записки», приложение к журналу «Для всех», сборник «Природа», а к началу XX в. их насчитывалось более тридцати [17; 18][2]. Модернизация российской общественной жизни, начавшаяся после реформ, существенно повысила гражданскую активность народа: начала развиваться публичная сфера, формировались модели поведения, создавались клубы и организации по интересам (известны организации врачей, педагогов, естествоиспытателей, агрономов и др.) [20, 28]. Во второй половине XIX в. в связи с началом пересмотра земельных отношений, с необходимостью упорядочения охотничьего промысла и пропаганды «правильной» охоты в России стали создаваться охотничьи общества. К 1912 г. в Российской империи насчитывалось 290 спортивно-охотничьих обществ, 13 – военно-охотничьих обществ, 6 – специальных и 1 натуралистическо-охотничье [21, 13].

Первое общество охотников появилось в Москве, вторым было зарегистрировано общество «Охотники Осиновой Рощи» в Петербурге. Первый в истории России закон, который полно охватывал все стороны ведения охотничьего дела, был принят 3 февраля 1892 г. и действовал вплоть до Великой Октябрьской революции [22; 23].

Охотничьи общества, как правило, имели свой печатный орган, в котором отражалась научно-практическая деятельность обществ, давалась оценка и характеристика охотничьей фауны, способов добывания охотничьих животных и птиц, разумного использования охотничьих угодий. Например, «Охотничья газета» являлась органом Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, а с 1904 г. – органом Общества любителей породистых собак и Русского общества любителей фокстерьеров и такс. Журнал «Русский охотник» начал издаваться как орган отделения охоты при Императорском обществе акклиматизации животных и растений. Журнал «Охота» являлся органом Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. Журнал «Псовая и ружейная охота» начал существовать как орган Императорского общества размножения охотничьих промысловых животных и правильной охоты Киевского отдела. Журнал «Природа и охота» – ежемесячный иллюстрированный журнал, орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты.

Основатели и редакторы-издатели стремились привить своим читателям-охотникам любовь к природе, к ее естественным богатствам, помогали в организации охотничьих обществ, изучали фауну России и представляли результаты своих научных наблюдений.

В условиях разрушения естественных связей человека и природы вследствие развития промышленности и оттока сельских жителей в города редакция акцентировала внимание на духовной составляющей охоты, т. к. «страсть к охоте неразрывно связана с любовью к природе» [6, 278]. «В честной охоте заключается благородная связь человека с природой <…> Охота побуждает человека искать слияния с природой, влечет его из созданной им вокруг себя искусственной обстановки, из дурных и тесных жилищ, из среды мелочных забот обыденной жизни в поля, в болота, в леса и в горы – туда, где вдали от людской суеты природа является ему во всей своей девственной красоте», – сообщается в редакционной статье журнала «Русская охота» (Русская охота, 1905, № 1).

Редакция журнала «Охотник» считает, что «охота приближает человека к красотам природы, мирит с неудачами жизни, врачует его больную душу и укрепляет хилеющее вдали от лесов и полей тело. Охота как спорт возвышает дух и оздоравливает тело» (Охотник, 1887, № 1).

Охотничья периодика формировалась в атмосфере научных поисков и открытий, что не могло не отразиться на контенте изданий. Русским географическим обществом осваивались и изучались районы Сибири, Центральной и Средней Азии, стратегические, экономические, культурно-значимые для царской России регионы (Н. Пржевальский, И. Потанин, П. Козлов, М. Богданов, П. Семенов-Тян-Шанский; продолжалось зоологическое обследование России экспедициями Академии наук (К. Бэр, А. Ф. Миддендорф), Московскими обществами испытателей при-

[2] Но русско-японская война, журнальные войны, изменение социально-экономического значения охоты привели к сокращению численности охотничьего населения [19] и, как следствие, к резкому уменьшению количества изданий анализируемой тематики, а к началу русской революции 1917 г. осталось два издания – журнал «Охотничий вестник» (1901–1918) и «Наша охота» (1907–1917).

роды и любителей естествознания (С. Карелин, Н. Северцов, А. Богданов, А. Федченко).

Влияние на осмысление темы «человек – природа – общество» оказал труд «Происхождения видов» (1859 г.) английского ученого-натуралиста Ч. Дарвина. Книга «Человек и природа» американского ученого-филолога, пионера природоохранного движения Д. Марша, переведенная в России в 1866 г., внесла существенный вклад в развитие учений об окружающей среде. Широко известна была книга французского географа Э. Реклю «Земля. Описание жизни земного шара», посвященная вопросам взаимодействия человека и природы (выпущена в 1895 г. в издательстве О. Поповой. Перевод без пропусков с последнего французского издания А. Мезьер, под редакцией и с примечаниями Н. Рубакина. – А. Л.).

Журналы отличались высоким профессиональным уровнем: ведь их владельцами, редакторами-издателями являлись люди, представлявшие университетскую науку (Л. Сабанеев, «Журнал охоты», «Природа», «Природа и охота»), государственные деятели, знатоки в вопросах охоты, собаководства (князь В. Урусов, «Русский охотник»; Н. Реутт, «Журнал охоты и коннозаводства»; Г. Мин, «Журнал охоты»; Д. Вальцов, «Охота»; С. Озеров «Псовая и ружейная охота» и др.). Одной из задач журналов являлась «широкая популяризация научных знаний и выводов, применимых к охотничьему хозяйству» (Русский охотник, 1990, № 1). Сотрудничали с изданиями авторитетные в своей области ученые, охотники, члены императорских обществ правильной охоты, члены русского географического общества (С. Усов, зоолог, профессор; А. Силантьев, зоолог, профессор; А. Воейков, географ, метеоролог, Д. Менделеев, ученый-энциклопедист, профессор), деятели охотничьего движения, эксперты по охотничьим собакам, в области оружейной техники (С. Бутурлин, орнитолог, путешественник, охотовед; А. Ивашенцев, писатель по вопросам спорта и охоты, конструктор охотничьего ружья; Н. Кишенский, основоположник ружейной охоты с гончими в России, теоретик истории гончих; С. Кареев, владелец охотничьих породистых собак и др.). Публиковали свои произведения писатели-охотники (Д. Вилинский, Ф. Арсеньев, Н. Вербицкий, А. Вышеславцев), что способствовало развитию жанра охотничьего рассказа.

Особая роль в научно-просветительской работе отводилась охотникам, живущим в дальних уголках Российской империи, так как местные жители «вследствие близости к природе многие явления ее, ускользающие от взора жителей центров, наблюдают, и немало открытий в области географии, естественных наук и даже минералогии стали общественным достоянием, благодаря исключительно их наблюдательности» (Русский охотник, 1890, № 1). Достичь поставленных целей возможно только общими усилиями, при условии объединения всех охотников. Журналы здесь выступают связующими нитями между провинциями и центром. Они делают «далекое – близким, объединяют разбросанных повсюду охотников в одну большую семью» (Семья охотников, 1913, № 1). Постоянными сотрудниками столичных журналов являлись корреспонденты из провинций. Они знакомили читателей с состоянием охотничьих промыслов в своих регионах, с бытовыми условиями жизни охотников, описывали материальную и духовную культуру, подчеркивая ее самобытный характер, и представляли результаты своих наблюдений («Из Томска» А. Ауэрбаха, «Конские бега в Омске», «Иртыш» И. Мельникова, «Охота в окрестностях Пскова» П. Псковича и др.).

Охотничья периодика создавалась в пореформенное время, в условиях демократизации общества, когда шло активное формирование нового типа печати, который мог бы удовлетворить интересы и вкусы неискушенного читателя, выходца из народной среды, тоже любителя охоты. Читателями становятся теперь и малограмотное крестьянство, и городские бедняки, и мелкие чиновники, и мещане. «Тонкие» журналы и газеты были весьма бюджетны и могли удовлетворить любые вкусы и запросы. На такого потребителя печатного продукта и рассчитывали многие журналы, объявляя об этом в редакторских статьях. Для достижения результата редакторы многих изданий назначали минимальную подписную цену и приглашали к сотрудничеству известных в охотничьей среде писателей, специалистов в сфере охоты.

Установку на ликвидацию сословных барьеров с целью объединения людей дает редакция журнала «Охотничий вестник»: «Мы открыто заявляем, что, приступив к изданию, мы поставили самой главной своей целью, чтобы наш журнал был органом не одного какого-нибудь общества, не органом небольшой группы лиц, а органом общества охотников всей Российской империи без различия титулов, сословий, образования. В жизни различие положений разъединяет, но здесь на страницах нашего журнала – все равны, все охотники, все наши товарищи, которых связывает одинаковое чувство, теплящееся в груди, как одетой в дорогой заграничный охотничий костюм, так и в дырявую сермягу <…> Охота – это такая страсть, которая, уравнивая всевозможные социальные положения, сближает людей, самых различных во всех отношениях» (Охотничий вестник, 1901, № 1). Идея объединения охотников, как известно, уже была озвучена в трудах С. Аксакова: «Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою» [24].

Стремительный взлет охотничьей журналистики связан и с обострившейся политической обстановкой в стране и за ее пределами. Охота с древнейших времен была лучшей школой для подготовки воинов

к боевой жизни, становилась средством воспитания воинских качеств молодых людей.

Увеличение производства и развитие торговли огнестрельным оружием, рост числа ружейных охотников способствовали популяризации различных образцов огнестрельной техники на страницах охотничьих изданий как в отделе рекламных объявлений, так и в информационных блоках [25].

Таким образом, в конце XIX в. сформировались необходимые условия для возникновения группы специализированных изданий, объединенных темой природы и охоты с целью популяризации идей правильной охоты, сохранения памятников природы и животного мира. Становление охотничьей прессы проходило одновременно с развитием охотничьего дела в России, становлением охотоведения как науки, чему способствовали организация и деятельность охотничьих обществ, принятие закона об охоте, вклад российских ученых, этнографов в оценку и характеристику охотничьей деятельности, открытия в области естественно-научных знаний.

Социально-экономические преобразования (развитие промышленности, увеличение площади сельскохозяйственных угодий, демократизация социальной жизни, отток сельского населения в город, изменение классового состава охотников, развитие торговли огнестрельным оружием) побуждали редакторов издавать бюджетные газеты и журналы, помогать читателям в выборе оружия и других необходимых товаров для проведения охоты и других мероприятий (выставки собак, конные бега).

Охотничья пресса заняла определенную нишу в системе периодической печати России во второй половине XIX века и внесла существенный вклад в продвижение всех областей охоты в информационном пространстве и заложила прочный фундамент для дальнейшей популяризации достижений отрасли, изучения процесса формирования в имперской России публичной сферы и самоорганизации российской общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпина А. В. Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») / А. В. Ляпина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2019. – Т. 18. – № 6. – С. 49–61.

2. Головин В. В. «Охотники на привале» Василия Перова. Историко-культурный очерк-комментарий / В. В. Головин // Народная музыка как средство межкультурной коммуникации славянских народов в современном мире : сборник докладов Международного симпозиума (Белгород, 8–9 ноября 2018 г.). – Белгород: БГИИК, 2019. – С. 23–48.

3. Большакова А. Ю. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) / А. Ю. Большакова // Литературная учеба. – 2001. – № 3. – С. 170–195.

4. Васильченко Ю. А. Лингвосемиотика охотничьей коммуникации / Ю. А. Васильченко, А. В. Олянич. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014.

5. Ерофеева И. В. Концепт ОХОТА в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов / И. В. Ерофеева, В. Н. Бочарников // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2018. – № 1 (7). – С. 5–16.

6. Романов С. И. Охотничий словарь / С. И. Романов. – М.: Н. И. Мамонтов, 1876–1877. – Вып. 1–2. – С. 276–279.

7. Некрасов Н. А. Тонкий человек и другие неизданные произведения / Н. А. Некрасов; Собрал и пояснил Корней Чуковский. – М.: Мосполиграф, 1928.

8. Самочатова О. Я. «Записки охотника» И. С. Тургенева и журнальная проза 1840-х – первой половины 50-х годов / О. Я. Самочатова // Тургенев и русские писатели. Научные труды. Пятый межвузовский тургеневский сборник / под науч. ред. Г. Б. Курляндской. – Курск: Изд-во Курск. пед. ин-та, 1975 . – С. 104–124.

9. Дубин Б. Спорт в современных обществах: пример России / Б. Дубин // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 2 (70). – С. 70–80.

10. Ефимов Д. Г. Физическая культура и спорт в династии Романовых / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Томск: РГПУ, 1998.

11. Иванов М. С. Возникновение и развитие конного спорта / М. С. Иванов. – М., 1960.

12. Алексеев К. А. Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ: дис. … канд. филол. наук / К. А. Алексеев. – СПб., 2008.

13. Реутт Н. Псовая охота / Соч. Н. Реутта. Ч. 1–2. – СПб.: тип. К. Крайя, 1846. – Т. 2.

14. Хомяков А. С. Спорт. Охота / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений. – 3-е изд., доп. – М.: Унив. тип., 1886–1906. – Т. 3. – С. 119–130.

15. Тургенев И. С. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Аксакова (письмо к одному из издателей «Современника») / И. С. Тургенев. – Режим доступа: http://az.lib.ru›Тургенев Иван Сергеевич (дата обращения: 14.01.2020).

16. Одесская М. М. Русский охотничий рассказ XIX века (типология, традиции, эволюция): автореф. дис. … канд. филол. наук / М. М. Одесская. – М., 1993.

17. Беляева Л. Н. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 гг. / Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М.М. Никифоров; Под общ. ред. В. М. Барашенкова [и др.]; М-во культуры РСФСР. Гос. ордена Труд. Красного Знамени публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ленинград : [б. и.], 1958–1961. – Т. 4.

18. Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703–1900 гг.: [библиография и графические таблицы] / составил и издал Н. М. Лисовский. – Петроград: тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1915.

19. Андреев М. Н. Охотничьи демография и социология как науки об охотничьем населении / М. Н. Андреев // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство

России: материалы науч.-практ. конф. / ВНИИОЗ, РАСХН [и др.]. – М. 2005. – С. 21–24.

20. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: учеб. пособие по спецкурсу / А.Д. Степанский; Под ред. Н.П. Ерошкина. – М.: Б.и., 1980. – 96 с.

21. Воронцов В. М. Справочник об охотничьих обществах / Сост. ст. специалистом по с.-х. части В. М. Воронцовым; Г.У.З. и З. Деп. земледелия. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1912.

22. Каледин А. П. Очерк истории охоты / А. П. Каледин. – М.: ООО «ПТП Эра», МГООиР, 2010. – С. 119–136.

23. Мошнин К. В. Московское общество охоты им. императора Александра II. Летопись деятельности общества (1862–1897) / К. В. Мошнин. – М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1898.

24. Аксаков С. Т. Записки об уженье рыбы // С. Т. Аксаков // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Правда, 1966. – Т. 4. – 480 с. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0004.shtml (дата обращения: 12.02.2020).

25. Ляпина А. В. Рекламное объявление в специализированной прессе о природе и охоте рубежа XIX – начала XX вв. / А. В. Ляпина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 6. – С. 25–52.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Ляпина А. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: a.v.liapina@mail.ru

Dostoevsky Omsk State University

Lyapina A. V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature

E-mail: a.v.liapina@mail.ru

УДК 070.19

К ВОПРОСУ О РОЛИ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ЖУРНАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СМИ

А. С. Маслов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2020 г.

Аннотация: *в настоящее время существенно возрастает роль средств массовой информации, которые формируют общественное мнение и в значительной степени определяют социальную стабильность. В статье показано, что это обусловливает необходимость корректировки национальной политики в области СМИ и повышения социальной ответственности журналистов. Проведенное исследование позволяет заключить, что подобная актуализация невозможна без повышения роли саморегулируемых журналистских организаций, деятельность которых призвана определить наиболее проблемные зоны журналистики.*
Ключевые слова: *средства массовой информации, журналистика, этические нормы, национальная политика в области СМИ.*

Abstract: *at present, the role of mass media, which form public opinion and largely determine social stability, is significantly increasing. The article shows that this makes it necessary to adjust the national media policy and increase the social responsibility of journalists. The conducted research allows us to conclude that such actualization is impossible without increasing the role of self-regulating journalistic organizations, whose activities are designed to identify the most problematic areas of journalism.*
Keywords: *mass media, journalism, ethical standards, national media policy.*

Рассуждения о необычайно возросшем значении информации в современных условиях стали уже привычными, что вполне объяснимо, учитывая бурное развитие технологий, появление новых информационных площадок и активное вовлечение в коммуникационные процессы ранее пассивных в этом отношении социально-демографических групп. При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда в Российской Федерации система взаимоотношений власти и СМИ складывается в условиях отсутствия адекватной современным требованиям национальной политики в этой области. Кроме того, проблема пока не находит и должного отражения в научных исследованиях. В тех же работах, которые посвящены государственной политике в отношении СМИ, нередко вопрос сводится исключительно к модернизации законодательства [1]. Мнение о том, что «отсутствие определенной государственной политики в отношении средств массовой информации — основная проблема во взаимодействии власти и прессы» [2, 13], до сих пор не нашло воплощения в документах, содержащих конкретные меры и инструменты реализации такой политики. При этом нельзя не учитывать, что национальная политика в области СМИ на законодательном уровне по сути смыкается с информационной безопасностью страны [3; 4].

© Маслов А. С., 2020

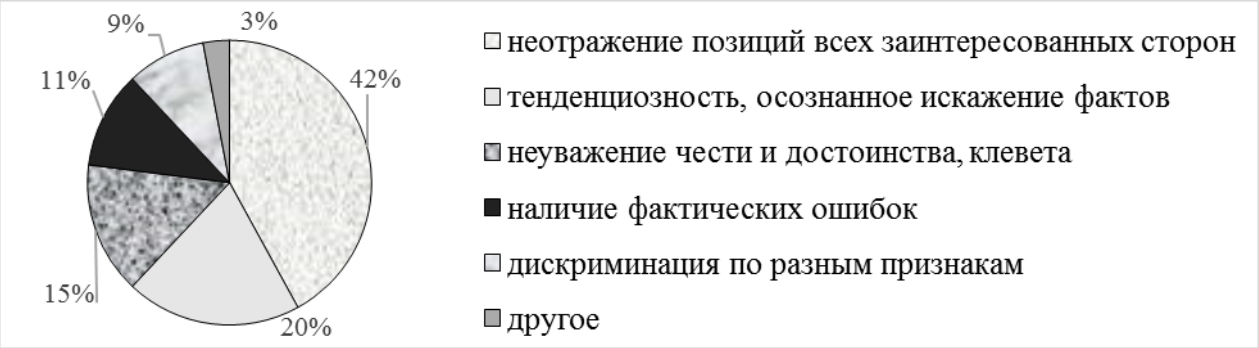
Считаем, что одним из направлений реализации государственной политики в отношении СМИ должно стать активное взаимодействие органов власти всех уровней с саморегулируемыми журналистскими организациями.

Контроль за деятельностью журналистов со стороны саморегулируемых организаций далеко не всегда оказывается действенным, особенно в регионах. Это приводит не только к снижению авторитета таких организаций, но и к падению профессионализма в региональной журналистике. Положение усугубляется продолжающимся процессом коммерциализации СМИ. Наличие профессиональных кодексов при отсутствии разработанных и принятых профессиональным сообществом механизмов контроля за их исполнением приводит к тому, что следование статьям этих документов становится исключительно доброй волей журналистов.

Проведенный нами анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что профессиональные сообщества и ассоциации до сегодняшнего дня не играют должной роли. Так, в Российской Федерации с 2005 г. действует Общественная коллегия по жалобам на прессу — независимая структура гражданского общества, осуществляющая саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации [5]. С момента создания и по настоящее время Коллегией рассмотрено более 200 споров

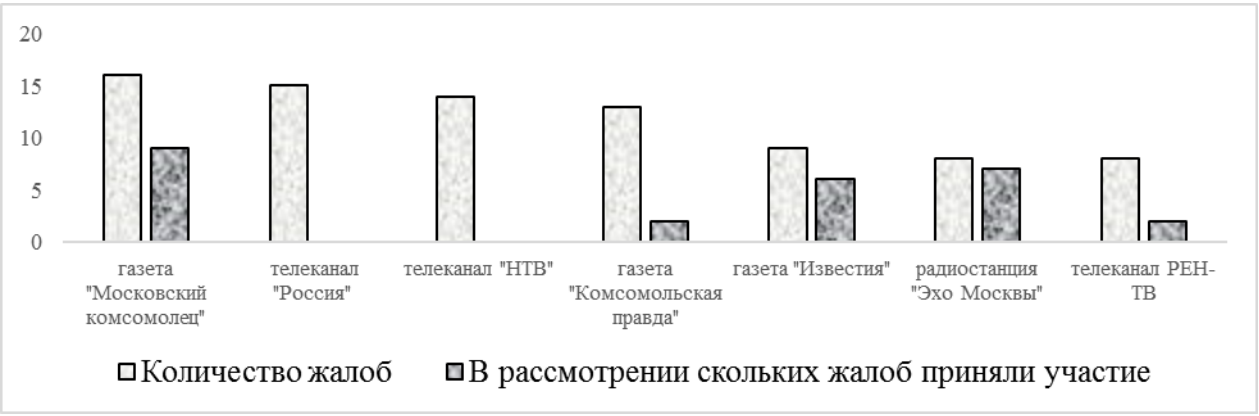
в сфере СМИ. В обобщенном виде наиболее частотные нарушения сгруппированы нами и приведены на рисунке 1.

Рис. 1. Классификация нарушений, рассмотренных Общественной коллегией по жалобам на прессу



Чаще всего (более 5 раз) жалобы подавались на такие СМИ, как: газета «Московский комсомолец», телеканал «Россия», телеканал НТВ, газета «Комсомольская правда», газета «Известия», радиостанция «Эхо Москвы», телеканал РЕН-ТВ, газета «Российская газета» (в сумме — 42,8% всех обращений). Несмотря на социальную значимость проблемы соблюдения норм профессиональной этики, СМИ в подавляющем большинстве случаев игнорировали возможность присутствия на заседаниях Коллегии (рисунок 2).

Рис. 2. Участие СМИ в рассмотрении жалоб на них (2005–2020 гг.)



В целом по 208 жалобам представители СМИ приняли участие в рассмотрении 76 случаев (36,5%). Это свидетельствует не только о том, что соблюдение профессиональных норм определенная часть журналистского сообщества не считает необходимым, но и о недостаточном авторитете саморегулируемых организаций.

Показательно, что Общественная коллегия по жалобам на прессу не имеет развитой региональной сети (в 2015–2016 гг. было создано три региональных отделения — Казанское, Уральское, Западно-Сибирское, до этого, в 2005–2015 гг.— ни одного).

Конфликтные ситуации нравственно-этического характера, возникающие в сфере массмедиа, рассматриваются и Большим жюри Союза журналистов России. Этот орган саморегулирования был образован в 1998 г. и с момента создания рассмотрел около 50 споров.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нарушение журналистами этических и нравственных стандартов становится предметом рассмотрения саморегулируемыми организациями только в исключительных случаях. Это приводит к тому, что количество подобных нарушений увеличивается, и они перестают восприниматься как самими СМИ, так и аудиториями как нечто из ряда вон выходящее [6, 249; 7].

«Этическое саморегулирование журналистики должно содействовать сохранению и повышению доверия общества к СМИ» [6, 252], однако этот постулат относится к разряду желательных, но не всегда соответствующих действительности. По данным ВЦИОМ [8], падает доверие и к Интернету как источнику информации. Так, новостным, аналитическим и официальным сайтам в Интернете безусловно доверят всего 20% россиян.

Мы разделяем точку зрения о необходимости постоянной и объективной экспертизы качества журналистской работы разных уровней, особенно в регионах [9, 31]. Полагаем, что такой мониторинг должен проводиться именно саморегулируемыми организациями и профессиональными объединениями. Это тем более важно, что регулярная практика несоблюдения морально-этических принципов с неизбежностью приведет к дальнейшему снижению и без того невысокого уровня доверия аудитории к представителям «четвертой власти» [9, 29].

Предпринятое нами исследование позволило определить наиболее проблемные зоны журналистской деятельности, опасные с точки зрения потери доверия к СМИ. К ним относятся (в порядке снижения рейтинга): неуважение чести и достоинства; вторжение в личную жизнь; демонстрация насилия и жестокости; распространение непроверенной и недостоверной информации.

В заключение отметим следующее.

В качестве актуальной задачи должна рассматриваться разработка конкретных мер и инструментов реализации национальной политики в области СМИ. Первоначальный этап формирования системы инструментов такой политики — выработка мер по регулированию «проблемных зон» журналистской деятельности. Для апробации данного подхода может быть выбран пилотный регион из числа субъектов РФ.

Национальная политика в области СМИ должна разрабатываться с участием институтов гражданского общества и опираться на соблюдение принципов и норм профессиональной журналистской этики. Она не может формироваться без активного участия саморегулируемых организаций и определения с их помощью основных векторов развития СМИ.

В свою очередь, деятельность саморегулируемых организаций призвана способствовать соблюдению на практике основных принципов журналистской этики: социальной ответственности, объективности и правдивости, добросовестности, честности, уважения чести и достоинства личности и запрета на вторжение в частную жизнь, профессиональной солидарности. Для этого необходима организация мониторинга качества журналистской работы, в том числе и на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров В. В. Основы государственной политики в области электронных СМИ / В. В. Егоров.— М., 2001.

2. Автаева Н. О. Государственная информационная политика в области СМИ / Н. О. Автаева, Д. И. Зудин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.— 2010 — № 3 (19).— С. 13–19.

3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».— Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224 (дата обращения: 17.03.2020).

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями).— Режим доступа: https://base.garant.ru/12148555 (дата обращения: 17.03.2020).

5. Общественная коллегия по жалобам на прессу.— Режим доступа: https://presscouncil.ru. (дата обращения: 05.03.2020).

6. Шагдарова Б. Б. Профессионально-этические ориентиры в современной журналистике / Б. Б. Шагдарова // Вестник Бурятского государственного университета.— 2014.— № 10.— С. 249–252.

7. Строителева М. С. Нарушение журналисткой этики в современной российской прессе / М. С. Строителева // NovaInfo (НоваИнфо): филологические науки.— 2016 — № 41–3.— Режим доступа: https://novainfo.ru/article/4606 (дата обращения: 04.03.2020).

8. СМИ в России: потребление и доверие.— Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=29 (дата обращения: 05.03.2020).

9. Баканов Р. П. Случаи нарушения этики журналиста в передачах федеральных телеканалов как предмет современной медиакритики / Р. П. Баканов // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур. Материалы Международной научно-практической конференции. Казанский (Приволжский) федеральный университет.— Казань, 2016.— С. 20–33.

Воронежский государственный университет

Маслов А. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: a-s-maslov@yandex.ru

Voronezh State University

Maslov A. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: a-s-maslov@yandex.ru

УДК 070.15

МЕДИАОБРАЗ РОССИИ В КАЗАХСТАНСКИХ СМИ

Г. С. Мельник

Санкт-Петербургский государственный университет

С. Х. Барлыбаева, А. Б. Альжанова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Поступила в редакцию 29 мая 2020 г.

Аннотация: *в статье приведены итоги аудиторного опроса о формировании медиаобраза России в казахстанских СМИ, а также результаты контент-анализа печатных и аудиовизуальных СМИ Казахстана в период с 1 января по 28 декабря 2019 г., отражающих жизнь России (упоминаемость, направленность, тональность, жанровое воплощение).*
Ключевые слова*: медиаобраз, коммуникации, социологический опрос, мониторинг, восприятие, Россия, СМИ Казахстана.*

Abstract: *the article presents the results of an audience survey on the formation of a Russian media image in Kazakhstani media, as well as the results of a content analysis of print, audiovisual media in Kazakhstan from January 1 to December 28, 2019, reflecting the life of Russia (mentionability, orientation, tonality, genre embodiment). The unit of analysis was hotel publications, the units of account were references to Russia and the president of the Russian Federation.*
Keywords: *media image, communication, sociological survey, monitoring, perception, Russia, Kazakhstan media.*

Актуальность статьи определяется важной ролью СМИ в формировании медийного образа страны за рубежом. Этот процесс происходит на фоне активного политико-экономического, социально-культурного развития общества как страны освещаемой, так и страны — объекта освещения (исследования).

Характерной особенностью формирования имиджа страны является многоаспектность субъектов информационного поля, которые влияют на политический процесс, на общую картину медиаосвещения, на восприятие медиаобраза соседней страны через призму отечественных СМИ.

В современном научном дискурсе нет недостатка в работах, посвященных конструированию медиаобраза России. Страна стоит в «повестке дня» ведущих мировых СМИ. Ученые предлагают разные подходы к изучению феномена медиаобраза: лингвистический [1], политологический [2; 3; 4; 5], социологический [6], психологический [7; 8*]*.

На протяжении нескольких лет изучается деятельность массмедиа отдельных стран, влияющих на восприятие образа России,— Италии [9] Великобритании [10; 11], Германии [12]. В разных странах мира восприятие России и ее граждан значительно варьируется [13]. По данным замеров, международный образ России более негативно представлен в странах Европы и США и третьего мира [14; 15], позитивным остается для некоторых стран СНГ и Китая [16]. В разных частях Восточной Европы наблюдается разброс мнений о России и россиянах — от резко отрицательного до положительного.

В ряде работ представлены эволюция, тренды медиаобраза России [17; 18], его продвижения за рубежом как коммуникативного проекта [19].

Результаты всеобъемлющего исследования «Осьминог-1», проведенного специалистами МИА «Россия сегодня» (изучено более 80 тысяч публикаций), показали тенденциозность и маниакальную установку на демонизацию России. Лишь в двух процентах материалов страна представлена в более или менее позитивном свете [20]. Все это говорит о необходимости изменения подходов к формированию медийного образа России в зарубежных средствах массовой коммуникации.

В научном дисурсе казахстанских ученых тема восприятия образа России остается пока мало обсуждаемой. Источниками исследования явились труды, монографии, статьи казахстанских, российских, зарубежных авторов по формированию медиаобраза страны в средствах массовой информации. В нашем исследовании мы опирались на труды казахстанских (Л. С. Ахметова, А. А. Абжаппарова, А. Смагулов), российских исследователей (Л. Ф. Адилова, Е. Н. Богдан, С. М. Виноградова, А. А. Гравер, Г. С. Мельник, Г. Г. Почепцов, Д. А. Черепанова), а также зарубежных ученых (С. Анхольт, Дж. Най, Х. Семтко, П. Валкенбург, К. Боулдинг). Проведенное социологическое исследование в 2019 г. на факультете журналистики Казах-

© Мельник Г. С., 2020

ского национального университета им. аль-Фараби и Санкт-Петербургского университета дает в целом картину освещения российских событий, казахстанско-российских отношений в СМИ Казахстана.

Медиаобраз, как отмечает исследователь А. В. Марущак, «определяется как совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [21, 95]. Как уточняет Т. Н. Галинская, в широком значении «медиаобраз — это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями» и т.д. [22, 91].

Исследователь Л. Ф. Адилова подчеркивает, что «образы одного государства, создаваемые другими, серьезно влияют на восприятие мировым сообществом и согражданами этих стран, поэтому могут и должны быть конструктом для планомерного создания позитивного имиджа государства. Привлекательный образ страны имеет значение не меньшее, чем промышленная мощь или военная сила» [23, 275].

«Образ в свою очередь является результатом воспроизведения предмета на носитель информации… Образ похож на то, что он отображает с некоторой субъективной точки зрения» [24]. Как отмечает Г. Г. Почепцов, «профессиональное позиционирование и идентификация страны имеют решающее значение в формировании мировой повестки дня, генерировании собственного смыслового поля и организации вокруг себя политического пространства» [25, 41].

Каждая страна разрабатывает свою информационную политику с учетом политико-экономического и социально-культурного развития, выстраивает коммуникации с учетом своей специфики медиаландшафта.

В качестве методов исследования использовались: мониторинг СМИ Казахстана, контент-анализ республиканских и региональных медиа, опрос аудитории по теме «Медиаобраз России в казахстанских СМИ». Страна позициониируется в основном в положительном и нейтральном контексте, что подтверждают и приведенные таблицы мониторинга казахстанских медиа по ключевым словам «Россия» и «В. В. Путин».

В обзоре представлена информация, опубликованная в средствах массовой информации Казахстана с 1 января по 28 декабря 2019 г. Отчет включает анализ материалов более 400 источников. Единицей анализа послужили отельные публикации, единицами счета — упоминание России и президента Российской Федерации.

Отличительными чертами настоящего обзора является:

— непредвзятый анализ ВСЕХ материалов СМИ;

— определение тональности материалов по ключевому слову;

— наличие анализа информационных поводов, которым посвящены материалы.

Всего за исследуемый период с 1 января по 28 декабря 2019 г. было выпущено 36865 материалов, из которых России в целом посвящено 34201, а В. Путину — 2664.

См. диаграмму № 1.

В рейтинге за 2019 г. превалировало количество материалов электронных СМИ — 26103, на интернет-сайтах — 17881; информагентства разместили 6334 материала; на долю телевизионных каналов пришлось 1888 материалов. В печатных СМИ опубликовано 10762 материала.

См. диаграмму № 2.

По частоте упоминаемости наибольшую медиаактивность по отношению к ним проявили центральные СМИ — 31936 материалов; региональные СМИ — 3666; СМИ СНГ — 1263.

См. диаграмму № 3.

На первой строчке рейтинга среди региональных СМИ находится Алматинская область — 779 материалов, которая представлена в основном следующими изданиями: «Вечерний Алматы (Алматы)», «Огни Алатау» (Талдыкорган), «Я покупатель и собственник» (Алматы) и телеканалом «Алматы» (ТВ-Алматы). На второй строчке — Акмолинская область (605 материалов). Публикационную активность в регионе проявили издания «Акмолинская правда» (Кокшетау) и «Вечерняя Астана» (Астана).

Третья строчка досталась Актюбинской области с 463 материалами. Активность проявлена следующими СМИ: «Актюбинский вестник (Актобе)», «Эврика (Актобе)», «Диапазон (Актобе)» и «Рика-ТВ (Актобе)». Информационным поводом явились: заторы на пограничной зоне; разведение коз молочной породы, приобретенных в России; гастроли российских театров оперы и балета; участие российских ученых в конференциях в Казахстане; выбор казахстанскими выпускниками российских высших учебных заведений и т.д.

См. диаграмму № 4.

Диаграмма № 4 демонстрирует изменение медиапространства вокруг ключевых слов во временном отрезке.

Стоит отметить, что наибольшее количество материалов с упоминанием России и В. Путина приходится на апрель, когда журналистами было выпущено 4015 и 605 материалов соответственно. В общей сложности — 4620 материалов. Их выпуск в основном был связан со следующими событиями, привлекшими внимание СМИ:

3 апреля президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев с официальным визитом посетил Российскую Федерацию (визит в Москву стал первой зарубежной поездкой Касым-Жомарта Токаева в качестве главы государства).

Совместное заявление сделали президенты Казахстана и России Касым-Жомарт Токаев и Владимир Путин.

Токаев передал Путину привет от Назарбаева.

Владимир Путин поблагодарил Касым-Жомарта Токаева за первый официальный зарубежный визит в РФ.

11 апреля Токаев встретился с ректором МГУ им. Ломоносова и главой россовета по дипломатии.

27 апреля председатель правительства КНР Си Цзиньпин подвел итоги Второго международного форума «Один пояс — один путь», в котором приняли участие главы государств и правительств 37 стран, а также генсек ООН и директор-распорядитель Международного валютного фонда.

См. диаграмму № 5.

За период с 1 января по 28 декабря 2019 г. наибольшее количество материалов казахстанских СМИ, в которых встречалось упоминание России и В. Путина, было с нейтральной тональностью — 26629. Позитивная тональность представлена в 9539 материалах. Выявлено 697 материалов с негативной окраской.

Российский медиаобраз в казахстанских СМИ складывается из медиаматериалов тематического направления, которые ярко проявляются в торгово-экономических, социально-культурных отношениях при освещении в республиканских СМИ, а приграничное сотрудничество — в региональных медиа. Схожесть многих показателей экономического, внутриполитического развития, общих жизненный ценностей в продвижении общества знаний, модернизации общества,— все это влияет на освещение и восприятие соседнего государства как партнера, дружеского соседа, торгового конкурента.

См. таблицу 1.

Всего в указанный период зафиксировано 8694 по заданной теме. Как видно из таблицы, информационный контент казахстанских СМИ ориентирован в основном на экономическое, торгово-промышленное развитие, а также двухстороннее сотрудничество Казахстана и России. На фоне сильного информационного давления на Россию со стороны западных СМИ, освещение казахстанскими СМИ медиаобраза России идет в русле традиционного сотрудничества, взаимодействия и добрососедства.

В казахстанских СМИ экономические отношения во взаимодействии двух стран выходят на первый план. В позитивном ключе информационного освещения привлекательны: передовой опыт российских новаторов, отстаивание интересов российских предпринимателей и бизнеса на международном, двухстороннем и внутреннем уровнях. Особенностями казахстанского медиаконтента является освещение внутриполитического, торгово-экономического двухстороннего развития. Невелика доля оценочных публикаций о России, значительно преобладают положительные статьи, медиаматериалы. Большую долю составляют публикации с нейтральным изложением событий.

К недостаткам освещения медиаобраза России казахстанскими СМИ можно отнести: малоизученность тем здравоохранения, образования, туризма, социальной сферы (об этом свидетельствует анкетирование, проведенное авторами данной статьи в 2019 г. и мониторинг казахстанских печатных, электронных и сетевых изданий).

Во многих статьях дается сопоставительный анализ казахстанско-российских показателей в нефтегазовой сфере, промышленной, сельскохозяйственной области. Причем некоторые показатели лучше у российской стороны, хотя есть и примеры по обмену опытом у казахстанских предпринимателей.

Как отмечают специалисты, приблизительно каждый второй житель Европы не доверяет местным СМИ. Что думают казахстанцы о медиаобразе России в казахстанских СМИ? На этот вопрос получен ответ после проведенного в 2019 г. анкетирования, которое показало, что 65,2% опрошенных доверяют казахстанским СМИ, 34,8% — не доверяют им. О российских событиях казахстанцы узнают из социальных сетей — около 70% опрошенных, из телевизионных программ — 65,1%, материалов интернет-сайтов — 56,5%, блогосферы — 21,7%, газет — 17,4%, мобильной коммуникации — 13%. На вопрос «Какие темы лучше всего освещают казахстанские СМИ о России?» ответ был следующим: культура — 52,2% респондентов, политика и экономика — по 39,1%, образование и здравоохранение по –17,4%. Лучше всего освещаются темы спорта (61% опрошенных казахстанцев). Из публичных персон России, которые, на взгляд участников опроса, определяют медиаобраз соседней страны: представители шоу-бизнеса — 74%, политики и общественные деятели — 61%, деятели культуры — 43,5%, спортсмены — 17,4%. На вопрос «С кем и с чем ассоциируется медиаобраз России в казахстанских медиа?» респонденты ответили таким образом: с президентом России В. В. Путиным — 87% участников анкетирования, с Москвой — 39,1%, Кремлем — 30,4%.

По мнению политолога Султанбека Султангалиева, «казахстанские СМИ — это неоднородный субъект. Каждое СМИ освещает по-разному, в зависимости от многих факторов. И это хорошо, потому что разнополярность мнений способствует объективной оценке тех или иных событий… Популярные СМИ, естественно, стараются придерживаться принципа объективности. СМИ являются инструментом для манипулирования общественным сознанием — от этой нелицеприятной правды вы никак не уйдете. Субъективность — это удел любого сайта или любой газеты, потому что информационный продукт делают люди, а не роботы. Особенно сейчас, когда информационные войны вышли на пик своего существования, вызванное кризисом в международных отношениях» [26].

События, посвященные России, освещаются в раз-

ных жанрах, но основными являются статьи, обзоры, корреспонденции, а также информационные материалы — заметки, интервью. В процессе журналистского творчества при участии ценностных установок моделируется субъективно значимая структура. В итоге формируется медиаобраз, выступающий как результат ретрансляции психологического восприятия через приемы и методы журналистики.

Таким образом, анализ медиаобраза России позволяет выявить важнейшие содержательные характеристики объекта через призму СМИ. Он позволяет сформировать рекомендации по тематическому освещению, по жанровому разнообразию, по территориальному распространению.

Несмотря на внешнее информационное давление со стороны западных СМИ, определенные политико-экономические трудности, Россия является сильной экономической державой. В настоящее время российская экономика направлена на импортозамещение, инновации и экономическую безопасность. Акцент освещения казахстанскими СМИ российских событий в первую очередь связан с ключевыми словами «Россия» и «В. В. Путин», а также с взаимодействием российских явлений и фактов с казахстанской стороной: событиями, участниками двух стран.

Информационная повестка дня определенного периода освещения зависит от важных межгосударственных мероприятий, двухстороннего сотрудничества, намеченных знаковых дат казахстанско-российских отношений в разных областях жизнедеятельности государств: политике, экономике, торговле, социально-культурной сфере, спорте. Все это дает представление о позитивных факторах формирования имиджа России в казахстанских СМИ как соседней дружеской страны, с которой Казахстан имеет общее историческое прошлое, позитивное настоящее и прогрессивное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Makulkina I. Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs / I. Makulkina.— Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2013.

2. Громова Т. Н. Структура медиаобраза России: внешнеполитический аспект / Т. Н. Громова // Знак: проблемное поле медиаобразования.— 2016.— № 4.— С. 62–67.

3. Коптяева А. А. Международный имидж государства как инструмент мягкой силы / А. А. Коптяева // Арктика и Север.— 2016.— № 23.— С. 17–31.

4. Лябухов И. В. Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: возможности и потенциал МИД России / И. В. Лябухов // Вестник Томского гос. ун-та.— 2012.— № 3.— С. 18–19.

5. Василенко И. А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И. А. Василенко.— М., 2013.

6. Го Цзян. Распространение имиджа России в новых медиа «Sina Weibo» на материале «Жэньминь жибао» / Цзян Го // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 18-й междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (6–7 марта 2019 года).— Санкт-Петербург, 2019.— С. 223–225.

7. Большаков С. Н. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы / С. Н. Большаков, С. С. Бодрунова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.— 2011.— Т. 4.— № 6.— С. 87–93.

8. Repina E. A. International media image of Russia: trends and patterns of perception / E. A. Repina, M. R. Zheltukhina, T. A. Kovaleva, T. G. Popova, C. G. Caselles // XLinguae.— 2018.— Volume 11.— Issue 2, April 2018.— ISSN1337–8384, eISSN2453–711X 557.

9. Черепанова Д. А. Анализ политического имиджа России в итальянских СМИ в условиях международной напряженности / Д. А. Черепанова // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества.— Саратов, 2016.— С. 43–46.

10. Савельева Н. Х. Формирование позитивного имиджа России в британских массмедиа / Н. Х. Савельева, Ю. В. Пихтовникова // Филол. науки.— 2018.— № 3–1 (81).

11. Posternyak K. P. The formation of the image of Russia in the British political mass media / K. P. Posternyak, N. B. Boeva-Omelechko.— Acta Scientiarum Language and Culture, 2018.— 40 (2).— P. e41086.

12. Babine V. A. Physiological Metaphor as Means of Creating the Image of Modern Russia in German Media / V. A. Babine.— Nauchnyy dialog, 2017.— P. 9–18.

13. Худолей К. К. Россия в информационном пространстве зарубежных СМИ и Интернета: модели восприятия и механизмы их восприятия / К. К. Худолей, Д. А. Болотов, Е. Ю. Трещенков и др.— СПб., 2012.

14. Мисонжников Б. Я. Образ России в западном медийном дискурсе / Б. Я. Мисонжников // Вопросы журналистики.— 2018.— № 4.— С. 81–92.

15. Melnik G. The Image of Russia in the Western Press as a «Military Threat» Tool: Following the Media Content / G. Melnik, B. Misonzhnikov, E. Vojtik // National Resilience, Politics and Society.— Volume 1, No. 2, Fall 2019.— P. 225–250.

16. Ставров И. В. Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» / И. В. Ставров // Ойкумена.— 2017.— № 1.— С. 54–60.

17. Melnik G. S. The brand «Made in Russia»: the international communication project / G. S. Melnik, S. M. Vinogradova // Politique de la Marque comme technologie de communication du XXI-ème siècle / Recueil des conférence internationale 18–21 mars 2019 / Sous la direcrion du prof. A. D. Krivonosov.— Paris: Editions l'Harmattan.

18. Telesheva I. The Evolution of The Russian Image in. The English Discourse Procedia / I. Telesheva, I. Denisova // Social and Behavioral Sciences.— 2015.— May 2015.— P. 1025–1030.

19. Filatova O. Strategic Communication in the Context of Modern Information Confrontation: EU and NATO vs Russia and ISIS / O. Filatova, R. Bolgov // Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security ICCWS2018. Edited by Dr John S. Hurley and Dr Jim Q. Chen.— Washington DC, USA, 2018.— P. 208–210.

Буксующая пропаганда: западные СМИ наносят холостые удары по России.— Режим доступа: https://radiosputnik.ria.ru/20191014/1559780850.html; https://ria.ru/20191014/1559630353.html (дата обращения: 03.03.2020).

Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском пространстве / А. В. Марущак // Журналистский ежегодник.— 2012.— № 1.— С. 93–96.

Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник Омского гос. ун-та.— 2013.— № 11.— С. 91–94.

Адилова Л. Ф. Образ России: содержание и структура национальной идеи / Л. Ф. Адилова // Национальная идея России: материалы Всерос. научн. конф. 12 ноября 2010.— М., 2010.— С. 275–277.

Ширин С. С. Парадигмы исследования образа России на Украине / С. С. Ширин // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения.— 2008.— Вып. 1.— С. 78–86.

Почепцов Г. Г. Политические инновации и преодоление барьеров массового сознания / Г. Г. Почепцов // Философ. науки.— 2010.— № 1.— С. 40–48.

Казахстанские СМИ о России. Общество. Мнения // Sputnik Казахстан.— 2018.— 23 окт.— Режим доступа: https://ru.sputniknews.kz/society/20181023/7740320/smi-kazakhstan-russiia-obyektivnost.html (дата обращения: 10.01.2020).

Диаграмма № 1
Частота упоминаемости России и В. Путина в разных видах СМИ

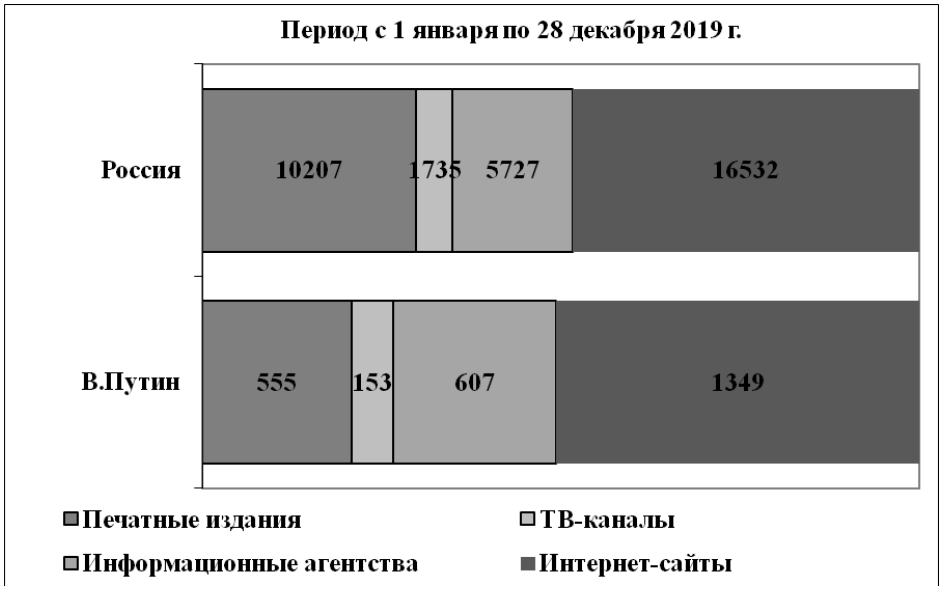


Диаграмма № 2
Частота упоминаемости России и В. Путина в центральных, региональных и СМИ СНГ

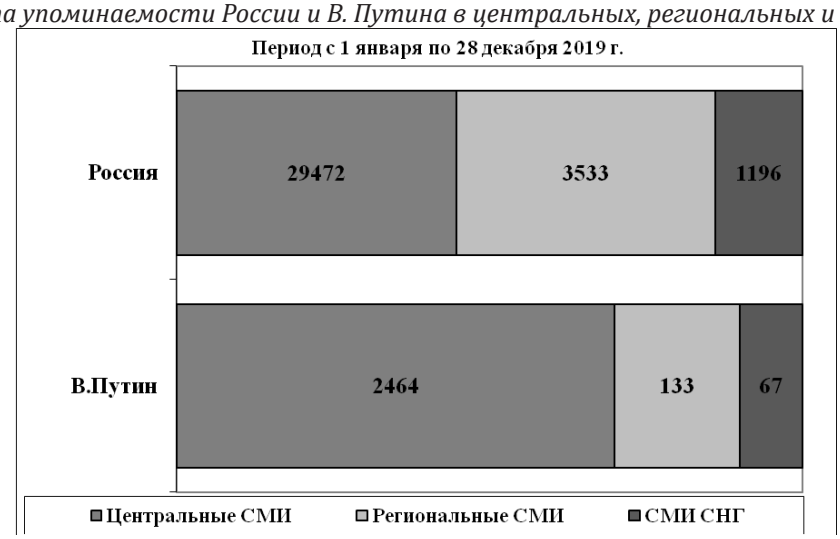


Диаграмма № 3
Частота упоминаемости России и В. Путина в региональных СМИ

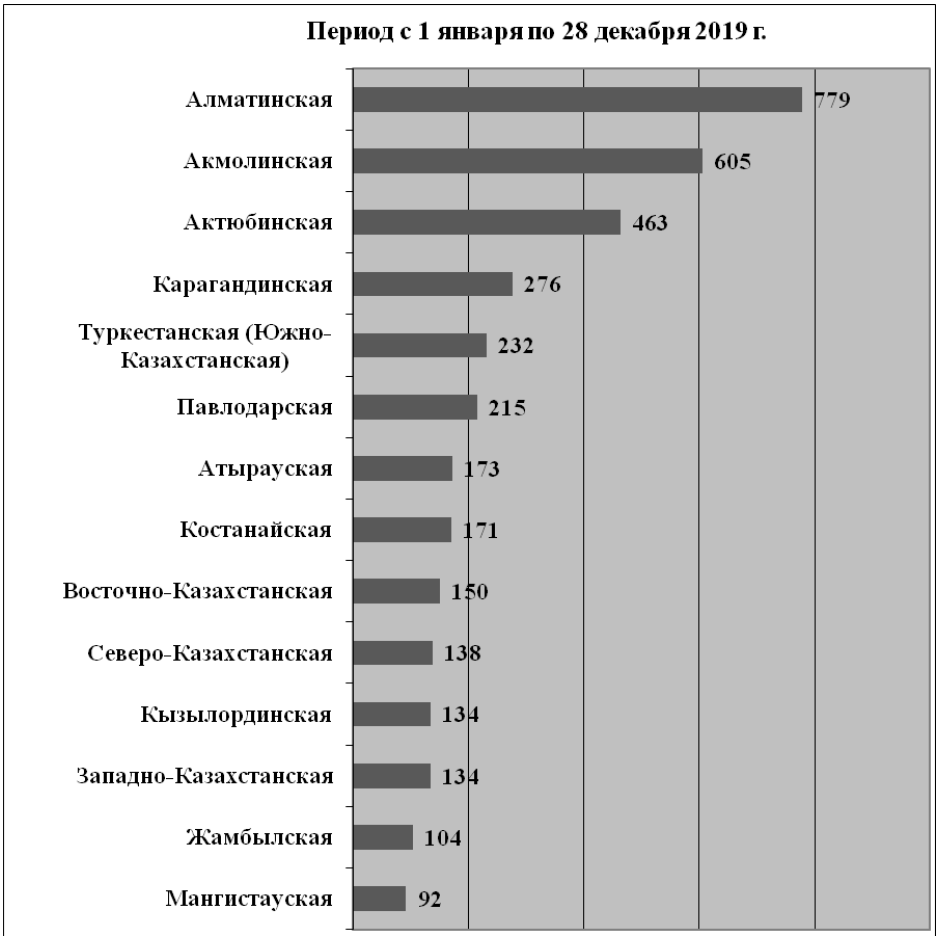


Диаграмма № 4
Динамика упоминаемости России и В. Путина в СМИ

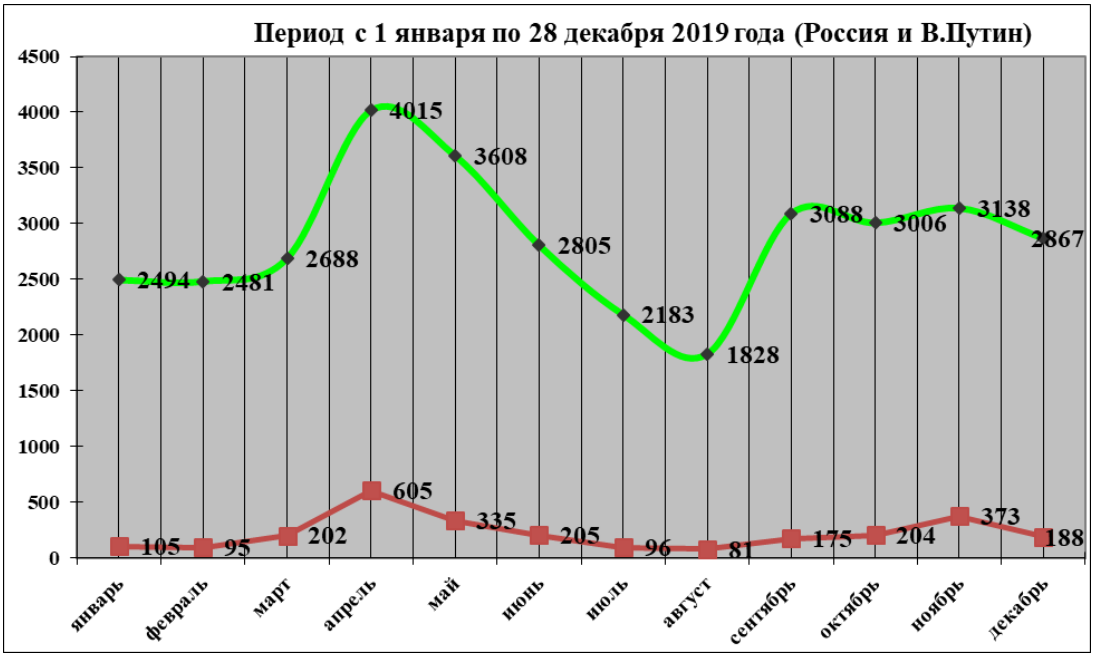


Диаграмма № 5
Тональность материалов СМИ,
в которых упоминались Россия и В. Путин

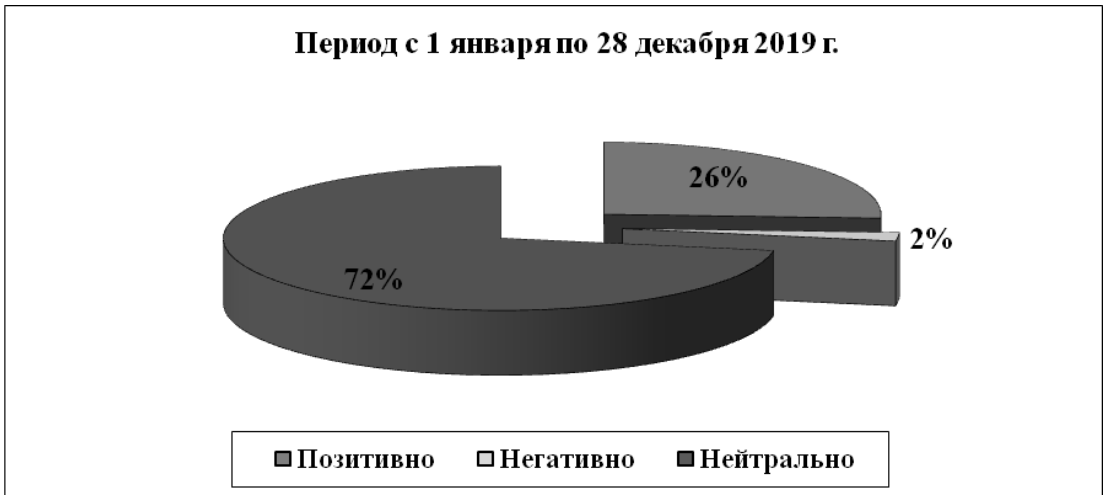


Таблица 1
Соотношение количества материиалов по темам

№ пп	Темы	Количество материалов в процентах
1.	Официальные новости с участием президентов	1090 (12%)
2	Торговля, экспорт, межрегиональное сотрудничество	1078 (12%)
3.	Образование	902 (10%)
4.	Минсельхоз, запрет мяса птицы из России	901 (10%)
5.	Экономика, инфляция	864 (10%)
9.	Внешняя политика, геополитические тренды	762 (9%)
10.	Новости в сфере культуры	622 (7%)
11.	Спортивные новости	600 (7%)
12	Социальные, жилищные вопросы	584 (7%)
11.	Туризм, путешествие в Казахстан, Россию	573 (6%)
12.	Нефть, газ	312 (4%)
13.	Россия активно работает с казахстанской молодежью	286 (3%)
12.	Обрушение жилого дома в Магнитогорске	300 (3%)

Санкт-Петербургский государственный университет
Мельник Г. С., доктор политических наук, профессор
E-mail: g.melnik@mail.spb.ru

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Барлыбаева С. Х., доктор исторических наук, профессор
E-mail: tv.headmaster@gmail.com

Альжанова А. Б., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: aikosha_ab@mail.ru

St. Petersburg State University
Melnik G. S., Doctor of Political Sciences, Professor
E-mail: g.melnik@mail.spb.ru

Al-Farabi Kazakh National University
Barlybayeva S. K., Doctor of History, Professor
E-mail: tv.headmaster@gmail.com

Alzhanova A. B., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: aikosha_ab@mail.ru

УДК 070

ЭКРАННАЯ ДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ЭСТЕТИКА И ЭТИКА

В. Ф. Познин

Российский институт истории искусств,
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 3 мая 2020 г.

Аннотация: *тема статьи — взаимодействие эстетического и этического факторов при создании аудиовизуального произведения. Рассматриваются следующие проблемы: нарушение этических норм с целью усиления эмоционального воздействия на зрителя; нарушение принципа «не навреди» по отношению к героям экранного произведения; сознательная дезинформация и манипулирование сознанием зрителей; эстетика и антиэстетика в современных документальных фильмах как авторская концепция.*
Ключевые слова: *телевизионная журналистика, документальный фильм, этические стандарты, этика и эстетика, изображение и слово.*

Abstract: *the article deals with the interaction of aesthetic and ethical factors in the creation of an audiovisual work. The following problems are considered: violation of ethical norms in order to increase the emotional impact on the viewer; violation of the principle of "do no harm" in relation to the real people who starred in the screen work; deliberate misinformation and manipulation of the audience's consciousness; aesthetics and anti-aesthetics in modern documentaries as an author's concept.*
Keywords: *television journalism, documentary, ethical standards, ethics and aesthetics, image and word.*

Поскольку журналистика имеет дело с реальной действительностью, то каждый журналист рано или поздно сталкивается с проблемой этики и нравственного выбора. И хотя поведение журналиста при возникающих вероятностных ситуациях регламентируется существующими в большинстве стран профессионально-этическими кодексами журналиста, в жизни постоянно возникают все новые коллизии и проблемы, которые журналисту приходится решать самостоятельно.

Особенно остро проблема этики и эстетики стоит в экранной документалистике, поскольку аудиовизуальная информация обладает наиболее высокой степенью убедительности и эмоционального воздействия на зрителя.

Экранный документ: объективное и субъективное

В аудиовизуальном произведении (для краткости будем использовать в дальнейшем аббревиатуру АВП) уже то обстоятельство, что часть реального пространства заключена в рамки кадра, определяет авторский взгляд на то или иное событие и *отношение* автора к данному событию (выбор точки съемки, соотношение переднего плана и фона, использование определенной оптики и т.п.). Лев Манович, несомненно прав, утверждая, что «экран отнюдь не является нейтральным средством представления информации. Он агрессивен. Он фильтрует, отсеивает, берет под контроль, делает несуществующим все, что находится за его рамками» [1, 57].

Таким образом, вычленяя из «хаоса» жизненных явлений лишь часть события или объекта, т.е. заключая ее в рамки кадра, создатели АВП композиционно, тонально и ритмически организуют этот фрагмент реальной действительности таким образом, чтобы в результате зритель получил информацию определенного семантического и эстетического характера.

Современные документальные кинофильмы, как правило, не имеют закадрового текста. Их авторы обычно объясняют это желанием, во-первых, обозначить таким образом свою специфику (в отличие от работ теледокументалистов, где доминирует текст), а во-вторых, дать возможность самому зрителю составить собственное представление о том, что он увидел на экране.

На самом деле содержательное наполнение и атмосфера фильма всегда определяются режиссером, организующим в единое целое отснятый и озвученный материал. Именно отбор кадров, их сочетание и темпоритм экранного повествования плюс звуковое оформление способны выразить ту или иную идею.

Чаще всего «кадр документального фильма эстетически нейтрален. Он способен заостренно отобразить то или иное свойство действительности, назначение, суть явления или предмета. Но сам по себе он еще не эстетический элемент. Таковым он становится лишь в совокупности с другими изображениями, лишь заняв место в конструкции, структуре, формирующейся в процессе реализации авторского замысла, в процессе создания всего фильма» [2, 93]. В фильмах, в которых отсутствует закадровый текст,

© Познин В. Ф., 2020

не только эстетическая, но и смысловая нагрузка ложится на совокупность отобранных для монтажа изображений, что и формируют то, что у нарратологов принято называть кинотекстом.

Именно подобным образом формируется «кинотекст» в документальных фильмах известного режиссера С. Лозницы. В его длящемся полчаса фильме «Полустанок» (2000) практически ничего не происходит. Вначале мы видим ночной план небольшого полустанка, после чего следует череда довольно длинных статичных кадров, на которых запечатлены люди разных возрастов, спящие сидя и полулежа в неудобных и нелепых позах в ожидании прибытия поезда. В фильме нет ни одного слова, лишь время от времени раздаются далекие гудки, перестук колес и посапывание спящих людей. Но отбор кадров, манера съемки, обработка предкамерного материала (изображение в фильме стилизовано под старую черно-белую хронику) и очень медленный темпоритм, создаваемый длинными планами, плюс соответствующие звуки,— все это явно направлено на то, чтобы создать иносказательный образ народа, дремлющего в ожидании, что кто-то его разбудит и позовет в светлое будущее.

Аналогично сделан и вызвавший восторг критики фильм С. Лозницы «Блокада» (2005), в котором также практически ничего не происходит, кроме ожидания конца кошмара блокады. Люди с трудом ходят по улице, стоят в очередях, набирают воду из проруби и т.д. Все это происходит под однообразные звуки (озвучивание фонограммы происходило на «Ленфильме»), усиливающие гнетущую атмосферу безысходности. В конце фильма неожиданно появляется кадр с салютом по случаю полного снятия блокады, а затем следуют шокирующие кадры повешения в Ленинграде нескольких военных преступников. Ни фронт, ни работа тыла на победу, ни иные активные действия в фильме не присутствуют, они остались за кадром.

Подобная технология создания кинопроизведения в принципе схожа с методом Дзиги Вертова, который конструировал идейно-эстетическое пространство фильма из подлинных, документальных кадров событий, монтируя их так, что на экране возникал визуальный образ исторического процесса — такой, как это виделось Вертову, чьи взгляды были пронизаны фанатичной верой в революцию и строительство нового мира. Идейно-эстетические взгляды С. Лозницы носят диаметрально противоположный характер, что и реализуется с помощью соответствующего отбора документального материала, темпоритма и сопровождающего фильм звука, т.е. один и тот же эстетический метод в экранном творчестве способен приводить к разному результату — в зависимости от идеологической и этической позиции автора.

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что известное высказывание И. Бродского о том, что «эстетика — мать этики. И человек со вкусом не совершит тех ошибок, которые совершает человек без вкуса» [3], возможно, в известной мере имеет отношение к литературному творчеству, (хотя в истории можно найти примеры, когда писатели с эстетическим вкусом принимали антигуманную идеологию), но совершенно не применимо к изобразительному и монтажному решению документального фильма. Хрестоматийный пример этого — фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли», который насыщен кадрами, производящими мощное эмоциональное и эстетическое воздействие на зрителя (достаточно вспомнить выразительные ритмичные планы марширующих солдат, снятые с верхней точки), хотя мы прекрасно знаем все про идеи, которые вдохновляли режиссера этого фильма.

Но дело в том, что аналогичным образом могли быть сняты и планы марширующих солдат антигитлеровской коалиции, и зритель также оценил бы их выразительность и экспрессивность, но вкладывал бы при этом иную нравственно-этическую оценку. Из этого можно сделать вывод о том, что в экранной документалистике зависимость эстетики от этики имеет гораздо более сложный и опосредованный характер, чем в любом ином виде творчества.

Эстетика безобразного

Современная экранная документалистика в последние годы значительно расширила сферу показа личной жизни человека, затрагивая темы, которые еще недавно считались табуированными. Мало того, как протест против лакировки действительности, доминировавшей в советской документалистике, появилось огромное количество фильмов с радикально противоположной тенденцией. В результате, как точно подметила Л. Джулай, «эффект получился гиперреалистическим, но экранная картина действительности не стала менее односторонней» [4, 182].

Как известно, любой объект можно изобразить, акцентировав внимание на малоприятных его характеристиках и, наоборот, в обычном и не очень эстетичном объекте разглядеть красоту (достаточно вспомнить выразительные портреты нищих Рембрандта, пару старых ботинок Ван Гога или натюрморт с селедкой Петрова-Водкина). Для многих современных кинодокументалистов стал своего рода «трендом» показ всевозможных отклонений от нормы, желание найти в окружающей жизни один лишь негатив. «У меня все, что называется “позитивом”, вызывает аллергическую реакцию,— откровенно признается руководитель одной из киношкол и идеолог нового документализма М. Разбежкина.— Мне кажется, что только человеческая драма и человеческая трагедия во многих вариантах и формах могут представлять интерес для искусства» [5].

На самом деле не драма или трагедия в эстетической трактовке этих понятий важны для режиссеров, проповедующих подобный тенденциозный подход

к трактовке реальной действительности. Воздействие на зрителя в фильмах Школы Разбежкиной основано прежде всего на негативном воздействии на восприятие зрителя, что всегда воздействует эмоционально и даже шокирующе. Это неизлечимые больные, доживающие свои дни в хосписе; слепые братья-близнецы, за которыми всю жизнь ухаживает их сестра; очаровательная маленькая девочка, вынужденная жить с матерью-пьянчужкой среди бомжей; страдающая болезнью Альцгеймера старушка, за которой ухаживает ее дочь, двадцать лет не выпуская ее на улицу, и т.п. Ни о какой драматургии, режиссерском и операторском мастерстве в данном случает тоже говорить не приходится (это просто видеофиксация поведения людей, у которых мало поводов для радости и оптимизма), тем более что всякие традиционные принципы эстетики М. Разбежкиной категорически отрицаются и осуждаются.

Приемы объективизированного кинонатурализма на более высоком профессиональном уровне присутствуют и в фильмах таких «раскрученных» документалистов, как А. Расторгуев и П. Костомаров. Причем они стараются найти таких героев, которые не только не стесняются камеры, но даже с удовольствием подыгрывают, форсируя свои действия или словесное оформление своих незатейливых мыслей, чувствуя, что режиссеру по душе то, как они выпивают, матерятся и оскорбляют друг друга. Причем, как точно подметил безвременно ушедший от нас прекрасный документалист А. Балуев, «наши герои цинично и бессмысленно ругаются на экране только в том случае, если чувствуют (а часто и знают), что мы, авторы нетленных произведений, очень сильно этого хотим» [6].

В картине «Мамочки» (реж. А. Расторгуев, 2011) во всех подробностях показаны повседневные взаимоотношения молодых людей (16 и 18 лет), ожидающих ребенка, с их родителями — в особенности с матерью парня, которая считает невестку недостойной своего сына, хотя сама она далеко не образец для подражания. В этом фильме документальный натурализм (то, что в XIX в. называли физиологическим очерком) доведен до апофеоза. Герои сжились с камерой, подобно людям, «строящим любовь» в «Доме 2» под круглосуточным наблюдением видеокамер, и автору явно по душе то, что на экране как бы выстраивается сама жизнь со всеми ее бытовыми подробностями и нюансами, присущими той маргинальной среде, что показана в фильме. В «Мамочках» режиссер, можно сказать, перешел тот этический Рубикон, который традиционно отделял документальное кино от игрового.

Своего рода «физиологические очерки» снимает и П. Костомаров, считающий, что документалисты «должны вплотную приблизиться к событию или человеку так, чтобы грязь, брызги летели в объектив» [7]. В его фильме «Мирная жизнь» (авторы П. Каттен, П. Костомаров, Швейцария — Россия, 2004), получившем немало фестивальных наград, показана русская деревня, где работают убежавшие от чеченской войны Султан и его сын Апти, которые в конце концов, не вынеся враждебного отношения к ним сельских жителей, уезжают на родину. Здесь такое же замкнутое пространство, безвременье и такое же пристальное подглядывание за повседневной личной жизнью героев, как в фильмах А. Расторгуева. Авторы картины с удовольствием смакуют визуальную фактуру деревенского быта: грязный коровник, убогую дискотеку, бесконечные пьянки и ссоры. И, конечно же, атмосферу неустроенности, безнадежности, тоски.

Как заметил по поводу данного фильма кинокритик Д. Дугаев: «К “Мирной жизни” у меня такие же претензии, как и к фильму “Мамочки”. Что в России хаос, пьянство и тяжело жить, мне известно. Публике на международных фестивалях, вероятно, известно меньше — вот пусть она это и смотрит. Взять полуразрушенного алкоголем человека и записать его на DV — дело несложное» [8].

Сегодня с легкой руки некоторых идеологов современной кинодокументалистики стало дурным тоном говорить о документальном кино как об искусстве. Впрочем, после просмотра фильмов натуралистического направления действительно остается впечатление, что такое документальное кино имеет к искусству весьма косвенное отношение: в этих работах можно видеть лишь фиксацию безрадостной реальности через призму якобы объективного и беспристрастного взгляда на жизнь, эстетика же прекрасного (речь, конечно, не о красивости, а о художественной выразительности) полностью заменена эстетикой безобразного.

«Горизонтальный монтаж»

Конечно, автор АВП вправе по-своему трактовать на экране фиксируемый фрагмент действительности, но при условии, что эта трактовка не будет представлять собой откровенное искажение правды в угоду идеологической или эстетический позиции автора. Эту мысль в свое время точно выразил С. Гинзбург: «Документальное кино, оставаясь строго документальным по своему материалу, способно так же передавать правду действительности, как и извращать ее. Оно может вводить зрителей в заблуждение, прикрывая ложную концепцию неверным сопоставлением доподлинных, но специально отобранных и якобы подтверждающих ее примеров» [9, 160].

Единственное, о чем исследователь не упомянул,— это о воздействии на характер восприятия зрителем изобразительного ряда фильма или репортажа, сопровождающего визуальный ряд закадрового текста. Между тем закадровый комментарий дает зрителю своего рода «*психологическую установку*» на соответствующее восприятие того, что он видит на экране.

Уже в документальных фильмах немого периода

(в работах Эсфирь Шуб, Дзиги Вертова и др.) титры, предваряющие кадр или эпизод, были своего рода семантической «подсказкой» — они должны были ориентировать зрителя, как ему надо воспринимать и оценивать то, что будет показано на экране. В звуковом кино с этой целью стал использоваться закадровый комментарий. Но, в отличие от титров, голос диктора или комментатора звучит параллельно с изображением, что в значительно большей степени усиливает воздействие закадрового текста на восприятие зрителем экранного изображения.

В документальном фильме «Письмо из Сибири» / *Lettre de Sibérie* (1957) известный французский документалист К. Маркер, иронически обыгрывая этот феномен, дал три различных по смыслу и стилю закадровых комментария к одному и тому же зрительному ряду, наглядно демонстрируя, как экранное изображение может восприниматься по-разному в зависимости от сопровождающего ее текста.

Используемая им для эксперимента монтажная фраза состояла всего из трех кадров: улица северного города, по которой проходит автобус, навстречу которому движется легковой автомобиль ЗИМ; группа рабочих, занятых ремонтом улицы; якут в группе этих рабочих.

Первый вариант текста был объективно-описательный. Второй раз те же самые кадры шли под патетический текст о том, как хорошеет столица советской Якутии. Третий же вариант сопровождался предвзято-обличительным текстом о классовом расслоении в СССР и т. п[1]..

Размышляя об этом эксперименте К. Маркера и о диалектике взаимодействия слова и изображения, известный французский киновед А. Базен, по аналогии с предложенным С. Эйзенштейном понятием «вертикальный монтаж», ввел термин «“горизонтальный монтаж”, в котором изображение соотносится не с предшествующим или следующим, а, в первую очередь, с текстом… <…> Уже из текста смысл перетекает в изображение: один из подзаголовков его статьи так и звучал — “От слуха к зрению”» [10].

«Горизонтальный монтаж» лежит в основе большинства так называемых монтажных фильмов, в которых автор комментирует за кадром отобранный и смонтированный им чужой изобразительный материал. При такого рода подаче материала слово служит своего рода семантической и эмоциональной подсказкой для соответствующего восприятия зрителем изображения и во многом определяет трактовку того, что зритель видит на экране, т.е. семантическое восприятие в данном случае идет от звука к изображению, что значительно влияет на то, как трактуется зрителем изобразительный ряд [11].

Эффект «горизонтального монтажа» особенно заметен в тех монтажных фильмах, в которых авторский текст поясняет «за кадром» отобранный и смонтированный чужой изобразительный материал. Причем нередко случается так, что комментарий носит характер, совершенно противоположный цели, с которой снимался фильм (достаточно вспомнить «Обыкновенный фашизм» М. Ромма).

В современном документальном кино одним из ярких примеров такого рода идеологизированности является работа В. Манского «Частные хроники. Монолог» (производство «МВ студии», REN-TV при участии YLE-TV (Финляндия), 1999). Замысел авторов был оригинален: сделав изобразительной основой картины присланные людьми кадры любительских фильмов, снятых на 8-миллиметровую кинопленку в 60–80-е гг. прошлого столетия, передать атмосферу тех лет. Смысловую и эмоциональную оценку этих кадров должен был дать закадровый текст, представляющий собой как бы монолог-воспоминание некого человека, родившегося в 1961 г. и прожившего в Советском Союзе вплоть до его распада.

Если повторить эксперимент К. Маркера с использованием диаметрально противоположного по смыслу закадрового текста на материале «Частных хроник», то получим аналогичный результат. Например, подложив под обычные, ничем непримечательные кадры детского садика и сентябрьской школьной линейки закадровый текст, поданный с мягким юмором, самоиронией и приятными воспоминаниями, мы вызовем у зрителя ностальгическую, грустную улыбку. И совершенно иные эмоции и мысли посетят зрителя, воспринимающего те же самые кадры под текст, написанный И. Яркевичем и задушевно прочитанный А. Цекало: «21 августа 68-го года во время последнего тихого часа перед выпускным утренником в нашем детском саду я описался. Мне снилось, что я плаваю. Плавать я умел только во сне. А это вот когда мы дружно изображаем колонной номер “Миру — мир”. Мне казалось, что все смотрят на меня с презрением и что кто-то выкрикнет вот-вот: “А что делает здесь этот зассанец?” Детство кончилось. И утром того же дня так же, колонной, в Прагу входили советские танки. Но кончилось не только детство — кончился мир. В школу меня готовили, как на войну — покупали ранец, учебники, школьную форму. Все это было больше похоже на экипировку солдата, чем на какую-то мирную процедуру. Хотя ребята во дворе мне завидовали. Мне заранее купили цветы. Хотя на войну не идут с цветами, но я словно нес сам себе цветы на могилу… Мне казалось, что меня ведут не столько в школу, сколько на заклание… По дороге в школу мама держала меня так крепко, будто я хотел вырваться и убежать… Нас, таких несчастных, было много…»

Благодаря закадровому комментарию, кадры из семейных киноархивов, носящие нейтральный

[1] Этот эксперимент К. Маркера более подробно описан в книге С. Дробашенко «Феномен достоверности» (Дробашенко С. Феномен достоверности. М., 1972. С. 74).

либо мажорный характер, в «Частых хрониках», воспринимаются как обличение советского строя, а произносящий закадровый монолог человек — как обобщенный образ латентного диссидента, вынужденного жить в «страшной, авторитарной стране», подчиняясь ее законам и ритуалам.

Подобный прием «горизонтального монтажа», когда семантическое восприятие идет от звука к изображению, влияя на трактовку зрителем изобразительного ряда, используется сегодня практически во всех телевизионных репортажах, где словесный комментарий определяет суть происходящего в кадре.

В свое время Жан-Люк Л. Годар подметил, что телевизионные журналисты часто предпочитают снимать общие планы, потому что под них можно подложить любой комментарий и придать нужный телеканалу смысл и вызвать у зрителя соответствующие эмоции. И это действительно так. Достаточно упомянуть историю о том, как возбудившие международное общественное мнение кадры со снятыми на общем плане людьми, заключенными в концлагерь, подавались как история с боснийскими албанцами, над которыми издеваются сербы, что, как показала проверка, оказалось на деле откровенной фальшивкой. Точно так же, с точностью до наоборот, западными СМИ трактовались кадры вторжения грузинских войск в Южную Осетию, которые подавались как российская агрессия. Но в данном случае разговор уже идет не об этике журналистики, а об откровенной дезинформации и обмане.

Не навреди!

В практике журналиста и оператора бывают случаи, когда сталкивается необходимость выполнения профессионального долга и возможность или невозможность помочь людям, которых ты снимаешь.

В 1935 г. с Центрального аэродрома Москвы поднялся самолет-гигант «Максим Горький», выполнявший демонстрационный полет. На его борту, кроме членов экипажа, находились инженеры, техники и рабочие, участвовавшие в создании этого самолета, и члены их семей. Съемку этого события производили два кинооператора, летевшие параллельным курсом на маленьких самолетах. Неожиданно истребитель, выполнявший неподалеку от «Горького» фигуры высшего пилотажа, потеряв управление, врезался в самолет-гигант. Один из операторов от ужаса прекратил съемку, другой же, стиснув зубы, продолжал снимать.

В 1956 г. в Антарктиде один из тракторов, подвигая сани к борту сухогруза, случайно проломил одной гусеницей лед и забуксовал. Тракторист Кудряшов выпрыгнул из кабины, чтобы понять, что делать дальше. В это время более опытный водитель Иван Хмара, пытаясь помочь товарищу и спасти ценное оборудование, желая вытолкнуть трактор, быстрым рывком вскочил в кабину, завел мотор, но автоматически захлопнул за собой дверцу трактора. Трактор провалился в образовавшуюся прорубь и исчез подо льдом. Спасти тракториста не было никакой возможности. Весь этот трагический эпизод, который снял кинооператор А. Кочетков, вошел в документальный фильм «Огни Мирного» (1957).

Во время военных действий такого рода ситуации, когда оператор не в состоянии помочь погибающему человеку, возникают постоянно. У человека, снимающего такое событие, как бы происходит раздвоение: он пронизан ужасом случившегося и состраданием к погибающему, но вынужден выполнять свою работу и делать ее безукоризненно.

В одном из американских фильмов, собравшем уникальные кадры, есть кадр-эпизод, запечатлевший гибель пилота истребителя. После неудачного приземления на палубу авианосца самолет падает за борт. На экране видно, как оператор бежит по палубе, затем камера склоняется над бортом, и видно, как пилот пытается сдвинуть оргстекло, закрывающее кабину. Но прозрачный купол никак не удается сдвинуть — его, очевидно, перекосило во время падения. Пилот, поняв, что наступают последние секунды его жизни, охватывает голову руками, и самолет уходит под воду.

В воспоминаниях наших фронтовых кинооператоров также предостаточно историй, в которых сталкиваются этический момент и профессиональный долг. А. Смолка, который с кинокамерой прошел всю войну, рассказывал о том, как он, снимая на одном из кораблей Черноморского флота, снял уникальный кадр. Он включил кинокамеру, когда начался обстрел корабля вражескими снарядами. Один их этих снарядов попал в машинное отделение. Во время съемки открылся люк, возле которого находился оператор, и из него появился раненый матрос, который тут же рухнул на крышку люка и умер. Оператор рассказывал о съемке этого трагического кадра с профессиональной гордостью, потому что кадр получился действительно выразительный и уникальный. Конечно, в реальности он, закончив съемку, тотчас же кинулся к матросу, но сразу прекратить снимать он не мог.

Другой рассказанный им эпизод производит еще более жуткое впечатление. Оператор в составе отряда, прибывшего в село, где гитлеровцы уже успели расстрелять несколько мирных людей, по законам военного времени приговорил пленных эсэсовцев к расстрелу. Поскольку уже было темно, оператор попросил поставить приговоренных карателей к белой стене и перенести к месту казни трупы их жертв и фактически скомандовал, когда начинать экзекуцию. С сегодняшней точки зрения это выглядит аморально и жестоко. Но это страшные условия войны, многое меняющие в психологии людей[2].

[2] Свидетелем рассказов А. Смолки был автор этого текста. Он же был свидетелем того, как А. Смолка в мирной

Мирная жизнь, конечно же, диктует иные нормы этики и морали. Наш известный режиссер В. Косаковский рассказывал на мастер-классе, что, снимая из окна финальный план для фильма «Тише», заметил, что у женщины в кадре какой-то потерянный вид, и уже хотел, бросив съемку, поспешить на помощь, но тут вскрылась причина ее странного поведения — она спешно вышла из дома в поисках убежавшего пса.

Эта дилемма — пожертвовав выразительным кадром, помочь человеку, который в этом нуждается, или продолжать съемку, всегда будет стоять перед каждым документалистом.

В фильме Мадины Мустафиной «Милана» есть кадр, который вызывает у зрителей возмущение и гнев: пьяная женщина в течение нескольких минут унижает и бьет по лицу свою шестилетнюю дочку.

Сам режиссер допускает даже, что такое поведение женщины было отчасти спровоцировано присутствием камеры (надо помнить и об этом этическом моменте): «Иногда я чувствовала себя сволочью, например — когда мать била Милану, а я это снимала. Я спрашивала себя — а стала бы Света бить дочь, если бы не было камеры — ведь камера провоцирует к действию! Но я себе сказала, что так нужно для фильма» [12], а в интервью журналистам добавила, что она просто фиксирует то, что происходит вокруг.

Согласно информации, размещенной в Интернете, матери Миланы, поклявшейся начать новую жизнь, было выделено жилье, которое она вскоре продала и снова оказалась с дочкой на улице. Участие же М. Мустафиной в судьбе ребенка ограничилась ее «призывом к зрителям перечислять деньги через яндекс-кошелек, чтобы можно было нанять для девочки репетиторов и устроить ее в спортивную секцию» [13]. К счастью, в дело вмешались органы опеки, и сегодня, если верить Интернету, девочка находится в детском доме в Казахстане.

Иногда вмешательство авторов фильма в жизнь героя способно привести к непредсказуемым последствиям. Как признается в фильме режиссер известной работы «Антон тут рядом» режиссер Л. Аркус: «У меня не было ни предчувствия, ни осознания, ни понимания. Я совершала один случайный поступок за другим, не понимая последствий, не чувствуя, что каждый последующий шаг отменяет возможность отступать». Одним из таких поступков стало то, что Л. Аркус, движимая самыми благими намерениями и не без труда, поместила Антона в поселение под названием «Деревня Светлана», где Антон в течение полугода очень привязался к Давиду, одному из сотрудников этой общины. Когда же Давид внезапно покинул поселение, Антон, к которому отношение окружающих вдруг резко изменилось, несколько раз предпринимал попытки убежать из «Светланы». Во время своего последнего побега он был сбит машиной и чудом остался жив. Вывод из этого таков: когда авторы фильма имеют дело с необычными героями, то лучше все же не действовать «не понимая последствий», а прежде консультироваться со специалистами в той или иной области.

Конечно, в каждом конкретном случае проблема этики и морали решается по-разному (есть даже термин — *ситуативная* этика), но если в приведенных примерах проблема этики и эстетики (точнее, усиления драматургии и эмоционального начала) носит неоднозначный характер, то, к сожалению, бывают случаи, когда авторами откровенно нарушается этический принцип «Не навреди!».

Так, при съемках фильма «Кровь» (2013), рассказывающего историю путешествия по городкам и поселкам Ленинградской области передвижной станции крови, которую в основном сдают люди, не имеющие работы и средств к существованию, режиссер А. Рудницкая сняла и вставила в фильм эпизод о том, как уставшая бригада врачей-женщин слегка выпивает после нелегкой работы, чтобы расслабиться. В результате все эти врачи были уволены их руководством. После чего они, как рассказала в интервью сама А. Рудницкая, ей «звонили, обвиняли, кто-то даже угрожал, на что я им ответила, что все они видели камеру — мы снимали все, что происходило, не прячась» [14].

Единственное, о чем режиссер забыла спросить своих героев,— можно ли будет включить отснятые кадры в структуру готового фильма. Или решила, как М. Мустафина, что «так нужно для фильма».

Похоже, давно минули те времена, когда режиссера или журналиста волновало, не навредит ли он человеку, которого снимает. Покойный ныне режиссер Б. Галантер, отвечая во время мастер-класса на вопрос о том, как проводились съемки «скрытой камерой» для фильма «Лучшие дни нашей жизни» (1968), рассказал, что, отсняв в аэропорту очередную трогательно прощающуюся пару, он посылал к этой паре ассистента и тот спрашивал, можно ли будет вставить отснятый кадр с ними в фильм. И если был отрицательный ответ, этот кадр в последующем безжалостно шел в корзину, как бы выразителен он ни был.

Сегодня, когда многие норовят любой ценой попасть на экран, режиссеры часто считают лишним задавать такие вопросы и, мало того, с удовольствием используют эту готовность молодежи выполнять в кадре что угодно. Именно эту готовность и полную «раскрепощенность» ровесников использовала в своих первых документальных фильмах «Сестры» (2005), «Девочки» (2006) Валерия Гай Германика, а режиссер Александр Расторгуев перед съемками фильма «Я тебя люблю» (2010) даже проводил в Ростове-на-Дону кастинг, отбирая наиболее «раскрепощенных»

жизни, снимая для ГАИ дорожное ЧП со смертельным исходом, почувствовал себя плохо при виде трупа и крови.

молодых людей, которые в его фильме фактически изображали самих себя и говорили в камеру, не особо стесняясь в выражениях и в выборе тем.

Еще хуже, когда людей, снимающихся в фильме, сознательно вводят в заблуждение о том, с какой целью их снимают (речь не идет о съемке людей, занимающихся неблаговидными делами). К сожалению, подобное нередко случается на телевидении, когда из большого отснятого интервью ученого, писателя или общественного деятеля используют лишь фрагменты его речи, которые в определенном контексте воспринимаются совсем не в том смысле, который вкладывал в них интервьюируемый.

При создании фильмов или телепрограмм, в которых имитируемые под документальность события *выдаются за реальные*, неизбежно возникает вопрос о соотношении этики и эстетики. Особенно остро эта проблема возникает в том случае, когда авторы документального фильма, вопреки жизненной правде, представляют на экране придуманную историю, в которой задействованы не только актеры, но и реальные люди. Получивший широкую известность, награжденный дипломом смотра «Телевидение в интересах общества» и попавший в каталог мировых киношедевров INPUT в Сан-Франциско фильм «Станция Лямур» (реж. В. Попов, 2003) — яркий пример откровенного пренебрежения привычными этическими нормами.

Сюжет фильма построен на том, что герой картины — выпускник мединститута — приезжает на работу в далекий поселок, где главной его заботой становится борьба с распространенными здесь венерическими заболеваниями. Пока он занимается санпросветом и борьбой за нравственность, его девушка, проживающая в городе, с которой он на протяжении фильма ведет общение в виде звуковых писем, успела полюбить другого.

Согласно выложенным в Интернете сведениям, вначале фильм должен был быть о реальном докторе, но этот реальный персонаж раздумал ехать в глубинку, и, чтобы не потерять выделенные бюджетные деньги, решено было снимать актера. Жителям же поселка, где шли съемки, было сказано, что это будет фильм под условным названием «Там, за горизонтом» — о буднях их поселка. В результате жители выполняли задание киногруппы, снимаясь в интерьерах своих домов, в медпункте и на натуре. После того, как фильм был смонтирован и к нему был записан соответствующий закадровый текст, сработал эффект «горизонтального монтажа», о котором шла речь выше: экранное пространство стало восприниматься, подчиняясь произносимому тексту и монтажным соединениям, в результате чего обычные бытовые сцены приобрели совершенно иной характер. Так, согласно подложенной авторами фонограмме люди слушают по местному радио якобы беседу о профилактике гонореи и туберкулеза. Люди, ходившие по заданию режиссера парами, предстают в картине как потенциальные сластолюбцы. Сцена в холле поликлиники с сидящими там людьми и вставленными в монтажную фразу плакатами о вреде половой распущенности, сопровождаемая соответствующим закадровым текстом, подана в фильме как медосмотр на предмет выявления «дурной болезни». Пары на улице, снятые с верхней точки, после кадра с доктором, наблюдающим за населением с вышки в подзорную трубу, воспринимаются как потенциальные прелюбодеи и т.д.

При обсуждении на центральном телевидении этого фильма один из выступающих точно определил способ подобного рода психологической установки в виде закадрового текста: «Это все равно, как если бы сняли жену режиссера этого фильма, выходящей из автомобиля в центре Москвы, а потом сопроводили кадр текстом: “Наступил вечер, и ночные бабочки потянулись на Тверскую”».

Скандальная история со «Станцией Лямур» стала широко известна после того, как жители поселка, где проходили съемки, увидев этот фильм по телевидению, обратились в суд с иском о защите чести и достоинства. Однако все закончилось тем, что авторы запоздало вставили в фильм титр, в котором его жанр определялся как «художественно-документальный».

<u>Эстетика и этика в инфотейнменте и сторителлинге</u>

В информационном поле телевидения проблема соотношения этики и эстетики возникла в конце прошлого века, когда некоторые новостные программы, решив уйти от простой констатации фактов, начали менять стиль подачи и оформления новостей, акцентируя внимание на выразительных деталях, внедряя в информационную программу выразительные кадры, спецэффекты, компьютерную графику и даже анимацию. Такая подача событий и фактов, получившая название «инфотейнмент», ставила цель — воздействовать не только и не столько на разум зрителя, сколько на его эмоции.

В нашей стране активное внедрение подобного метода подачи телевизионной информации началось в период смены политического и экономического строя в 1990-е гг. Памятная многим ленинградская новостная десятиминутная программа вся была основана на фактах, вызывающих у зрителя возмущение, удивление или сострадание. Поскольку подобных фактов и изобразительного ряда на каждодневный выпуск не хватало, то ее создателям приходилось вносить в жизнь «коррективы», чтобы сделать запоминающийся репортаж. Если жертву преступления успевали увезти в морг, то ее изображал ассистент оператора или администратор группы; если не хватало живописных деталей, их сооружали из подсобных материалов и т.д. Со временем стали появляться и целые сюжеты, создаваемые самими телевизионщиками. Благодаря «находчивости» репортера, по Не-

вскому ходила бабушка, ведущая на веревке козу, которую она якобы завела, чтобы как-то прокормиться в период продовольственного дефицита; городская девочка, чтобы держать свою лошадку неподалеку, поселила ее у себя на третьем этаже и якобы каждый день водит на прогулку и т.п.

Внедренный на телевидение *сторителлинг* из сферы коммерции и просветительства быстро перешел в сферу развлекательности. Используя реальные истории людей, телевизионные ток-шоу стараются строить их по законам драматургии, т.е. делают все возможное, чтобы возбудить интерес зрителя и поддерживать этот интерес на протяжении нескольких выпусков программы. Например, незатейливая история отношений поп-певицы Любови Успенской с ее дочерью на канале НТВ рассказывалась на протяжении четырех вечеров.

Фактически сторителлингом занимаются и ток-шоу, обсуждающие бытовые, семейные и корпоративные истории, конфликты, скандалы. Подобные шоу сделали немало для того, чтобы сбить привычные ориентиры и морально-этические понятия о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Достаточно упомянуть ток-шоу на центральных каналах, где ради того, чтобы получить свою «минуту славы» некоторые люди готовы выставлять себя на всеобщее обозрение во всей своей неприглядности. Причем «информационным поводом» сегодня все чаще становится съемка видео на телефоне, которая является повседневным занятием молодежи. Вот лишь несколько подобных примеров.

Студентка одного из провинциальных вузов, прилюдно занимавшаяся сексом с молодым человеком в ночном клубе, была приглашена на одну из таких передачи и после кадров с телефона, подтверждающих этот факт, без тени смущения и даже с некоторой гордостью поведала, что после этого ее популярность в сетях возросла, чему она очень рада.

Другая блогерша после того, как случилось несчастье в день ее рождения (желая сделать ей сюрприз, ее муж сбросил в бассейн при сауне несколько коробок сухого льда, после чего он и еще два человека отравились углекислым газом и утонули), конвертировала свою скорбь в привычные ей блогерские видеозаписи со своим рассказом, а вскоре появилась и на телевидении.

Учительница, терпение которой лопнуло при виде наглеца, во время занятий слушающего музыку, вырвала наушники из его ушей. После чего молодой человек встал, ударил кулаком в лицо пожилую женщины и начал крушить стеклянные полки (все это также было снято на телефон). Возможно, учительница с педагогической точки зрения не права: она должна была сдержать себя и не переступать «личное пространство», но реакция-то подростка однозначно мерзкая и недопустимая. Однако в передаче «стрелка» была переведена на несчастную учительницу (нашли даже где-то двух двоечниц, которым она когда-то сказала резкие слова), а юный хулиган выглядел уже жертвой и чуть ли не героем. Таким образом, подобные передачи самим своим фактом появления как бы легализуют асоциальные нормы поведения. Причем в данном случае лозунг медиков «не навреди» относится уже не к «героям» передачи, а к зрителям. Не зря группа учителей вынуждена была обратиться к президенту с просьбой прекратить подобные передачи, поскольку они сводят на нет все их усилия, направленные на то, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное».

В книге С. Муратова «Пристрастная камера», изданной впервые в 1976 г., есть параграф, который называется «Должен ли документалист думать о последствиях»? Вывод автора: «Проблема этических отношений документалиста с его героями далеко не сводится к юридическим предписаниям. Ничто не освобождает создателей фильма или передачи от обязанности “платить по счету”». И сумму этого счета приходится учитывать заново в каждом отдельном случае» [14, 86]. Большинство примеров, приводимых в этом параграфе книги С. Муратова, взято из зарубежной практики, поскольку в 70-е гг. эта проблема у нас еще не стояла столь остро, как она стоит сейчас. Сегодня подобные примеры из практики отечественного телевидения заняли бы не одну страницу.

Суть проблемы вытеснения на телевидении этического за счет формирования *эмоционального* (что для некоторых исследователей стало синонимом эстетического) в известной мере кроется в том, что «основное воздействие направлено на разрушение традиционных культурных ценностей и внедрение в сознание российского зрителя ценностей западных культур» [15]. Да и модели всех развлекательных ток-шоу скопированы с зарубежных оригиналов.

Вопрос о соотношении в тележурналистике эстетического и этического аспектов становится все более актуальным в связи с тем, что в результате расширения сегмента экранной культуры восприятие человеком картины мира все больше формируется аудиовизуальными образами. Именно это накладывает на людей, работающих в экранной документалистике — будь то репортаж или фильм — особую ответственность. К сожалению, как отмечает В. Тулупов, для сегодняшней документалистики характерно «пренебрежение профессиональными стандартами, и прежде всего этикой (что, по сути, одно и то же). Как результат: аудитория все меньше доверяет СМИ, печатному и звучащему слову. Нынешнее поколение практически не знает качественной журналистики» [16].

В данной статье были затронуты лишь некоторые аспекты большой и серьезной проблемы — взаимодействия эстетики и этики в аудиовизуаль-

ной документалистике. К сожалению, проблема эта со времени написания упомянутой выше диссертации М. Багрянцевой, созданной почти двадцать лет назад, только усугубилась: на телевидении появились еще более скандальные ток-шоу, не меньше стало насилия в телесериалах и псевдонаучной информации в якобы познавательных программах. Тем не менее, на наш взгляд, должно прийти время переоценки ценностей, потому что речь идет о нравственном здоровье нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манович Л. З. Археология компьютерного экрана / Л. З Манович // Экранная культура: Теоретические проблемы: Сб. статей.— СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.

2. Дробашенко С. В. Феномен достоверности / С. Дробашенко.— М.: Наука, 1972.

3. Тюрин А. И. Бродский: «Эстетика — мать этики» / А. Тюрин // Зеркало недели.— 1994.— № 11.

4. Джулай Л. Н. Документальный иллюзион. Отечественный кинодокументализм — опыты социального творчества / Л. Н. Джулай.— М.: Материк, 2005.

5. Разбежкина М.: Чтобы человек состоялся, он должен порвать со своими корнями / М. Разбежкина.— Режим доступа: https://www.newkaliningrad.ru/afisha/publications/1954560-marina-razbezhkina-chtoby-cheloveksostoyalsya-on-dolzhen-porvat-so-svoimi-kornyami.html.2013 (дата обращения: 10.04.2020).

6. Кинопроблемы.doc: российское документальное кино как реальная драма: анкета «ИК» // Искусство кино.— 2009.— № 4.

7. Костомаров П.: «Такая странная мирная жизнь» / П. Костомаров.— Режим доступа: http://www.film.ru/articles/pavelkostomarov-takaya-strannaya-mirnaya-zhizn.2004 (дата обращения: 02.04.2020).

8. Реальности недостаточно // Сеанс.— 2007.— № 31.— Режим доступа: http://seance.ru/n/ 31/films31/mirnayazhizn-2/mirnaja-zhizn-mnenia/ (дата обращения: 08.04.2020).

9. Гинзбург С. С. Очерки теории кино / С. С. Гинзбург.— М.: Искусство, 1974.

10. Артамонов А. Крис Маркер: 21–12 / А. Артамонов // Сеанс.— 2015.— № 62.

11. Cooper S. Missing Marker / S. Cooper // The Cine-Files.— 2017.— № 12.

12. https://olivera-despina.livejournal.com/244384.html (дата обращения: 01.04.2020).

13. Героиню скандального фильма бросила мама.— Режим доступа: https://www.zakon.kz/4598778-geroinju-skandalnogo-filma-brosila-mama.html (дата обращения: 01.04.2020).

14. Снимавшиеся в документальном фильме врачи со станции переливания крови уволены с работы.— Режим доступа: https://www.mk.ru/culture/2014/06/16/snimavshiesya-v-dokumentalnom-filme-vrachi-so-stancii-perelivaniya-krovi-uvoleny-s-raboty.html (дата обращения: 27.03.2020).

15. 14. Муратов С. А. Пристрастная камера / С. А. Муратов.— М.: Аспект Пресс, 2004.

16. Багрянцева М. Г. Нравственно-эстетическое пространство современного телевидения (на материалах ТВ Дальневосточного региона): дис. … канд. искусствоведения / М. Г. Багрянцева.— М., 2004.

17. Тулупов В. Этика начинается с проведения границ между журналистикой, рекламой и паблик рилейшнз / В. Тулупов // Relga.ru.— 2004.— 11 мая.

Российский институт истории искусств, Санкт-Петербургский государственный университет

Познин В. Ф., доктор искусствоведения, зав. сектором кино и телевидения Российского института истории искусств, профессор кафедры телерадиожурналистики ВШЖ и МК СПбГУ

E-mail: poznin@mail.ru

Russian Institute of Arts History, St. Petersburg State University

Poznin V. F., Doctor of Art Criticism, Professor of the Television and Radio Journalism Department

E-mail: poznin@mail.ru

УДК 070.15

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОРТРЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Е. В. Тарханова

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 28 ноября 2019 г.

Аннотация: *в статье автор рассматривает, насколько высока роль СМИ в формировании образа предпринимательства в России. Также автор предпринимает попытку сравнить, как изменился образ бизнеса в СМИ за последние несколько лет.*
Ключевые слова: *деловые издания, образ предпринимательства, портрет предпринимателя.*

Abstract: *In the article, the author considers how high the role of the media is in shaping the image of entrepreneurship in Russia. The author also attempts to compare how the image of business in the media has changed over the past few years.*
Keywords*: business publications, image of entrepreneurship, portrait of an entrepreneur.*

Феномену формирования общественного мнения и конструированию образа отдельных социальных групп посредством СМИ исследователи посвятили массу научных работ. Так, французский исследователь Г. Тард высокого оценивал роль прессы в оказании психологического воздействия на сознание граждан [1, 209]. У. Липпман также считал, что «общественное мнение является продуктом информационного воздействия» [2, 136], а результатом такого воздействия — стереотип. А. Моль пришел к выводу, что СМИ «контролируют всю культуру, пропуская ее через свои фильтры, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [3, 87].

Говоря о конструировании образа предпринимателя, мы предлагаем ориентироваться на деловую прессу, ведь ее называют «влиятельной группой СМИ, четко ориентированной на аудиторию, которая располагает значительными финансовыми возможностями и является в основном профессиональной» [4, 47]; это же утверждает и А. Грабельников [5]. Е. Кузьмина замечает, что образ российского предпринимателя постоянно меняется и зависит от социальных процессов, которые происходят в обществе. «Предпринимательский класс в постсоветской России формировался, как правило, за счет чиновников административной и хозяйственной элиты, бывших представителей теневого бизнеса («цеховиков»), имеющих опыт в коммерции работников торговли и сферы обслуживания, мелких торговцев, совершавших регулярные рейсы за товаром («челноков»), а также рядовых граждан, пришедших в бизнес из-за тяжелого экономического положения в стране» [6, 73]. Т. Милехина пишет, что, «когда в России вновь оказалось востребованным наименование человека, профессиональная сфера деятельности которого — негосударственный сектор экономики, оно, по старой русской традиции, было найдено за границей. Английское заимствование *бизнесмен*, уже известное в России, обладало некоторой привлекательностью в силу отсутствия негативного ассоциативного фона» [7].

Аналогом зарубежного слова «бизнесмен» стало слово «предприниматель», но данное понятие в толковых словарях советского времени трактовалось в негативном уклоне. В словаре Д. Ушакова 1939 г. предприниматель — «капиталист… человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий» [8, 347]. Позже негативный контекст ушел, и в начале нулевых появилось такое определение: «Предприниматель — любой деловой человек, который действует в негосударственном секторе экономики России» [9, 21]. Тем не менее в семантической системе понятие «предприниматель» располагается в одной группе с обманщиком, махинатором, мошенником и аферистом. «Таким образом, выдвинутое понятие — деловой человек, действующий в негосударственном секторе экономики,— столкнулось с уже существовавшим в языковом сознании значением “не очень честный человек высокого социального статуса, работающий преимущественно в сфере торговли”».

Заметим, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. СМИ активно эксплуатировали образ предпринимателя — вора, хитреца, человека без принципов. Например, в журнале «Коммерсантъ Деньги» в декабре 1998 г. выходит материал «Дядя Сэм, король универсамов» [10], в котором автор сообщает: «Вот уже несколько лет подряд Хелена Уолтон, три ее сына и дочь

© Тарханова Е. В., 2020

возглавляют список самых богатых семей Америки. Секрет такого громкого успеха прост: нужно разорить десятки тысяч мелких торговцев и на месте их лавочек воздвигнуть три тысячи супермаркетов». «Форбс» в 2004 г. публикует список самых богатых людей России «Золотая сотня — 2004» [11] с занимательной справкой на каждого из них. Например, про Владимира Потанина сообщается: «Именно Потанин в 1995 году придумал печально известные залоговые аукционы, в ходе которых и получил в собственность металлургический гигант "Норильский никель" — основу своего состояния».

Журналисты добавляют, что Потанин получил в собственность завод в результате мошенничества и обмана, подчеркивая его принадлежность к социальной группе предпринимателей.

Интересен комментарий и про Олега Дерипаска: «Хозяин "Русского алюминия" всегда умел находить партнеров и брать у них самое лучшее. Встреча в 1994 году с трейдером Михаилом Черным сделала молодого торговца металлом генеральным директором Саянского алюминиевого завода. В конце 1990-х сотрудничество с Романом Абрамовичем превратило металлурга в один из базовых элементов российской экономики». В описании подчеркивается, что богатства достались Дерипаске «случайно», благодаря общению с «нужными» людьми он сумел создать свой бизнес. То есть в данном тексте также поддерживается параллель «предприниматель — нечестный человек».

Стоит обратить внимание и на описание **Александра Лейвимана:** «Еще одно доказательство того, что иногда достаточно старой дружбы, чтобы составить многомиллионное состояние. Выпускник Московского химико-технологического института им. Менделеева Александр Лейвиман тринадцать лет отработал на химическом заводе в украинском городе Черновцы, прежде чем возобновил знакомство с приятелем студенческих лет Володей Евтушенковым». Журналисты подчеркивают, что свое состояние участник списка «Форбс» не заработал: а оно ему досталось легким путем, возможно, нечестным.

При описании доходов Виктора Вексельберга «Форбс» не забывает упомянуть: «Он не участвовал в залоговых аукционах, не открывал собственный телеканал, не критиковал власть и не вступал в открытые конфликты с коллегами. За это родина наградила Вексельберга хорошими активами в нефтедобыче (ТНК) и цветной металлургии ("СУАЛ-Холдинг")». Выражение «родина наградила активами» звучит иронично.

На «Эхо Москвы» в 2008 г. вышла передача о бизнесе 90-х, гостем программы стал один из первых предпринимателей, бывший председатель совета директоров инвестиционной группы «Ренессанс Капитал» Олег Киселев. Когда он рассуждал о предпринимателях 90-х годов, он сказал: «Конечно, есть устойчивое такое суждение о том, что много заработать честно нельзя. Что бизнес — это по определению нечестное дело и т.д. и т.п. В 90-е у нас появляется такая фигура, как хозяин. Когда появляется предприниматель, появляется хозяин, появляется фирма, появляется жесткий экономический интерес и жесткое принуждение к тому, чтобы работать самому и работать так, чтобы учитывать интересы других. Потому что не учитывать нельзя. Иначе тебя съедят в два счета, просто, как у нас иногда говорят, замочат, пользуясь соответствующим жаргоном» [12].

В 2013 г. журнал «Эксперт» публикует материал к 25-летию российского бизнеса. В тексте статьи подтверждается тезис о том, что в 90-е в СМИ царил негативный образ бизнесмена: «Четверть века назад в нашей стране снова возникло легальное предпринимательство. Но до сих пор для части общества бизнес остается чем-то непонятным, невидимым, а иногда и ненавидимым» [13].

В статье приводятся цитаты предпринимателей, которые начинали свой путь именно в 1990-е гг. *Например, Сергей Колесников, один из основателей компании «ТехноНИКОЛЬ», говорит:* «Гонения на бизнесменов нулевых годов — изгнание Гусинского, Березовского, арест Голдовского — воспринимались в бизнес-среде как раз как наведение элементарного порядка. Из среды убирали тех, кто хотел заниматься не столько бизнесом, сколько политикой или бизнесом на политике. Их предпринимательской среде было не жалко».

Стоит отметить, что СМИ приводили и положительные примеры предпринимательства в России. Например, в 2004 г. журнал «Коммерсант Деньги» публикует текст «Иду на лозу», в котором идет речь о виноделии в России. Автор рассказывает, как краснодарские предприниматели с трепетом выращивают виноград и вкладывают все силы в развитие винзаводов. Тем не менее таких историй немного и они не столь образны и ярки по языку. Хотя в 1990-е гг. «малое предпринимательство стало фактором выживания для миллионов людей в начальный период социально-экономического и политического реформирования в России. Одновременно малый бизнес того периода играл роль важного инструмента накопления капитала. Наряду с позитивной ролью, малые предприятия, используя неурегулированность прав собственности в то время, способствовали теневизации экономики» [14].

Конечно, СМИ обязаны были показывать теневые стороны бизнеса, но из-за внедренного в общественное сознание образа «плохих предпринимателей», который читателям привили в начале нулевых, сегодня очень сложно преломить общественное сознание. А ведь для развития того же малого бизнеса необходима не только благоприятная внешняя среда, но и общественный престиж предпринимателя, но сегодня общество склонно смешивать образ пред-

ставителей малого предпринимательства с образом крупных коммерсантов, которые стали «наследниками» капиталов. При этом федеральные СМИ чаще всего публикуют материалы, посвященные именно крупным компаниям-монополистам, которые сегодня зачастую тесно связаны с государственным сектором. Интерес к крупному бизнесу понятен, он затрагивает тему больших денег, власти и влияния. При этом малое и среднее предпринимательство редко попадает в ранг интересов федеральных СМИ.

Президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (ТПП РФ) С. Катырин в одном из своих интервью упомянул, что правительство серьезно обеспокоено настроением малого и среднего бизнеса. Он подчеркнул, что в формировании позитивного бизнес-климата в стране должны принимать участие СМИ: «Бизнес нуждается в серьезной поддержке со стороны журналистов и заинтересован в профессиональном освещении социально-экономических процессов в стране, содействии формированию благоприятного делового климата, обеспечении конкурентоспособности отечественного бизнеса, продвижения интересов бизнеса и популяризации российских товаров и услуг» [15].

Стоит отметить, что сегодня наметился перелом в характере освещения предпринимательской деятельности. И хотя федеральные СМИ по-прежнему в большей степени интересуются крупным бизнесом, развитие региональных деловых изданий привело к тому, что малое и среднее предпринимательство стало все чаще попадать на страницы изданий. Рассмотрим некоторые примеры.

РБК опубликовал материал под заголовком «Луна в рюкзаке: как фрилансер из Подмосковья наладил производство гамаков» [16]. В тексте речь идет о молодом человеке, который решил наладить выпуск туристического снаряжения в России. Чтобы у читателя не создалось впечатление, что бизнес на предпринимателя свалился, как подарок, автор начинает с предыстории: «35-летний Петр Лисицын — выпускник факультета “Автоматизация технологических процессов и производств” МИСИС. По окончании вуза он более пяти лет проработал маркетологом на мебельной фабрике: занимался проведением выставок, наружной рекламой и продвижением корпоративного сайта, выпускал полиграфию». Такой вводный абзац позволяет избавиться от стены между читателем и героем материала и дает возможность найти общие точки с героем публикации. Он окончил вуз, работал, захотел уйти на свободный график — именно так объясняет автор, почему человек решил заняться бизнесом.

Далее автор отмечает, что герой однажды купил гамак в отпуске, когда был на Бали, а потом привез гамак в Россию и стал часто брать его на дачу, на прогулки в парк и т.д., а потом решил отшивать такие гамаки в Подмосковье, чтобы жители России тоже могли узнать, как удобно пользоваться гамаком. В тексте автор постоянно делает акцент на положительных качествах героя. Например, на его трудолюбии, ответственности и самоорганизованности: «Идею шить продукцию в Китае предприниматель сразу отмел — хотел контролировать все этапы производства и не ждать по месяцу, пока сделают и доставят партию. Наняв технолога-швейника, предприниматель довольно долго искал нужную ткань».

В материале «Вам покрышка: как шиномонтаж продает франшизу через Instagram» [17] рассказывается история молодого человека, который решил продавать в России подержанные покрышки. В этой истории автор также делает акцент на том, как герой пришел в бизнес. В отличие от прошлого примера, этот предприниматель не имеет высшего образования: «У 29-летнего москвича Игоря Ставенкова нет высшего образования. Сначала он учился в Российском государственном университете нефти и газа, затем в Московском финансово-юридическом университете, но в итоге бросил оба вуза. В 2010 году отец его друга предложил ребятам забрать старые покрышки. Молодые люди перевезли порядка 20 комплектов Анисимову в гараж, расклеили объявления и в итоге распродали все в течение месяца, заплатив 70% вырученных денег отцу Анисимова». Так читатель узнает о первых деньгах, которые заработал герой публикации. Затем в тексте рассказывается о том, что герой публикации решил скупать покрышки и перепродавать их через интернет. «В 2015 году мы стали активно работать с блогерами. У лидеров мнений было немало читателей, купивших дорогие автомобили, но не готовых тратиться на новые покрышки,— блогеров-девушек, спортсменов из организации Fight Nights и т.п. Мы получали по тысяче клиентов всего с одного поста». При написании бизнес-истории авторы часто акцентируют внимание на деталях, на трудностях, с которыми сталкивался герой публикации: это показывает его с человечной стороны.

На региональном уровне также есть успешные примеры описания предпринимательской деятельности. Издание «Деловой квартал — Екатеринбург» на своем сайте публикует материалы в формате «Свое дело», где рассказывает о малом и среднем бизнесе.

Например, в тексте «“Мы всегда в кредитах”. Как семейная агрофирма Урала стала снабжать весь регион вешенкой» [18] автор рассказывает о семье, которая сначала начала выращивать грибы в гараже, а сегодня построила целое производство, которое снабжает грибами весь Урал. В начале материала автор рассказывает о героях: «В начале 2000-х Елена Топоркова работала медсестрой в Каменске-Уральском, а ее супруг Олег — инженером на заводе. В семье было двое детей, на дворе кризис, зарплаты не хватало. Как-то летом супруг поехал в командировку на Украину, там и подсмотрели идею выращивать грибы».

Особенность всех вышеперечисленных материалов в том, что авторы акцентируют внимание не на деньгах, а на людях, которые их зарабатывают.

И особенно хотелось бы отметить текст «"В России наши игры в топе. Но бренд не знает почти никто". Два брата из Вологды сделали компанию Playrix и попали в список миллиардеров Bloomberg. Мы взяли у них первое большое интервью», который опубликовало издание Meduza. Это пример того, как успех российских молодых предпринимателей становится интересен населению, люди с удовольствием читают про то, как два брата, которые увлекались компьютерными играми, создали одну из крупнейших игровых компаний в мире. Их пример показателен, поскольку историю Игоря и Дмитрия Бухмановых рассказывали не только деловые издания, но и совершенно непрофильные СМИ. Их предпринимательский путь — настоящий пример успеха молодых ребят из небольшого российского города, которые пробились в список миллиардеров. «Мы росли как обычные дети из небогатых семей в Вологде. Папа у нас был ветеринаром — преподавал, работал на мясокомбинате»,— рассказывали предприниматели.

Такие истории, которые рассказывают СМИ, формируют позитивный образ предпринимательства: бизнес — это личная свобода, творчество, большой труд, не легкие деньги, эта деятельность, которая требует большого объема знаний и таких личных качеств, как целеустремленность, любопытство, решительность и т.д. В итоге читатель понимает, что предприниматель — обычный человек, у которого на старте были такие же возможности, как у большинства. «Гениальных идей у нас не было, и мы решили сделать игру… Наши родители сначала даже не верили, что мы зарабатываем что-то в интернете».

В историях малого и среднего бизнеса, которые сегодня рассказывают СМИ, нет места обману, криминалу или нечестно заработанным деньгам. Это большой шаг для формирования нового образа предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тард Г. Трансформация власти / Г. Тард // Социальные этюды.— СПб., 1902.

2. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман.— М., 2004.

3. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль.— М., 2008.

4. Мельник Г. С. Деловая журналистика / Г. С. Мельник, С. М. Виноградова.— СПб., 2010.

5. Виды деловой прессы России // Деловая пресса России: настоящее и будущее.— М., 1999.— С. 30–48.— Режим доступа: http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/delovpressa/1-grabelnikov.html (дата обращения: 28.03.2019).

6. Кузьмина Е. Е. Организация предпринимательской деятельности / Е. Е. Кузьмина, Л. П. Кузьмина.— М., 2013.

7. Милехина Т. Воротила, делец… предприниматель / Т. Милехина.— Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_22.html (дата обращения: 01.04.2019).

8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова.— М., 1939.

9. Бусыгин А. В. Предпринимательство / А. В. Бусыгин.— М., 2000.

10. Моцкобили И. Дядя Сэм, король универсамов / И. Моцкобили, Ю. Калашников.— Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/22292 (дата обращения: 01.04.2019).

11. Золотая сотня — 2004.— Режим доступа: https://www.forbes.ru/forbes/issue/2004–05/75910-zolotaya-sotnya-2004 (дата обращения: 01.04.2019).

12. Бизнес в России начиная с 90-х годов.— Режим доступа: https://echo.msk.ru/programs/niceninety/495052-echo/ (дата обращения: 28.03.2019).

13. Кравцев Д. 25 лет российского бизнеса / Д. Кравцев, С. Дворцова, А. Шершакова.— Режим доступа: https://expert.ru/russian_reporter/2013/22/25-let-rossijskogo-biznesa/ (дата обращения: 28.03.2019).

14. Быковский А. В. Малое предпринимательство в России: социальное измерение / А. В. Быковский.— М., 2006.

15. Катырин С.: бизнес заинтересован в деловой журналистике / С. Катырин.— Режим доступа: https://newizv.ru/news/economy/09–04–2019/sergey-katyrin-biznes-zainteresovan-v-delovoy-zhurnalistike (дата обращения: 10.04.2019).

16. Рудич К. Луна в рюкзаке: как фрилансер из Подмосковья наладил производство гамаков / К. Рудич.— Режим доступа: https://pro.rbc.ru/news/5cb4824d9a7947265541c052?from=center (дата обращения: 10.04.2019).

17. Шакирова М. Вам покрышка: как шиномонтаж продает франшизу через Instagram / М. Шакирова.— Режим доступа: https://pro.rbc.ru/news/5cb990949a79472318bd885e (дата обращения: 10.04.2019).

18. Тарханова Е. «Мы всегда в кредитах». Как семейная агрофирма Урала стала снабжать весь регион вешенкой / Е. Тарханова.— Режим доступа: https://ekb.dk.ru/news/my-vsegda-v-kreditah-kak-semeynaya-agrofirma-urala-stala-snabzhat-ves-region-veshenkoy-237108427 (дата обращения: 16.04.2019).

19. Мерзликин П. «В России наши игры в топе. Но бренд не знает почти никто» / П. Мерзликин.— Режим доступа: https://meduza.io/feature/2019/04/19/v-rossii-nashi-igry-v-tope-no-brend-ne-znaet-pochti-nikto (дата обращения: 22.04.2019).

Уральский федеральный университет
Тарханова Е. В., аспирант
E-mail: tarhunchek@mail.ru

Ural Federal University
Tarkhanova E. V., Postgraduate Sudent
E-mail: tarhunchek@mail.ru

УДК 070

МЕТОД, СТИЛЬ, ЖАНР И НАДЖАНРОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

В. В. Тулупов, Е. В. Тюрина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2020 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются понятия метода, стиля (публицистического стиля), жанра, наджанровых образований, а также такие явления, как диффузия и интерференция жанров. Показано, как частные методы проявляются в виде классических жанров (интервью, репортаж) и как они проявляются в других жанрах публицистики. Проанализированы тексты региональной прессы, которым присущи аналитический, репортажный, диалоговый, эссеистский, образный и сатирический характер публицистического стиля.*
Ключевые слова: *метод, стиль, прием, жанр, форма подачи, разновидности публицистического стиля.*

Abstract: *the article deals with the concepts of method, style (journalistic style), genre, supra-genre formations, as well as such phenomena as the diffusion and interference of genres. It is shown how private methods become classic genres (interviews, reportage) and how they manifest themselves in other genres of journalism. The authors analyze the texts of the regional press, which are characterized by analytical, reportage, dialogue, essayistic, figurative and satirical character of the journalistic style.*
Keywords: *method, style, technique, genre, form of presentation, varieties of journalistic style.*

Метод в журналистике — это путь познания текущей действительности конкретным журналистом или редакционным коллективом конкретного издания, призванного «писать историю современности». Это система законов, принципов, правил, литературных и дизайнерских приемов; и их совокупность ориентирует публицистов в решении определенной творческой задачи, в достижении определенного идеологического результата.

Журналист на всех этапах подготовки будущей публикации применяет как практические (наблюдение, сравнение, эксперимент), так и теоретические (моделирование, абстрагирование, анализ, синтез) методы, переплетение которых рождает особый *стиль*. То есть стиль — это не механический набор *приемов* (хотя с годами каждый журналист опирается на наиболее выигрышные из них), а комплексное, охватывающее аспекты содержания и формы явление, в основе которого и лежит метод, который может приобретать черты авторского.

В отличие от науки в журналистике особую роль играет эмпирика, и именно усиление роли эмпирических методов-операций и методов-действий[1] способствовали появлению таких направлений в современной прессе, как расследовательская журналистика и дата-журналистика.

Жанр в публицистике рассматривается как исторически сложившаяся, удостоверенная традицией и тем самым наследуемая совокупность определенных тем и мотивов, закрепленных за определенной художественной формой, связывающая их между собой узнаваемыми чувствами и мыслями. В научный оборот введено и понятие *формы подачи материалов* [1], могущей выступать в качестве предтечи жанра. То есть следует различать жанр — некую идеальную литературную норму, некий ориентир, позволяющий воспроизводить тексты определенного характера, и форму подачи материалов — более мобильную, связанную с современностью, модой систему организации информации. Иногда на базе устоявшейся формы подачи со временем создается даже некий жанр или его разновидность. Так в свое время обозначение нижней части полосы, называемой фельетоном (в российской терминологии — «подвалом»), перешло на один из жанров сатирической публицистики, а злободневные авторские тексты, размещаемые по краям газетных или журнальных полос, стали относить к жанру авторской колонки.

На наш взгляд, разделение жанров на группы происходило потому, что в ходе подготовки публикаций начинали доминировать различные частные методы: так теоретические методы[2] востребованы пре-

[1] Напомним, что к эмпирическим методам-операциям относят изучение литературы, документов и результатов деятельности; наблюдение; измерение; устный и письменный опросы; экспертные оценки; тестирование; к эмпирическим методам-действиям — обследование, мониторинг, обобщение опыта; эксперимент; прогнозирование.

[2] К теоретическим методам-операциям относят анализ, синтез, сравнение и др.; к теоретическим мето-

© Тулупов В. В., Тюрина Е. В., 2020

жде всего в аналитических жанрах, и, как правило, авторы корреспонденций и статей применяют весь их арсенал. Публицисты, следуя фактам, выражая к ним определенное отношение, стремясь преодолеть неопределенность информации и применяя образное начало, создают оригинальные произведения в рамках *публицистического стиля*. При этом выделяются такие его разновидности, как *аналитический, репортажный, диалоговый, образный, эссеистский и сатирический* стили. Это становится возможным потому, что, например, интервьюирование как метод используется не только в жанре интервью, но и во многих других жанрах публицистики, что репортажность как метод применяется не только в классических репортажах, но и в других публицистических текстах как наджанровое образование [2]. Дуализм наблюдается и в случаях с аналитизмом (корреспонденция, статья, комментарий), образностью (очерк), эссеизмом (эссе) и сатиричностью (фельетон, памфлет).

Обратимся за примерами к региональной прессе. Так, материал «Четыре года в аду», вышедший в «Московском комсомольце в Воронеже»по своей природе соответствует жанру очерка в его привычной трактовке в отечественной теории публицистики: автор осмысливает положение героини публикации, демонстрирует его специфические характеристики, ведя при этом повествование в репортажном стиле. Описывая внешность женщины и ее быт, журналист отмечает: «Оля сидит в небольшой комнате с видом на водохранилище. На ней — вишневый объемный свитер, темные брюки, седеющие волосы собраны в хвост. Рядом — с плюшевой обезьянкой в руках кружится четырехлетняя дочка Снежана» [3]. В данном случае репортажный прием выступает инструментом, позволяющим создать в тексте предельную наглядность, которая, в свою очередь, помогает погрузить аудиторию в описываемый фрагмент действительности.

Другой пример — проявление диалогового стиля — можно наблюдать в репортажно-очерковом материале «Старики заказывают волонтерам продукты, лекарства и… сено» еженедельника «МОЁ! Плюс» [4]. Через диалог волонтеров, которые привозят домой пенсионерам продукты и лекарства, и пожилого мужчины автор дает возможность проследить реакцию объектов наблюдения, прожить эмоции, испытанные участниками ситуации, осмыслить поведенческие особенности героев. Он пишет: «“А это вам от нас подарок — тортик, у вас же завтра юбилей”,— протягивает пенсионеру кондитерский десерт Мария. От неожиданности Владимир Васильевич расплакался. “Ой, спасибо, девочка… Да не надо было”,— смущенно говорит он».

В корреспонденции «“МОЁ!” нашла свидетеля, как депутат резал колеса немецким путешественникам» [5] автор в эссеистской манере излагает взгляд на ситуацию, связанную с действиями депутата облдумы Сергея Почивалова, который в день ВДВ, предположительно, порезал колеса немецким туристам: «Прикидываю, что могло бы грозить депутату Воронежской облдумы Сергею Почивалову, окажись на месте немецких пенсионеров-путешественников какой-нибудь наш, например, прокурор»; «Я уже говорила, что депутат Сергей Почивалов в этой истории все-таки проявился — на сайте государственного телеканала. По-нашему, по-репортерски, значит “озвучил свою версию событий”»; «Я говорила, что эта история печальная. Но нет, неправильное слово. Она — гадкая» и т.п.

Эссеизм может проявляться и в информационных жанрах — например в событийном репортаже. В «Непрямом репортаже», опубликованном в газете «Воронежский курьер» [6], прослеживается ярко выраженное авторское «Я», проявление которого обеспечивает эссеистский метод. Вот характерные фрагменты материала: «Если бы меня спросили, каким звуком запомнился праздник, я бы ответила — шумом барражирующего вертолета»; «Если бы поинтересовались, какое правило стало главным, я бы сказала — запретов не было, делай что хочешь. Вроде бы знала памятку для СМИ наизусть: прибыть в медиапункт за час, стоять только в отведенной зоне, не снимать бедж с голограммой, говорить с факелоносцем не больше минуты» и т.д.

И все же эссеистский стиль чаще всего проявляется в авторских колонках либо может применяться в разножанровых материалах том случае, когда мнение автора, его позиция, реакция на событие или ситуацию актуальнее для аудитории, чем информационная составляющая. То есть когда имеем дело с «журналистикой мнений». Безусловно, далеко не каждый автор использует такой метод и далеко не каждый материал требует подобного подхода. Но хотя эссеизм используется современными журналистами избирательно, он всегда играл и продолжает играть значимую роль в отечественной публицистике. Эссеистский стиль является попыткой автора понять и представить происходящие процессы (а также событие или ситуацию) в обществе через себя, обозначить собственную позицию по исследуемому вопросу (выступает носителем психоэмоционального состояния, убеждений, переживаний и пр.) и за счет этого в каком-то смысле может «сверить часы» с аудиторией. Таким образом, автор как субъект высказывания провоцирует аудиторию на дискуссию, на осмысление описанных процессов, на осмысление себя в контексте действительности, побуждая ее к со-участию.

Заметим, что указанные публикации опираются сразу на несколько методов публицистики: например в материале «Четыре года в аду» прослеживается

дам-действиям — доказательство, индукцию, дедукцию, постановку проблем, построение гипотез и др.

аналитический, диалоговый, образный и репортажный стили. Текст «Старики заказывают волонтерам продукты, лекарства и… сено» обладает помимо диалогового также репортажным и образным стилем, а материал «“МОЕ!” нашла свидетеля, как депутат резал колеса немецким путешественникам» содержит элементы аналитизма и диалогизма. И подобные ситуации, когда в одном тексте могут сочетаться сразу несколько методов, позволяют говорить нам о таком понятии, как *жанровая интерференция*.

В публицистике под интерференцией следует понимать проникновение публицистических методов, характерных для определенных жанров, в жанры, которым данные приемы не были раньше свойственны или не проявлялись в них перманентно. Такое определение схоже с интерпретацией понятия *«жанровая диффузия»*, которое также предполагает изменение состояния сложившегося жанра под воздействием проникающих в него элементов другого жанра. Чаще всего речь идет об интеграции репортажности в очерк и корреспонденции, интервью — в отчет, отчета — в репортаж. Видимо, поэтому исследователи журналистики нередко относят один и тот же текст к разным жанрам.

Например, на портале РИА «Воронеж» вышел материал «Петр Мамонов в Воронеже: “Перед операцией на сердце попрощался с жизнью, а случился облом”» [7] о творческом вечере музыканта. Во время выступления герой материала общался со зрительным залом, и журналист записал самые яркие высказывания, а затем изложил их в монологичной форме в публикации. То есть визуально текст напоминает монологичное интервью, и потому его можно было бы отнести именно к этому жанру. Но в то же время мы видим, что в основе текста лежит событие, зафиксированное во времени и пространстве, и автор об этом сообщает в лиде публикации: «Встречу он поделил на два отделения: в первом исполнил с десяток песен под гитару, во втором, вооружившись стопкой черновиков, читал стихи, разбавляя их историями из жизни и ответами на вопросы зрителей. Самые яркие монологи артиста — в материале РИА “Воронеж”». То есть говорить о возникновении преднамеренного диалога между героем и журналистом мы не можем — журналист здесь скорее лишь фиксирует действительность. А потому можно полагать, что данный текст относится к одной из разновидностей отчетов.

При подготовке публикации «Все про опыт — о возрасте ни слова. Как 51-летний журналист РИА “Воронеж” искала работу» [8] применен репортажный метод, и текст можно было бы определить в репортажную подгруппу, однако по жанрообразующим признакам его материал было бы логичнее отнести к аналитическому жанру, к корреспонденции, так как в нем осмыслена конкретная ситуация, сложившаяся на рынке труда: найти работу 50-летнему человеку сложно. А потому можно говорить о том, что в этом материале проявляется репортажность как наджанровое образование, о котором мы говорили выше.

То есть мы видим, что диффузия в публицистике фактически приводит к трудностям в определении жанровой принадлежности публикации. И потому, на наш взгляд, можно говорить о том, что диффузия, интерференция способствуют не столько размытию жанровых границ, сколько их масштабированию, т.е. границы жанров становятся шире.

Есть, разумеется, и другой подход: когда исследователи, понимая, что жанровая теория претерпевает изменения, стремятся вывести новые жанровые подвиды. Например, исследователь Е. Зеленина [9] использует такое понятие, как «портретный репортаж», рассматривая публикации, в которых отображен герой репортажным методом. Речь идет прежде всего об очерковых материалах. И такой подход, безусловно, имеет право на существование, так как он помогает в осмысливании процессов, происходящих в современной журналистике. Однако нам ближе другая концепция, которая предполагает более широкое понимание жанров, чем это возможно при опоре на жанрообразующие признаки.

Примечательно, что подобное интерференционное, диффузийное явление встречается не только в медиатекстах. Например, публикации Юрия Роста, Василия Пескова нельзя отнести к чисто литературным или к чисто изобразительным жанрам. В одних случаях доминирует текст, в других — изображение (фотография/-и), в-третьих — материал может представлять собой неразрывную словесно-визуальную ткань.

В 70-е годы прошлого века в молодежных газетах (например, в «Комсомольской правде», в областной молодежной газете Башкирии) активно использовалось *сопровождение жанровой или этюдной фотографии поэтическим или лирическим прозаическим текстом*. Такая форма подачи применялась в случаях, когда и фотография, нередко становившаяся зрительно-смысловым центром полосы, и «текстовка», включавшая недокументальное изображение в публицистический контекст, обладали несомненными художественными достоинствами.

Рассматривая публикации в сетевых изданиях, нельзя не упомянуть о *конвергенции*, в которую на сегодняшний день вовлечено большинство редакций региона[3]. Е. А. Баранова определяет конвергенцию как «процесс в современной медиаиндустрии, начавшийся во второй половине 1990-х годов, когда СМИ стали создавать свои интернет-версии; он связан с техническими достижениями в области передачи и хранения информации и приводит к слиянию ра-

[3] К конвергентным редакциям мы относим «МОЁ!», «Комсомольскую правду — Воронеж», АИФ-Черноземье», РИА «Воронеж», «Берег», «Блокнот-Воронеж» и др.

нее различных СМИ (на базе интернет-платформы и (или) конвергентной редакции), отделов и подразделений медиакомпании с целью совместного производства контента и тиражирования его на разных медиаплатформах; он привел к появлению новых видов СМИ, новых форм предоставления контента, а также к глобальным изменениям, происходящим на всех стадиях от создания до распространения контента и поискам иных моделей развития медиабизнеса» [10]. На практике это означает, что конвергентные редакции на сегодняшний день владеют колоссальным количеством инструментов, которые позволяют им решать любые творческие задачи. Например, если в холдинг входит сайт, газета, телевидение и/или радио, репортаж на одну тему может быть представлен во всех видах СМИ: как телевизионный сюжет, мультимедийный текст или, например, трансформироваться в глубоко проработанный аналитический материал для газеты. При этом контент, подготовленный для одной площадки, может быть интегрирован в другую.

И такой пример конвергентной интерференции мы видим в материалах «Комсомольской правды — Воронеж» о взрыве машины главы Рамонского района Николая Фролова [11–12]. Публикациям, которые были подготовлены журналистами с места события, предшествует новость на сайте издания, в которой отражен лишь факт взрыва. В последующих текстах журналисты уже объясняют подробности происшествия, при этом важно заметить, что в материале «Раненного во время покушения главу района под Воронежем прооперировали» журналисты для решения профессиональной задачи прибегают к мультимедийным технологиям. Например, описания места происшествия и эмоций очевидцев, которые свойственны и необходимы репортажу, заменяют фотографии и видео (синхрон с соседкой главы района и видеосъемка с места покушения). Текст дополнен подкастом «Возвращение 90-х: покушение на главу района под Воронежем» — фрагментом прямого эфира на радио «Комсомольская правда» — в котором журналист Станислав Шевченко ведет радиорепортаж с места события. На наш взгляд, такая форма организация репортажного материала довольно эффективна, так как она позволяет аудитории потреблять информацию дозированно, а также предоставляет ей выбор — прочитать только текст, посмотреть видео, послушать подкаст или ознакомиться со всеми компонентами. Более того, по нашему мнению, видео, снятые на месте происшествия, позволяют аудитории собственными глазами увидеть место события, а значит, обеспечивают более ярко выраженный «эффект присутствия», подчеркивают сильнее достоверность сведений, чем описания автора в канонических репортажах. Заметим также, что репортаж на эту же тему вышел в газете «Комсомольская правда — Воронеж».

Влияние интерференции мы видим и в лонгриде «Погружение в воронежское море. Легенды и тайны водохранилища» [13], в котором редколлегия «КП-Воронеж» обстоятельно рассказала о «секретах» воронежского водохранилища. И здесь мы тоже видим, как интерференция обеспечивает взаимосвязь словесно-визуальной формы: лонгрид построен на колоритных фотоиллюстрациях, видео, некоторые разделы открывает анимированная обложка, встречается инфографика. И при этом текст в нем обладает информационно-публицистической ценностью. В данном случае удачная взаимосвязь, взаимопроникновение визуально-речевых методов постижения действительности позволяет сформировать у аудитории целостную картину осмысливаемого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Жанры и формы подачи материалов в газете / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Воронеж.— 2010.— № 1–2.— С. 36–38.

2. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева.— Воронеж, 1975.

3. Тюрина Е. Четыре года в аду / Е. Тюрина // Московский комсомолец в Воронеже.— Режим доступа: https://vrn.mk.ru/articles/2017/05/25/v-voronezhe-zhenshhina-proshedshaya-cherez-domashnee-nasilie-nashla-podderzhku-v-priyute.html (дата обращения: 12.03.2020).

4. Писаненко О. Старики заказывают волонтерам продукты, лекарства и… сено / О. Писаненко// МОЁ! Плюс.— Режим доступа: https://plus.moe-online.ru/paper/1326/12206 (дата обращения 10.06.2020).

5. Тельпис Т. «МОЁ!» нашла свидетеля, как депутат резал колеса немецким путешественникам / Т. Тельпис // МОЁ! Online.— 2019.— 15 авг.— Режим доступа: https://moe-online.ru/news/control/1041920 (дата обращения: 19.03.2020).

6. Рузанова Е. Непрямой репортаж / Е. Рузанова // Воронежский курьер.— 2014.— 21 янв.

7. Трубчанинова Н. Петр Мамонов в Воронеже: «Перед операцией на сердце попрощался с жизнью, а случился облом» / Н. Трубчанинова // РИА «Воронеж».— 2020.— 17 марта.— Режим доступа: https://riavrn.ru/news/petr-mamonov-v-voronezhe-pered-operatsiey-na-serdtse-poproshchalsya-s-zhiznyu-a-sluchilsya-oblom/ (дата обращения: 19.06.2020).

8. Тарасова С. Все про опыт — о возрасте ни слова. Как 51-летний журналист РИА «Воронеж» искала работу / С. Тарасова // РИА «Воронеж».— 2018.— 25 сент.— Режим доступа: https://riavrn.ru/news/vse-pro-opyt-o-vozraste-ni-slova-kak-51-letniy-zhurnalist-ria-voronezh-iskala-rabotu/ (дата обращения: 10.05.2020).

9. Зеленина Е. В. Портрет героя: ценностно-смысловые и творческие аспекты / Е. В. Зеленина // Вопросы теории и практики журналистики.— 2014.— № 2.— С. 33–52.

10. Баранова Е. А. Трансформация института СМИ в условиях медиаконвергенции / Е. А. Баранова // Коммуникология.— 2016.— № 3.— Режим доступа: https://cyberleninka.

ru/article/n/transformatsiya-instituta-smi-v-usloviyah-mediakonvergentsii (дата обращения: 18.05.2020).

11. Козлов Ю. Раненного во время покушения главу района под Воронежем прооперировали / Ю. Козлов, С. Шевченко, Ю. Диденко // Комсомольская правда — Воронеж.— 2019.— 26 дек.— Режим доступа: https://www.vrn.kp.ru/daily/27073.4/4143161/ (дата обращения: 19.03.2020).

12. Шевченко С. Покушение на главу района в Воронежской области: что известно к этому часу / С. Шевченко, Ю. Диденко // Комсомольская правда — Воронеж.— 2019.— 26 дек.— Режим доступа: https://www.vrn.kp.ru/daily/27073/4143359/ (дата обращения: 19.03.2020).

13. Погружение в воронежское море. Легенды и тайны водохранилища // Комсомольская правда — Воронеж.— Режим доступа: https://www.kp.ru/best/vrn/voronezhsea/ (дата обращения: 19.03.2020).

Воронежский государственный университет

Тулупов В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики

E-mail: vlvtul@mail.ru

Тюрина Е. В., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: alenatuyrina@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Public Relations, Advertising and Design Department, Dean of the Faculty of Journalism

E-mail: vlvtul@mail.ru

Tyurina E. V., Postgraduate Student of the of Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: alenatuyrina@mail.ru

УДК 654.19 (091) (479.6)

КОНТРОЛЬ НАД МЕСТНОЙ ПРЕССОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1917–1938 ГГ.)

Л. А. Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук

Поступила в редакцию 25 апреля 2020 г.

Аннотация: *система журналистики автономий Северного Кавказа сложилась под непосредственным контролем большевистской партии как важнейшее средство идеологического обеспечения режима. В силу того, что край был многонациональным, отличался неравномерностью экономического, политического и культурного развития отдельных регионов, формы и методы партийного руководства средствами массовой информации в крае имели свои особенности. Нехватка квалифицированных специалистов не позволяла создать в национальных областях фискальную систему контроля над идеологической сферой, поэтому надзорными функциями наделялись органы, совершенно далекие от журналистики.*

Ключевые слова: *история журналистики Северного Кавказа, цензурная политика большевистской партии.*

Abstract*: the journalism system of the autonomies of the North Caucasus has developed under the direct control of the Bolshevik party as the most important means of ideological support for the regime. Due to the fact that the region was multinational, it was characterized by uneven economic, political and cultural development of individual regions, the forms and methods of party leadership of the media in the region had their own peculiarities. The lack of qualified specialists did not allow creating a fiscal system of control over the ideological sphere in national areas. Therefore, Supervisory functions were assigned to bodies that were completely removed from journalism.*

Keywords: *history of journalism in the North Caucasus, censorship policy of the Bolshevik party.*

В автономиях Северного Кавказа в годы строительства социализма зародились национальные пресса, радиовещание, определились основные формы и методы работы коллективов редакций, были созданы национальные кадры журналистики. В течение первых пятилеток сформировалась система средств массовой информации и пропаганды, которая в дальнейшем все совершенствовалась. Новая власть поставила под особый контроль вопросы развития письменности, создания национальной прессы и литературы малых народов. На важность этой задачи указал VIII съезд РКП(б), в резолюции которого говорилось: «Национальная пресса в особенности требует усиления партруководства и укрепления политически выдержанными партработниками-журналистами» [1, 257].

Процессы развития журналистики в национальных областях имели свои закономерности и особенности как в становлении системы и типа изданий, так и в содержании выступлений печатных органов. Связано это было со многими факторами. Во-первых, к началу социалистического строительства Северный Кавказ отличался не только пестротой национального состава, но и неоднородностью экономического, социально-политического и культурного развития различных районов, что требовало особого подхода в деятельности по привлечению на сторону советской власти каждого из народов. Во-вторых, северокавказские народы не имели своей функционирующей письменности, а подавляющее большинство горцев не владело русским языком. Значит, большевистская пропаганда не могла быть эффективной в условиях края. Как утверждает А. Антонов-Овсеенко, «…большевики, безусловно, отдавали себе отчет в том, что без обеспечения превосходства на информационном поле оставался серьезный риск потери всех прочих организационно-политических завоеваний» [2, 278].

Вот почему становление национальной прессы, как, впрочем, и всей печати в стране, протекало под пристальным вниманием большевистской партии, которая обладала монополией на все средства массовой информации и пропаганды. Как отмечает историк северокавказской журналистики З. Хуако: «В мероприятиях по усилению влияния на печатные органы национальных республик и областей уделялось особое внимание формированию специального аппарата, призванного осуществлять политическое руководство многонациональной советской печатью. Для улучшения национальной печати в резолюции XII партийного съезда предусматривалось

© Турпалов Л. А., 2020

усиление контроля и инструктирования газет национальных меньшинств со стороны Агитпропотдела ЦК РКП(б). Созданием еще в ноябре 1921 года подотдела печати при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б), а также регулярным выпуском журнала "Красная печать" было положено начало единому руководству партийными печатными органами, инструктированию и информированию местных периодических изданий, обобщению и распространению положительного опыта в деятельности прессы» [3, 35].

Для получения достоверных сведений о состоянии печатной пропаганды в тех или иных республиках и областях подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) проводил анкетирование путем рассылки специальных «анкет печати» в местные партийные организации. В анкетах давались сведения о газетах и других периодических изданиях, такие как количество печатных органов, обеспечение редакций постоянными журналистскими кадрами и их материальное положение, наличие корреспондентской сети и связь с авторами, местными организациями и учреждениями, фабриками и заводами, а также с крестьянством, типографская база, снабжение бумагой и финансовыми средствами, рентабельность печатно-издательского дела, регулярность и периодичность выпуска, соотношение количества газетных публикаций, подготовленных собственными силами, и материалов РОСТА и его местных отделений, тиражи и т.д. В анкетах большое место отводилось анализу деятельности подотделов печати.

Так, в 1922 г. подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) провел анкетирование в Кубано-Черноморской и Терской областях, на территориях которых до предоставления им автономии проживали народы Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Используя «анкету печати», ЦК партии изучал состояние печатной пропаганды среди горских трудящихся, намечал пути развития печати на языках северокавказских народностей [3, 36].

Эту же тенденцию выделяет и Х. Текеева в своей диссертации, посвященной вопросам становления системы журналистики в крае: «Административно-командная система не могла допустить никаких отклонений от ее указаний, тем более что газеты были едва ли не единственным источником формирования мировоззрения масс. Не случайно в начале двадцатых годов при всех партийных комитетах были созданы отделы или подотделы печати, которые осуществляли идейное руководство и партийный контроль над всеми периодическими изданиями региона. Они инструктировали редакции газет и журналов, определяли основные направления их деятельности в период важнейших политических и хозяйственных кампаний, осуществляли партийное руководство рабселькоровским движением» [4, 46].

Первый декрет Советской власти, принятый через день после октябрьского переворота, был посвящен именно печати. В нем было заявлено, что «…как только новый порядок упрочится,— всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [5, 25]. «Новый порядок» упрочился после победоносной для большевиков Гражданской войны, но обещанная «полная свобода» для печати так и не появилась — напротив, цензура усилилась. Особенно в национальных районах, где Советская власть не имела такой же поддержки, как в промышленных центрах. В силу того, что еще не сложилась фискальная система контроля над идеологической сферой, порой надзорными функциями наделялись органы совершенно далекие от журналистики, литературы, искусства. На разных этапах установления диктатуры большевиков эту роль выполняли даже военно-революционные комитеты, военные ведомства.

В 1920–1921 гг., отмечает М. Каражаева, Владикавказскому отделу народного образования были даны полномочия цензурного ведомства фактически на всей территории Горской АССР [6, 54]. Газета «Коммунист» в связи с этим писала: «По постановлению Ревкома Терской области, ни одна газета, ни одна пьеса в театре и картина в кинематографе не может появиться без предварительного просмотра их представителями Отдела народного образования» [7]. Однако сам отдел, где заведующим литературного подотдела был известный впоследствии писатель М. Булгаков, считался у местных большевиков политически ненадежным. Сотрудники отдела часто становились объектом критики за «непролетарскую» оценку театральных представлений, публикаций в прессе. Так, Булгакова за выступление на диспуте «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения» 29 июня 1920 г. во владикавказском Доме артиста обвинили чуть ли не в контрреволюционности в газете «Коммунист» [8]. Такого рода публикации привели к тому, что вскоре все заведующие подотделами были уволены [6, 55].

Цензурный режим в крае заметно ужесточился, когда по декрету Совнаркома 6 июня 1922 г. в структуре республиканской власти был создан Горский литературный отдел (Горслит), который руководствовался «Военно-цензурными установлениями Горской республики». На отдел возлагался «внимательный просмотр всех произведений как рукописных, так и печатных изданий, периодических и непериодических, снимков и рисунков. На всех произведениях печати должна была быть виза Главного управления по делам литературы и издательства» [6, 63].

Исследователь прессы Северного Кавказа М. Каражаева в своей диссертации приводит текст документа, подписанного начальником Горского отдела ГПУ

А. Емельяновым и направленного в литературный отдел Наркомпроса ГАССР. В нем говорится: «Горский отдел ГПУ предписывает вам не допускать в прессу заграничной информации помимо РОСТА, которое используется для этого всеми средствами связи. За допущение в прессу сведений, получаемых местными радиостанциями, и их самовольное распространение виновные будут привлекаться к законной ответственности» [6, 66]. Инакомыслие пресекалось на корню.

Принципы партийного руководства прессой обусловливались положением правящей партии, которая формулировала свою политику в программных документах, декларациях и лозунгах и проводила ее в жизнь посредством печати. Отсюда трактовались упрощенно принципы взаимодействия печати с партийными комитетами, причем рассматривая печатные органы как некие «приводные ремни» от партии к массам. Пресса в национальных образованиях, созданная с самого начала как партийно-советская, выводилась из-под влияния Советов, профсоюзов, других учредителей. Им оставлялось материально-техническое снабжение, экономическое и финансовое обеспечение периодических изданий и отводилась роль снабженцев.

Национальная пресса стала превращаться в мощное орудие пропаганды идей социализма среди народностей России, играла огромную роль в укреплении диктатуры большевистской партии. Система авторитарной журналистики выстраивалась по вертикали от центральных изданий до многотиражной печати. Орган, находящийся в вертикали на верхней ступеньке, выполнял одновременно и роль цензора по отношению к нижестоящим. Как подчеркивает исследователь журналистики первых лет советской власти Н. Тобольцева: «В сформированной вертикальной структуре периодики, встроенной на соответствующих уровнях в иерархическую партократическую систему, центральные издания занимали высшую ступень и практически составляли единое целое с властью» [9, 29].

Следует заметить, что в этой системе важную роль играла районная и низовая пресса. В национальных окраинах центральные и областные издания практически не распространялись из-за массового незнания русского языка. Так, в Урус-Мартановском районе, самом крупном в Чеченской области, в 1933 г. распространялись два экземпляра «Правды», 65 — «Серло» («Свет»), 38 — «Грозненского рабочего» и 5 — краевой газеты «Молот»[10, 156], а выходящие на родных языках местные газеты были доступны горцам как по содержанию, так и пониманию. Однако постановка районного и многотиражного сегмента печати встретилась в национальных регионах с большими трудностями. Если к концу первой пятилетки проблема журналистских кадров в областных городах в основном была решена, то в районной и низовой печати положение оставалось все еще тяжелым. Развитие периодических изданий на языках народностей требовало новых и новых сотрудников.

Поэтому большевистские партийные организации развивали низовую печать под пристальным контролем. В роли наставников в проведении линии партии в местной печати часто выступали центральные и региональные профессиональные журналы. Они отражали на своих страницах дух партийной политики в области печати, трактовали партийное руководство прессой как жесткий диктат. Так, анализируя данные выборочного обследования районных национальных газет, журнал «Революция и национальности» отмечал их «значительное неблагополучие» и сетовал: «Весьма значительная часть (до 20 процентов) районных национальных газет плохо борется за коллективизацию сельского хозяйства, не понимает, а часто даже искажает задачи классовой борьбы в национальной деревне, не ведет нужной борьбы на два фронта против уклонов от генеральной линии партии. Справляются с этими задачами лишь немногие национальные районные газеты — до 15 процентов» [11, 99].

В соответствии с вертикальной структурой большевистской партократии, руководящая роль по отношению к районной и многотиражной прессе принадлежала и областным изданиям. Так, орган Чеченского обкома партии «Грозненский рабочий» посвятил развитию районной и фабрично-заводской прессы передовую статью «Низовую печать — на уровень задач второй пятилетки», в которой указывалось, что «укрепление и дальнейшее развитие фабрично-заводской печати немыслимо без усиления партийного руководства низовой печатью» [12]. В обзоре «В полосе докладов» «Грозненский рабочий» дал анализ деятельности районной газеты «Сунженский колхозник». «В громких широковещательных призывах газета недостатка не имеет,— пишет орган обкома ВКП(б).— А вот найти на ее страницах хотя бы признак организаторской работы — будет труднее» [13]. Газета наставляла: только улучшение связи с массами, широкое участие селькоров сможет повысить качество содержания выступлений «Сунженского колхозника». Областная чеченская газета «Серло» также активно способствовала развитию низовой печати, регулярно размещая на страницах критические обзоры и рецензии. В одном из обзоров «Серло» были проанализированы материалы газет «Колхозхо» («Колхозник») Урус-Мартановского района и «ЦIен ламанхо» («Красный горец») Шатоевского района. Редакция дает рекомендации, как улучшить содержание районных газет, указывает на важность регулярности выхода [14]. Эта форма контроля над низовой прессой со стороны областных изданий была характерна для всего края.

Сеть низовых и районных газет в течение 1930–1936 гг. была создана во всех автономных областях и республиках страны. Конечно, эта деятельность

направлялась большевистскими партийными организациями. Деятельность обкомов по организации и развитию районной и низовой печати была неоднократно предметом обсуждения Северо-Кавказского крайкома. В постановлении «О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей», принятом в марте 1931 г., крайком обязывал редакции областных газет оказывать систематическую поддержку национальным районным газетам [15, 23].

Бюро Чеченского обкома партии в 1932 г. рассмотрело вопрос «О состоянии районной печати». Обком отметил недостатки районных газет, обязал областные органы оказывать широкую помощь районным газетчикам в налаживании выпуска местных изданий [16].

Вся система советской прессы была тотально подчинена большевистской партии и служила пропаганде одной идеологии — коммунистической. «Заложенные с ноября 1917 г. в Декрете о печати временные положения о чрезвычайных мерах по отношению к прессе в условиях командно-административной системы руководства и культа личности стали постоянными, больше того, они получили дальнейшее развитие» [3, 67],— справедливо отмечает З. Хуако. Игнорировалась, в частности, установка о том, что «стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых». Складывалась такая ситуация, когда «в пределах абсолютно необходимых» не было пределов. Установленные декретом «всякие административные воздействия на печать» не прекращались, а, напротив, наращивались, хотя их отмена предусматривалась «по наступлении нормальных условий общественной жизни» [5, 25]. Так и не восторжествовала обещанная печати «полная свобода».

Установив монополию на идеологию, партия стала формировать систему подготовки журналистских кадров, в том числе и национальных, ориентированных только на поддержку советской власти. В постановлении «Об улучшении партруководства печатью» (03.10.1927) ЦК предложил «усилить привлечение в Государственный институт журналистики слушателей из нацреспублик и областей, а также расширить практику организации журналистских отделений в нацкомвузах» [10, 156]. Указывалось также на то, чтобы в короткий срок разработать план профессионального образования работников печати, важным звеном которого являлось налаживание учебы журналистов на местах. «Единственным ответом на вопрос, откуда взять работников, может быть только подготовка работников печати на местах,— писал журнал «Красная печать».— Сами места, сама национальная печать должны взяться за эту работу» [17, 16].

По директивам Центрального комитета областные партийные организации значительно расширили сеть курсов работников печати, увеличили состав их слушателей. В начале 1930-х гг., в связи с созданием районных, фабрично-заводских газет и организации в райцентрах типографий, возросла потребность в рабочих-полиграфистах. Поэтому были созданы новые и расширены уже действующие полиграфические школы ФЗУ. В решении президиума Северо-Кавказского нацсовета от 14 марта 1932 г. говорилось: «Считать необходимым организацию краевой полиграфической национальной школы ФЗУ путем расширения контингента учащихся адыгейской национальной полиграфической школы до 120 человек. Возложить на нее подготовку квалифицированных рабочих, полиграфистов для всех национальных областей края» [18]. Кроме того, учебные заведения Москвы, Ростова-на-Дону, Баку выделили места для представителей народностей Северного Кавказа.

В условиях большевистской партократии массмедиа выполняли роль важнейшего инструмента манипулирования массовым сознанием, в установлении тотального контроля партии в сфере идеологии. Поэтому нельзя оправдывать деятельность большевистских СМИ, в том числе и местных, по формированию в массах негативного отношения к национальным традициям, религии, по формированию культа личностей большевистских лидеров, оправданию репрессий, развязанных партией против граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. О печати: Резолюция XIII съезда РКП(б), 23–31 мая 1924 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986).— 9-е изд., доп. и испр.— М.: Политиздат, 1984.— Т. 3.— С. 254–261.

2. Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. … д-ра филол. наук / А. А. Антонов-Овсеенко.— Тверь, 2013.

3. Хуако З. Ю. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.): дис. … д-ра ист. наук / З. Ю. Хуако.— М., 1991.

4. Текеева Х. А. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.): дис. … канд. филол. наук / Х. А. Текеева.— М., 2003.

5. Декрет о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты советской власти. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г.— М.: Госполитиздат, 1957.— Т. 1.— С. 24–25.

6. Каражаева М. Б. Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис. … канд. филол. наук / М. Б. Каражаева.— СПб., 2003.

7. Коммунист.— 1920.— 17 апр.

8. Коммунист.— 1920.— 30 июня.

9. Тобольцева Н. М. Тоталитаризм и журналистика /

Н. М. Тобольцева.— М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики, 2004.

10. Об улучшении партруководства печатью: Постановление ЦК ВКП(б), 3 октября 1927 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов.— М.: Мысль, 1972.
11. Революция и национальности.— 1931.— № 5.
12. Грозненский рабочий.— 1933.— 10 янв.
13. Грозненский рабочий.— 1934.— 20 апр.
14. Серло (Свет).— 1934.— 15 янв.
15. Партработник Северного Кавказа.— 1931.— № 9.
16. Партийный архив Чечено-Ингушского обкома КПСС. Ф. 241, оп. 1, д. 79, л. 65.
17. Красная печать.— 1925.— № 16.
18. Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР. Ф. 158, оп. 1, д. 1143, л. 1–2.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук

Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований

E-mail: turpalov@list.ru

The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher

E-mail: turpalov@list.ru

УДК 802.0

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ НАУЧНО-ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 мая 2020 г.

Аннотация: *данная статья затрагивает некоторые проблемы демаркации научно-журналистского текста и традиционного научно-популярного текста, а также базовые проблемы разграничения поэтики медийных и научных текстов, взятых в контексте антропологической парадигмы презентации (репрезентации) научной картины мира в массовом сознании. Сделан вывод о важности учета идиолектов профессиональных журналистов и авторов-популяризаторов из других «цехов».*
Ключевые слова: *медийный текст, научно-журналистский текст, научно-популярный текст, идиолект, презентация и репрезентация, популяризация, истина.*

Abstract: *the article deals with some aspects of delineation and demarcation in Science journalistic texts and traditional popular Science texts, connected with media texts and Scientific texts differentiation. All textual peculiarities are scrutinized in the context of anthropological paradigm in mass world outlook via symbolic presentation and representation of Scientific model of reality. The conclusions are drawn about necessity of taking into account of idiolect impact on journalistic texts and the works of popularizers from other «shops».*
Keywords: *media text, Science journalistic text, popular Science text, idiolect, presentation and representation, popularization, truth.*

Первичное представление о природе научно-популярных текстов и начало многовекового разговора о данном аспекте старой темы уходит корнями в споры о типах текстов в истории культуры. Сегодня журналистское отображение проблем науки как стремительно меняющейся духовной сферы и важнейшего социального института прямо или косвенно связано с наличием теоретических противоречий между изучением (например, в науке о СМИ и коммуникативистике) корпуса медийных текстов (МТ) и историко-культурным изучением корпуса строго научных текстов (НТ), традиционного объекта общенаучной метатеории, и в то же время области, где сошлись интересы методологии наук о массмедиа, теории журналистики и культурософии.

Цель данной статьи — проанализировать, исходя из естественного разделения и демаркации («делинеации») собственно научных текстов (НТ, **Scientific text**) и научно-журналистских текстов (НЖТ, **Science journalist text, Science journalism**), посвященных жизни ученых и анализу научной деятельности, описанию событий в научном мире и т.п., причем только часть, хотя и значительная часть из научно-журналистских текстов, являются НПТ, ибо не все тексты в данной сфере рассчитаны на широкую публику, они могут быть адресованы коллегам из смежных отраслей знания. В то же время часть НПТ является околонаучным или квазинаучным дискурсом, не претендующим на точность и качество интерпретации сложных вопросов,— такие виды текстов принадлежат так называемой поп-науке, глянцево-развлекательному дискурсу [1]. В задачи исследования входит обсуждение уникальности поэтики журналистских текстов, анализ стиля *презентации и репрезентации научных проблем* на страницах зарубежных специализированных изданий, имеющих принципиально качественный научно-популярный характер и достаточно высокий критерий анализа фактов, мнений и событий в современной науке.

Отличие *презентации* как представления и образного воссоздания антропологической составляющей научных идей, с одной стороны, и *репрезентации* этих идей как вторичной модели представляемого образа научной жизни — с другой [2; 3], актуально при разговоре об НТП в контексте (и из-за) диалектических противоречий точного и неточного знания о мире в сознании человека. Популяризация точного знания и научных стратегий развития общества актуальна всегда, но каждый исторический этап выдвигает на первый план свои более срочные задачи, что порой резко меняет изображение в медийных текстах (МТ) картины мира вокруг нас.

Репрезентация образа науки в НТП и НЖТ, выявление и представление *образа науки* в «нестрогих» НПТ (в популярных изданиях), сопряженное с моделированием схем восприятия (широкими слоями потребителей медиапродукта) данного образа, обусловлена характером общекультурной рецепции (тут важны национальные традиции) и образовательным уровнем реципиентов (в этом случае важнее индивидуальная психология). Направленность на популяризацию специальной информации, являющейся

© Хорольский В. В., 2020

уделом ученых, но одновременно важной для массовой аудитории, стала общим знаменателем *контента* таких известных изданий, как Scientific American, **Popular Science (PopSci),** National Geographic, Popular Mechanics, Discover, BBC Science Focus и многих др. Немало подобных журналов издается и в РФ: «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Техника — молодежи», Discovery и т.п. Характерно, что западные бренды все активнее влияют на российский журнальный рынок, на нишу, где важна научно-популярная публицистика любого качества. Примером тому может служить журнал Scientific American, основанный известным американским изобретателем Руфусом Портером в 1845 г. и ставший международным брендом, издаваемым, например, в России под названием «В мире науки».

Обсуждаемый аспект науки о СМИ далек от какой-либо новизны, в нашей стране он стал темой многих публикаций и диссертаций [1; 4; 5]. Особенно активно изучаются НПТ в соотнесенности с развитием научно-популярных журналов. Однако в качестве научной гипотезы, претендующей на определенную долю новизны и приращения полезной научной информации, ниже выдвигается тезис о необходимости лингвистической демаркации научно-популярных, научно-учебных и сугубо научных текстов, если иметь в виду наличие в пространстве общественно-культурной жизни обилия собственно журналистских текстов о науке, которые могут быть сугубо популяризаторскими и, с другой стороны, текстов о науке, в том числе и о самой журналистике, созданных не журналистами, а учеными. Кроме того, в массмедиа рассматриваемого типа есть много текстов, прямо или косвенно связанных с наукой, которые могут быть по духу и структуре как научными, так и ненаучными, порой лженаучными, далекими от «истинности» как категории науки, в зависимости от целей автора или от уровня полемики. Как известно, МТ могут быть в различной мере полемическими, научно-популярными, учебными, юридическими, устно-разговорными и т.д. Тексты, созданные в связи с разными гранями «поп-научной» деятельности (**PopSci)**, как правило, являются продуктом массовой культуры. В них образосозидание сплавлено с сенсационно-гедонистическими установками, с имиджмейкингом, нередко имеющим коммерческие цели. Такие НПТ имеют ограниченную познавательную ценность, но они полезны как окно в мир загадок науки, как медиаобразовательный ресурс в форме сенсационных сведений о картине мира, как барометр пристрастий в сознании масс.

Думается, что общим знаменателем репрезентации образа науки в СМИ следует считать точность, достоверность и доказательность НПТ и НЖТ, причем в последнем варианте требования к точности аргументации по определению должны быть выше, так как это в данном случае может служить базовым критерием разграничения двух видов нарратива и двух стратегий презентации модуса научности. Проиллюстрируем этот тезис рассмотрением текста из журнала Scientific American (апрель, 2020), написанного членом редколлегии этого журнала Лидией Денворт (Lydia Denworth), известным автором статей об эволюции, медицине и т.п. Статья имеет традиционный, но в то же время достаточно броский заголовок («Как может закончиться пандемия COVID-19») и отличается сдержанной, но стилистически маркированной, подспудно алармистской манерой прогностического повествования, характерной для большинства НЖТ и многих НПТ. Автор, подчеркнув в самом начале футуролого-аналитической статьи факт объективной неизбежности подобных вспышек пандемии, отмечает: «What no one knows yet is how the pandemic will end. This coronavirus is unprecedented in the combination of its easy transmissibility, a range of symptoms going from none at all to deadly, and the extent that it has disrupted the world. A highly susceptible population led to near exponential growth in cases» («Однако никто не знает, как закончится эта пандемия. С таким коронавирусом мы еще не сталкивались. Он беспрецедентен, потому что легко передается; он имеет множество симптомов, от самых незаметных и безобидных до смертельных; и он дезорганизовал весь мир. Население оказалось очень уязвимым, и заболеваемость начала расти в геометрической прогрессии») [6]. Бросается в глаза наличие специальной лексики, терминов и, если проследить развертывание аргументации дальше, цифровых данных, наличие статистических выкладок. Особенны экспресивны следующие данные о предшествующей волне эпидемии в мире: «Самым известным примером такого развития событий в современной истории является эпидемия испанского гриппа H1N1 в 1918–1919 годах. За два года пандемии, которая наступала тремя волнами, заразилось 500 миллионов человек, а умерло от 50 до 100 миллионов» [6]. Заметим в скобках, что автор не обсуждает вопрос о медийной стороне проблемы: почему, например, в те годы мы не приникали к экранам ТВ с такой тревогой, как в 2020 году? Ее более волнует прогноз, предвидение новых опасностей. Научно-ориентированное сознание Л. Денворт подталкивает читателя к другому вопросу: что делать? Один из ее ответов звучит так: «Очень полезным может также оказаться поиск антител, нейтрализующих SARS-CoV-2, поскольку они являются индикатором иммунитета у выздоровевших пациентов» [6]. Ясно, что для малокомпетентного потребителя НЖТ такой аргумент не очень ясен, терминоединица SARS-CoV-2 остается узкоспециальной номинацией, поэтому автор поясняет смысл сообщения. Вот как звучит ее мысль в оригинале: «Previously used only in local epidemics, these new serological assays won't end the pandemic, but they could make it possible to spot and use antibody-rich blood as a treatment for

critically ill patients; more certainly, the tests will also get people back to work faster if those who fought off the virus and are immune can be identified» («Раньше серологический анализ на антитела использовался только в локальных эпидемиях, и новые методы поиска не покончат с пандемией. Но они позволят выявлять и использовать кровь с высоким содержанием антител, чтобы лечить тяжелобольных пациентов. А еще эти анализы позволят людям быстрее возвращаться к работе, если можно будет выявлять переболевших и получивших иммунитет») [6]. Соединение языка для специальных целей (ЯСЦ) с метафоризированной терминологией и обыденной лексикой позволяет сделать медийный текст доступным для широкой аудитории. Смысл терминосочетания serological assays раскрывается в ходе обсуждения тестов на поведение антител в крови пациентов, причем подчеркивается необходимость повторения дорогостоящих анализов, что затрагивает экономические интересы населения.

Характернейшим признаком НЖТ считается наличие обязательной точной цитации авторитетных ученых в обсуждаемой области науки и техники. В анализируемом тексте таковых ссылок несколько. Вот одна из них: «Непонятно, даст ли вакцина долговременный иммунитет, как с корью, или это будет краткосрочный иммунитет, как с прививками от гриппа. «Но в данный момент пользу принесет любая вакцина»,— говорит эпидемиолог Обри Гордон (Aubree Gordon) из Мичиганского университета». Цитируя специалиста, автор подчеркивает важность соединения усилий всех школ в медицине. Еще цитата: «Most patients with SARS were not that contagious until maybe a week after symptoms appeared," says epidemiologist Benjamin Cowling of the University of Hong Kong. "If they could be identified within that week and put into isolation with good infection control, there wouldn't be onward spread» («Большинство заболевших SARS становились заразными примерно через неделю после появления симптомов,— говорит эпидемиолог Бенджамин Коулинг (Benjamin Cowling) из Гонконгского университета.— Если их выявляли в течение этой недели и изолировали, устанавливая хороший инфекционный контроль, то они уже не распространяли болезнь») [6]. Казалось бы, цитата весьма банальна. Но она укрепляет аргументацию, аллюзии на достоверное верифицируемое знание — это конститутивный признак медийности рассматриваемого жанра. Цитата со ссылкой на Б. Коулинга расширяет и фундирует тезис о необходимости срочнейших мер при первых признаках эпидемии, чего в РФ, к сожалению, не наблюдалось.

Таким образом, журнальная публицистика, на наш взгляд, тяготеет к модели НЖТ, к идеалу предельной точности в презентации научной проблематики. Научный модус познания присущ симбиотическому жанру научно-учебных и научно-популярных дискурсов, но НЖТ стоит ближе к полюсу НТ, чем НПТ. Есть смысл, сопоставляя медийность и научность в НПТ, упомянуть о характере экспрессивизации текстов. В науке внешние эффекты, визуальность, громкие заголовки, смелые неологизмы и т.п. не могут играть определяющую роль, в универсальной публицистике — могут и должны. Последние далеки от «высокой» науки, хотя темы статей, создаваемых в зоне чисто коммерческих СМИ, могут быть вполне актуальны и полезны. И этот потенциал массового медиаобразования еще не используется широко. С. Лем, У. Эко, Дж. Барнс, продолжая традиции Э. Беллами, Г. Уэллса, У. Морриса, Дж. Оруэлла и др., создавали свои эссе в ситуации ускорения научно-технического прогресса, нового витка научно-технической революции (НТР), что и обусловило содержание и стиль их подобного рода статей. Как же обстоят дела в литературно-художественной публицистике, тяготеющей скорее к модели дискурса НТР, а не к инфотейнменту?

На первый взгляд, вопрос предельно прост: писатели и популяризаторы гуманитарной сферы изначально ориентированы на образное воссоздание научной проблематики. Но есть и тут свои нюансы, меняющие ракурс дискуссии. Начнем с примера из публицистики С. Лема. В своем сборнике блестящих эссе о науке он писал еще в прошлом веке: «Таким образом, информации все больше. Усиливается степень искажения и превознесения успехов точных наук (физики, космогонии, космологии), а если удастся клонировать мышей, овец или телят, наверняка последуют — я не осуждаю, а просто сообщаю — уверенные заявления, что медики скоро научатся выращивать не только человеческие органы, предназначенные для пересадки (или «запасные части»), но и целиком людей» [7, 18]. Стиль футурологических НПТ С. Лема коррелирует с метафоричностью его нарратива, но, в отличие от большинства авторов-футурологов, польский писатель был удивительно точен в своих размышлениях о научном прогрессе. Как и Л. Денворт, писатель-фантаст озабочен будущими рисками, но мыслит он более глобально, обозревая «космическим взором художника» (У. Уитмен) эпохи и цивилизации. Это специфика художественного дискурса и идиостиля большинства публицистов-гуманитариев.

Лем предсказал сетевой бум еще в эпоху монополии ТВ, предупредил об опасностях излишнего доверия ученым. Мегабитовая бомба — это удачная метафора последствий информационного взрыва. Уже в первом разделе неустаревающего сборника научно-популярных статей, красноречиво озаглавленном «Риск Интернета», С. Лем предупреждает наивных адептов новых технологий: прогресс противоречив. Другой особенностью повествования в «Мегабитовой бомбе» следует считать разговорность слога. Доказательством тому может служить наличие просторечий и бытовой метафорики: скажем, в статьях

С. Лема упоминаются *компьютеры,* «пережевывающие терабайтовые объемы данных», «ценности необъединенных культур», которые, по мнению автора, «должны были затонуть в "серфинге", *оказаться похороненными у провайдеров»* [8, 34]. Уподобление машин животным подспудно содержит мысль о невозможности создания в Интернете разумных программ, эта проблема волновала Лема до конца его дней («Ни проблеска интеллекта. Работают они как невольники, по нашему приказу. Пусть им по силам перенести нас в райские кущи "сексуального блаженства" или в "тарпейскую бездну". Однако им не дано отличать бредни (junk mail) от серьезной информации, даже черезвычайно важной») [7, 19]. Иногда разговорная стихия лемовского НПТ подпитывается фразеологизмами и тропами, словами или выражениями, употребляемыми в переносном значении для создания *художественного образа* и достижения большей выразительности. Например, Лем пишет: «Скорее я признал бы правдоподобными разговоры с коровой или жирафом без посредничества каких-либо компьютеров. Говоря простым языком, кинематографисты пудрят нам мозги» [7, 24]. Ироническая образность МТ свидетельствует о свободе нарратора, легкости его интонаций, основного тона повествования — несущей конструкции идиостиля писателя.

Идиоматичность языка в НПТ Лема коррелирует с писательской установкой на экспрессию и образность, что и отличает язык публициста от языка ученого. Иногда, словно пародируя слог науки, эссеист употребляет иронические составные термины типа серверно-провайдерно-компьютерно-программно-дисковые (приспособления). Конечно, в стиле Лема есть и огрехи, у него немало длиннот и банальностей, часто он слишком дидактичен. И в этом он близок другому современному просветителю — итальянцу Умберто Эко, статья которого «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» также может иллюстрировать лучшие стороны современного научно-популярного дискурса. Как известно, Умберто Эко одним из первых заявил о сосуществовании разных и нередко антагонистических культур в сфере интернет-коммуникаций. Поэтому он призвал вернуться к Гуттенбергу там, где речь шла о культуре общения, о глубине человеческих отношений. Идея У. Эко и С. Лема, проста: Сеть не превратит виртуальный мир в реальность, человеческое *вербальное общение* в ближайшие столетия останется базой медиакультуры.

Перейдем к выводам.

Научно-популярная публицистика в СМИ — это, как правило, публицистика социологическая, социокультурная, создающая «антропологические» НТП. Научно-техническая революция, ускоряя обмен информацией, все чаще оттесняет гуманитарное знание на периферию культуры, выдвигая на первый план принцип скорейшего распространения и прагматического использования новых знаний о мире. Репрезентация образа науки, отталкиваясь от логики презентации базовых ценностей, защищаемых качественными СМИ, опирается на образно-метафорический нарратив, уходящий корнями в разные пласты художественности, что и определяет стилистику НПТ.

Спрос на документальность и футурологическое проектирование, отличающееся от утопических фантазий поп-науки, стал ферментом такого научно-журналистского дискурса, продукта культуры постиндустриального информационного (а по М. Кастельсу, *информационального*) общества» [3, 96], как НЖТ. Идиолект журналистки Л. Денворт, как и идиолект писателя С. Лема, подтверждает нашу гипотезу о сходстве и различиях в нарративах профессиональных журналистов и авторов из других сфер деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканов Р. П. Актуальные проблемы современной науки и журналистика / Р. П. Баканов.— Казань, 2017.

2. Иноземцев В. А. Репрезентация знания в когнитивных науках / В. А. Иноземцев // Гуманитарный вестник.— 2018.— Вып. 7.— Режим доступа: http://dx.doi.org/10.18698/2306–8477–2018–7–534 (дата обращения: 10.05.20).

3. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells // The Rise of the Network Society.— Vol. I.— Blackwell Publishers. Maiden, Massachusetts, USA. Oxford, UK, 1996.

4. Хорольский В. В. Метафоризация терминов в массмедийном дискурсе (на материале экономических текстов в англоязычных изданиях) / В. В. Хорольский // Дискурсология и медиакритика современных СМИ.— Белгород: Политерра, 2019.— С 260–266.

5. Khorolsky V. Media Education, Media Industry, Mass Media Theory: Interrelations and Conflict of Interests / V. Khorolsky, E. Kozhemyakin // Media Education (Mediaobrazovanie).— 2019.— № 59 (2).— P. 269–277.

6. Денворт Л. Как может закончиться пандемия COVID-19 / Л. Денгворт // Scientific American.— 2020.— April — Режим доступа: /https://inosmi.ru/science/20200430/247358802.html (дата обращения: 10.05.20).

7. Лем С. Мегабитовая бомба / С. Лем.— М., 2005.

8. Лем С. Summa technologiae / С. Лем.— М., 1996.

Воронежский государственный университет

Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы

E-mail: khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Khorolsky V. V., Doctor of Philology, Professor of the Journalism and Literature Department

E-mail: khorolbox@mail.ru

УДК 81.42 81.38 811

РЕКЛАМНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Хунбо Юй

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 17 апреля 2020 г.

Аннотация: *целью данной статьи является анализ использования семиотических средств в технологии продвижения hi-tech-товаров в рекламном техническом дискурсе. Контент-анализ выборки вербальной рекламы составил 240 рекламных технических текстов, характеризующихся функционированием семиотических инструментов — знаков китайской и русской национально-культурной символики — символов цвета и числа — в продвижении высокотехнологичных товаров.*
Ключевые слова: *рекламный технический дискурс, hi-tech-товары, коммуникационная стратегия, национально-культурная специфика, рекламный текст.*

Abstract: *the purpose of this paper is to analyze the use of symbolic tools in the technology of promoting hi-tech products in advertising technical discourse. Content analysis of a total sample of 240 technical advertising texts revealed the functions of semiotic tools — signs of Chinese and Russian national-cultural symbols of color and number — in the strategy of promoting hi-tech products.*
Keywords: *advertising technical discourse, hi-tech goods, communication strategy, national cultural symbols, advertising text.*

Сегодня под воздействием цифровых технологий меняется сама коммуникативная и, как следствие,— социальная система. Бренд производителя сегодня — это медиа. Вместе с тем реклама не всегда является эффективным методом продвижения высокотехнологичной продукции. Такие высокотехнологичные бренды, как Microsoft, Intel, Hewlett-Packard и др., стали таковыми благодаря уверенной демонстрации своего лидерства, через поставку информации о верном выборе направления приобретений [1]. Следовательно, бизнесу надо воспринимать целевые группы как аудитории, взаимодействие с которыми ведется через распространение информации.

Так, в исследованиях неоднократно отмечалось, что реклама ориентирована не только на репрезентацию продукта: она реализует информационную функцию медиакультуры [2, 40] и сама является системой коммуникации «производитель — потребитель» / «коммуникатор — реципиент» [3].

В данном случае информация понимается широко: как некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний и т.п. Носителем информации является сообщение — кодированный эквивалент события [4], выраженный с помощью упорядоченной совокупности условных физических символов. Особенностью данного вида коммуникации является коллективный характер автора (заказчик, специалисты по рекламе, графики, дизайнеры, копирайтеры) и массовый характер реципиента [5].

Высокодоходной рекламы не может существовать без интернета, веб-браузеров, а также без использования высоких технологий в самой рекламе. Реклама уже сегодня может ориентироваться на конкретные лица на невероятно детальном уровне [6]. Но, по исследованиям немецких ученых [7], компании, производящие высокотехнологичную продукцию, в своих объявлениях все еще не до конца учитывают эту особенность современного мира.

Реклама является коммуникативным актом, отличается специфичностью тематики, прагматичностью, семиотической усложненностью, оценочностью, нежесткостью стилевой структуры и стремлением к экономии языковых средств [8]. Рекламный дискурс олицетворяет собой все его семиотическое поле [9], которое включает в себя вербальные тексты и невербальные знаки (эмблемы, этикетки, логотипы, вывески, саморекламируемый продукт или товар), т.е. используются различных коды: языка, изображения, цвета и др. Инструментами реализации коммуникативной стратегии выступают в том числе цифры, цвет (как знак, символ). Таким образом, обмен информацией осуществляется посредством текста, созданного в соответствии со стратегиями рекламного дискурса [10]: описать предлагаемый на продажу товар; дать оценку представленному товару; аргументированно изложить свою позицию по поводу предлагаемого товара; учесть интересы, социальный статус и потребительские возможности аудитории; привлечь внимание потребителя к представленному товару.

Способность принимать и понимать сложную техническую информацию и превращать ее в убедительную рекламу является одним из ключевых преимуществ в рекламе высокотехнологичных товаров. Значит, такая реклама должна, прежде всего,

© Хунбо Юй, 2020

иметь смысл для потребителя. В современную эпоху реклама имеет свой арсенал выразительных средств, так называемых дискурсивных формул, свой «собственный язык», достаточно емкий и гибкий, с множеством готовых носителей смыслов и ценностей.

Чтобы снять возможную омонимию терминов, обозначим, что объектом нашего исследования является рекламный технический дискурс, предметом — языковые и семиотические особенности его актуализации в медиа. Под рекламным техническим дискурсом понимается не технологическая составляющая рекламного дискурса как рекламной деятельности, а медиатексты, рекламирующие технологии и высокотехнологичную продукцию (вся умная электроника — компьютеры и смартфоны, датчики, экологичные осветительные приборы и т.д.).

В данной статье приводятся результаты контент-анализа продвижения и рекламы смартфонов. В полном объеме наше исследование предполагает рассмотрение рекламы комплекса технологий и товаров в системе «умный дом».

Умный продукт — это прежде всего высокотехнологичный продукт. Конкурентные преимущества умного продукта формируются на всех этапах создания, начиная с логистики и заканчивая послепродажным обслуживаниям, подтверждением является цепочка создания ценностей.

Исследователями установлено, что концепт «умный дом» включает «знание не просто о доме, а о целом техническом комплексе, который управляется единым центром и обеспечивает комфорт и безопасность живущих в нем людей. Программное обеспечение является неотъемлемой частью “умного дома”, что делает его современным, нацеливает на будущее» [11, 293]. Для пользователей социально значимыми являются такие характеристики, как многофункциональность и высокая технологичность / компьютеризация (это ядро исследуемого концепта), далее надежность / безопасность и роскошь / элитарность и энергосбережение / комфорт; наименее значима на сегодняшний момент индивидуальность [11, 295]. В систему «умный дом» входят smart house devices / applications и smart home devices / gardgets. Устройства умного дома / приложения — это, например, система COMPUTE, которая состоит из четырех элементов: датчиков для выборки данных температуры, света, звука, движения и тепла (Millman H. // MAG: Compute! 1991 (Oct)). Умные домашние устройства / гаджеты служат центром управления умным домом, например, Home Pod на базе Home Kit (Apple’s Home Pod looks like a jack-of-all-trades, but master of none // MAG: The Verge, 2017_17–06–08) [12].

Современное человечество, по утверждениям экспертов, живет уже в третьей природе — ментальной инфраструктуре, созданной социальными сетями и технологиями формирования сознания. Системы искусственного интеллекта, агрегаторы новостей действуют в сфере сбора и распространения информации, принятия решений на скоростях, превышающих возможности мыслительной деятельности человека. Мир становится «нечеловекомерным» (термин Т. Черниговской) [13], а цифровая реальность становится актором нового цивилизационного витка. Сферы деятельности, в которых не используется искусственный интеллект, попросту перестают существовать.

Соответственно, растет спрос на различные smart-экосреды, в том числе на умные дома и входящие в их состав энергосберегающие, высокоэффективные, экологически безопасные устройства. Производитель постоянно расширяет гамму устройства, обновляет продукт, учитывая интересы покупателей. Изменяется маркетинговый цикл: на принятие оптимального решения отводятся минуты и даже секунды в отличие от прежних годичных, месячных и недельных циклов.

Умные устройства требуют новые способы сегментации рынка и усиление индивидуализации предложения. Рекламируется технология вообще, как некое благо для всех людей, без учета сегментации рынка и особенностей целевой аудитории. Но покупатели высокотехнологичных продуктов мыслят совсем иначе, чем люди, которые создают или поставляют их. Результатом становятся массовые проблемы поддержки высокотехнологичного бизнеса и конкурентная борьба во всех областях рынка.

В основе рекламы высоких технологий лежат особенности и технические характеристики продукта, которые формулируют инженеры и ученые. Многофункциональная реклама, созданная инженерами, в сознании потребителя воспринимается как неполная, поскольку большинство клиентов считают поддержку продукта и репутацию компании более важными факторами, чем технические характеристики товара. В такой ситуации компания не может завоевать доверие клиента на рынке с помощью рекламы. Неэффективность рекламы может быть обусловлена сложностью рекламного сообщения или скептическим отношением к товару у целевой аудитории [7].

Стиль технической рекламы меняется: характеризуется стремлением к синтаксической компрессии (к сжатию). Фиксируется тенденция к увеличению объема информации при сокращении объема текста, поэтому в рекламных сообщениях технического характера наблюдается сверстка объемных текстов до нескольких предложений [14]. Вербальная характеристика качеств и свойств hi-tech-товаров заменяется количественными обозначениями их свойств, прагматическое воздействие на аудиторию оказывает цветовая гамма — символика цвета как семиотический инструмент коммуникативной стратегии. Национально обусловленное восприятие цвета, кодированное в культуре каждого народа, определяет эффективность его использования в высококаче-

ственной рекламе. Символика семиотических знаков выражает и подчеркивает связь рекламируемых товаров с национальной культурой.

В процессе продвижения hi-tech-товаров на рынке коммуникативная стратегия определяет эффективность самой рекламы и степени восприятия адресатами информации. Ценность информации связана теперь с количеством времени, потраченного на его прочтение. Квантом контента становится анонс в социальных сетях или рассылке. Основной носитель информации теперь — синтетический носитель, в котором вместе с текстом присутствуют фотографии, рисунки, инфографика, видео [15].

Таким образом реализуется комплекс функций: наименование, объяснение и описание технических характеристик — посредством семиотических инструментов коммуникативной стратегии.

Объектом данного исследования стали 240 (120 русских и 120 китайских) креолизованных реклам B2C по тематике мобильных телефонов / смартфонов с 2015 по 2019 гг., собранных на сайтах Yandex.ru (русском) и Baidu.com (китайском); адресатом изучаемой рекламы является массовый потребитель (адресант: специалист — адресат: неспециалист) [16].

Однако различные типы покупателей всегда поразному воспринимают новые технологии — принятие технологий всегда консервативно по своей природе. Многоканальный учет интереса целевой аудитории [17] помогает оптимально передать и интерпретировать информацию, а исследование цифровых знаков и цветовых фонов [18; 19] как инструментария коммуникативных стратегий привлечения визуального внимания аудитории имеет прагматическое значение.

В данной работе основным методом научного исследования рекламного технического дискурса является контент-анализ. Были определены категории при анализе текстовых фрагментов рекламы hi-tech-товаров: замысел (концепция, содержание); стратегия (цель и средства ее достижения); ценностное содержание (апелляция к ценностным ориентирам и потребностям аудитории); соотношение информационного и эмоционального компонентов рекламы; потенциальная аудитория (направленность сообщения, адресат) [20]. В связи с указанными категориями анализировалась функциональная нагрузка цвета и цифровых обозначений в рекламном техническом тексте.

***

Цифровые знаки характеризуются информативностью, логичностью, точностью, надежностью, экономичностью, целостностью, последовательностью, краткостью. С одной стороны, цифры в рекламе, помогают информировать об услугах и товарах, например о скидках и цене товара. С другой стороны, цифры оказывают на потенциального потребителя эмоционально-психологическое воздействие. Назначение рекламы заключается в убеждении людей в том, что товар предназначен для них, что, покупая его, они получают определенную пользу. Количественные показатели могут служить важным аргументом для потенциальных покупателей: «сухие цифры» способны придать товару свойства, которые помогают покупателю приблизиться к своей мечте [21].

В рекламном техническом дискурсе, как и потребительной рекламе, психологические факторы играют важную роль для продвижения товаров на определенном рынке. Рекламодатель стремится произвести на клиента впечатление, чтобы вызвать у покупателя максимальный интерес. Для выражения наиболее выгодных условий покупки употребляются чаще круглые цифры:

*1 мая **50%** всех брендов мобильных телефонов в Tianhe (китайская реклама Tianhe, 2015 г.);*

*Оригинальные телефоны iPhone 6s. Экономия до **23000** руб. (русская реклама iPhone, 2019 г.).*

Неточные цифровые показатели используются «для создания оптических иллюзий»: покупатель сам убедит себя, что стоимость этого товара «только 100 рублей, а не 200»:

*iPhone **4 1899** юаней, iPhone 4s **2699** юаней (китайская реклама China Mobile, 2015 г.);*

*XPERIA XA 1 **21990** руб. (русская реклама, «Связной», 2017 г.).*

Сопоставительные конструкции с цифровыми знаками позволяют создателю рекламного текста предложить клиенту возможность сравнения, демонстрируют выгоды и таким образом создают ощущение срочности. Например: *Заплатить **899** юаней = мобильный телефон Kupai 7295C + плата за телефон (**900** юаней в подарок) + индукционная плита в подарок, которая стоит **380** юаней.*

*Заплатить **1299** юаней = мобильный телефон Samsung 3502 + плата за телефон (800 юаней в подарок) + индукционная плита в подарок, которая стоит **380** юаней.*

*Заплатить **1599** юаней = мобильный телефон Lenovo S820 + плата за телефон (**1200** юаней в подарок) + индукционная плита в подарок, которая стоит **380** юаней (китайская реклама, торговый центр «Цзюджой», 2015 г.).*

*ЗАКАЖИ СВОЙ iPhone 7. Количество дней акции ограничено! Старая цена **9999** руб. Новая цена: **5990** руб. (русская реклама iPhone, 2018 г.).*

Значимым для потенциального покупателя является указание на снижение цены, бонусы, поэтому традиционно в рекламных объявлениях появляются **99**.

Проведенный нами мониторинг рекламы смартфонов позволил установить характерное для потребительской рекламы *использование цифровых знаков как показателей времени*. Время — это аргумент, указывающий на точность, это призыв к доверию, но и срочность. В этом случае рекламодатель, как правило, предпочитает побудительные конструкции:

Купи любую продукцию HUAWEI и выиграй HUAWEI P20, сроки акции: ***16.07.2018–09.09.2018*** *(китайская реклама HUAWEI, 2018 г.)*

Цена действительна в период ***с 11.05. 2017 по 24.05.2017****. Только в «Связном» — на условиях: цветовое решение (белый цвет), цена и условия предоставления рассрочки (русская реклама, «Связной», 2017 г.)*

Отличительной функциональной особенностью рекламного технического дискурса является *использование цифрового знака для выражения технических характеристик и свойств высокотехнологичных товаров*. В этом случае использование цифровых знаков не зависит от рекламодателя — количественный показатель является одним из наиболее эффективных визуальных образов, привлекающих внимания аудитории. Цифры воплощают в себе четкость, объективность и реальность сообщаемой информации, по сути, являются сильными торговыми аргументами и воздействуют на клиента лучше, чем слова:

LG Spirit. Изогнутый дизайн, удобно лежит в руке. ***4.7 HD IPS****-дисплей****; 4-ядерный*** *процессор,* ***1.3 ГГц*** *(русская реклама «Спирит», 2015 г.);*

10nm *техпроцессов,* ***12-ядерный*** *графический процессор, батарея* ***4000 мАч****, технология быстрой зарядки. Huawei с суперзарядкой, сертификация TÜV Rheinland (китайская реклама HUAWEI, 2018 г.);*

SAMSUNG Tab PRO SM-T320 ***8.4, 72 мм, 33 lg****. Большое поле зрения, четкое представление (китайская реклама SAMSUNG, 2016 г.);*

iPhone ***7/7*** *Plus второй в подарок (русская реклама iPhone, 2016 г.).*

Особым семиотическим инструментом коммуникативных стратегий продвижения товара является цветовой фон рекламы, что обусловлено, безусловно, традициями национально-культурной символики. Поэтому вполне понятно, что цветовой фон в рекламе выполняет экспрессивную и выразительную функции [22].

В результате анализа 120 русских рекламных технических текстов (Yandex.ru) и 120 китайских (Baidu.com) было установлено следующее: русская реклама на белом фоне составила 48,5%, на синем фоне — 37,4%, на черном фоне — 11,8%; китайская реклама на белом фоне — 25,2%, на синем фоне — 24,6%, на красном фоне — 24,7%, на черном фоне — 18,7%, на желтом фоне — 6%.

Обращаясь к толкованию цвета (как культурно обусловленного семиотически значимого компонента креализованного рекламного технического текста), прежде всего обратим внимание на очевидный факт: на белом фоне образ рекламируемого товара ярче и его информационное описание лучше запоминается. Белый фон (как символ света, святости и чистоты) чаще всего предпочитает рекламодатель. По степени употребительности белый фон на первом месте в рекламе. Синий фон — на втором месте и в русской, и китайской рекламе. Считается, что, воздействуя на психику человека, синий вызывает ощущение покоя, постоянства, настраивает на рациональное принятие решений, этот цвет считается благородным и холодным (бесстрастным). Черный фон одинаково популярен в рекламе обеих стран, привлекает внимание людей, которые стремятся к высокому качеству товаров. Черный фон — предпочтительный выбор для дорогих товаров, таких как машины премиум-класса и компьютеры, в целом hi-tech-товары.

Отличается восприятие у китайской и русской аудитории желтого цвета. В китайской традиционной культуре желтый, как символ солнца, ассоциируется с теплом, энергией, радостью, праздником и свободой. Желтый относится к благородному (императорскому) цвету в Китае, поскольку в древнем Китае только царский род имел право носить одежду желтого цвета с изображением дракона. И сегодня красный и желтый фон нередко употребляются в рекламе, особенно в связи с праздниками.

***

Интернет превратил порционное потребление информации в потоковое. Использование цифровых знаков помогает завоевать доверие покупателя и сформировать положительное впечатление. Цифровой знак выполняет функции информирования, объяснения, описания технических товаров, подтверждения точности информации, экономии времени.

Контент-анализ 240 рекламных технических текстов (B2C) за период с 2015 по 2019 гг. позволил получить следующие статистические данные: цифровой знак составляет около 12,04% от всех знаков в китайских рекламных текстах; около 8,16% — в русских рекламных текстах. С другой стороны, употребление составных чисел от общего количества знаков в текстах составляет 9,6% в китайских рекламных технических текстах и 18,5% — в русских рекламных технических текстах. Таким образом, в русских рекламных технических текстах цифровой знак употребляется чаще, чем в китайских.

Цветовой фон в технической рекламе усиливает эстетическое чувство целевой аудитории. Визуальный комфорт увеличивает желание потребителей подробнее ознакомиться с рекламным текстом. Цветовой фон как осознанный символический инструмент косвенно влияет, обусловливает речевой акт, способствует продвижению высокотехнологичных товаров на рынке.

Обобщим, что большинство реклам отображается на белом или синем фоне. В китайской культуре цифра 4 сопровождается пассивной суггестией, в русской 13 считается несчастливым числом.

Цифровой знак и цветовой фон как семиотические инструменты когнитивно-коммуникативных стратегий являются сегодня обязательными, частотными, необходимыми элементами рекламы hi-tech-товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реклама и высокотехнологичные бренды.— Режим доступа: http://www.labex.ru/page/bkchsistloyal_13.html (дата обращения: 13.04.2019)

2. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика: учебное пособие / Н. Б. Кириллова.— М., 2008.

3. Казючиц М. Ф. Дискурс телевизионной рекламы в контексте коммуникативных стратегий / М. Ф. Казючиц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.— 2010.— № 3.— С. 200–205.

4. Гусейнова И. А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации (на материале журнальной прессы ФРГ): автореф. дис. … канд. филол. наук / И. А. Гусейнова.— М., 1999.— С. 8–9.

5. Савельева О. О. Реклама и СМИ — два конструктора виртуального мира / О. О. Савельева — Режим доступа: http://nisse.ru/articles/details.php? ELEMENT_ID=127923 (дата обращения: 28.02.2020).

6. Городищева А. Н. Высокотехнологичная реклама и реклама высоких технологий / А. Н. Городищева // PR и реклама: традиции и инновации: Международная научно-практическая конференция с международным участием.— Красноярск, 2013.— С. 33–36.

7. Gerhard D. Innovation Management and Marketing in the High-Tech sector: A content analysis of advertisements / D. Gerhard, A. Brem, C. Baccarella, and K.-I. Voigt // Intern. J. of Management.— 2011.— Vol. 28.— № 1.— Part 2.— P. 330–348.

8. Долуденко Е. А. Тексты технической рекламы, их семантико-синтаксическая и прагматическая характеристики (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. А. Долуденко.— Пятигорск, 1998.

9. Дедюхин А. А. Модели организации вербальной и визуальной информации в тексте рекламы (на материале английских и русских текстов рекламы автомобилей): дис. … канд. филол. наук / А. А. Дедюхин.— Краснодар, 2006.

10. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева.— М., 2003.

11. Бородулина Н. Ю. Метафора «умный дом»: условия формирования, характеристики содержания и способы вербализации (на основе контент-анализа ресурсов Национального корпуса русского языка) / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева, О. Н. Апраксина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— Тамбов.— 2018.— № 11 (89).— Ч. 2.— С. 292–296.

12. Апраксина О. Н. Контент-анализ концепта «умный дом» («SMART HOUSE / SMART HOME») на основе Национального корпуса современного американского английского языка (COCA) / О. Н. Апраксина // Мир науки, культуры, образования.— 2019.— № 6 (79).— С. 390–393.

13. Черниговская Т. Искусственный интеллект научился блефовать / Т. Черниговская.— Режим доступа: http://atomicexpert.com/io_chernigovskaya (дата обращения: 27.02.2020)

14. Максименко Е. В. Стилистические приемы перевода текстов научно-технической рекламы / Е. В Максименко // Научные труды Кубанского государственного технологического университета.— 2017.— № 8.— С. 158–168.

15. Тулупов В. В. Профессиональная деформация в журналистике / В. В. Тулупов // Современные СМИ и медиарынок.— 2019.— С. 127–134.

16. Воронцова Т. А. Фактор адресата в промышленной рекламе / Т. А. Воронцова // Вестник удмуртского университета. Серия «История и филология».— 2017.— Т. 27.— № 5.— С. 795–799.

17. Dehghani M. The effects of design, size, and uniqueness of smartwatches: perspectives from current versus potential users / M. Dehghani, K. J. Kim // Behaviour & Information Technology.— 2019.— № 38(11).— P. 1143–1153.

18. Gripsrud J. Semiotics: signs, codes and cultures. In M. Gillespie & J. Toynbee (Eds.), Analysing media texts / J. Gripsrud — Maidenhead: Open University Press, 2006.— P. 9–41.

19. Цойгнер Г. Учение о цвете (популярный очерк) / Г. Цойгнер.— М., 1971.

20. Жукова Я. Возможности контент-анализа рекламных и PR-материалов / Я. Жукова // Практический маркетинг.— М., 2008.— № 3 (133).— С. 2–4.

21. Печенкина Т. А. Прагматический потенциал цифр в российской и немецкой рекламе / Т. А. Печенкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика».— 2010.— № 21 (197).— С. 80–84.

22. Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук / Д. П. Чигаев.— М., 2010.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Хунбо Юй, аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

E-mail: Amy5616@yandex.ru

Pushkin State Russian Language Institute

Hongbo Yu, Postgraduate Student of the Russian Literature and Intercultural Communication Department

E-mail: Amy5616@yandex.ru

УДК 130.2

ПУБЛИЧНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК АКТОРНО-СЕТЕВАЯ СБОРКА И МЕДИАЦИЯ

Е. А. Цуканов

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Поступила в редакцию 25 февраля 2020 г.

Аннотация: *проведен подробный анализ одного развернутого высказывания известного политического деятеля с учетом методологических требований акторно-сетевой теории. Высказывание было взято как нестандартный образец сложной социокультурной сборки, состоящей из множества внерамочных компонентов. Обнаружены неявные подключения лексической конструкции к историко-политическим, религиозным, семейно-бытовым и возрастным плагинам.*
Ключевые слова: *актор, сеть, вещь, сборка, поток, присутствие, сгущение, медиасобытие.*

Abstract: *a detailed analysis of one expanded statement of a well-known politician was carried out taking into account the methodological requirements of actor-network theory. The statement was taken as a non-standard sample of a complex socio-cultural assembly consisting of many non-frame components. Implicit connections of lexical design to historical-political, religious, family-household and age plugins have been discovered.*
Keywords: *actor, network, thing, assembly, flow, presence, thickening, media event.*

Вещи гораздо сложнее…
***Дж. Ло** [1, 319]*
Вещь многообразна…
***Гегель** [2, 57]*

Британский социолог, представитель весьма экстравагантной акторно-сетевой теории (АСТ), Джон Ло, справедливо считает, что наука, политика и эстетика не обитают в различных сферах. Они переплетены. Их отношения пересекаются и резонируют самым неожиданным образом [1, 319–320]. К данному эклектичному положению стоит, наверное, добавить еще кое-что, чтобы формула выглядела идеально, а значит, раскрывала бы дополнительные познавательные возможности в процессе ее методологического применения для расшифровки различных явлений социальной действительности. Можно предложить расширить «список Ло» за счет технологических объектов, которым, кстати, уделяет повышенное внимание в своих разработках другой известный АСТ-исследователь,— Бруно Латур [3], а также прочих милых мелочей типа снов, погодных и климатических условий, возрастных и гендерных спецификаций, измененных состояний сознания и т.п. Они тоже, несомненно, вплетены в единый узор любой социальной группировки или ассоциации. Список легко было бы расширить до нескольких страниц, однако в рамках данной статьи это не может быть признано уместным, хотя и Ло, и Латур выступают противниками всевозможных рамочных ограничений.

Нам импонирует и кажется весьма перспективным подход теоретиков АСТ, которые привлекают для лучшего понимания мира социального множество разнообразных сцепок контекстов и факторов, включая самые неуловимые, маргинальные и удивительные. Некоторые из них обоснованно игнорируются академической наукой. Концептуально акторно-сетевая теория продвигает следующие постулаты: окружающая нас реальность текуча и нестабильна, ее конфигурация зависит от энергии неисчислимого количества действующих в определенной локации сил по *сборке* достаточно непрочных и мимолетных сплетений, подключенных через длинную цепь посредников к скрытой сети источников (акторов). Обнаруженные подключения имеют самостоятельную природу и называются плагинами (от англ. *plug in*). В версии Латура это то, что постепенно созидает субъекта действия, по частям культивируя в нем компетенции. Данная реалия иллюстрируется такими привычными для всех вещами, как удостоверения личности, усвоенные субъектом общепринятые культурные клише или же ставшие обыденностью рекламные сообщения и тривиальные новости. Плагины — это то, что можно в любой момент «загрузить» из открытого информационного поля, повысив уровень собственных возможностей [4, 291]. Итак, в центре АСТ — феномен сборки, об-

© Е. А. Цуканов Е. А., 2020

рамленный сетями, плагинами и бесконечным многообразием акторов.

Примеры социокультурных сборок — танец, музыкальное произведение, городской парк, хирургическая операция, игра, дипломатические переговоры, популярная персона, компьютерный гаджет, географическая карта, сражение, судебный процесс и даже такие с виду элементарные вещи, как, скажем, дверь или форточка. Особняком здесь могут стоять лексические конструкции типа лозунгов, афоризмов, известных высказываний, имевших долгое эхо. Ключевые метафоры АСТ — присутствие, сгущение, узлы связей.

Теперь после формального утверждения перечня переплетенных и непрерывно взаимодействующих внутри любой сборки сущностей, хотелось бы поэкспериментировать на конкретном эмпирическом материале, имеющем отношение к современной медийной повестке. В качестве объекта исследования нами было выбрано загадочное высказывание-сборка президента РФ В. Путина в отношении увеличения риска ядерной войны, прозвучавшее на ежегодном международном форуме «Валдай» в октябре 2018 г. Оно имело мощный медийный резонанс по причине своей особой эмоциональности и внешней провокативности. Процитируем его полностью: «Суть ядерной доктрины России в том,— пояснил наш Верховный главнокомандующий модератору мероприятия,— что агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен. А мы, как жертва агрессии, мы, как мученики, попадем в рай, а они просто сдохнут» [5]. Фраза Путина быстро превратилась в коммуникативный мем, став на какое-то время серьезным медиасобытием. Как сложный семиотический конструкт, она требует очень пристального внимания и детального изучения средствами АСТ, в том числе и с целью снижения международной напряженности в условиях санкционного давления коллективного Запада на Российскую Федерацию.

Наш президент, обладая колоссальным опытом, по аналогии со сложным устройством, несомненно, подключен к несчетному количеству плагинов, которые делают любой его поступок или обращение привлекательным ребусом, но в то же время накладывают особую ответственность на интерпретаторов. Чтобы максимально корректно перевести путинский месседж, необходима попытка полного погружения в богатейший внутренний мир главы нашего государства. Мир, в котором таинственно функционирует оригинальный ансамбль интерферирующих в водовороте плагинов. Не претендуя на исчерпывающую глубину, все-таки попытаемся максимально деликатно разобраться в их тонком взаимодействии.

Политические плагины. Они созревали на фоне заметной интенсификации разговоров и угроз со стороны США по поводу их выхода в одностороннем порядке из договора по РСМД, заключенного на пике холодной войны в 1987 г. М. Горбачевым и Р. Рейганом. Этот договор, как известно, сокращал арсеналы ядерного оружия среднего и меньшего радиуса действия и был направлен на снижение рисков, связанных с возможностью начала третьей (и, судя по всему, последней — из-за масштабов ущерба) в истории мировой войны. Американская сторона к октябрю 2018 г. организовала в международных средствах массовой информации широкую кампанию по дискредитации российской власти. С этой целью был сфабрикован сомнительный инфоповод, что будто бы Российская Федерация уже давно нарушает условия договора, проводя испытания крылатых ракет наземного базирования 9М729 с дальностью действия более 500 км [6]. Собственно, именно эта непрекращающаяся на протяжении нескольких лет шумиха в массмедиа, думается, и побудила Владимира Путина, в конце концов, отреагировать так хлестко и бескомпромиссно. Видимо, сработал политический плагин, к которому наш президент был, разумеется, подключен не только по линии СМИ, но и по линии спецслужб, собирающих для главы государства разведывательную информацию. Можно предположить, что нахальство обвинений со стороны Вашингтона в какой-то момент настолько перевесило терпение Верховного главнокомандующего, что у него исчерпались возможности оставаться толерантным. Это что касается доминирующего на тот момент времени политического плагина, загруженного в сознание В. Путина, однако, думается, что имелись и другие, как бы факультативные, но также выводящие из психологического равновесия. Напомним, в частности, что за день до публичного выступления национального лидера Российской Федерации на «Валдае» произошла жуткая трагедия в Керченском политехническом колледже с большим количеством жертв.

Исторические плагины. Политика — это история, происходящая у нас на глазах. Свершившиеся политические события постепенно оседают в архивы исторической памяти и могут находиться там в неактивированном состоянии столетиями, впрочем, до тех пор, пока на них не появится спрос в условиях современности. У речи В. Путина на «Валдае» была особая историческая подоплека. Дело в том, что говорить так с высокой трибуны позволительно не всякому государственному лидеру. С трудом верится, чтобы глава какого-нибудь африканского или южноамериканского, или даже европейского государства заявил бы публично нечто подобное. Во-первых, не у всех стран в наличии ядерное оружие, во-вторых, у некоторых оно есть, но не в таком количестве, в-третьих, что намного важнее, не всякое государство обладает закрепленной исторически уникальной миссией, прошедшей полутысячелетнюю апробацию и сертификацию. В. Путин, очевидно, хорошо осведомлен об этой миссии, поскольку неоднократно проявлял серьезные познания родной истории. Речь идет об «изобретен-

ной» старцем Филофеем Псковским в XVI в. теории «Москва — Третий Рим» [7, 88]. Она адресовалась великому князю Василию III в качестве эффективной формулы доминирования над соперниками. Данная концепция в самом упрощенном виде выглядит так: два Рима пали (476 г. и 1453 г.), а Третий Рим — Москва — будет стоять до второго пришествия, и четвертому не бывать! Отметим, что месседж Филофея со временем превратился в своего рода политическое кредо отечественных властителей, которые часто справедливо видели себя последним оплотом попираемой повсеместно истины. Наша регулярная помощь слабым народам, страдающим под игом более сильных и наглых, стала уже притчей во языцех, и В. Путин с Сирией и Венесуэлой здесь не исключение. Наблюдая за действиями президента, иногда приходишь к выводу, что управляющий историей (в гегелевской версии [8, 64]) разум действует через него, реализуя свой потенциал. Нам кажется, что его валдайская фраза могла быть продиктована ощущением метафизического величия избранной Россией миссии стоять до конца в мире, естественно подверженном энтропии. Этот благородный посыл, к сожалению, слабо понимается на прагматическом Западе, в связи с чем прочтение смысла путинской реплики иностранной аудиторией стандартно основывается на нездоровом скепсисе.

Религиозные плагины. Из предыдущего пункта вытекает также и настороженное отношение западной общественности к религиозным интенциям, от которых эмоционально подпитывается наш президент. Запад давно утратил вкус к вере вследствие усвоения массовым сознанием в Европе и Америке постмодернистской философии разочарования в высоких метафизических ценностях и идеалах [9, 10]. Последние там чаще всего выступают как продукт тоталитарного сознания, которое отторгается эстетикой безразличия. С легкой руки теоретиков пропитанная меланхолией и ипохондрией культура торжествующего постмодерна сравнивается с засыпающей осенней мухой [10, 65–66]. Поэтому трудно даже вообразить, что думают, скажем, ультрабезразличные ко всему религиозному парижане или лондонцы о посещении В. Путиным православной монашеской республики на Афоне [11]. А между тем богослужение, в котором гарант российской Конституции участвовал, стоя на месте, принадлежавшем в прошлом императорами Византийской империи, должно, по идее, быть расшифровано как серьезная претензия на смену международного статуса России, а не игра и профанация. Мы — воскресшая Византия, только вооруженная не примитивным греческим огнем, а продвинутыми «Калибрами», «Ярсами» и «Тополями».

Семейно-бытовые плагины. Рядом с религиозными в сборном тезаурусе нашего президента располагаются плагины, связанные с его приватной жизнью. Это жена, дочери, родители. Они нечасто участвуют в политической активности В. Путина в качестве стратегического ресурса, как это принято у его зарубежных коллег, но тем не менее их роль в принятии особых решений на уровне государства может быть признана неоспоримой. В связи с валдайским высказыванием, например, по-особому раскрывается ситуация со спешным разводом президентской четы в июне 2013 г. Разумеется, это позволило, с одной стороны, обезопасить фигуру Людмилы Александровны накануне начала главных сражений за престиж, свободу и авторитет страны в обстановке накала внешнеполитических страстей (в частности, уже в следующем, 2014 г., стартовали «оранжевые» события на Украине, а параллельно сирийская эпопея); с другой — развод в определенном смысле развязал В. Путину руки в плане свободы маневра, поскольку воевать всегда проще, когда бремя родственных отношений отходит на второй план. Отсюда столь смелые выпады в адрес заокеанских поджигателей войны.

Возрастные плагины. И, наконец, не стоит сбрасывать со счетов фактор возраста президента. Он еще, несомненно, достаточно молод и свеж, сохраняет прекрасную спортивную форму, однако некая воображаемая черта, за которой все предстает в фатально эсхатологическом свете, преодолена: уже ничего не страшно, все главные свершения позади, а впереди раскрывается Вечность, в которую нужно войти торжественно. Возраст — еще один плагин, который стимулирует В. Путина занять незыблемую позицию по вопросу ядерной войны.

Несомненно, пяти выявленных плагинов недостаточно для того, чтобы объяснить вызывающее речевое поведение Верховного главнокомандующего РФ на форуме «Валдай-2018» исчерпывающим образом. Акторно-сетевая теория позволяет вести более скрупулезную регистрацию сущностей, которые Бруно Латур называет еще субъективизаторами, персонализаторами или индивидуализаторами [4, 288]. Равноценными по влиятельности на президента самостоятельными плагинами-акторами также являются его юридическое образование и рыбачьи увлечения, манера шутить и одеваться, спецслужбистский бэкграунд и часто цитируемый им Омар Хайям. Но вместе с тем и его кулинарные предпочтения, лекарства, которыми он лечится, руки его личного парикмахера, набор эксклюзивных запонок на пиджаке, ковер в кабинете, кожа, из которой сшиты сиденья пуленепробиваемого «Ауруса». Представленный ряд вещей, с нашей точки зрения, имеет очевидно медиальную природу в том смысле, который вкладывает в понятие медиа В. Савчук [12, 39]: с его точки зрения, во-первых, «все есть медиа», из чего, во-вторых, с необходимостью вытекает тезис о том, что «медиа внутри нас», и, следовательно, в-третьих, они всегда как-то опосредуют нас, тем самым лишая экзистенциальной непосредственности.

Это, в свою очередь, подвигает нашу аналитическую установку на отслеживание той работы, которую они производят внутри нас (конструкция восприятия) и вне нас (выбор и селекция воспринимаемого). Вывод напрашивается следующий: каждый вид медиа есть акциденция.

В случае с Путиным всякий раз альтернативный хор посредников-плагинов стоит за принятием решений высшего административного уровня, составляя реальную конкуренцию действующим министрам, руководителю ФСО или пресс-секретарю. Все перечисленные факторы, равно как и не вошедшие в пространство нашего исследования, являясь типичными плагинами, помогают Владимиру Путину искусно маневрировать в публичной сфере, служа одновременно и действенными инструментами медиации формируемого дискурса.

Плагины, как их трактуют поборники АСТ, при загрузке в систему в качестве дополнительного программного обеспечения, дают возможность активировать (и наблюдать) то, что не было заметно до этого в отношении той или иной уникальной сборки. Анализ показал, что некоторые плагины внешне могут и не иметь с интересующими нас современными феноменами единого хронотопа, парадоксально отстоя от них на целые эпохи и неимоверные расстояния. Однако разница во временной и метрической системах координат не мешает сильно удаленным плагинам быть реальными фигурами на политической шахматной доске настолько, что еще не известно, кто на самом деле пикируется с заокеанскими «партнерами» — сам Путин или же безвестный средневековый инок с нелепым церковным именем. Причем, ситуация может складываться в еще более причудливый рисунок: ответ на суровый вызов американской военщины, по сути, исходит даже не от человеков, а от неодушевленных предметов,— безмолвных и скромных модераторов нашей деятельности. Составляя летучий ассамбляж, они, по Латуру, не менее причастны к принятию ответственных решений и стимулированию того или иного поведения, чем живые субъекты [13, 37]. Не-человек чернильница, другой не-человек гусиное перо, особый жест, называемый крестным знамением, и тысячи еще более неуловимых штрихов и деталей келейной обстановки, в которой работал монах Филофей, в сумме составляют мощнейший суппорт фразы, сказанной нашим президентом по поводу возможного применения Российской Федерацией ядерного оружия в начале XXI в. Как говорится, где Филофей, и где ядерное оружие…

Здесь, несомненно, изумляют и некоторые другие моменты: Путин о Филофее знает, а тот о нем не имеет даже приблизительного представления, хотя сражаться приходится плечом к плечу; псково-печерский старец хронологически хоть и живет в постколумбовую эпоху, вряд ли может идентифицировать на карте уже открытый Новый Свет, да и нет еще такой карты; американские соединенные штаты изначально (как и Россия) позиционируют себя в формате Третьего Рима, отсюда их Капитолий, утопический концепт Джона Уинтропа «град на холме» [14, 101] и идущая от Алексиса Токвиля концепция национальной исключительности американцев [15].

Целый пучок противоречивых сущностей, незримо взаимодействующих друг с другом, позволяет рассматривать родившийся на форуме экстравагантный инфоповод в оптике особенного творческого приема остранения, обнаруженного В. Шкловским в произведениях Л. Толстого. Этот прием дает импульс описывать вещи окружающей нас обстановки как впервые увиденные и незнакомые благодаря смене ракурса с целью преодоления рутины и инерции восприятия. «Автоматизация,— пишет В. Шкловский,— съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны. Если целая сложная жизнь многих проходит бессознательно, то эта жизнь как бы не была. И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством <…> приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [16, 13]. В итоге в ходе остранения рождаются неожиданные эффекты, освежающие наш профанирующий взгляд на мир: так, в темноте простой пень кажется медведем, а туман метафорически предстает в образе разлитого молока. Что касается Путина, то разве не похож он хотя бы отдаленно на архангела Гавриила в сверкающих латах в преддверии Апокалипсиса?

Возникает вопрос целесообразности подобного подхода, который заостряет внимание на реальностях мнимых и латентных, связывая в узел несвязываемое, сочетая несочетаемое, наподобие того, как в чеховском сатирическом рассказе «Два газетчика» репортеру Шлепкину примерещился детерминизм между выеденным яйцом, подрывом экономического строя и заеданием будущего. Данный рассказ традиционно считается злой и едкой иронией автора в отношении некоторых изъянов профессии журналиста, однако некоторые яркие пассажи как будто сошли со страниц латуровских сочинений. Они, в частности, прекрасно иллюстрируют эвристический минимализм акторно-сетевой теории, взыскующей онтологической достоверности: «Любишь ты широко глядеть,— пенял оптимист Шлепкин депрессивному Рыбкину,— а ты попробуй помельче плавать. Вглядись в былинку, в песчинку, в щелочку… всюду жизнь, драма, трагедия! В каждой щепке, в каждой свинье драма!» [17, 265]. Кто пробовал прочитать эту фразу серьезно, вдруг оказывался способным познать запредельную цельность бытия.

Сосредоточенное вглядывание в случайное и второстепенное сегодня стало приносить неожиданные плоды, главный из которых — открытие новой подлинности, фундированной опытом микширования абсолютно всего со всем. В этом и заключается многообещающая заявка метода-сборки АСТ, по-дзеновски радикально демонтирующего всякий автоматизм и познавательное оцепенение. В свете АСТ случай с В. Путиным свидетельствует о том, что в политике больше нет просто выброшенных на ветер слов. Слова в тисках медиа постепенно превратились в вербальные интервенции, по силе и эффективности сравнимые с применением целых армий. Прагматически это должно принуждать рейтинговых лидеров мнений к еще более перфекционистской реакции на собственный словопоток. Осознанный выбор и фильтрация исходных пресуппозиций, в сочетании с которыми итоговая «фразане-воробей» обязательно как-то реконфигурирует политическую конъюнктуру,— единственный способ снижения непредсказуемости глобальных раскладов и рисков. Для аналитиков политического дискурса вычисление и грамотное истолкование исходных условий и установок, содержащихся в месседжах важных медиаперсон, становится ведущим фактором адекватности представляемых оценок и прогнозов.

В атмосфере переизбытка реальности, стимулируемого гипертрофией источников информации, с одной стороны, широко распространяются аллергические реакции на перманентную волатильность поступающих сведений, мультиплицирующих неопределенность, однако, с другой стороны, именно ситуация анафилактического шока, вызванного обилием информационных раздражителей в электронную эру, быть может, создает предпосылки для преодоления человеческой ограниченности. Тотальный учет и контроль микроскопических факторов и скрытых агентов влияния, участвующих в конструировании сложных социальных средоточий, культивирует надежду на постижение мира таким, каков он есть без иллюзий и робких предположений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло.— М., 2015.
2. Гулыга А. В. Гегель / А. В. Гулыга.— М., 1994.
3. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // Русский гуманитарный интернет-университет.— Режим доступа: https://web.archive.org/web/20110530054511/http://www.i-u.ru/biblio/archive/latur_gde/ (дата обращения: 05.10.2019).
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур.— М., 2014.
5. «Мы попадем в рай, а они — просто сдохнут». Что Путин рассказал на «Валдае» // РИА Новости.— Режим доступа: https://ria.ru/20181018/1530999011.html (дата обращения: 08.10.2019).
6. Большаков М. Чем мешает США российская крылатая ракета 9М729? / М. Большаков // Взгляд. Деловая газета.— Режим доступа: https://vz.ru/politics/2018/12/7/954262.html (дата обращения: 09.10.2019).
7. Кореневский А. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва — Третий Рим»? / А. Кореневский // Имперские мифологии.— 2001.— № 1–2.— С. 87–124.
8. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель.— СПб., 1993.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар.— М.; СПб., 1998.
10. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская.— СПб., 2000.
11. Смирнов Д. Владимир Путин: на Афоне сохраняются нравственные устои нашего общества / Д. Смирнов // Комсомольская правда. Санкт-Петербург.— Режим доступа: https://www.spb.kp.ru/daily/26535.7/3552018/ (дата обращения: 10.10.2019).
12. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности / В. В. Савчук.— СПб., 2014.
13. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. Вахштайн // Логос. Философско-литературный журнал.— 2017.— № 2.— Т. 27.— С. 1–48.
14. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США / Э. Я. Баталов.— М., 1982.
15. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль.— М., 1992.
16. Шкловский В. О теории прозы / В. Шкловский.— М., 1929.
17. Чехов А. П. Два газетчика. Неправдоподобный рассказ / А. П. Чехов // Собрание сочинений: в 12 т.— М., 1961.— Т. 3.

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Graduate School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg University of Industrial Technology and Design

Tsukanov E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Technologies Department

E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

УДК 070:32 (597)

«ФЕЙКОВАЯ ЖИЗНЬ» И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

Чан Тхи Тху Хыонг

Хоа Бинь университет

Поступила в редакцию 7 сентября 2020 г.

Аннотация: *в статье уточняется понятие социальной ответственности журналистики во времена «фейковой жизни»; приводятся примеры фальшивых новостей, распространенных в современных медиа, на примере освещения пандемии, вызванной штаммом вируса nCoV в начале 2020 г.; формулируются рекомендации журналистам по работе с новостями.*
Ключевые слова*: Вьетнам, журналистика, социальная ответственность журналистики, социальные сети, гражданская журналистика фальшивые новости.*

Abstract: *the article clarifies the concept of social responsibility of journalism in the times of "fake life"; provides examples of fake news circulated in modern media, for example, covering the pandemic caused by the nCoV virus in early 2020; recommendations are formulated for journalists on how to work with news.*
Keywords: *Vietnam, journalism, social responsibility journalism, social media, citizen journalism, fake news.*

В настоящее время во Вьетнаме работают 18 000 журналистов. В условиях, когда с развитием социальных сетей усиливается роль и гражданской журналистики, обостряется проблема социальной ответственности журналистики и журналистов.

Журналист Чау Ньы Куинг, представляющий электронную газету «Зян Чи», высказывает такое мнение: «Профессионализм журналиста — это не только искусное владение приемами публицистического мастерства, но и высокое чувство ответственности за объективность отражаемой им реальности» [1]. Ему вторит Нгуен Тхук Хоанг Линь из газета «Новый Ханой»: «Задача качественной прессы, соревнующейся в оперативности с социальными сетями,— сбор и трансляция абсолютной точной информации большого объема. Но в этой гонке мы, к сожалению, пока проигрываем, и роль журналистики в обществе снижается» [2].

Журналистам предоставлена особая привилегия добывать, поставлять и использовать информацию для ее массового распространения. Они имеют преимущества перед блогерами в доступе к различным источникам информации. Это позволяет им докапываться до правды, использовать доказательную фактуру, демонстрируя ее обществу. Ведь социальная ответственность журналиста — это, прежде всего, ответственность гражданина. В книге «100 этических принципов журналистики в мире» третий принцип гласит: «Информация журналистики — это общественный продукт, а не физический продукт. Социальная ответственность журналистов требует, чтобы журналисты во всех случаях соблюдали чувство личной этики» [3]. В Кодексе этики журналистики в Индии также читаем: «Типы новостей, которые полезны для мира, гармонии и помогают восстановить или поддерживать правопорядок, должны быть приоритетными перед другими типами новостей».

Социальная ответственность журналистов проявляется также в том факте, что СМИ уделяют приоритетное внимание таким важным проблемам общества, как бедствия и несчастные случаи. При этом журналисты обязаны быть деликатными, чтобы не навредить делу спасения. Здесь действуют правовые и этические ограничения. Журналисты не должны пропагандировать жестокость, насилие, разврат, быть особенно осторожными при освещении религиозных разногласий, учитывать обычаи и этические нормам общества..

В последние годы обострилась проблема, связанная с появление в медиапространстве фейков. «Понятие "фейк" (от англ. fake — "подделка", "фальшивка", "обман") включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика популярности личности, произведения, проекта (как правило, при помощи интернет-ботов и (или) тех же фальшивых аккаунтов, выставляющих "лайки" и постящих одобрительные комментарии)» [4]. В этих условиях повышается значение принципа социальной ответственности, и мы проиллюстрируем это на примере освещения пандемии, вызванной штаммом вируса nCoV в начале 2020 г.

Около 3 часов ночи 31 января (по времени Вьетнама) в Женеве на пресс-конференции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) была отмечена вспышка нового штамма вируса nCoV. Согласно статистическим данным, до 9.00 утра 7 февраля 2020 г.

© Чан Тхи Тху Хыонг, 2020

во всем мире было инфицировано 31 481 человек, из них 639 человек умерло (в Китае 637 человек, на Филиппинах и в Гонконге по одному человеку). Эти данные были во много раз увеличены путем распространения фейков, что способствовало распространению паники во всем мире. Появилось и быстро распространилось в интернете видео, на котором влиятельный китайский деятель ел суп из летучих мышей, с комментарием, что новый штамм вируса был связан именно с этим блюдом. Распространение информации о том, что заболевание происходит от «дикой» пищи коренных народов, было воспринято как правда у большого количества людей и усилило их негативное стереотипное отношение к китайской кухне. Это вызвало у мировой общественности обеспокоенность по поводу проблемы расовой дискриминации, хотя BBC и опубликовало корректирующую информацию, подтверждающую, что видео выше не было записано ни в Ухане, ни в любом другом месте в Китае.

В другом сообщении говорилось, что китайская фармацевтическая промышленность намеренно вызвала вспышку болезни для продажи вакцин. Считается, что обвинение выдвинул Джордан Сатер — владелец частного канала в сети видеохостинга *YouTube.*

Американский радиоведущий Хэл Тернер усилил новость о количестве смертей и инфекций, вызванных вирусом nCoV. В сообщении, опубликованном 23 января на его личном веб-сайте, Тернер заявил о 112 тысячах случаев смерти и 2,8 миллиона новых случаях заражения вирусом Короны, ссылаясь на источники, которые он назвал бывшими коллегами и которые якобы знали друг друга в течение 15 лет в период работы с Федеральным бюром расследований.

Таким образом, из различных неофициальных источников ложные новости распространяются с головокружительной скоростью, даже быстрее, чем информация о болезнях. И миру приходится бороться не только с болезнями, но и с ложными новостями.

В феврале во Вьетнаме диагноз nCoV был поставлен всего лишь 12 пациентам, между тем, даже некоторые публичные люди распространяли ложную информацию об обнаружении этой болезни во многих провинциях, таких как Фу Тхо, Куанг Нинь, Хошимин и др.

Среди рекомендаций работающим журналистам, выделим следующую: *делитесь информацией ответственно.*

Если информация в социальных сетях зачастую характеризуется отсутствием контроля и экспертной оценки, то журналисты должны следовать профессиональным стандартам. Доцент Ханойского национального университета Чан Тхань Нам предложил общественности читать и получать информацию следующим образом: «Эксперты из социальных сетей вводят модель английскими буквами: НАСТОЯЩАЯ (правда), в том числе: Чтение — проверка — просмотр автора — актуальная ссылка на руководство. В частности, посмотрите, есть ли на сайте обновленная информация, автор статьи, хвост сайта (т.е. .gov,. org или.com); и примените традиционные источники в прессе, потому что это цензурный источни ».

Приоритет общественного интереса.

СМИ и информационные агентства расставляют в своей информационной политике приоритеты: сначала приоритеты для «общественного интереса», затем для «общественного внимания» или «общественного любопытства».

Повысить этическую ответственность.

Профессионализм и этика неразделимы в журналистской деятельности. На каждом ее этапе корреспондент должен думать о социальной — она же гражданская — ответственности. Вот почему прежде чем распространять информацию журналист должен многажды ее проверить и перепроверить, особенно если она почерпнута из социальных сетей. Он не должен исключать социальные сети из источников информации, но должен работать с нею особенно осторожно, дабы не снизить доверие к своему СМИ, дабы не пострадала репутация и СМИ, и самого журналиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Прокуратура».— URL: https://kiemsat.vn/nha-bao-va-trach-nhiem-xa-hoi-52640.html (дата обращения 20.06.2019)

2. Газета «Труд».— URL: https://laodong.vn/xa-hoi/nha-bao-va-trach-nhiem-xa-hoi-739963.ldo (дата обрашения 20.06.2019)

3. Нгуен Тхи Чыонг Зянг. 100 этических принципов журналистики в мире / Нгуен Тхи Чыонг Зянг.— Ханеой, 2014.— С. 455–480.

4. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты / А. П. Суходолов.— 2017.— № 1.— С. 87–106.

Чан Тхи Тху Хыонг, преподаватель университета Хоа Бинь, Ханой, Вьетнам.

E-mail: bluestar19891989@gmail.com

Tran Thi Thu Huong, lecturer at Hoa Binh University, Hanoi, Vietnam

E-mail: bluestar19891989@gmail.com

УДК 655.41 + 908

ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КНИГОИЗДАНИЯ

О. Ю. Шум, В. В. Бойко

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Поступила в редакцию 11 февраля 2020 г.

Аннотация: *в статье рассматривается деятельность Валерия Чепурина, одного из ведущих деятелей издательского и рекламного дела в Крыму последнего десятилетия XX — начала XXI вв. Определены этапы профессиональной деятельности В. Чепурина на крымском издательском рынке, их содержание и результаты.*
Ключевые слова: *Крым, книжное дело, книгоиздание, история, предпринимательство.*

Abstract: *the article discusses the activities of Valery Chepurin, one of the leading figures in publishing and advertising in the Crimea of the last decade of the twentieth — beginning of the XXI century. The stages of V. Chepurin's professional activity in the Crimean publishing market, their content and results are determined.*
Keywords: *Crimea, book publishing, history, entrepreneurship.*

Исследовательское пространство отечественной истории книжного дела в регионах нуждается в более системной организации. Такая постановка вопроса находится в русле современных тенденций приоритетного внимания к регионам, благодаря чему в центр исследовательского внимания попадают недостаточно изученные проблемы культурной политики регионального и муниципального уровней [1]. Значимую роль в упорядочении исследовательской работы, связанной с вопросами истории книгоиздательской деятельности, может сыграть их планомерное изучение «на местах», то есть в регионах.

История регионального книгоиздания раскрывается в работах И. В. Гареевой [2], Л. В. Красновой [3], И. А. Гончарук [4], И. А. Тюкавиной [5], С. Н. Лютова и А. М. Панченко [6]. Проблемы методологии исследования книжного дела в регионах рассмотрены в работах А. С. Мыльникова [7], И. Ф. Павловой [8]; современному состоянию книгоиздательского дела в регионах посвящены работы О. М. Уржумовой [9], И. В. Лизуновой [10]. Исследователи единодушны в том, что «изучение процессов регионального книгоиздания — это важная историко-методологическая задача в отечественной историографии» [8, 125]. Продуктивный способ ее решения связан с применением системно-регионального подхода: метод предполагает рассмотрение регионального книгоиздания как части, которая получается в результате «логически проведенного пространственно-временного среза» [7, 13].

Тема настоящего исследования связана с периодом 1990-х — 2010-х гг.— временем становления частного издательского бизнеса в крымском регионе.

Закон № 1552–1 «О печати и других средствах массовой информации», принятый Верховным Советом СССР 12 июня 1990 г., ликвидировав институт цензуры, снял идеологические ограничения, фактически разрушив основу советской системы книгоиздания, заложил базовые предпосылки для организации книгоиздания на новых рыночных принципах. Достичь успеха в условиях развернувшейся в крымском регионе жесткой конкуренции было крайне непросто, еще сложнее — удержаться на рынке хотя бы в течение пяти лет, практически невозможно — изыскивать возможности для некоммерческих социальных и культурных проектов. Однако все это удалось симферопольскому издателю Валерию Витальевичу Чепурину, причем при отсутствии предварительного опыта, поскольку в книжный бизнес он пришел из творческой среды. Представляется продуктивным обратиться к исследованию практической деятельности В. В. Чепурина с целью ее научного осмысления и выявления специфических закономерностей организации и продвижения на рынке частного регионального издательства современного типа.

Первый этап издательской деятельности В. В. Чепурина, охватывающий период с 1989 по 1993 гг., является наиболее плодотворным.

В 1989 г. В. В. Чепурин в соучредительстве открывает творческое пропагандистское объединение (далее ТПО) «Вариант». В соответствии с законодательством того времени новое предприятие могло печатать и распространять книжную продукцию, но не имело права присваивать книгам ISBN, за которым следовало обращаться в государственные издательства. ТПО имело три типографии: в Донецке, Киеве и Курске, и ориентировало свою продукцию главным образом на оптовиков.

Издательские стратегии нового предприятия, используя классификацию Л. В. Зиминой [11], можно определить как беллетристические (или развлекательные) и отчасти академические.

© Шум О. Ю., Бойко В. В., 2020

Прибегать к первым требовало время. В русле времени ТПО «Вариант» издавало дефицитную и востребованную переводную литературу массовых жанров — детективы, приключения, триллеры и т.д., продавая издания тиражами 100–200 тысяч экземпляров. Книги расходились по всему постсоветскому пространству. С 1991 по 1992 гг. ТПО «Вариант» издало 12 томов «Частного детектива», при этом четвертый том серии вышел тиражом 500 тысяч экземпляров. Основная проблема владельцев в этот период сводилась к нехватке бумаги, доставать которую приходилось через ряд бартерных операций.

Под академическими стратегиями ТПО «Вариант» можно подразумевать публикацию неизданных произведений классиков мировой литературы, введение в оборот имен, которые были малоизвестны или неизвестны в Советском Союзе, но признаны на Западе. Так, свою деятельность ТПО начало с выпуска малоформатной книги Франца Кафки «Превращение» тиражом в 50 тысяч экземпляров.

Академические стратегии — это и стремление соучредителей ТПО «Вариант» издавать выверенные тексты с соответствующим справочным аппаратом. Соучредителям ТПО «Вариант» было принципиально важно выпускать качественно подготовленные книги, так как книжный ажиотаж в исследуемый период имел своеобразные «побочные эффекты». Помимо новой «цензуры» — диктата рынка (издавалось прежде всего то, что продавалось) — таким «эффектом» стало снижение требований читательской аудитории к качеству книжного издания и книготорговых услуг (достаточно было перепечаток ранее дефицитных изданий без значительных затрат средств, времени и квалифицированного труда).

В 1991 г. тот же состав учредителей ТПО «Вариант» открывает еще одно издательство, не дочернее, а партнерское: издательско-полиграфическое предприятие (далее ИПП) «Дар». Причиной его открытия стала необходимость справляться с большим объемом печатной продукции. В рассматриваемый период так поступали многие предприятия книжного бизнеса: издательская лицензия еще не требовалась, можно было работать несколькими структурными подразделениями. С 1991 по 1993 гг. часть книг ЧП В. В. Чепурина издавалась под грифом ТПО «Вариант», а часть — под грифом ИПП «Дар».

Завершение издательской деятельности ТПО «Вариант» и ИПП «Дар» в 1993 г. было обусловлено, во-первых, банкротством банка «Украина» и потерей предпринимателями своих вложений, во-вторых, отсутствием коммерческих перспектив в книгоиздательском деле Крыма. Кризис регионального книгоиздания был вызван как существенным спадом читательского интереса на всем постсоветском пространстве, так и суверенитетом Украины. Страна перешла на национальную валюту и установила границы, вследствие чего продажа книг в другие регионы СНГ стала проблематичной, внешний книжный рынок сократился. На внутреннем книжном рынке ситуация также усложнилась: с одной стороны, произошло насыщение потребительского спроса и дифференциация читательских интересов, что привело к уменьшению тиражей; с другой — увеличилось число издательских предприятий и усилилась конкуренция между ними.

Однако спад производства книжных изданий сопровождался ростом спроса на издания газетные. Вовремя проведенный анализ ситуации на книжном рынке Крыма позволил предпринимателю это обнаружить и переключиться на издание периодических печатных изданий.

Второй этап издательской практики В. В. Чепурина — с 1994 по 2005 гг.— можно условно назвать газетно-журнальным.

В начале 1990-х гг. количество издававшихся в Крыму газет было невелико, поэтому, например, одна из первых частных газет, появившихся тогда («Мещанская газета»), пользовалась большим спросом и издавалась тиражом в 200 тысяч экземпляров. Новое издание, организованное В. В. Чепуриным,— общественно-политическая газета «Таврические ведомости — было создано на базе одноименного акционерного общества (далее АО), которое В. В. Чепурин основал еще в 1991 г. и директором которого являлся, параллельно работая в ТПО «Вариант».

Первый номер издания «Таврические ведомости» вышел в свет 13 ноября 1991 г., еще в то время, когда В. В. Чепурин возглавлял ТПО «Вариант». В течение первых двух лет предприниматель оказывал лишь консультативную помощь сотрудникам газеты, но с 1993 г., после закрытия ТПО, стал во главе АО «Таврические ведомости». Штат корреспондентов газеты составлял около 15 человек, из них 10 журналистов. Существенно, что организованное В. В. Чепуриным частное предприятие участвовало в решении обострившейся в тот период кадровой проблемы, поскольку предоставляло рабочие места не только опытным журналистам, но и молодым перспективным сотрудникам с высшим образованием, оказавшимся невостребованными из-за всех произошедших в обществе пертурбаций.

Предприятие оказалось не только востребованным, но и прибыльным. Газета «Таврические ведомости» издавалась в течение пяти лет (до 1996 г.) и на протяжении практически всего времени издания пользовалась спросом, завоевав авторитет у читательской аудитории. Однако в условиях изменившейся в очередной раз экономической и социально-политической обстановки середины 1990-х гг. газета постепенно стала терять читателей. Предприниматель не стал поддерживать становившийся затратным проект и закрыл эту газету, сконцентрировав усилия на коммерческом проекте — рекламно-информационном газетном издании «Все для всех».

Газету «Все для всех» В. В. Чепурин организовал в 1994 г., когда нашел инвестора и соучредителя, выкупившего рекламные площади на год вперед (определенный опыт работы с рекламной информацией и рекламодателями был накоплен в «Таврических ведомостях»). Получив необходимое финансирование, новое издание стало востребованным в течение нескольких месяцев и функционировало параллельно с «Таврическими ведомостями» в продолжение двух лет, до закрытия последних. Успех проекта «Все для всех» позволил аккумулировать капитал и выпустить на книжный рынок еще одно новое издание — «Автовести», аналогов которому в то время в Крыму не было.

В 1996 г. АО «Таврические ведомости» было преобразовано в «Таврический издательский дом» (далее «ТиД»), который развернул целый ряд проектов: газеты «С места происшествия», «Тайная доктрина», крымский вкладыш столичного издания «Аргументы и факты», «Телемир» и «Криминальные хроники».

Академические стратегии оставались значимыми для В. В. Чепурина, поэтому основной принцип деятельности «ТиДа» заключался в стремлении выпускать не только коммерческие издания. Так, концепция газеты «С места происшествия» была разработана издателем вместе с Центром общественных связей при ГУ МВД Украины в Крыму и опиралась на лучшее в опыте советской журналистики, активно критиковавшегося в то время желтой прессой. Оказалось, что отнюдь не развлекательная газета с четко выраженной идеологической и нравственной позицией пользуется большим спросом: уже через три месяца тираж газеты вырос с 7 тысяч экземпляров до 30 тысяч, она стала самоокупаемой. Еще одним примером издания, не только отвечающего на спрос, но и формирующего его, был проект «Тайная доктрина». Газета освещала популярные, «раскрученные» темы очень тактично, без бульварной сенсационности.

Социально значимым мог бы стать проект, который «ТиД» попытался запустить в 1997 г.,— издание «Толстого журнала», своеобразного крымского дайджеста лучших произведений современной российской литературной периодики, созданного под эгидой Русского ПЕН-центра. «ТиД» списался с «толстыми журналами» Москвы и Санкт-Петербурга для того, чтобы получить возможность бесплатно перепечатывать остроактуальные произведения, которые не доходили на Украину и в Крым; был даже назначен главный редактор. Однако самостоятельно издавать журнал «ТиД» не мог, а найти спонсоров или подключить государственные структуры в итоге не удалось. Вышло всего 11 номеров «Толстого журнала», печатали его в самом дешевом варианте, но и в этом случае его стоимость составляла 1 доллар (в то время 2 гривны).

Вторая попытка синтезировать в одном проекте социальную значимость и коммерческую прибыль была предпринята В. В. Чепуриным после закрытия «Толстого журнала». В 2000 г. он начал выпускать журнал «Кто есть кто в Крыму» — издание о деловой и творческой элите Крыма, о трудовом управленческом, научном, культурном потенциале автономии. Вышло 50 номеров, 13-й номер журнала был посвящен «Таврическому издательскому дому». Проект окупал себя, но без дотаций существовать не мог и прибыли не приносил. В 2004 г. издание было закрыто.

Третий этап издательской деятельности В. В. Чепурина начался в 2005 г., когда, отказавшись от газетных и журнальных изданий (сегодня некоторые проекты, например общекрымская газета бесплатных объявлений «Все для всех», продолжают успешно функционировать под управлением других учредителей), он занялся организацией типографии.

В 1997–1998 гг. предприниматель выкупил два станка в небольшой типографии «Форма», специализировавшейся на издании книг. Однако до 2005 г. В. В. Чепурин типографскими изданиями не занимался, за исключением короткого периода в начале 2000 г., когда было выпущено несколько книг (например, успешное детское издание «Веселый Светофорик»), не принесших особой прибыли, но и не убыточных. Все это время его оборудование находилось в ведении менеджера типографии.

В 2005 г. В. В. Чепурин становится владельцем издательства «Симферопольская городская типография» (далее «СГТ»). Он модернизирует находившуюся ранее там устаревшую технику, а затем, пригласив к сотрудничеству руководство «Формы», объединяет издательство «СГТ» и типографию. Ранее подобной структуры в крымском книгоиздании не было, В. В. Чепурин стал первым юридическим лицом, возглавившим издательство и типографию и получившим свидетельство о регистрации, выданное Книжной палатой Украины. Такое объединение оказалось очень удачным: предприятие успешно функционировало в течение трех лет. Например, в 2007 г. «СГТ» издала 137 экземпляров книг за счет заказчиков, из которых 58 книг было издано типографией «Форма» (для провинциального издательства это высокий показатель).

Однако цели В. В. Чепурина по-прежнему не ограничиваются коммерческим успехом и прибылью, он продолжает придерживаться академических издательских стратегий, разрабатывая социально значимые проекты, и обращается к стратегиям традиционалистским, направленным на «частичное реформирование и поддержание литературного канона» [11, 35]. В частности, тиражом 200 тысяч экземпляров была напечатана книга «Наука и религия» В. Ф. Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки), а также краеведческие очерки «Древности Керчи» Д. Мак-Ферсона. 300 тысяч экземпляров этого издания являлось заказом Комитета по охране культурного наследия, а 50 — предприниматель издал за собственный счет.

За свой счет В. В. Чепурин напечатал книгу княжны Елены Горчаковой «Воспоминания о Крыме» (тираж 400 экземпляров). Это была первая книга задуманной серии «Первоисточники»: переиздания или первые издания на русском языке путеводителей, мемуаров, путевых записок о Крыме, написанных до 1920 г. и отсутствующих в широком доступе. Однако кризис 2008 г., ощутимо сказавшийся на всей предпринимательской деятельности, привел к распаду и предприятие В. В. Чепурина: издательство «СГТ» и типография «Форма» стали самостоятельными предприятиями.

По сути, успешный предпринимательский период остался позади. С 2009 г. В. В. Чепурин занимается низкими по цене и непродуктивными в финансовом плане издательскими проектами. В основном это книги, изданные за счет авторов тиражом 100 экземпляров.

Таким образом, исследование истории частных предприятий В. В. Чепурина показало следующее:

— регрессивная схема крымского регионального книгоиздания 1990-х — 2010-х гг. получила отражение в частных предпринимательских историях: бурное начало, интенсивное развитие, высокие тиражи и большие прибыли сменились постепенным замиранием и окончательным прекращением издательской деятельности;

— типичными чертами процесса книгоиздания на полуострове в 1990-е — 2010-е гг. являются: организация книжного бизнеса непрофессионалами, предпринимателями без специального высшего и среднего образования; полное отсутствие финансовой поддержки государства;

— индивидуальная специфика издательской деятельности В. В. Чепурина, обусловившая успешность его бизнеса, характеризуется: умением предпринимателя вовремя переходить от убыточных проектов к перспективным; умением создать и поддерживать параллельно с основным запасной второстепенный проект;

— особую значимость книгоиздательской деятельности В. В. Чепурина придает постоянное стремление предпринимателя создать и поддерживать некоммерческий проект социального значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлович А. А. Становление культурной политики в современной России: региональный и муниципальный уровни: автореф. дис. … канд. культурологии / А. А. Павлович.— М., 2008.— Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-kulturnoi-politiki-v-sovremennoi-rossii-regionalnyi-i-munitsipalnyi-urovni#ixzz44mQ1qtvn (дата обращения: 12.09.2019).

2. Гареева И. В. Негосударственное книгоиздание в Красноярске в 1992–2007 гг. / И. В. Гареева // Макушинские чтения.— 2009.— № 8.— С. 197–200.

3. Краснова Л. В. Становление регионального научного книгоиздания (К 100-летию ВятГГУ) / Л. В. Краснова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.— 2014.— № 5.— С. 59–65.

4. Гончарук И. А. Развитие дальневосточного книгоиздания и книжной торговли на рубеже XX — начала XXI веков / И. А. Гончарук // Гуманитарные науки в Сибири.— 2015.— Т. 22.— № 1.— С. 25–29.

5. Тюкавина И. А. Проблемы книгоиздания в Республике Коми: история и современность / И. А. Тюкавина // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления.— 2008.— № 6 (11).— С. 138–141.

6. Лютов С. Н. Создание полиграфической базы для академического книгоиздания в Сибири (1957–1971 гг.) / С. Н. Лютов, А. М. Панченко // Гуманитарные науки в Сибири.— 2014.— № 3.— С. 52–56.

7. Мыльников А. С. О культурно-исторических аспектах регионального книговедения / А. С. Мыльников // Книга. Исследования и материалы.— М., 1992.— № 64.— С. 5–14.

8. Павлова И. Ф. Факторы развития регионального книгоиздания / И. Ф. Павлова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология.— 2015.— Т. 25.— Вып. 6.— С. 124–132.

9. Уржумова О. М. Региональное книгоиздание Краснодарского края в условиях кризиса / О. М. Уржумова // Кайгородовские чтения: материалы региональной научно-практической конференции.— Краснодар, 2010.— С. 215–217.

10. Лизунова И. В. Медиапространство российского региона: книга, пресса, радио, телевидение, интернет (на примере Сибири и Дальнего Востока 1991–2011 гг.) / И. В. Лизунова.— Новосибирск, 2013.

11. Зимина Л. В. Современные издательские технологии: от традиционного книгоиздания до сетевых технологий культурной памяти: монография / Л. В. Зимина.— М., 2004.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Шум О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и издательского дела

E-mail: shum_olga@list.ru

Бойко В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и издательского дела

E-mail: bv.10@mail.ru

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Shum O. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the of Advertising and Publishing Department

E-mail: shum_olga@list.ru

Boyko V. V., Candidate of History, Associate Professor of the of Advertising and Publishing Department

E-mail: bv.10@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.